118

КРАСНЫЙ АРХИВ

5 (78)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАРХИВА СССР и РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ

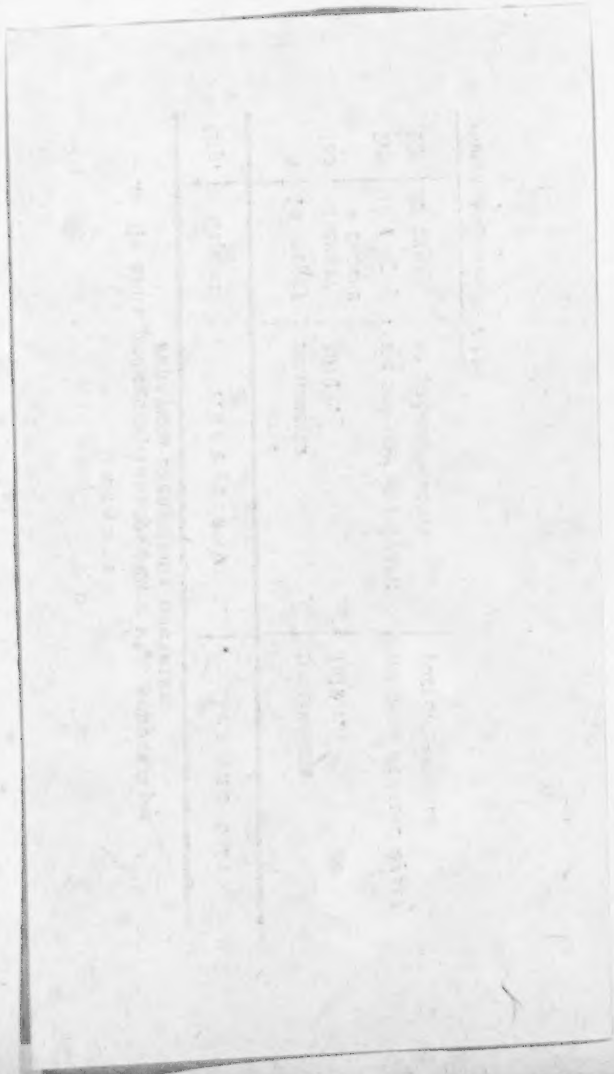
К деятельности Г. К. Орджоникидзе в годы гражданской войны.— Некоторые даты подпольной партийной работы Г. К. Орджоникидзе.— Даты жизни и деятельности А. М. Горького. Борьба за землю в 1917 г. — Аграрное движение в Черниговской губ. в 1905—1906 гг. — К истории борьбы самодержавия с аграрным движением в 1905 — 1907 гг. — Царская Россия и Гавайские острова. — Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. — Записки Н. П. Балабина.— Обращение В. И. Ленина к тульским рабочим.— А. М. Горький и издательское дело.—К истории ссылки Н. Г. Чернышевского на поселение.— Усадьба начала XIX в.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1936

Опечатки

По вине редакции, типографии и изд. корректуры вкрались следующие опечатки:

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
8	14 сверху	подымется	подымается
185	1 снизу в сноске	1919 г.	1819 г.
203	12 сверху	им зло принято будет;	им зело приятно будет;
220	22 снизу	не расположились,	расположились,



Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЯТЫЙ
(СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ)

1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936

Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Товарищу **ОРДЖОНИКИДЗЕ,**
Григорию Константиновичу.

Дорогой Григорий Константинович,

Центральное архивное управление СССР и редакция журнала „Красный архив" горячо приветствуют Вас в день Вашего пятидесятилетия.

Ваш боевой жизненный путь большевистского подполья, гражданской войны и строительства социализма служит лучшим примером верности принципам нашей великой Коммунистической партии, мужества и большевистской непримиримости в борьбе, умения ставить великие задачи и осуществлять их в реальной действительности

Желаем Вам, верному соратнику Ленина и Сталина, долгих лет жизни и работы, неразрывно связанных со строительством и победами социализма.

Центральное архивное управление СССР.

Редакция журнала „Красный архив".

К деятельности Г. К. Орджоникидзе в годы гражданской войны

(Из документов Центрального архива Октябрьской революции и Центрального архива Красной армии)

Декрет Совета Народных Комиссаров о чрезвычайном Комиссариате южного района 11 апреля 1918 г., № 1345 [1]

Чрезвычайному комиссару Совета Народных Комиссаров тов. С. Орджоникидзе поручается организовать под своим председательством временный чрезвычайный Комиссариат южного района, об'единяющий деятельность Крыма, Донской области, Терской области, Черноморской губернии, Черноморского флота и всего Северного Кавказа до Баку.

Цель Комиссариата: неуклонное проведение директив центральной Советской власти на суше и на море, концентрированная борьба с буржуазной контрреволюцией, упрочение Советской власти в районе своей деятельности, поддерживание прямой связи областей с Советом Народных Комиссаров.

Чрезвычайный Комиссариат составляется из председателя и из представителей областей и флота, по одному от каждой, по соглашению между полномочными органами областей и председателем Комиссариата.

Чрезвычайный Комиссариат имеет право контроля над деятельностью всех советских учреждений в районе. Совнаркомы, Совдепы, ревкомы, ревштабы района, как и полномочный орган флота действуют в полном контакте с чрезвычайным Комиссариатом как представителем центральной Советской власти в районе.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянов (Ленин).

Народные комиссары: И. Сталин. Чичерин. Луначарский.

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Вл. Бонч-Бруевич.

Секретарь Совета Н. П. Горбунов.

Телеграмма тов. Орджоникидзе В. И. Ленину, 3 октября 1918 г. [2]

Москва — Ленину, Царицын — Сталину, Совдепу и всем всем.

Станицы Карабулакская, Асинская, Троицкая и Нестеровская в наших руках; в казачьих станицах мобилизованы от 20 до 45 лет; вчера ночью на 18 сентября станция Михайловская и курорт Серноводск были заняты нами; настроение наших и казаков боевое; командующий крестьянской Красной армии Сунженской линии Терской республики — Дьяков; 16 сентября на город Грозный казаки наступали густыми колоннами, но оставив более 1 000 человек убитыми и ране-

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 52, д. № 70, ч. II, 1918 г., л. 1.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. № 17, 1918 г., лл. 71—72.

ными, 150 человек пленными, отступили назад; большинство пленных заявляют, что они не хотели воевать против Советской власти, но их гнали на бой насильно; грузинское правительство вступает в переговоры с Алексеевым, уполномочив на это Гегечкори.

Орджоникидзе.

Телеграмма тов. Орджоникидзе В. И. Ленину, 15 ноября 1918 г.[1]

После очищения Грозненской станицы 13 утром, три сотни казаков с гаубицей, красным знаменем перешли на нашу сторону [от] ст. Самашинской, после чего сама станица была занята без выстрела, следующие станицы Романовская и Ермоловская сдались также без боя. Сегодня утром из Владикавказа в Грозный прибыл наш бронированный поезд, было взято нами девять орудий, два бронированных поезда, бронированный автомобиль, 1 000 снарядов, масса винтовок, патронов, 12 пулеметов, бомбометов, минометов, зарядных ящиков, перевязочных материалов и прочее военное имущество, количество которого продолжается выясняться. Среди казаков полное разложение. Полковник, руководивший операциями контрреволюционных банд, застрелился. Другие офицеры бежали. Трудовое казачество встречало советские войска красным знаменем и хлебом с солью.

Среди Терского казачества решительный перелом. Продолжаем дальнейшее развитие наших операций. Подожженный офицерскими бандами резервуар потушен. Старые промысла в Грозном нами заняты. Приступаем к тушению нефтяных пожаров на новых промыслах и к организации добычи нефти.

В связи с победами в Владикавказе были митинги и манифестации. Настроение Красной армии великолепное. Казаки массами записываются в Красную армию.

Орджоникидзе.

Телеграмма тов. Орджоникидзе В. И. Ленину 1 декабря 1918 г.[2]

Нашими войсками заняты станицы Эльдарово, Наурская, Мекенская, Калиновская, Николаевская. Население всюду восторженно встречает наши войска.

Оживленный бой с остатками бичераховских банд. Взято одно горное орудие, 500 винтовок, масса патронов, снарядов. Нами обезоружено несколько осетинских сел, являвшихся гнездом офицерских банд; взято пять орудий и бронированный автомобиль. Подсчет винтовок идет. Наши славные красноармейцы каждый день наносят мощные удары бичераховским бандам. Надеемся через несколько дней совершенно очистить Терскую область от контрреволюционных банд.

Орджоникидзе.

Телеграмма тов. Орджоникидзе В. И. Ленину, 7 февраля 1919 г.[3]

Бой вокруг города Владикавказа и в Ингушетии продолжается 7 день; все ингуши, как один человек, восстали на защиту Советской власти; Красная армия, Курская и Молоканская слободки героически отражают натиск контрреволюционных казачьих банд; на с'езде воору-

[1] ЦАКА, д. № 50—373, л. 5.
[2] ЦАКА, д. № 50—373, л. 110.
[3] ЦАКА, д. № 50—564, л. 35.

женного ингушского народа 4 февраля, по моему предложению, провозглашена независимая Горсоветская Республика; Чечня совместно с красноармейцами отражает банды, вокруг города Грозного казаки Сунженской линии под командой тов. Дьякова твердо держатся за Советскую власть, громя артиллерией контрреволюционные станицы; среди ингушей — небывалый под'ем духа, ждем вашей помощи для окончательного сокрушения контрреволюции на Северном Кавказе.

Орджоникидзе.

Телеграмма тов. Орджоникидзе тов. Сталину [ноябрь 1919 г.] [1].

Реввоенсовет XIV армии от души поздравляет Вас с великой наградой орденом Красного Знамени, полученной Вами во 2 годовщину торжества Советской власти.

XIV армия гордится вами и убеждена, что под вашим товарищеским руководством она вместе с другими армиями южфронта раз навсегда сокрушит банды генерала Деникина. Крепко целуем вас.

Командарм Уборевич.

Член РВС Орджоникидзе.

Приказ войскам XIV армии, 7 ноября 1919 г. [2]

Товарищи красноармейцы!

Сегодня вся трудовая Россия и весь трудящийся мир празднует годовщину Великой Октябрьской Революции.

25-го Октября восстанием рабочих, крестьян и солдат, была свергнута ненавистная народу власть Керенского. Власть была вырвана из рук буржуазии и перешла к Советам. Советская власть дала крестьянам землю, отобранную у помещиков, уничтожила частную собственность капиталистов на фабрики, заводы, дома и банки.

Все это стало достоянием трудящихся.

Советская власть об'явила беспощадную борьбу против господствующих классов России и всего мира.

С тех пор, с октября 1917 года, вот уже два года идет жестокая гражданская война.

На одной стороне рабочие и крестьяне, на другой помещики и капиталисты, русские и иностранные хищники, которые хотят вернуть себе жирную добычу и поработить русский трудовой народ.

Товарищи красноармейцы, два года идет война за счастье трудящихся, за их власть и права.

Вам, Красной армии, принадлежит в этой войне первое место и это место вы должны за собой сохранить, стоя неизменно в авангарде Революции.

Два года Революции стоят рабочему люду неисчислимых жертв, вы должны их оправдать.

Два года строится здание коммунистического рабочего государства.

На вас ложится обязанность его защитить от врагов.

Два года помещики и капиталисты, опираясь на международных разбойников империалистов, терзают тело Советской России. Ваша обязанность их уничтожить и тем кончить гражданскую войну.

---

[1] ЦАКА, д. № 16—031, л. 190.
[2] ЦАКА, ф. № 96, д. № 2.

Товарищи красноармейцы! Вся трудовая Россия, весь рабочий мир ждет от вас победы.

Вы можете и вы должны ее дать.

Вспомните славные походы против вампиров Корнилова, Каледина, Краснова, Скоропадского, Петлюры, Колчака.

Красная армия имеет за собой не мало побед над подлыми царскими генералами.

Деникин — последний из них.

Уготовьте ему судьбу его предшественников.

Эта судьба уже поджидает его.

На всех фронтах Красная армия неудержимой лавиной движется вперед, уничтожая и рассеивая врага.

А ей навстречу из донских и кубанских степей, из кавказских гор, из Украины, подымется могучая волна рабоче-крестьянских восстаний.

А там на западе рабочий крепко держит в руках хищную буржуазию, бессильную помочь своему лакею Деникину, и скоро свалит ее совсем в пропасть по примеру русских рабочих и крестьян.

Товарищи красноармейцы! Никогда еще положение врага не было так отчаянно, ни разу еще победа окончательная, последняя победа не была так близка.

Вас ждут рабочие и крестьяне Украины, Дона, Кубани и Кавказа.

Вся Советская Россия ждет от вас подарка к великому Октябрьскому празднику.

Подарите рабочим и крестьянам победу, уничтожьте Деникина.

На бой кровавый, святой и правый.

Вперед к победе.

Реввоенсовет XIV армии Уборевич. Орджоникидзе.

Брянск.

Приказ войскам XIV армии, 13 ноября 1919 г.[1]

Червонные казаки прорвали фронт в районе Ржава — Фатеж, разбив корниловцев и офицерский батальон, и всей массой двинулись на Льгов, действуя по тылам противника.

Для полного разгрома противника приказываю: всем начдивам и комиссарам принять самые решительные меры к энергичнейшему продвижению вперед.

Ни ночь, ни непогода не должны останавливать части к достижению полного разгрома офицерско-деникинских банд, что возможно и очень легко, если стремительным ударом части дивизии будут гнать противника на действующую в его тылу нашу кавалерию.

Командарм XIV Уборевич.
Член РВС Орджоникидзе.

Приказ войскам XIV армии, 31 декабря 1919 г., № 179[2]

С новым годом, дорогие товарищи красноармейцы, командиры и комиссары.

Минувший 1919 год прошел под знаком решительной борьбы и гражданской войны с врагами рабочего класса и трудящихся масс России,

[1] ЦАКА, д. № 205—168, л. 70—71.
[2] ЦАКА, ф. 96, д. № 2.

Г. К. Орджоникидзе.
1919 г. Южный фронт.

Украины, Латвии и других народов, с крепостниками, помещиками, насильниками-генералами и угнетателями-капиталистами, все время поддерживаемыми мировой контрреволюцией, и все время стремившимися свергнуть рабоче-крестьянскую власть и установить свое дикое господство и свою дикую тиранию.

Под ударами этой черной рати погибли молодые советские республики в Латвии, Литве, Белоруссии, Венгрии и Баварии. Генералу от иностранной российской контрреволюции и душителю рабочих и крестьян, Деникину временно было удалось установить господство помещиков и капиталистов на Украине и грозить сердцу мировой социалистической революции — Советской Москве.

Это временное господство генералов, помещиков и капиталистов покрыло свой путь кровавыми и дикими расправами над рабочими и крестьянами юга России: пытками, расстрелами женщин и детей, зверскими расправами над революционными рабочими и крестьянами.

Рабоче-крестьянская Красная армия, остановив движение деникинских орд и разбив их в славных исторических битвах, освободила большую часть Украины от помещичьей, капиталистической тирании. Теперь, когда рабоче-крестьянская Красная армия неудержимо движется вперед, освобождая Донецкий бассейн, Дон, Украину и Сибирь, когда российская контрреволюция рассыпается как пыль, Революционный Военный Совет XIV армии пламенно приветствует вас, красные герои, с наступающим новым 1920 годом, призывает вас напрячь все силы для окончательного, смертельного удара врагам Советской власти.

Товарищи красноармейцы! Окончательная победа Советской власти в России будет означать скорую победу рабочего класса во всем мире.

Да здравствует рабоче-крестьянская Красная армия, на своих штыках несущая освобождение всего мира.

Да здравствует мировая Советская власть.

Командарм XIV: Уборевич.

Члены Реввоенсовета: Орджоникидзе. Рухимович.

Телеграмма РВС армий Кавказского фронта В. И. Ленину, 26 марта 1920 г., № 1075/п [1].

Грозный занят, необходимо подвозить нефть, серьезные повреждения мостов, для восстановления которых необходима срочная высылка двух горемов [2], о чем ходатайство уже возбуждается. В настоящее время необходимость в них более увеличилась, почему РВС фронта просит ускорить разрешение этого вопроса. Вместе сим РВС просит о доставке порожняка цистерн по мере надобности.

РВС фронта: Тухачевский. Орджоникидзе.

Приказ войскам Кавказского фронта, 26 марта 1920 г., № 418 [3].

Об'является копия телеграммы Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов.

«Командующему кавфронтом Тухачевскому, члену РВС кавфронта Орджоникидзе.

---

[1] ЦАКА, д. № 175—891, л. 207.

[2] Горем — головной отряд ремонтных мастерских.

[3] ЦАКА, ф. № 111, д. № 1, ч. I.

По недосмотру редакции журнала текст клише анкеты тов. Г. К. Орджоникидзе ошибочно заверстан в приказ № 418. Конец приказа см. на стр. 11 внизу.

Р.С.Ф.С.Р. 1538

8-й Всероссийский Сезд Советов ~~Рабочих~~ Крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

АНКЕТНЫЙ ЛИСТ

1/Фамилия имя и отчество Орджоникидзе Григорий Константинович. Феликс.

2/№ делегатского билета

3/ Возраст 34

4/Национальность Грузин

5/К какой партии принадлежите или сочувствуете РКП

6/От какого Совета делегированы

А/ Губернского Бакинского Совета

б/ уездного

в/районного

г/волостного

д/сельского

7/Как производились выборы

а/от сезда

б/от совета

в/от Исполкома

г/от ревкома

д/от дивизии

На митинге

8/От какого количества избирателей население

9/Участвовали ли Вы в предыдущих сездах Советов в 1-м/2-м/ 2-м 4-м, 5-м, 6-м, 7-м

10/Какое образование получили Академия

11/Какую Советскую работу в настоящее время выполняете

Член ИКК Академии

12/Пострадали ли вы от контр-революции ———

ПРИМЕЧАНИЕ:

Подпись Гр. Орджоникидзе

22/VII 20 г.

Товарищи, руководимые вами красные войска геройским наступлением разбили последний оплот помещичьей и буржуазной контрреволюции. Уничтожив банды Деникина, вы увенчали дело армии, [для] которого рабочие и крестьяне России в течение 2 лет приносили неисчислимые жертвы, и завоевали для всех трудящихся России возможность мирного труда во имя коммунизма. Вы выполнили свой долг. Слава красноармейцам, командирам и комиссарам кавказского фронта. Да здравствует Красная армия. Да здравствует Советская власть от Черного моря до Ледовитого и Тихого Океана».

Командующий фронтом и член Революционного военного совета

Тухачевский.

Приказ войскам Кавказского фронта, 1 апреля 1920 г., № 395[1].

Кубанское казачество не связало своей судьбы с авантюрой Деникина и, сознав свое заблуждение, отказалось от борьбы с Советской Россией и при действиях Красной армии в Кубанской области массами начали сдаваться добровольно, складывая оружие. Революционный совет фронта постановил: всех пленных кубанских казаков, вахмистров, урядников, приказных и казаков, за исключением вступивших в ряды деникинской армии добровольно, распустить по домам для предстоящих полевых работ, вместе с тем Революционный совет фронта предупреждает, что в случае если кто-либо из освобожденных с оружием в руках встанет против Советской России, то виновные будут беспощадно расстреливаться, а жилье их уничтожаться. Приказ ввести в действие по телеграфу и опубликовать во всех органах печати.

Командующий фронтом Тухачевский.
Член РВС фронта Орджоникидзе.

Телеграмма тов. Орджоникидзе В. И. Ленину[2].

Освобождение от белых всего Северного Кавказа, Кубани, Ставрополя и Черноморья, Терской, Дагестанской областей стало совершившимся фактом. Осетины, ингуши, кабардинцы, дагестанцы, балкарцы проникнуты полным сознанием могущественности Соввласти и безграничным доверием к ней. Революционное настроение масс во многих местах достигает такого напряжения, что еще задолго до прихода к ним Красной армии население, по собственной инициативе, сбрасывает власть белых, избирает ревкомы, всегда состоящие исключительно из одних коммунистов. Владикавказ, Грозный, Дербент изгнали белогвардейцев, создав свои повстанческие ревкомы ранее прихода Красной армии. Старые работники выходят из подполья и руководят повстанческим движением. Население жаждет прибытия представителей центральной Соввласти, требуя распоряжений и инструкций от центра и только центра. Командующему повстанческими войсками тов. Гикало вручен орден Красного Знамени. Повстанческий отряд,— великолепно дисциплинированная войсковая часть, влился в регулярную армию, представлен к Красному Знамени; в Черноморье все время действовал организованный повстанческий отряд во главе с ревсоветом из старых наших партийных товарищей. С отрядом поступлено на общих основаниях.

Орджоникидзе.

Телеграмма тов. Орджоникидзе В. И. Ленину[3]

2 апреля в Грозном был созван тов. Гикало с'езд чеченцев со всех аулов, по три представителя от каждого. Настроение революционное и определенно советское. Заслушав мои и тов. Кирова приветствия, доклад о текущем моменте и задачу Соввласти на Северном Кавказе, с'езд единогласно высказался за восстановление на Чечне Соввласти

---

[1] ЦАКА, д. № 174—744, лл. 224—225.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 19, д. № 44, лл. 2—23, 1920 г. На подлиннике помета: «Принята в Москве 2 апреля 1920 г., 9 ч. 48 мин.».
[3] ЦАОР, ф. 130, оп. 19, д. № 44, 1920 г., лл. 4–5. На подлиннике помета: «Принята в Москве 7 апреля 1920 г., 1 ч. 57 мин.».

и порядка и выразил желание скорейшего разрешения земельного вопроса. Назначен ревком из пяти лиц, исключительно чеченцев, которому поручено установление твердого революционного порядка и представить в недельный срок проект и материалы по земельному вопросу. Быстрая ликвидация векового угнетения горцев казаками парализует в корне пропаганду последователей Узум-Ходжи, сторонников бывшего горско-дагестанского правительства, и Нури-паши, находившихся, по слухам, в горах Дагестана. На с'езде принята резолюция, вам уже посланная. Искренне революционным сильным под'емом масс и красными знаменами мы были встречены на ст. Назрани. Представителями всей Ингушетии так же, как и в Чечне, назначен ревком из пяти лиц ингушей. Мы об'ехали разрушенные казаками крупные аулы Сурхоя и Экажево. Настоятельно необходимо оказать им помощь, как финансовыми так и строительными материалами для восстановления этих аулов. Посланные в мое распоряжение два миллиона аршин мануфактуры предполагаю распределить между детьми горцев, которые ходят буквально в рубищах.

Орджоникидзе.

Телеграмма предревкома Терской области В. И. Ленину, 30 апреля 1920 г.[1]

Передаю копию телеграммы, полученной от тов. Орджоникидзе: «С 27 на 28 в два часа ночи власть в Баку перешла Азербайджанскому ревкому, провозгласив Советскую республику; в 4 час. вышли наши бронепоезда следить за Черноморским побережьем, сообщите Ильичу. Орджоникидзе».

Предревком Терской области [подпись].

Телеграмма командарма XIV тов. Орджоникидзе, 30 апреля 1920 г.[2]

Передается телеграмма на ваше имя.

«30 апреля 1920 г., г. Кременчуг. Дорогой тов. Орджоникидзе, не откажите передать следующее: Реввоенсовет XIV армии от имени всей армии с чувством величайшей радости встретил весть о свержении капитала и водружении Красного знамени над дымящимися вышками Баку. Пусть Красный Баку, подобно дымящейся лавине источников, привлекших внимание народов Востока, ходивших на поклонение, станет красным факелом для угнетенного империализмом Востока. Героизм же и неустрашимость бакинского пролетариата, взявшего власть в свои руки, в твердыне английского капитала, да содрогнет старый мир и возрадует сердце трудящихся мира.

Да здравствуют славные вожди Красного Азербайджана.

Да здравствует мировая революция. № 357.

Командующий XIV армией Уборевич.

Член Реввоенсовета Рухимович».

Приказ войскам Кавказского фронта, 11 мая 1920 г., № 770[3].

10 мая 1920 года я произвел смотр войскам XI армии, находящимся в Баку. С глубоким удовлетворением констатирую высокие боевые качества виденных мною войск. Несмотря на грандиозный переход с боями от Астрахани до Баку, части поражали своим бодрым видом и выправкой. Бойцы Красной армии, покрывшие себя неувядае-

[1] ЦАКА, д. № 76—746, л. 89.
[2] ЦАОР, ф. 130, 1920 г., оп. 19, д. № 44, л. 29.
[3] ЦАКА, ф. № 111, д. № 1.

мой славой на поле брани, на смотру показали себя прекрасно дисциплинированными и организованными боевыми единицами.

Солдаты Красной XI армии.

Кровью вы запечатлели свою верность делу революции и Советской власти. Вашими тяжкими боевыми трудами достигнута блестящая победа и положен один из основных устоев здания хозяйственной мощи нашей страны.

Ваши подвиги бессмертны. Они войдут в историю.

Сегодня же пусть будет вашей наградой приветственные крики ликующих граждан родной нам Азербайджанской Советской республики, видящих в вас друзей и братьев.

За смотр выражаю всем красноармейцам, командирам и комиссарам свое товарищеское спасибо.

Командующий фронтом Тухачевский.

Член революционного военного совета Орджоникидзе.

Телеграмма тов. Орджоникидзе В. И. Ленину, 13 июля 1920 г.[1]

Мир между Грузией и Азербайджаном подписан. Восстание в Карабахе ликвидировано, захвачено 8 орудий с упряжью, лошадьми, 26 пулеметов, большие склады огнеприпасов, винтовок и пулеметов. Вожаки движения, во главе с Нури-пашей, бежали. Спровоцированное темное крестьянство, после оставления их вожаками, взялись за помещичьи дома, их поселки. Сегодня в 12 часов первое торжественное заседание бакинского совета. После завтра выезжаю в Северный Кавказ.

Орджоникидзе.

Телеграмма тов. Орджоникидзе в РВС Кавфронта, декабрь 1920 г.[2]

Только-что получено из Эривани сообщение: старое правительство свергнуто, вся власть передана военному командованию до прибытия ревкома. Ревком в настоящее время в Делижане. Итак еще одна Советская Республика. Да здравствует Советская Республика Армении.

Орджоникидзе.

Выписка
из протокола № 29 заседания Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов от 19 мая 1921 г.[3]

Слушали	Постановили
О награждении тов. Орджоникидзе Орденом Красного Знамени. (Внесено тт. Фрунзе и Ворошиловым.)	Утвердить.

[1] ЦАКА, д. № 119—099, л. 95.
[2] ЦАКА д. № 248—555, л. 224.
[3] ЦАОР, ф. 1235 оп. 31 д. № 38, 1921 г., л. 53.

№ 7642.9
1905
ДѢЛО
ДЕПАРТАМЕНТА
ПОЛИЦІИ.
7. ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО.
О Григории Орджони-
кидзе.
Начато 19 1 190 года
Кончено 190 года
4 листахъ

Некоторые даты подпольной партийной работы Г. К. Орджоникидзе[1]

1903—1912 гг.

1903—1905 гг.

Г. К. Орджоникидзе в 1903 г. вступил в РСДРП и состоял во фракции большевиков; работал в Западной Грузии в качестве пропагандиста-агитатора; в 1905 г. принимал деятельное участие в революционном движении в м. Гудаутах (Сухумский округ, на Кавказе); «на митингах произносил речи, призывающие к ниспровержению существующего государственного строя».

(«Правда» № 255 за 1926 г.; «Известия» № 256 за 1926 г.; донесение помощника начальника Кутаисского губернского жандармского управления в Сухумском округе в департамент полиции, 31 декабря 1906 г., № 670.— ДП, VII, 1905 г., д. № 7642, лл. 11—12.)

24 декабря.

Арестован близ м. Гудауты на берегу моря, в числе 10 лиц, во время выгрузки оружия и патронов «несомненно для целей революционного движения». На месте ареста найдены программа РСДРП и письмо

[1] Составлено М. Сыромятниковой по материалам следующих архивных фондов: Департамента полиции, Московского и Петербургского охранных отделений.

комитета Армянской с.-д. партии «гнчакистов» в м. Гудаутах на имя гудаутской организации с.-д. рабочей партии.

Содержался в Сухумской тюрьме.

(Сведения пом. нач. Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 7 января 1906 г., № 4 и донесение его от 31 дек. 1906 г., № 670, с описью вещественных доказательств.— ДП, VII, 1905 г., д. № 7642, ч. 9, лл. 1—2 и ДП, VII, 1905 г., д. № 7642, лл. 4 и 11—12.)

30 декабря.

Привлечен Кутаисским губернским жандармским управлением к дознанию по 2 ч. 126 ст. уг. ул.

(Там же, л. 6.)

1906 г.

25 мая.

Освобожден из тюрьмы на поруки под залог 500 рублей.

(Уведомление Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции 25 мая 1906 г., № 270.— Там же, л. 3.)

До окончания дознания скрылся за границу.

(Донесение помощника начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 31 декабря 1906 г., № 670.— ДП, VII, 1905 г., д. № 7642, лл. 11—12.)

Проживал в Берлине 4 месяца.

(Сведения Бакинского губернского жандармского управления в департамент полиции, 12 ноября 1907 г., № 2563 — ДП, VII, 1907 г., д. № 7889, лл. 5—6.)

19 ноября.

Привлечен к дознанию дополнительно по 1 ч. 129 ст. уг. ул. в связи с делом о выгрузке оружия.

(Донесение помощника начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 31 декабря 1906 г., № 670.— ДП, VII, 1905 г., д. № 7642, лл. 11—12.)

29 декабря.

Прокурором Кутаисского окружного суда мера пресечения изменена на содержание под стражей.

(Уведомление помощника начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 29 декабря 1906 г., № 660.— ДП, VII, 1905 г., д. № 7642, ч. 9, л. 4.)

1907 г.

Проживая нелегально в Балаханах (Баку), являлся «довольно видным партийным работником Бакинской организации РСДРП».

(Донесение Бакинского губернского жандармского управления в департамент полиции, 6 ноября 1907 г., № 4861.— ДП, VII, 1907 г., д. № 7889, л. 7.)

18 июня.

Разыскивался циркуляром департамента полиции от 18 июня 1907 г. за № 150032/9.

(Розыскные циркуляры за 1907—1909 гг., л. 48 об.)

3 ноября.

Произведен обыск в квартире Г. К. Орджоникидзе, в Черном городе (Баку); была найдена «переписка», указывающая на принадлежность его к Бакинской организации РСДРП, листовки Бакинской организации, нелегальные брошюры и газета «Вперед» №№ 12—13 и 14, от 29 августа и 10 сентября 1907 г., а также паспортные бланки.

(Сведения Бакинского губернского жандармского управления в департамент полиции 12 ноября 1907 г., № 2563 и опись вещественных доказательств.— ДП, VII, 1907 г., д. № 7889, лл. 4—6.)

4 ноября.

Арестован и содержался в Бакинской тюрьме.

(Сведения помощника начальника Бакинского губернского жандармского управления в департамент полиции 12 ноября 1907 г., № 2563.— ДП, VII, 1907 г., д. № 7889, лл. 5—6.)

1908 г.

27 марта.

Тифлисской судебной палатой приговорен был к лишению прав состояния и к ссылке на поселение.

(Сведения министерства юстиции в департамент полиции 5 ноября 1908 г., № 2365.— ДП, V, 1908 г., д. № 3217, лл. 1—2.)

5 ноября.

Выслан в Сибирь и поселен в дер. Потоскуй, Пинчугской волости, Енисейского уезда.

(Справка департамента полиции 8 января 1913 г.— ДП, VII, 1912 г., д. № 1461, лл. 46—47 и справка из розыскного циркуляра от 30 ноября 1910 г., № 126048—119.— ДП, V, 1908 г., д. № 3217, л. 6.)

1909 г.

(Первая половина года.)

Входил в инициативную группу по организации «Союза политических ссыльных на Ангаре». Союз широко проявлял свою деятельность по снабжению политссыльных литературой, составлению библиотек, устройству лекций, образованию новых районных отделов союза и оказанию материальной, юридической и медицинской помощи политссыльным.

(Донесение Енисейского губернского жандармского управления в департамент полиции 18 октября 1909 г., № 1499.— ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 16, лл. 33—37.)

(Сентябрь.)

Бежал из ссылки.

(Отношение Петербургского охранного отделения в департамент полиции 6 июня 1912 г., № 481 — раз., 1912 г., д. № 158, лл. 24—25.)

1910 г.

Июнь.

Вел партийную работу в Балаханах, будучи «видным членом с.-д. организации».

(Донесение Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции 23 мая 1912 г., № 6274.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, л. 317.)

30 ноября.

Розыскивался циркуляром департамента полиции за № 126048, как скрывшийся из ссылки.

(Справка департамента полиции 8 января 1913 г.— ДП, VII, 1912 г., д. № 1461, лл. 46—47.)

1911 г.

Июнь.

Был в числе учащихся «первой общепартийной школы РСДРП» по подготовке пропагандистов и агитаторов, организованной под руководством Ленина заграничным центром партии в м. Лонжюмо (18 километров от Парижа).

Московское охранное отделение, характеризуя слушателей школы, отмечает, что «Серго — ярый ленинец по убеждениям».

(Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже 22 июня/5 июля 1911 г., № 837 и агентурная записка Моск. охр. отд. 29 августа 1911 г.— ДП, о. о., 1910—1914 гг., д. № 5, ч. 1, лит. Т — III, лл. 125 и 140—151.)

Июль—август.

Командирован В. И. Лениным «с особыми инструкциями» в Россию.

(Агентурная записка Московского охранного отделения 29 августа 1911 г.— ДП, о. о., 1910—1914 гг., д. № 5, ч. 1, лит. Т—III, л. 146.)

6 августа.

Как уполномоченный Заграничной организационной комиссии[1], сделал доклад в комитете бакинской организации РСДРП «о заграничных делах»; привез резолюции пленума ЦК РСДРП 1910 г. и письмо организационной комиссии «Ко всем с.-д. парт. организациям, группам и кружкам», по поводу немедленного созыва Всероссийской конференции[2].

Исполнительный комитет бакинской организации присоединился к предложению докладчика о выборе своего представителя в Российско-организационную комиссию и признал ее правомочной в созыве всероссийской конференции.

(Агентурные сведения Бакинского охранного отделения от 20 августа и 17 сентября 1911 г. и резолюция, принятая по докладу.— ДП, о. о., 1911 г., д. 5, ч. 6, лит. Б, лл. 23—24, 38—39 и 22.)

18 августа.

В письме к ростовской группе большевиков указывал на успехи большевиков и настаивал на необходимости энергичной работы их на местах.

(Копия письма за подписью «Серг.» от 18 августа 1911 г.— ДП, VII, 1912 г., д. № 1200, л. 55.)

---

[1] Г. К. Орджоникидзе был направлен в Россию, как уполномоченный Организационной комиссии по созыву конференции, иначе называемой «Заграничной организационной комиссией», созданной июньским совещанием членов ЦК РСДРП в 1911 г. в Париже.

[2] Письмо Заграничной организационной комиссии от 1 августа 1911 г.— см Ленин, т. XV, стр. 584—597.

Август—сентябрь (первая половина).

Вошел в состав «Российской организационной комиссии», как представитель от Екатеринослава.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции 11 января 1912 г., № 291295.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, л. 19.)

19 сентября.

Был в Петербурге.

(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма за подписью «Федя» — из Петербурга к Н. К. Крупской в Париж, от 19 сентября 1911 г., с припиской «Серго».— ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, ч. 57, лит. Б, т. II, л. 141.)

26 сентября.

Возвратился в Баку, где предполагалось созвать в конце сентября совещание Российской организационной комиссии [1].

(Сводка агентурных сведений Кавказского районного охранного отделения по партии с.-д. в Баку, 3 декабря 1911 г., № 13848.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, ч. 6, лит. Б, лл. 57—58.)

29 сентября.

Был на собрании членов бакинской организации РСДРП в клубе «Наука»; в момент прихода полиции для производства обыска ему удалось скрыться, и он уехал из Баку.

(Там же.)

Половина октября.

Участвовал в совещании Российской организационной комиссии по созыву Всероссийской конференции. Заседания совещания происходили в Тифлисе на квартире рабочего в течение 3 дней [2].

(Справка департамента полиции 8 февраля 1912 г. и донесение Московского охранного отделения в департамент полиции 11 января 1912 г., № 291295.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, лл. 19—20, 57.)

27—28 октября.

По приезде в Париж кратко информировал Р. О. К. о положении дел за границей.

(Копия письма в Петербург по адресу Юркевича, 11 ноября н. ст. 1911 г.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, прод. II, л. 78.)

[1] В № 24 «Социал-демократ» от 18/31 октября 1911 г. было краткое сообщение о состоявшемся совещании РОК.

[2] В. И. Ленин придавал большое значение этому совещанию: «Впервые после четырех лет развала и разброда собрался—вопреки невероятным преследованиям полиции и неслыханным «подножкам» голосовцев, впередовцев, примиренцев, поляков и tutti quanti—русский с.-д. центр. Впервые вышел в России листок к партии от этого центра. Впервые работа по восстановлению нелегальных организаций на местах систематически и цельно охватила (за какие-нибудь три месяца, с июля по октябрь 1911 года) обе столицы, Поволжье, Урал, Кавказ, Киев, Екатеринослав, Ростов, Николаев,- ибо Росс. Орг. Ком. собралась после об'езда всех этих мест, ибо ее первое собрание имело место рядом с восстановлением Петербургского Комитета и устройства им ряда рабочих митингов, с резолюциями московских районов за партию и т. д.» (Ленин, т. XV, стр. 293).

Текст обращения и резолюции совещания см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях с'ездов, конференций и пленумов», ч. 1, 1936 г., стр. 171—174.

30 октября.

В письме «Моисееву» в Николаев (Херсонской губернии) требовал немедленной посылки делегата на общепартийную конференцию; возмущался предательством примиренцев и представителей с.-д. Польши и Литвы, обвинявших Р. О. К. в фракционности.

(Копия химического письма, перлюстрированного департаментом полиции, за подписью «Серго» из Парижа по адресу Порецкого, 12 ноября н. ст. 1911 г.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, т. I, л. 135.)

23 ноября.

От имени Р. О. К. обратился к ЦК с.-д. Латышского края с предложением возможно скорее выбрать делегатов на общепартийную конференцию, чтобы была возможность перед конференцией устроить собрание Р. О. К. с представителями национальных организаций.

(Фото письма за подписью: «Уполномоченный Р. О. К. Николай» [1] от 6 декабря н. ст. 1911 г.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, лл. 98—101.)

1912 г.

6—17 января.

В качестве делегата от Тифлиса присутствовал на общепартийной (Пражской) конференции РСДРП, заседания которой происходили в помещении дома чешских профессиональных организаций, № 7, по Губернской ул. в Праге.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции 27 января 1912 г., № 291905.— ДП, 1911 г., д. № 5, лл. 50—52.)

На конференции делал доклад о работе Российской организационной комиссии.

(Доклад и. д. директора департамента полиции 12 апреля 1912 г. — ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, продол. II, лл. 231—233.)

Избран на конференции членом ЦК РСДРП «с обязательством жить и работать в России».

(Там же.)

Избран в члены Русского бюро ЦК («Исполнительное Бюро»), куда вошли, кроме него, «Коба» — И. В. Сталин, «Тимофей» — С. Спандарьян и «Филипп» — Голощекин Ф. И.

(Агентурная записка Московского охранного отделения 9 февраля 1912 г.— Моск. охр. отд., аг. отд., 1912 г., д. № 3, л. 44 об.)

Январь.

Вошел в состав образованной новым ЦК РСДРП «Раз'ездной комиссии», имевшей задачей отправку участников конференции обратно в Россию, а также распределение, кому и где именно сделать доклады о работе общепартийной конференции.

(Там же.)

Февраль (1 половина).

Выехал из Парижа в Петербург, где должен был прочесть доклад о состоявшейся общепартийной конференции.

(Доклад и. д. директора департамента полиции 12 апреля 1912 г.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, продол. II, лл. 231—233.)

---

[1] «Николай» по расшифровке департамента полиции был «Серго» (Г. К. Орджоникидзе). (Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции 25/12 января 1912 г. № 54—ДП, о.о., 1911 г., д. № 5, л. 139).

24 февраля.

В письме из Киева в заграничный большевистский центр сообщал о своей поездке к «Ивановичу» — И. В. Сталину[1]. «Окончательно с ним столковались. Он остался доволен исходом дела».

Копия химического текста перлюстрированного департаментом полиции письма, без подписи, в Париж, по адресу Гайдамовича 11 бис, Валь-Грас, 11 от 24 февраля 1912 г. — Моск. охр. отд., раз-ка, 1912 г., д. № 158, л. 4.)

Март.

В ЦК партии под ответственность «Серго» прислана была из заграницы в рукописи «избирательная платформа РСДРП» для выборов в IV Государственную думу[2].

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции 28 марта 1912 г., № 294740, ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, продол. II, л. 218.)

Март.

Как представитель «Исполнительного бюро» нового ЦК РСДРП, производил об'езд местных партийных организаций.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции, 5 апреля 1912 г., № 295076.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, продол. II, лл. 224а—224б.)

Март.

Проездом из Тифлиса оставил в Баку следующие листовки РСДРП: 1) Резолюция Киевской организации за январь 1912 г., 2) «Избирательная платформа РСДРП» и 3) «За партию» — листок РСДРП.

(Агентурные сведения Бакинского охранного отделения по РСДРП от 12 апреля 1912 г., № 1455.— ДП, о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 6, лл. 25—26.)

Март — начало апреля.

С приездом «Серго»[3] в Москве появились следующие издания ЦК РСДРП: 1) «За партию», 2) «Избирательная платформа РСДРП», 3) «Программа и устав РСДРП».

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции 12 апреля 1912 г., № 295446.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, продол. II, л. 236.)

4 апреля.

Взят под наблюдение московской охранкой, которой установлено, что он предполагает выехать в Петербург для проведения ряда предварительных «нелегальных» собраний в связи с избирательной кампанией в IV Государственную думу.

---

[1] И. В. Сталин в это время был в ссылке в Вологде, откуда бежал 29 февраля 1912 г. (Донесение Вологодского губернского жандармского управления в Московское охранное отделение 5 марта 1912 г.—Моск. охр. отд., 1912 г., д. № 3-а, л. 83.)

[2] «Избирательная платформа РСДРП отпечатана была в количестве 5 000 экз. Донесение Моск. охр. отд. 5 апреля 1912 г. № 295076.—ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, продол. II, л. 224а.)

[3] Департамент полиции и охранка вплоть до ареста Г. К. Орджоникидзе 12 апреля 1912 г. не знали точно, кто скрывается под кличкой «Серго» (ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, продол. II, л. 294.)

Март.

Производил об'езд местных партийных организаций.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции, 5 апреля 1912 г., № 295076. — ДП, о.о., 1910 г., д. № 5, продол. II, лл. 224а—224б.)

7 апреля.

Встретился с «Кобой» — И. В. Сталиным, приехавшим в Москву из Баку.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции 9 апреля 1912 г., № 295320.— ДП, о. о., д. № 5, продол. II, л. 234.)

9 апреля.

Выехал вместе с И. В. Сталиным в Петербург.

(Там же и копия срочной телеграммы Московского охранного отделения в Петербургское охранное отделение 9 апреля 1912 г. — Там же, л. 235.)

14 апреля.

Арестован в Петербурге под фамилией Наврус-Оглы Гусейнова.

(Отношение департамента полиции в Московское охранное отделение 28 апреля 1912 г., № 100430 — Моск. охр. отд., раз-ка 1912 г., д. № 158, л. 19 и донесение Петербургского охр. отд. в департамент полиции 24 апреля 1912 г., № 6032.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, продол. II, лл. 249—251.)

9 октября.

Приговорен Петербургским окружным судом в каторжные работы на 3 года по обвинению по 1 ч. 313 ст. ул. наказ., 4 п. 242 ст. 2 ст., 2 п. 238 и 2 п. 264 ст. уст. о ссыльных и 977 ст. улож. о наказ.

(Отношение Енисейского губернского жандармского управления в департамент полиции 13 декабря 1912 г., № 10220.— ДП, V, 1908 г., д. № 3217, л. 10.)

Даты жизни и деятельности А. М. Горького*

Публикуемые ниже даты жизни А. М. Горького составлены по документам, хранящимся в Архиве Революции, преимущественно по фонду Департамента полиции. Они охватывают период от рождения Горького до свержения самодержавия.

Методично, шаг за шагом следят органы полиции за жизнью и деятельностью великого писателя.

Жизнь и труды Горького неразделимы. Он был редким, в условиях царизма, образцом писателя, который в полной мере осуществлял в жизни свои идеи. Горький не только дал массам героический образ Буревестника, он сам был одним из буревестников приближавшейся великой социалистической революции.

И потому для каждого, изучающего произведения Горького, необходимо внимательное, подробное изучение всей его литературной и политической деятельности.

Даты жизни А. М. Горького внимательному читателю дают не только внешнюю хронологию жизни А. М.

В своей связи и последовательности они рисуют замечательную, кипучую, революционную деятельность великого писателя и борца. Поражает прежде всего

* Публикуемый ниже материал составлен по следующим архивным фондам: департамента полиции, министерства юстиции, Московского и Петербургского охранных отделений, Нижегородского жанд. губ. управления и Московского цензурного комитета.

необыкновенная подвижность А. М. Он непрестанно пересекает страну,— из города в город, из деревень на полустанки, из области в область. И всюду стремится разжечь огонь непримиримой ненависти к самодержавию, к рабству, ко всему, что заставляет примиряться с рабством.

Естественная у писателя страсть к наблюдению у Горького вырастала в огромную потребность бродить по миру и наблюдать мир. Страсть к путешествиям сказывается с раннего детства.

При чтении материалов может возникнуть вопрос: почему так тщательно, так подробно следили жандармы за деятельностью Горького? Почему они так методично и пунктуально отмечали каждое его движение, каждое слово, попадавшее в сферу их наблюдения? И даты дают нам ответ на этот вопрос. Горький представлял собою такое яркое явление, он проявлял такую страстную ненависть к самодержавию, он умел так горячо заражать этой ненавистью окружающих, что жандармское око внимательно присматривалось к нему и наблюдало за ним бдительно и неустанно.

С девятнадцати лет он работает в Казани в булочной, по выражению жандармов, «с весьма подозрительными целями, сущность коих, однако, не представилось возможным выяснить».

Отдавая все силы революционной работе, А. М. не заботится о своем личном благополучии, о своей личной «карьере». Он работает писцом у присяжного поверенного, существуя на заработок в 20 рублей, и все свободное время посвящает рабочим кружкам, революционной деятельности.

Во время первого ареста (1889 г.) он проявляет свой неукротимый нрав — «на первом допросе в жандармском управлении держал себя в высшей степени дерзко и нахально».

В 1892 г. А. М., живя в Тифлисе «главенствует» в кружке молодежи, «подавляя всех своею начитанностью и умением спорить, высказывая крайние и резкие суждения».

Горький рано понял огромное значение знания, науки и художественного слова. Он «усиленно был занят самообразованием, попытками заняться литературным делом».

Добившись осуществления поставленной перед собой задачи, гениальный писатель свое новое оружие обращает против всех врагов партии большевиков. Его произведения прорывают цензурные и политические сети; будучи запрещены, они перепечатываются на гектографе, на машинке, переписываются от руки и проникают в массы.

Имя Горького становится знаменем борьбы с самодержавным произволом. Правительство высылает его из Москвы, из Нижнего-Новгорода, и поезда, везущие опального Горького, молодежь и рабочие на станциях встречают восторженными овациями.

Горький оказывает большую денежную помощь партии. Он связывает рабочие массы с революционной молодежью, с передовой интеллигенцией. Тяжелая болезнь не останавливает его деятельности. И пребывание в тюрьме не может прервать его работы. В тюрьме он изучает исторические труды Тита Ливия, Гиббона, Шлоссера, «Историю новой философии» Канта, книгу Гюйо об искусстве В. Петропавловской крепости он пишет пьесу «Дети солнца».

Для Горького характерна непримиримая ненависть к классовым врагам пролетариата к мещанству, обывательщине. Все его художественное творчество было направлено на защиту интересов рабочего класса. Ленин писал о том, что Горький связал себя своими произведениями с рабочим движением России и всего мира.

Ленин горячо боролся за Горького, как великого пролетарского писателя и борца, за чистоту его большевистских взглядов, за его мировоззрение (см. «Письма Ленина Горькому»). Связь Горького с Лениным осталась незамеченной жандармами и потому не нашла должного отражения в «датах». Оканчиваются они естественно,— окончанием «деятельности» жандармского управления за ликвидацией всего самодержавного режима.

Надо учитывать возможность одностороннего, а подчас и неверного освещения жандармскими наблюдателями жизни и деятельности А. М. Горького.

Не отличаясь абсолютной полнотой (читатель заметит пропуски сообщений о выезде или приезде в тот или иной город), даты все же могут принести большую пользу при изучении жизни Горького в период до февральской буржуазно-демократической революции 1917 года.

Задача наших историков и литературоведов — всесторонне осветить образ «беззаветного друга трудящихся и вдохновителя борьбы за коммунизм» [1], смерть которого, по словам тов. Молотова,— «после Ленина... самая тяжелая утрата для нашей страны и для человечества» [1].

Материал подготовлен к печати М. А. Сыромятниковой.

Е. Чернявский.

1868 г.

14 марта.

Алексей Максимович Пешков — «Максим Горький» родился в Нижнем-Новгороде.

(Сведения об А. М. Пешкове Нижегородского губернского жандармского управления, 15 октября 1889 г.— Нижегородское губ. жанд. управление, 1889 г., д. № 108, лл. 18—19.)

1879 г.

Должен был оставить училище вследствие недостатка средств.
(Там же.)

1880—1886 гг.

Жил в Нижнем-Новгороде, работая в Грузинском пер. у дяди — чертежника В. С. Сергеева.

(Донесение помощника начальника Нижегородского губернского жандармского управления в Нижегородском и Макарьевском уездах начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 30 окт. 1889 г., № 66.— Нижегородское губ. жанд. управление, 1889 г., д. № 108, л. 32.)

1887 г.

Апрель.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Казань.
(Там же.)

1887—1888 гг.

Апрель 1887 г.— июнь 1888 г.

В Казани служил разносчиком хлеба в булочной С. И. Деренкова на углу Бассейной ул. и Безымянского пер. в д. Степанова. «Булочная эта была с весьма подозрительными целями, сущность коих однако не представилось возможным выяснить» [2].

(Отношение Казанского губернского жандармского управления начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 12 октября 1889 г., № 1530.— Там же, лл. 25—28.)

---

[1] «Правда» от 21 июня 1936 г.

[2] Булочная основана была с целью добыть средства на революционную работу, и заведывали ею представители революционно настроенного кружка. Она была местом собраний казанских революционеров. Здесь впервые А. М. познакомился с народниками и марксистами. «Революционный путь Горького по материалам департамента полиции», изд. Центрархива, ГИХЛ, 1933 г., стр. 128.

Участвовал на собраниях революционной учащейся молодежи в совместных чтениях «тенденциозных сочинений и статей» для саморазвития «в противоправительственном духе». Носил кличку «Грохало».
(Там же.)

1888 г.

7 июля.

Уехал в с. Красновидово, Свияжского уезда, Казанской губ. для пропаганды среди крестьян [1].
(Там же.)

Сентябрь.

Возвратился в Казань.
(Там же.)

Конец сентября.

Выехал «неизвестно куда».
(Там же.)
Служил в товарной конторе ст. Борисоглебск на Грязе-Царицынской железной дороге.
(Донесение Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 11 мая 1892 г., № 378.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 10.)
В Борисоглебске был членом революционного кружка, состоявшего преимущественно из рабочих и служащих в эксплоатации Грязе-Царицинской железной дороги.
(Донесение Донского областного жандармского управления в департамент полиции, 6 ноября 1892 г., № 1241.— ДП, III, 1892 г., д. № 950, лл. 13—21.)

1889 г.

Конец апреля.

Возвратился в Нижний-Новгород и поселился на Жуковской ул., в доме Лик, у состоящего под негласным надзором А. Чекина [2], куда приехал и С. Сомов [3], жили они на «коммунных началах». Существовал на заработок в 20 руб., работая в качестве писца у присяжного поверенного Ланина.
(Донесение начальника Нижегородского губернского жандармского управления в Нижегородском и Макарьевском уездах начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 30 октября 1889 г., № 66.— Нижегор. губ. жанд. управление, 1889, д. № 108, лл. 18 и 32—33.)

Конец мая.

Выезжал на короткое время в Казань в целях укрепления связи между революционерами Нижнего-Новгорода и Казани.

---

[1] См. примечание М. Горького к опубликованным архивным документам, журнал «Былое», 1921 г., № 16, стр. 185.

[2] А. В. Чекин — бывший преподаватель городского училища в Казани, уволенный со службы за «неблагонадежность»; считал себя марксистом. Вел занятия с членами революционного кружка в Казани в 80-х годах. «Превосходный пропагандист»—говорил о нем А. М. Горький. «Былое», 1925 г., № 4, стр. 220.

[3] С. Г. Сомов — организатор общинного марксистского кружка молодежи в Казани, где познакомился с ним и Горький. После отъезда Сомова в Н.-Новгород во главе этого кружка встал Н. Федосеев.

(Донесение Казанского губернского жандармского управления начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 13 октября 1889 г., № 1530.— Там же, лл. 25—28.)

В ночь с 12 на 13 октября.

Ввиду совместного его жительства с С. Сомовым, был обыскан и арестован; содержался под стражей в 1 корпусе нижегородского тюремного замка.

(Сведения Нижегородского губернского жандармского управления.— Там же, лл. 18—19.)

13 октября.

Нижегородским губернским жандармским управлением возбуждена была переписка по обвинению А. М. Горького «в укрывательстве С. Сомова», арестованного в Казани по делу революционного кружка.

(Доклад департамента полиции особому совещанию об А. М. Пешкове, 13 августа 1901 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 20 об.)

На первом допросе в жандармском управлении «держал себя в высшей степени дерзко и нахально»[1].

(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления нижегородскому губернатору, 1 ноября 1889 г., № 755.— Нижегор. губ. жанд. управление, 1889 г., д. № 108, лл. 35—36.)

16 октября.

Освобожден из тюрьмы под особый надзор полиции по месту жительства в Нижнем-Новгороде.

(Уведомление начальника Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 16 октября 1889 г.— Там же, л. 20.)

17 ноября.

Перешел на жительство в дом Малышева по Больничной улице.

(Донесение нижегородского полицеймейстера начальнику Нижегородского жандармского управления, 17 ноября 1889 г., № 383.— Там же, л. 50.)

18 ноября.

Переписка по обвинению А. М. Горького была прекращена.

(Копия отношения нижегородского губернатора начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 18 ноября 1889 г., № 586.— Там же, л. 37.)

21 ноября.

Вследствие имевшихся сведений «о сомнительной политической благонадежности Алексея Пешкова» за ним, по распоряжению департамента полиции, учрежден негласный надзор.

(Отношение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 21 ноября 1889 г., № 1389.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, лл. 4—6.)

[1] Протокола допроса Алексея Максимовича в делах, хранящихся в Архиве Революции, не имеется.

1891 г.

Весна.

Предпринял путешествие «пешком», предполагая пробраться во Францию, но когда ему не удалось перейти границу, решил направиться в Тифлис.

(Из доклада прокурора Тифлисской судебной палаты в министерство юстиции, 17 июня 1898 г., № 426. — МЮ, вр. канц., 1897 г., д. № 11488, л. 17.)

29 апреля.

Выехал в Царицын, Саратовской губернии.

(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 30 апреля 1891 г., № 326/532.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 71а.)

1 ноября.

Приехал в Тифлис.

(Донесение Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 11 мая 1892 г., № 378.— Там же, л. 10.)

13 декабря.

Поступил отметчиком железно-дорожных мастерских с жалованием в 35 руб.

(Там же.)

1892 г.

14 февраля.

В письме из Тифлиса на имя Г. А. Плетнева[1] в Казань сообщал о своей работе в кружках рабочих и учащихся.

(Выписка из письма от 14 февраля 1892 г.— Там же, л. 7.)

Май.

Жил в Тифлисе по Ново-Арсеньевской ул., д. № 7, в квартире Ф. Афанасьева, ведя «довольно обширное знакомство с молодежью» Афанасьев снимал одну общую квартиру в компании с несколькими лицами, среди которых Пешков «главенствовал», подавляя всех «своею начитанностью и умением спорить», высказывая «крайние и резкие суждения», «много и резко говорил об эксплоатации рабочих».

(Донесение Тифлисского губернского жандармского управления. 11 мая 1892 г., № 378 и доклад прокурора Тифлисской судебной палаты в министерство юстиции, 17 июня 1898 г. № 426.— Там же, л. 10; МЮ, вр. канц., 1897 г., д. № 11488, л. 16.)

21 сентября.

Уволился с работы и выехал из Тифлиса в Нижний-Новгород.

(Донесение Тифлисского губернского жандармского управления начальнику Нижегородского губернского жандармского управления. 16 апреля 1898 г., № 996. Нижегор. губ. жанд. управление, 1898 г., д. № 2/9, л. 64.)

6 октября.

Приехал в Нижний-Новгород.

---

[1] Плетнев, Г. А. — студент Казанского университета, привлекавшийся «к делам политического характера». (Там же, л. 9.)

№ 763 / 1901 г.

Томъ 1-й

ДѢЛО

ДЕПАРТАМЕНТА

ПОЛИЦІИ.

4 ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО.

По поводу устроенной в г. Нижнем-Новгороде 7 Ноября 1901 демонстрации при отъезде литератора Алексея Пешкова (Максима Горького) и распространении гектографированных воззваний демонстративного содержания.

Начато 17 Ноября 1901 года.

Кончено 12 Апреля 1903 года.

На 67 листахъ.

(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления, 7 октября 1892 г., № 993/1556.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 72а.)

25 октября.

Выслал Афанасьеву свою фотокарточку со следующей надписью: «Дорогому Феде Афанасьеву на память от Максимыча. 1892 г., октября 25».

(Заключение прокурора Тифлисской судебной палаты по делу с.-д. организации в Тифлисе и Батуме, 12 января 1899 г.— МЮ, вр. канц., 1897 г., д. № 11488, л. 46.)

1894 г. [1]

В Нижнем-Новгороде жил по Полевой ул. в д. № 65, Казанского.

(Доклад департамента полиции особому совещанию 13 августа 1901 г. Справка департамента полиции от 10 марта 1901 г.,— Там же, л. 21; ДП, о. о, 1901 г., д. № 33, л. 2.)

13 сентября.

Был у Короленко[2].

(Дневник наблюдения по Нижнему-Новгороду.— ДП, III, 1894 г., д. № 382, л. 54.)

---

[1] За 1893 г. сведений об А. М. Горьком среди документов Архива Революции не обнаружено.

[2] Короленко, В. Г. жил в Н.-Новгороде по возвращении из ссылки в Якутскую область. В 1900 г. переехал в Полтаву.

24 сентября.

Ходил к Буровым в д. № 36, по Студеной ул. (Там же, л. 55 об.)

13 октября.

Был у Анненского[1] в д. № 50, по Полевой ул. (Там же, л. 57 об.)

1895 г.

20 февраля.

Выехал в Москву.
(Сведения Нижегородского охранного отделения с 1 ноября 1894 г. по 1 июля 1895 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 67.)

13 марта.

Московской полицией учрежден за А. М. Горьким негласный надзор.
(Секретное прибавление к приказу по московской городской полиции, 13 марта 1895 г., № 10.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 1.)

Май.

Приехал в Самару «на постоянное жительство», где сотрудничал в «Самарской газете».
(Донесение Самарского губернского жандармского управления в департамент полиции, 26 мая 1895 г., № 459. Сведения Самарского губернского жандармского управления, полученные при наблюдении с 1 января по 1 ноября 1894 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, лл. 72 г, 65—66.)

1896 г.

14 мая.

Выехал из Самары.
(Сведения Самарского губернского жандармского управления с 1 января по 1 июля 1897 г.— Там же, л. 63.)

16 мая.

Приехал в Нижний-Новгород.
(Уведомление нижегородского губернатора в департамент полиции, 17 мая 1896 г., № 1102.— Там же, л. 72 д.)

29 августа.

Выехал в Самарскую губернию.
(То же от 1 сент. 1896 г., № 2175.— Там же, л. 72 б/1.)

2 сентября.

Возвратился в Нижний-Новгород.
(То же от 26 сентября 1896 г., № 2485.— Там же, л. 72 б/5.)
Жил в Нижнем-Новгороде по Вознесенской ул., в д. Гузеевой.
(Извещение пристава нижегородскому полицеймейстеру 31 января 1897 г., № 31.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 1.)

---

[1] Н. Ф. Анненский — литератор, сотрудник «Отечественных записок», член редакции «Русского богатства», один из организаторов народно-социалистической партии.

1897 г.

12 января.

Уехал из Нижнего-Новгорода в Крым.
(Там же.)

16 января.

Приехал в Крым и поселился в Ялте.
(Уведомление Таврического губернского жандармского управления в департамент полиции, 25 января 1897 г., № 151.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 72 б/6.)

Январь—май.

Жил в Алупке, Ялтинского уезда, помещаясь «в пансионе негласно поднадзорной Е. Токмаковой, дающей приют неблагонадежным лицам».
(Сведения Таврического губернского жандармского управления, полученные при наблюдении с 1 января по 1 июля 1897 г. Доклад департамента полиции особому совещанию, 13 августа 1901 г.— Там же, лл. 62 и 21.)

8 мая.

Выехал в Полтавскую губ. в г. Кременчуг.
(Сведения Самарского губернского жандармского управления с 1 января по 1 июля 1897 г.— Там же, лл. 62, 63.)
Поселился в м. Мануйловке, Кременчугского уезда[1].
(Уведомление Полтавского губернского жандармского управления в департамент полиции, 5 июня 1897 г., № 1562.— Там же, л. 72 б/7.)

23 октября.

Выехал из Полтавы в Нижний-Новгород.
(То же от 11 ноября 1897 г., № 2949.— Там же, л. 72 б/4.)

Конец октября.

Приехал в Тверскую губернию и поселился в с. Каменке, Новоторжского уезда.
(Уведомление Тверского губернского жандармского управления в департамент полиции, 20 ноября 1897 г., № 1671.— Там же, л. 72 б/8.)
Сотрудничал в журнале «Новое слово».
(Из доклада департамента полиции особому совещанию, 13 августа 1901 г.— Там же, лл. 20—21.)

1898 г.

15 января.

Выехал из Твери в Нижний-Новгород.
(Уведомление Тверского губернского жандармского управления в департамент полиции, 23 января 1898 г., № 106.— Там же, л. 72 б/1.)

22 января.

Приехал в Нижний-Новгород.
(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 23 января 1898 г., № 98.— Там же, л. 73 д/10.)

[1] Мануйловка — хутор доктора Орловского. Место дачного отдыха А. М. Горького. О пребывании своем в Мануйловке летом 1900 г. А. М. писал А. П. Чехову,— см. «М. Горький.— Материалы и исследования», т. II, изд. Академии наук СССР, стр. 197—198.

15 апреля.

Привлечен к дознанию по делу Тифлисского социал-демократического кружка.

(Постановление № 72 Тифлисского губернского жандармского управления от 15 апреля 1898 г.— Нижегор. губ. жанд. управление, 1898 г., д. № 2/9, лл. 65—66.)

26 апреля.

Предложено обыскать, арестовать и препроводить А. М. Горького в Тифлис в распоряжение Тифлисского губернского жандармского управления.

(Отношение Тифлисского губернского жандармского управления начальнику Нижегородского губернского жандармского управления от 26 апреля 1898 г., № 996.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 2/9, л. 70.)

29 апреля.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Сызрань.

(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 30 апреля 1898 г., № 588.— ДП, III, 1898 г., д. № 1096, л. 73/2.)

3 мая.

Предложено обыскать и арестовать А. М. Горького в Сызрани.

(Телеграмма Нижегородского губернского жандармского управления начальнику Симбирского губернского жандармского управления от 3 мая 1898 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 2/9, л. 72.)

В ночь с 6 мая на 7-е.

Арестован в Нижнем-Новгороде по требованию Тифлисского губернского жандармского управления в связи с арестом 26 июня 1897 г. в Тифлисе Ф. Афанасьева и других членов социал-демократической организации в Тифлисе и Батуме.

(Доклад прокурора Тифлисской судебной палаты в министерство юстиции, 17 июня 1898 г., № 426.— МЮ, вр. канц., 1897 г., д. № 11488, лл. 8—19.)

7 мая.

Отправлен в Тифлис в сопровождении двух жандармов.

(Телеграмма Нижегородского губернского жандармского управления в Московское губернское жандармское управление, 7 мая 1898 г., № 614.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 2/9, л. 78 об.)

7 мая.

Получил «суточные» — 15 коп. и 55 коп. из его личных денег, находящихся на хранении у жандармов.

(Расписки-автографы А. М.— Там же, лл. 83, 84.)

8 мая.

Доставлен был в Московское губернское жандармское управление вместе с пакетом на имя начальника Тифлисского жандармского управления и вещественными доказательствами.

(Квитанция Моск. губ. жанд. управления, 8 мая 1898 г., № 4583.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 2/9, л. 82.)

9

2 Август № 1775

27.84

Начальнику Нижегородскаго Губернскаго Жандармскаго Правленія

Алексѣя Максимовича Пѣшкова

Заявленіе

Изъ подъ стражи въ г. Тюрьмѣ я освобожденъ 31го Мая 1го Іюня выѣхалъ въ г. Самару куда прибылъ Іюня 11го Имѣя надобность переѣхать изъ Самары въ Нижній-Новгородъ на постоянное жительство. - 22го Іюня подалъ Начальнику Самарской губерніи прошеніе о разрѣшеніи переѣзда. Канцелярія Начальника Самарской губер. объявила мнѣ, что разрѣшеніе это внѣ власти губернатора и что я долженъ обратиться съ моей просьбой въ Самарское Жандармское Управленіе. Послѣднее сносилось по телеграфу съ Управленіемъ Тюрьмскимъ и 25го Іюня я получилъ отъ Самарской полиціи извѣщеніе что къ переѣзду моему въ Нижній препятствій нѣтъ. Изъ Самары выѣхалъ 28го Іюня прибылъ въ Нижній 31го въ тотъ-же день явился въ полицію заявить о прибытіи, а на другой день - 1го Августа - передалъ полиціи проходное свидѣтельство выданное мнѣ полиціей г. Самары а взамѣнъ его получилъ отъ мѣстной полиціи свидѣтельство на проживаніе въ г. Нижнемъ

Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ

Августа 2го 1878.

12 мая.

Привезен в Тифлис и заключен в Метехский замок.

28 мая.

Освобожден из тюрьмы и отдан под особый надзор полиции по месту жительства.
(Доклад прокурора Тифлисской судебной палаты в министерство юстиции, 17 июня 1898 г., № 426.— МЮ, вр. канц., 1897 г., д. № 11488, л. 18.)

31 мая.

С «проходным свидетельством» выехал в Самару по маршруту: от Тифлиса до Баку по железной дороге, от Баку до Астрахани на пароходе, от Астрахани до Самары тоже.
(Сообщение тифлисского полицеймейстера самарскому полицеймейстеру, 4 июня 1898 г., № 259.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 61, лл. 1б и 3.)

11 июня.

Приехал в Самару, поселился на даче М. С. Позерн на Вознесенской ул.
(Справка самарского полицеймейстера, 27 июня 1898 г.— Там же, л. 6.)

26 июня.

Сообщил самарскому полицеймейстеру о переезде с дачи Позерн на дачу Шумовой, № 8.
(Заявление-автограф от 26 июня 1898 г.— Там же, л. 8.)

22 июля.

Подал заявление самарскому губернатору о разрешении переехать в Нижний-Новгород «на постоянное жительство».
(Заявление А. М. начальнику Нижегородского губернского жандармского управления от 2 августа 1898 г.— Там же, 1898 г., д. 2/9, л. 89.)

23 июля.

Получил разрешение переехать в Нижний-Новгород.
(Расписка от 23 июля, с подписью-автографом А. М.— Там же, 1898 г., д. № 61, л. 12.)

24 июля.

Получил «проходное свидетельство» для переезда в Нижний-Новгород.
(Проходное свидетельство и расписка в получении его, с подписью-автографом.— Там же, лл. 9 об. и 18.)

28 июля.

Выехал из Самары.

(Заявление А. М. Горького начальнику Нижегородского губернского

жандармского управления от 2 августа 1898 г.— Там же, 1898 г., д. № 2/9, л. 89.)

31 июля.

Приехал в Нижний-Новгород, остановился в номерах почтовой гостиницы, по Черноприудскому переулку, 2 части, 4 участка.
(Сведения, подписанные А. М. Горьким и данные полицеймейстеру 1 августа 1898 г.— Там же, 1898 г., д. № 61, л. 16.)

31 июля.

Ночевал в квартире присяжного поверенного Ланина, дом Бышевских на углу Ошарской ул. и Грузинского пер.
(Заявление о выдаче временного вида на жительство, с подписью-автографом.— Там же, 1898 г., д. № 61, л. 16.)

1 августа.

Получил временный вид на жительство в Нижнем-Новгороде.
(Заявление и расписка в получении свидетельства. Там же.)

2 августа.

Переехал из гостиницы в дом № 4, Пименова, на Гребешковской ул., 1 ч., 4 уч., 8 околотка.
(Справка пристава, 3 августа 1898 г.— Там же, л. 17.)

11 августа.

Переехал в дом Ржосницкого, на Новой ул., 1, Кремлевской части, 2 уч.
(Донесение пристава нижегородскому полицеймейстеру, 26 августа 1898 г., № 222.— Там же, л. 21.)

29 сентября.

Переехал в дом Каменева на Новоникольской ул., 1 ч., 4 уч.
(Справка пристава, 30 сентября 1898 г.— Там же, л. 22.)

4 ноября.

Жил в д. Курепина, № 20, на Полевой ул. 1 ч., 2 уч.
(Справка пристава.— Там же, л. 23.)

1898—1899 гг.

Состоял в числе сотрудников газеты «Нижегородский листок».
(Политический обзор Нижегородской губ. за 1899 г. от 13 марта 1900 г., № 507.— ДП, III, 1900 г., д. № 1, ч. 42, лит. А, л. 12.)

1899 г.

14 марта.

Получил разрешение выехать для лечения в Ялту на 2 месяца.
(Предписание нижегородского губернатора нижегородскому полицеймейстеру от 14 марта 1898 г. № 1176.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 61, л. 25.)

14 марта.

Дал подписку в том, что выедет в Ялту в 4 часа дня через Москву, обязуясь не отклоняться от маршрута и не останавливаться нигде.

в случае же необходимости в остановке заявить немедленно об этом местной полиции; тогда же заявил об утере свидетельства на жительство.
(Подписка от 14 марта 1898 г.— Там же, л. 26.)

14 марта.

По проходному свидетельству за № 478 выехал в г. Ялту.
(Расписка с подписью-автографом А. М., 14 марта 1898 г., справка пристава от 15 марта 1898 г.— Там же, лл. 26, 28.)

19 марта.

Приехал в Ялту и получил свидетельство для проживания до 14 мая 1899 г.
(Листок негласного надзора и свидетельство, выданное Ялтинским полицейским управлением 19 марта 1899 г. за № 35.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/13; Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 61, л. 31.)

Март.

Проживая в Ялте, «поддерживал близкие сношения с поднадзорными».
(Сведения Нижегородского губернского жандармского управления с 1 января по 1 июля 1899 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 59.)

15 апреля.

Выехал в Нижний-Новгород по проходному свидетельству из Ялты до Севастополя на пароходе и от Севастополя до Нижнего-Новгорода по железной дороге.
(Донесение ялтинского уездного исправника нижегородскому полицеймейстеру, 15 апреля 1899 г., № 164, и проходное свидетельство.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 61, лл. 29, 30.)

19 апреля.

Приехал в Нижний-Новгород и поселился на прежней квартире в д. Курепина.
(Справка пристава от 20 апреля 1899 г.— Там же, л. 32.)

10 июня.

Подал заявление в Нижегородское губ. жанд. управление о выезде в Васильсурск.
(Отношение начальника Нижегородского губернского жандармского управления нижегородскому полицеймейстеру от 16 июня 1899 г., № 871.— Там же, л. 33.)

23 июня.

Дознание по делу тифлисской социал-демократической организации в отношении А. М. Горького «за недостаточностью улик» прекращено.
(Отношение министра юстиции главноначальствующему гражданской частью на Кавказе 24 июня 1899 г., № 1601.— МЮ, вр. канц., 1897 г., д. № 11488, лл. 103—104.)

24 июня.

Получил разрешение на выезд в Васильсурск.
(Отношение начальника Нижегородского губернского жандармского управления нижегородскому полицеймейстеру от 24 июня 1899 г., № 594.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 61, л. 34.)

26 июня.

Вызван был в Нижегородское жандармское управление в 11 час. дня. Дал подписку нижегородскому полицеймейстеру в том, что выедет в Васильсурск в 2 ч. дня «на собственный счет», обязуясь не уклоняться от маршрута и нигде не останавливаться.

(Подписка (подпись-автограф) от 26 июня 1899 г.— Там же, л. 35.)

С проходным свидетельством за № 556 выехал на дачу в имение Кильчевского, Васильсурского уезда, Нижегородской губернии.

(Справка пристава от 29 июня 1899 г.— Там же, л. 36.)

15 сентября.

По возвращении в Нижний-Новгород проживал на Полевой улице, д. Курепина.

(Там же, 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 4.)

16 сентября.

Ввиду прекращения дознания получил паспорт.

(Расписка с подписью-автографом А. М. от 16 сентября 1899 г.— Там же, 1898 г., д. № 61, л. 2.)

26 октября.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Самару.

(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления, 28 октября 1899 г., № 1962.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/6.)

Октябрь—ноябрь.

Был две недели в Петербурге. На литературном вечере в память Чернышевского, устроенном «в пользу слушательниц курсов Лесгафта», читал «свое произведение «О проститутках», не пропущенное цензурой» [1].

(Доклад департамента полиции особому совещанию, 13 августа 1901 г.— Там же, л. 21.)

6 ноября.

Приехал в Нижний-Новгород на прежнюю квартиру.

(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 7 ноября 1899 г., № 2011.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/15 и справка пристава в г. Нижнем-Новгороде, 10 ноября 1899 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 6.)

2 декабря.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Смоленск [2].

(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 4 декабря 1899 г., № 2148.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/7.)

---

[1] В списке сочинений А. М. Горького в книге С. Балухатого, Литературная работа М. Горького, изд. «Academia», 1936 г., произведения под таким наименованием не значится.

[2] А. М. Горький ездил в Смоленск для участия в концерте в пользу местного союза печатников. Литературно-музыкальный вечер состоялся 4 декабря. (Письма А. М. Горького А. П. Чехову в сентябре — ноябре 1899 г. «М. Горький.— Материалы и исследования», т. II, изд. Академии наук СССР, 1936 г., стр. 118, 179—182.)

8 декабря.

Возвратился в Нижний-Новгород.
(То же от 8 декабря 1899 г., № 2163.— Там же, л. 73/19.)

1899—1900 гг.

Сотрудничал в газете «Северный курьер» и продолжал сотрудничать в «Нижегородском листке».
(Справка департамента полиции от 10 марта 1901 г.— ДП, о. с., 1901 г., д. № 33, л. 3.)

1900 г.

12 января.

Уехал в Москву.
(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода от 13 января 1900 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 7.)

16 января.

Приехал в Нижний-Новгород на прежнюю квартиру.
(То же от 16 января 1900 г.— Там же, л. 8.)

11 марта.

Уехал в Ялту.
(Справка пристава, 14 марта 1900 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 9.)

16 марта.

Приехал в Крым и поселился в Ялте.
(Уведомление Таврического губернского жандармского управления в департамент полиции, 19 марта 1900 г., № 800.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/21.)

28 мая.

Уехал из Крыма в Терскую область.
То же от 31 мая 1900 г., № 1621.— Там же, л. 73/16.)

11 июня.

Возвратился в Ялту.
То же от 14 июня 1900 г., № 1762.— Там же, л. 73/31.)

13 июня.

Уехал из Крыма в Полтавскую губернию.
(Уведомление Таврического губернского жандармского управления в департамент полиции 15 июня 1900 г., № 1790.— Там же, л. 73/17.)

24 июня.

Приехал в Полтавскую губернию и поселился в с. Мануйловке, Кременчугского уезда.
(Уведомление Полтавского губернского жандармского управления в департамент полиции, 17 июля 1900 г., № 2289.— Там же, л. 73/27.)

20 августа.

Выехал из Полтавы в Нижний-Новгород.
(То же от 9 сентября 1900 г., № 3049.— Там же, л. 73/18.)

3 сентября.

Приехал в Нижний-Новгород и поселился в д. Лемке на Новой ул. 1.
(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 10.)

4 сентября.

Приехал в Москву и поселился в Большой Московской гостинице во 2 уч. Тверской части.
(Донесения пристава 2 уч. Тверской части в Московское охранное отделение, 6 и 8 сентября 1900 г., № 853 и 902 — Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, лл. 7—9.)
У него были В. А. Поссе, издатель журнала «Жизнь», и К. П. Пятницкий, поверенный А. М. по изданию его произведений.
(Там же.)

5 сентября.

Выехал в Петербург.
(Там же.)

7 сентября.

Вернулся в Нижний-Новгород.
(Отношение Нижегородского губернского жандармского управления московскому полицеймейстеру, 17 сентября 1900 г., № 1800.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 12.)

23 сентября.

Выехал в Москву.
(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 26 сентября 1900 г.—ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/22.)

30 сентября.

Вернулся в Нижний-Новгород на прежнюю квартиру.
(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода, 2 октября 1900 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1895 г., д. № 54, т. IV, л. 12.)

25 октября.

Выехал в Москву.
(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 26 октября 1900 г., № 2109.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/23.)

28 октября.

Приехал в Москву и поселился в Большой Московской гостинице, в номере, занимаемом В. А. Поссе.
(Донесение начальника Московского охранного отделения в департамент полиции, 30 октября 1900 г., № 1193.— ДП, ю. о., 1898 г., д. № 5, ч. 6, лит. Н, л. 13.)

2 ноября.

Выехал в Петербург.
(Уведомление московского полицеймейстера в департамент полиции, 9 ноября 1900 г., № 12227.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/24.)

4 ноября.

Приехал в Нижний-Новгород.

(Уведомление Нижегородского жандармского губернского управления в департамент полиции, 5 ноября 1900 г., № 2154.— Там же, л. 73—33.)

1900—1901 гг.

А. М. Горький состоял в числе сотрудников журнала «Жизнь»[1], издававшегося в Петербурге.

(Доклад департамента полиции особому совещанию от 29 мая 1901 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. 13, ч. 17, лл. 16—19.)

В Нижнем-Новгороде был близок к революционному кружку молодежи.

(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 28 февраля 1901 г., № 445.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 10, лл. 69—73.)

1901 г.

5 февраля.

В письме Н. Телешеву[2] из Нижнего-Новгорода в Москву настаивал на необходимости «заступиться за киевских студентов» и составить текст петиции об отмене «временных правил»[3].

Начало февраля.

В письме В. Брюсову в Москву возмущался по поводу применения «временных правил», как «идиотской меры обожравшихся властью прохвостов».

(Доклад департамента полиции особому совещанию от 13 августа 1901 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, лл. 20—23.)

16 февраля.

Выехал из Нижнего-Новгорода через Москву в Петербург.

(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода, 17 февраля 1901 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 14.)

19 февраля.

Приехал в Петербург «специально для присутствия 19 февраля, в день сорокалетней годовщины освобождения крестьян, на заседании союза писателей, на котором были произнесены речи крайне противоправительственного содержания». После заседания в «союзе» участвовал на банкете в ресторане Палкина, где произносились «революционные» речи и был вынесен проект организации «общества молодых писателей» «для помощи в составлении студенческих бюллетеней, сообща с представителями от кассы взаимопомощи С.-Петербургского университета».

(Доклад департамента полиции особому совещанию от 13 августа 1901 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, лл. 20—23.)

---

[1] «Жизнь»— журнал легальных марксистов, издававшийся с 1899 г. в Петербурге под фактическим редакторством В. А. Поссе. Апрельская книжка 1901 г. была последней. 8 июня 1901 г. «Жизнь» была запрещена. А. М. помещал свои произведения в «Жизни» и в 1899 г. («Фома Гордеев» и другие рассказы).

[2] Телешев, Н. Д.— писатель-беллетрист. В настоящее время директор музея Московского художественного театра.

[3] «Временные правила», которыми предусматривалась отдача студентов в солдаты за «учинение скопом беспорядков», опубликованные в 1889 г., были впервые применены в декабре 1900 г. к киевским студентам за участие в сходке.

22 февраля.

Поселился в Петербурге, в д. № 11 по Надеждинской ул., кв. 10, 2 уч. Литейной части.

(Уведомление петербургского градоначальника в департамент полиции, 4 марта 1901 г., № 3080.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/34.)

4 марта.

В числе других литераторов и общественных деятелей подписал протест «союза писателей» на имя министра внутренних дел против насилий, произведенных во время демонстрации 4 марта у Казанского собора; текст «протеста» был воспроизведен на гектографе под заголовком: «письмо из Петербурга»; широко распространялся путем посылки в редакции газет и разным лицам; напечатан был во многих иностранных газетах.

(Оригинал протеста-письма с подлинными подписями и вырезки из иностранных газет.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, т. I, лит. Б, лл. 29—30, 46, 48 и др.)

Март.

Перед отъездом из Петербурга составил «опровержение на правительственное сообщение о 4 марта 1901 года», «крайне дерзкое по содержанию».

(Из справки департамента полиции от 29 мая 1901 г. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 13, ч. 17, л. 33.)

Внес 2 000 руб. на партийную работу, столько же «в агитационный студенческий фонд» и агитировал в обществе молодежи «против применения «временных правил».

Принадлежал к числу членов «общества помощи политическим ссыльным и заключенным» и участвовал в революционных организациях, содействуя их развитию путем создания для них благоприятных условий, превращая «всякое легальное дело в «революционное».

(Доклад департамента полиции особому совещанию об А. М. Пешкове от 13 августа 1901 г. — ДП, III, 1889 г., д. № 1096, лл. 20—23.).

9 марта.

Выехал в Москву.

(Уведомление петербургского градоначальника в департамент полиции, 18 марта 1901 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/26.)

11 марта.

Уехал из Москвы в Нижний-Новгород, приобретя мимеограф для издания листовок «к рабочим Сормовских заводов» с призывом к «беспорядкам» и отправив его 10 марта в Нижний-Новгород по адресу В. Н. Кольберг.

(Телеграмма директора департамента полиции начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 12 марта 1901 г.— ДП, VII, 1901 г., д. № 235, л. 8.)

12 марта.

Приехал в Нижний-Новгород и поселился в доме Лемке на Канатной ул., 1 части.

(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода от 13 марта 1901 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 15.)

По возвращении в Нижний-Новгород занимался пропагандой среди

Сормовских рабочих и учащихся, причем агитировал за устройство празднования 1 мая.

(Из справки департамента полиции от 29 мая 1901 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 13, ч. 17, л. 34.)

Был близко связан с некоторыми членами нижегородского комитета РСДРП.

(Из донесения Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 11 декабря 1901 г., № 3165.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 4, лит. А, л. 41.)

31 марта.

В департаменте полиции решено «очень следить за Горьким», что поручить «вниманию Нижегородского губернского жандармского управления».

(Резолюции директора департамента полиции и товарища министра внутренних дел на копии письма В. Морковина, из Нижнего-Новгорода, М. Н. Русецкой в Москву от 16 марта 1901 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, т. 17, л. 1.)

Начало апреля.

Распространялось отлитографированное, составленное А. М. Горьким «опровержение правительственного сообщения по поводу демонстрации 4 марта у Казанского собора» [1].

(Справка департамента полиции, 10 апреля 1901 г.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 333, лл. 1—6.)

Запрещено цензурой произведение А. М. Горького «Весна», предназначенное к печати в № 4 (апрель) журнала «Жизнь», где опубликована была только часть его: «Песня о Буревестнике». Произведение произвело сильное впечатление.

(Справка департамента полиции 2 июня 1901 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 13, ч. 17, лл. 32—34.)

В Н.-Новгороде читал в кружке молодежи свои «новейшие произведения, запрещенные цензурой, «О писателе, который зазнался» и «Весна» («Весенние мелодии»). «Первая вещь ему не нравится самому и он летом напишет новую, где гораздо полнее охарактеризует наше общество».

«Из Горького вырабатывается теперь общественный деятель новой молодой России. Он — представитель демократии великого свободного русского народа, который начинает просыпаться от своей вековой спячки, и не далеко то время, когда разогнет он свою спину и стряхнет с себя иго присосавшихся к нему эксплоататоров».

(Письмо Б. В. Морковина [2] из Нижнего-Новгорода с подписью «Б» в Москву, Л. Г. Булкиной от 6 апреля 1901 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 10, лл. 90 и 94.)

---

[1] А. М. Горький по поводу «опровержения» сообщил следующее: «Опровержение» писалось, кажется, троими, в их числе и мной. Мой текст был отвергнут». См. примечание М. Горького к статье А. Свободова, «М. Горький и студенческое движение 1901 г.», «Каторга и ссылка», 1927 г., № 6, стр. 74, примечание 1-е.

[2] Морковин, Б. В., студент Московского университета, за участие в студенческом движении был арестован и выслан из Москвы в Н.-Новгород 8 марта 1901 г. В 1901—1902 гг. привлекался Нижегородским губернским жанд. управлением за принадлежность к нижегородской соц.-дем. организации.

(Дело о Б. В. Морковине — Моск. охр. отд., 1911 г., д. № 492, лл. 20, 41, 44.)

4 апреля.

Был на студенческом вечере в Нижегородском коммерческом клубе, где пели революционные песни и обсуждался вопрос о предполагаемой на 8 апреля с участием Сормовских рабочих демонстрации, приуроченной к годовщине самоубийства (самосожжения) в 1899 г. в Бутырской тюрьме студента Ливена.

(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 9 апреля 1901 г., № 627.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, т. 17, лл. 18—21.)

7 апреля.

В помещении Всесословного клуба участвовал в совещании учащейся молодежи совместно с общественными деятелями по вопросу о демонстрации, где категорически высказывался за широкую демонстрацию (не только студенческую) и пред'явление требований правительству об амнистии всех пострадавших во время студенческих выступлений.

(Копия протокола совещания и отношение прокурора Нижегородского окружного суда к министру юстиции от 30 апреля 1901 г., № 154.— МЮ, вр. канц., 1901 г., д. № 10949, лл. 16—28 и 14—15.)

В ночь с 16 на 17 апреля.

Был обыскан, арестован и привлечен к «расследованию в порядке охраны по делу об устройстве демонстрации и недозволенных сборищ и изготовления на гектографе, в сообществе с другими, сборника тенденциозных произведений».

Заключен под стражу в 1 корпус нижегородской тюрьмы.

(Доклад департамента полиции особому совещанию, 13 августа 1901 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, лл. 20—23.)

17 апреля.

Привлечен в качестве обвиняемого по 250 ст. ул. о нак. ввиду того, что он, «занимаясь совместно с кружком лиц противоправительственной пропагандой среди Сормовских рабочих с целью возбудить их к революционному движению, заготовляет в этих видах преступного содержания воззвания».

(Копия постановления Нижегор. губ. жанд. упр. и прокурора окр. суда об аресте М. Горького, 17 апреля 1901 г., № 2.— ДП, VII, 1901 г., д. № 235, л. 23.)

Был допрошен, причем не признал себя виновным по пред'явленному ему обвинению.

(Отношение прокурора Нижегородского окружного суда министру юстиции, 17 апреля 1901 г., № 124.— МЮ, вр. канц. 1901 г., д. № 10949, лл. 6—7.)

В ночь с 17 на 18 апреля.

Значился в списке лиц, предназначенных к обыску и аресту в Петербурге в ночь с 17 на 18 апреля, с пометой о том, что послана телеграмма об его аресте в Москву 18 апреля и отметкой, что он арестован в Нижнем-Новгороде.

(Список при записке Петербургского охранного отделения от 21 апреля 1901 г., № 186.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 15, ч. 6, лит. Б, т. II, лл. 78 и 98.)

24—25 апреля.

В тюрьму А. М. Горькому были переданы следующие книги: Шлоссер, «История XVIII и XIX столетия до падения французской империи», т. I; Э. Гиббон, «История упадка и разрушения Римской империи», ч. IV; Тит Ливий, «Римская история от основания города».

(Отношения Нижегородского губернского жандармского управления начальнику 1 корпуса нижегородской тюрьмы 24 и 25 апреля 1901 г., №№ 811 и 823.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 8, лл. 49 и 52.)

30 апреля.

Имел свидание с Е. П. Пешковой.

(Отношение Нижегородского губернского жандармского управления начальнику 1 корпуса нижегородской тюрьмы о разрешении свидания на 30 апреля от 29 апреля 1901 г., № 887.— Там же, л. 70.)

2 мая.

Был освидетельствован тюремным и городским врачами: «врачи никакой серьезной болезни у него не нашли и не усмотрели оснований предполагать опасные для его жизни последствия от дальнейшего содержания его под стражей».

(Отношение прокурора Московской судебной палаты в министерство юстиции, 4 мая 1901 г., № 989, и протокол освидетельствования 2 мая 1901 г.— МЮ, вр. канц., 1901 г., д. № 10949, лл. 13 и 33.)

5 мая.

Министром внутренних дел разрешено производить осмотр и выемку почтовой и телеграфной корреспонденции для А. М. Горького.

(Отношение директора департамента полиции в Главное управление почт и телеграфов, 5 мая 1901 г., № 2339.— ДП, VII, 1901 г., д. № 235, л. 20.)

8 мая.

Разрешено свидание с К. П. Пятницким.

(Отношение начальника Нижегородского губернского жандармского управления начальнику 1 корпуса нижегородской тюрьмы от 8 мая 1901 г., № 100.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 8, л. 87.)

9 мая.

В тюрьму А. М. Горькому переданы книги: Гюйо, «Искусство с социологической точки зрения»; Кант, «История новой философии», т. IV; «Жизнь» за апрель, кн. IV.

(Отношение начальника Нижегородского губернского жандармского управления начальнику 1 корпуса нижегородской тюрьмы, 9 мая, № 1028.— Там же, л. 100.)

16 мая.

Был освидетельствован консилиумом врачей; единогласным заключением их было, что А. М. Горький «страдает хроническим туберкулезом обеих легочных верхушек»; болезнь «требует исключительно климатического лечения»; «дальнейшее пребывание его под стражей может губительно повлиять не только на его здоровье, но и на жизнь».

(Протокол врачебного освидетельствования, 16 мая 1904 г.— Там же, лл. 121—122.)

17 мая.

Освобожден из тюрьмы, но «тюрьма заменена была домашним арестом».

(Доклад департамента полиции особому совещанию, 13 августа 1901 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, лл. 20—23.)

3 июня.

Освобожден от домашнего ареста и отдан под особый надзор полиции по месту жительства в Нижнем-Новгороде, Канатная ул., д. Лемке.

(Отношение прокурора Нижегородского окружного суда министру юстиции, 4 июня 1901 г., № 264.— МЮ, вр. канц., 1901 г., д. № 10949, л. 38.)

8 и 14 июня.

Получил через Нижегородское губернское жандармское управление девять писем.

(Собственноручные расписки в получении писем.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901, д. № 8, лл. 177—178, 183—184, 188.)

Около 20 июля.

Выехал из Нижнего-Новгорода на дачу «Моховые горы» Семеновского уезда.

(Отношение начальника Нижегородского губернского жандармского управления семеновскому уездному исправнику, 26 июля 1901 г., № 189, и донесение семеновского уездного исправника в Нижегородское губернское жандармское управление от 30 августа 1901 г., № 92.— Там же, лл. 253 и 277.)

8 августа.

Был допрошен в качестве обвиняемого по содержанию отобранного у него при обыске воззвания «Опровержение правительственного сообщения» и стихотворения на нем «на мотив марсельезы», причем «в составлении их виновным себя не признал и вообще отозвался незнанием составителей».

(Отношение прокурора Нижегородского окружного суда, 10 августа 1901 г., 332.— МЮ, вр. канц., 1901 г., д. № 10949, л. 42.)

13 августа.

По постановлению особого совещания подлежал высылке из Нижнего-Новгорода.

(Справка департамента полиции.— ДП, VII, 1901 г., д. № 235, л. 37.)

27 августа.

Выехал с дачи в Нижний-Новгород.

(Донесение семеновского уездного исправника в Нижегородское губернское жандармское управление, 4 сентября 1901 г., № 92.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 8, л. 284.)

4 сентября.

В Петербурге в университетской студенческой столовой производилась «негласная» продажа произведения М. Горького «Весенние мелодии», изданного на мимеографе, по 30 коп. за экземпляр.

(Записка Петербургского охранного отделения, 4 сентября 1901 г., № 329.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 150, т. I, л. 6.)

17 сентября.

Выслан из Нижнего-Новгорода в Арзамас.

(Отношение нижегородского губернатора нижегородскому полицеймейстеру, 17 сентября 1901 г., № 2240.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. 8, л. 311.)

21 сентября.

Об'явлено под расписку о высылке его из Нижнего-Новгорода под надзор полиции до окончания дела.

(Постановление департамента полиции от 7 сентября 1901 г., № 12158.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 30.)

2 октября.

Разрешено жить временно в Нижнем-Новгороде «в виду действительно болезненного состояния» и предложено полицеймейстеру «производить периодические освидетельствования его здоровья».

(Донесение нижегородского губернатора в департамент полиции 2 октября 1901 г., № 2393.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 29.)

16 октября.

Департаментом полиции разрешено выехать на южный берег Крыма, кроме Ялты, до 15 апреля 1902 г.

(Отношение департамента полиции начальнику Нижегородского губернского жандармского управления от 16 октября 1901 г., № 5294.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 8, л. 316.)

27 октября.

Об'явлено под расписку об окончании дознания по его обвинению.

(Расписка с собственноручной подписью от 27 октября 1901 г.— Там же, л. 357.)

3 ноября.

Был встречен «шумными овациями на студенческом вечере» в Н.-Новгороде.

(Из листовки за подписью: «Нижегородцы» от 6 ноября 1901 г.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 43.)

5 ноября.

Присутствовал на прощальном обеде-банкете, устроенном оппозиционной группой местной интеллигенции, высланными студентами и курсистками, где был прочтен ему адрес и говорились «смелые вызывающие речи». Обед сопровождался «овациями, оказанными ему не только как талантливому писателю, но и как борцу за свободу, несправедливо гонимому правительством».

(Та же листовка и донесение начальника Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции от 19 января 1902 г., № 159.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 987, лл. 18—19.)

6 ноября.

Распространялась прокламация с призывом к демонстрации в день от'езда А. М. Горького: «Пускай же путь борца за свободу человеческой личности будет триумфальным шествием победителя, и еще раз смелым и открытым протестом общество откликнется на этот вызов правительства».

(Копия гектографированной листовки за подписью «Нижегородцы» 6 ноября 1901 г.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 43.)

6 ноября.

Сделал следующую надпись на своей фото-карточке, предназначенной З. Свердлову: «На добрую память о днях совместной жизни — веселой жизни!— за каменной стеной».

(Фото-карточка М. Горького нижегородской фотографии Карелина с надписью-автографом. — ДП, VII, 1901 г., д. № 763, т. II, л. 1-е).

7 ноября.

Распространена была листовка в связи с проводами М. Горького, с протестом против его высылки, за подписью: «Защитники народа против его угнетателей».

(Оригинал гектографированной листовки от 7 ноября 1901 г., изданной в Н.-Новгороде.— ДП, VII, 1901 г., д. № 763, т. II, л. 1-в.)

Выдано было «проходное свидетельство» в Крым за № 872/874.

(Отношение нижегородского полицеймейстера начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 8 ноября 1911 г., № 872. — Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 8, л. 358.)

Уехал в Крым, проводы его «сопровождались шумными овациями многочисленной публики на вокзале с произнесением речей и разбрасыванием прокламаций», а также организованной уличной демонстрацией после отхода поезда.

(Донесение нижегородского губернатора в департамент полиции, 9 ноября 1901 г., № 2723.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 750, л. 18.)

«Проводы Максима Горького было нечто грандиозное: все улицы были запружены учащимися со знаменами...»

(Копия письма 120 родителей учащихся Нижнего-Новгорода министру народного просвещения (без даты) с копией листовки с выражением негодования по поводу высылки Горького, за подписью: «Защитники народа против его угнетателей» от 7 ноября 1901 г. при отношении м-ва нар. просв. от 6 февр. 1902 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 225, лл. 49—50.)

8 ноября.

В Москве на вокзале А. М. Горького ждала толпа около 500 человек; он был арестован среди пути в вагоне; М. Горькому было об'явлено, что он не может быть допущен в пределы столицы и его заставили проехать прямо с Нижегородской дороги на Курскую.

(Отношение Московского охранного отделения попечителю Московского учебного округа 11 ноября 1901 г., № 14141. — Моск. охр. отд. 1895 г., д. 80, лл. 53—55.)

Приехал в Подольск, где ожидал семью до вечернего поезда.

(Там же.)

Телеграммами в Тулу, Харьков, Курск, Орел и Симферополь предупреждены были губернаторы о проезде А. М. Горького в Крым, с предложением не допускать «по пути демонстраций».

(Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 40.)

9 ноября, в 10½ ч. вечера.

В Харькове студенты высших учебных заведений устроили «демонстративную овацию» перед проходящим поездом, в котором ехал А. М. Горький.

(Донесение Харьковского губернского жандармского управления в департамент полиции, 10 ноября 1901 г., № 9994.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 750, л. 21.)

9 ноября.

В Нижегородском театре произнесена была речь с протестом против ареста и высылки М. Горького.

(Постановление Нижегородского губернского жандармского управления от 16 ноября 1901 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 15, л. 17.)

11 ноября.

Приехал в с. Мисхор, Ялтинского уезда, где за ним учрежден был гласный надзор полиции.

(Донесение Таврического губернатора в департамент полиции, 24 ноября 1901 г., № 6957.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 32.)

14 ноября.

Вторично в Нижегородском театре произнесена была речь с протестом против высылки и ареста М. Горького.

(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции от 17 ноября 1901 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 15, л. 18.)

После 17 ноября.

Переехал из Ялты в местечко Олеиз, близ Алупки, на дачу Токмакова; «много работает».

Вырезка из «Киевской газеты» от 22 ноября 1901 г., № 323.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, л. 19.)

Ноябрь.

Среди рабочих завода Алафузова в Казани распространялось произведение М. Горького «Весенние мелодии» «без цензурных сокращений» с добавлением от редакции о том, что правительственная цензура вымарывает такое произведение, как опасное и вредное, заражающее «ядом свободы умы русских рабов».

(Донесение казанского губернатора от 9 ноября 1901 г.— ДП, о. о., 1898, д. № 5, ч. 23, лит. Б, л. 131.)

Среди студентов Киевского университета распространялось отпечатанное на пишущей машинке произведение Горького «О писателе, который зазнался», издание комитета пострадавшим студентам-политехникам, Киев, 1901 г.

(Донесение начальника Киевского губернского жандармского управления в департамент полиции, 2 декабря 1901 г., № 7224.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 150, т. IV, л. 166.)

29 ноября.

Получил через помощника начальника Таврического губернского жандармского управления книгу на английском языке и два письма.

(Расписка с собственноручной подписью 29 ноября 1901 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 8, л. 367.)

Декабрь.

Часто виделся с Л. Н. Толстым, проживавшим в имении Паниной, в Ялтинском уезде.

(Донесение Таврического губернского жандармского управления в департамент полиции, 15 декабря 1901 г., № 455.—ДП, о. о., 1898 г., д. № 349, т. I, л. 213.)

1902 г.

Январь.

Произведение А. М. Горького «Весенние мелодии» помещено было в № 2 нелегального гектографированного журнала «Сеятель», издававшегося учениками Казанского земледельческого училища.

(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма без подписи (И. В. Захаров) из Казани, учителю А. В. Захарову, в Васильеву слободу, Балахнинского уезда, Нижегородск. губ., 23 января 1902 г.—ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 155, т. I, л. 8.)

До 13 февраля.

Живя в Нижнем-Новгороде, «находился в постоянной переписке» с редакцией «Искра» за границей.

(Донесение помощника начальника Ковенского губернского жандармского управления в Поневеже в департамент полиции, 3 марта 1902 г., № 332.—ДП, о. о., 1902 г., д. № 1295, лл. 12—13 и 50.)

21 февраля.

В соединенном заседании отделения русского языка и словесности Академии наук избран был в «почетные академики разряда изящной словесности».

(Вырезка из газеты «Новое время» от 1 марта 1902 г., № 9335.—ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, л. 20.)

5 марта.

Распространялась гектографированная листовка «товарищам горным студентам», с лозунгом: «долой самодержавие, да здравствует свобода», без подписи, с эпиграфом из произведения Горького «Песня о соколе»: «Безумству храбрых пою я славу».

(Оригинал листовки, с датой входящего № 2702 от 5 марта 1902 г.—ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 150, т. I, лит. В, л. 107.)

10 марта.

Выборы А. М. Горького в почетные академики об'явлены «недействительными» ввиду того, что он привлечен к дознанию по политическому делу.

(Вырезка из «Правительственного вестника» от 10 и 12 марта 1902 г., № 56 и № 57.—ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, л. 24.)

13 марта.

В Петербурге распространялось произведение «Разрушенный мол» за подписью М. Горького, которое «продавалось по 30 коп. в пользу высылаемых студентов» [1].

(Записка Петербургского охранного отделения от 13 марта 1902 г., за № 185.—ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 140, т. I, л. 59.)

---

[1] А. М. Горький в 1905 г. опроверг свое авторство. (Дело Московского комитета по делам печати о брошюре, с оригиналом ее. Моск. Ком. печати, 1906 г., д. № 565.)

17 марта.

По распоряжению нижегородского губернатора с художественной выставки в доме нижегородского дворянского собрания удален был бюст А. М. Горького, в предупреждение готовившейся перед бюстом демонстрации.

(Донесения нижегородского губернатора в департамент полиции от 27 и 29 марта 1902 г. за №№ 720 и 739.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 9, ч. 2, лит. Б, лл. 4—6.)

21 марта.

В Петербурге среди студентов распространялось произведение М. Горького «О беспокойной книге», отпечатанное на гектографе [1].

(Записка Петербургского охранного отделения от 21 марта 1902 г., за № 216 и копия произведения — ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 150, т. I, лл. 80 и 84—86.)

30 марта.

В студенческой столовой в Казани распространялась брошюра за подписью «М. Горький» с произведением его: «Перед лицом жизни» [2] и произведением «Разрушенный мол».

(Донесение Казанского губернского жандармского управления в департамент полиции, 4 апреля 1902 г., № 1137.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 6, ч. 642, л. 1.)

4 апреля.

В студенческой столовой Петербургского университета распространялось произведение М. Горького «Перед лицом жизни», изданное на гектографе «кассой радикалов».

(Записка Петербургского охранного отделения от 4 апреля 1902 г., № 2552 и оригинал произведения. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 150, т. I, лл. 129, 130 а (арх. инв. № 245593.)

25 апреля.

Утром приехал в Москву и вечером выехал в Нижний-Новгород.

(Телеграммы Московского охранного отделения нижегородскому губернатору, 24 и 25 апр. 1902 г., №№ 4940 и 5100.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, лл. 73 и 76.)

26 апреля.

Приехал в Нижний-Новгород и остановился в номерах «Россия», во 2-ой Кремлевской полиц. части.

(Донесение нижегородского полицеймейстера начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 26 апреля 1902 г., № 425.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 8, л. 403.)

4 мая.

Запрещен цензурой иллюстрированный альбом художника Кланга «Босяки» с карикатурами на персонажи произведений Горького, «в виду вызванного за последнее время в нашем обществе произведениями М. Горького приподнятого интереса к миру «бывших людей».

[1] Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок» № 357 от 29 декабря 1900 г.

[2] Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок» № 354 от 25 декабря 1900 г.

(Ведомость сочинений, запрещенных Московским цензурным комитетом в 1902 г.— Моск. ценз. комитет, 1902 г., д. № 419, л. 86.)

5 мая.

Выехал из Нижнего-Новгорода на жительство в г. Арзамас (место его высылки).

(Донесение нижегородского полицеймейстера начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 7 мая 1902 г., № 425.— Там же, л. 412.)

Май.

Проживая в Арзамасе, занимался литературным трудом.

(Сведения из наблюдений Нижегородского губернского жандармского управления с 1 января по 1 июля.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 50.)

5 июня.

В письме из Арзамаса Д. Никитину в Кореиз (Крым) сетовал, что «живется не очень приятно, так как полиция очень уже явно о нем заботится, залезая в окно и двери без зазрения совести» [1].

(Копия письма Д. Никитина (врача Л. Н. Толстого) Е. А. Гонтареву по адресу Я. Г. Дольбышева в Москву, от 5 июня 1902 г.— ДП, о. о., 1902 г., д. № 1420, л. 1.)

29 июля.

Дознание 1901 г. по делу о демонстрации в Нижнем-Новгороде в отношении А. М. Горького прекращено.

(Отношение министра внутренних дел министру юстиции, 29 июля 1902 г., № 3661. — ДП, VII, 1901 г., д. № 235, л. 48.)

10 августа.

Освобожден от особого надзора полиции по распоряжению прокурора Московской судебной палаты.

(Отношение прокурора Московской судебной палаты начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 10 августа 1902 г., № 1979.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 8, л. 438.)

16 августа.

Об'явлено под расписку постановление об отмене особого надзора полиции.

(Расписка с собственноручной подписью от 16 августа 1901 г.— Там же, л. 446.)

17 августа.

Получил, как состоящий под гласным надзором полиции, разрешение приехать на 7 дней в Нижний-Новгород.

[1] В это же время из Арзамаса А. М. писал А. П. Чехову: «Здесь воюю с полицией, чем никогда не занимался. Некий полициант Данилов, всего только пристав, захотел показать мне, сколь он сильный человек на земле арзамасской, и вот однажды, нахальнейшим образом, ввалился ко мне в квартиру и стал, не менее нахально, спрашивать: кто у меня в гостях?..

Под окнами моими гуляет полицейский, а изредка проезжает и сам Данилов верхом на коне, при этом он зорко и внимательно всматривается в нутро моей обители, очевидно, желая знать, как успешно делаю я революцию, конституцию и прочие нес'едобные вещи. Курьезно, но и возмущает». («М. Горький.— Материалы и исследования», изд. Академии наук СССР, 1936 г., т. II, стр. 239—240.

(Отношение нижегородского губернатора начальнику Нижегородского губернского жандармского управления 17 авг. 1902 г., № 2187.— Там же, л. 459.)

18 августа.

Приехал из Арзамаса в Нижний-Новгород и остановился в гостинице «Восточный базар».

(Рапорт пристава Рождественской части нижегородскому полицеймейстеру, 18 августа 1902 г., № 253.— Нижегор. губ. жанд. упр., д. № 54, т. IV, лл. 16—17.)

23 августа.

Переехал в гостиницу «Россия» на Благовещенской площади. (То же, 23 авг. 1902 г., № 259.— Там же, л. 18.)

27 августа.

Возвратился в Арзамас.

(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода.— Там же, л. 19.)

Август.

Произведения А. М. Горького: «Весенние мелодии» и «Писатель, который зазнался», перепечатывались нелегально для распространения среди работающих в Бронницких артиллерийских парках.

(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма за подписью «К» (Н. Ф. Карцев, ученик Саратовского земледельческого училища) из Бронниц, А. А. Яблонскому, в Москву, 26 июля 1902 г., и протокол показаний В. Ф. Пешехонцева в Бронницком жандармском управлении, 16 августа 1902 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 155, т. I, лл. 119 и 124.)

5 сентября.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Москву.

(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции 7 сентября 1902 г., № 3672.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 74/2.)

7 сентября.

В Москве остановился в Большой Московской гостинице и в тот же день выехал обратно в Нижний-Новгород.

(Донесение пристава 2 уч. Тверской части в Московское охранное отделение, 8 сентября 1902 г., № 518.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, лл. 96—97.)

8 сентября.

Возвратился в Нижний-Новгород и остановился в гостинице Масленникова «Россия», откуда перешел в д. Киршбаум, на Ковалихе, 2 Кремлевской части.

(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода, 11 сентября 1902 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 21.)

26 сентября.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Москву.

(Уведомление начальника Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции 5 октября 1902 г., № 4039.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 74/3.)

30 сентября.

Приехал в Москву и поселился в доме Скирмунта, по Гранатному пер., 1 уч., Арбатской части у самого домовладельца[1].

(Донесение московского полицеймейстера в департамент полиции, 7 октября 1902 г., № 10511.— Там же, л. 38.)

8 октября.

Состоялось свидание А. М. Горького с представителями организации «Искры» в Москве и Московского комитета РСДРП в доме Горчакова, по проезду Страстного бульвара, в кв. 95, Розенберг, на котором он заявил, что всецело разделяет точку зрения «Искры», готов всемерно поддерживать организацию и систематически помогать деньгами, в количестве не менее 5 000 в год.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции, 12 ноября 1902 г., № 11741.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, т. X, лл. 196—197, 249, 272.)

14 октября.

Дал обязательство срочно выехать из Москвы и не приезжать без разрешения.

(Копия подписки, данной А. М. на ст. Подсолнечной Николаевской ж. д., в имении «Колпашево».— Моск. охр. отд., 1895 г., д. 80, л. 149.)

14 октября.

В Москве распространялась листовка «К обществу» за подписью «Группа интеллигентов г. Москвы» по поводу суда 29 октября над участниками демонстрации 5 мая в Нижнем-Новгороде, отпечатанная на гектографе. По предположению Московского охранного отделения написана А. М. Горьким.

(Отношение Московского охранного отделения в департамент полиции от 19 дек. 1902 г., № 12810 и копия листовки.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 5, лит. 7, лл. 7—8.)

15 октября.

Выехал в Нижний-Новгород.

(Донесение московского полицеймейстера в департамент полиции, 15 октября 1902 г., № 11157.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 39.)

31 октября.

Уехал из Нижнего-Новгорода в Москву.

(Уведомление начальника Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 2 ноября 1902 г., № 4343.— Там же, л. 74/4.)

1 ноября.

Приехал в Москву и поселился по Гранатному пер., 1 уч. Арбатской части, в квартире Скирмунта.

---

[1] С. А. Скирмунт был владельцем книжного склада и магазина «Труд» в Петербурге, где производилась торговля брошюрами, преимущественно социал-демократического направления, часто изданными нелегально, а часто запрещенными к продаже. В 1902 г. он привлекался к делу о Московском комитете РСДРП; так как на его имя получались нелегальные издания, был выслан в Олонецкую губ. на 5 лет. В 1905 г. он был официальным редактором большевистской газеты «Борьба», в которой сотрудничал А. М. Горький (газета выходила легально в Москве с 27 ноября по 6 декабря 1905 г.).

(Донесение московского полицеймейстера в департамент полиции, 9 ноября 1902 г., № 11670.— Там же, л. 40.)

6 ноября.

Выехал в Петербург. (Там же.)

18 ноября.

Приехал в Петербург и поселился в доме № 4, кв. 8, по Николаевской ул., 1 уч. Московской части.
(Уведомление петербургского градоначальника в департамент полиции, 27 ноября 1902 г., № 22408.— Там же, л. 74/15.)

26 ноября.

Выехал из Петербурга в Москву.
(То же от 10 дек. 1902 г., № 22876.— Там же, л. 74/5.)

30 ноября.

Приехал в Москву; поселился в квартире Скирмунта.
(Донесение московского полицеймейстера в департамент полиции от 3 декабря 1902 г., № 12337.— Там же, л. 74/16.)

2 декабря.

Запрещен был цензором сборник: «А. Чехов, М. Горький и Л. Н. Толстой — Вечные вопросы. Мысли».
(Отношение отдельного цензора по внутренней цензуре в Одессе в Московский цензурный комитет, 2 декабря 1902 г., № 1115.— Моск. ценз. комитет, 1902 г., д. № 419, л. 58.).

6 декабря.

Приехал в Нижний-Новгород.
(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 7 декабря 1902 г., № 4724.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 72/17.)

11 декабря.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Москву.
(То же от 13 декабря 1902 г., № 4794.— Там же, л. 74/6.)

24 декабря.

Выехал из Москвы в Нижний-Новгород.
(Донесение пристава 1 уч. Арбатской части в Московское охранное отделение, 24 декабря 1902 г., № 392.) Моск. охр. отд. 1895 г., д. № 80, л. 94.)

27 декабря.

Приехал в Нижний-Новгород.
(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода, 28 декабря 1902 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., № 54, т. IV, л. 22.)

1903 г.

7 января.

Выехал из Москвы в Нижний-Новгород.
(Сообщение московского полицеймейстера в департамент полиции, 7 января 1903 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 74/7.)

15 января.

Выехал в Москву.
(То же от 15 января.— Там же, л. 74/8.)

16 января.

Приехал в Москву и остановился в гостинице «Славянский базар».
(Донесение полицейского надзирателя 1 уч. Яузской части в Московское охранное отделение, 16 января 1905 г.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 102.)

24 января.

Приехал в Москву и поселился в д. Скирмунта.
(Донесение пристава 1 уч., Арбатской части в Московское охранное отделение, 24 января 1903 г., № 62.— Моск. охр. отд., 1895 г., д № 80, л. 103.)

31 января.

Приехал в Нижний-Новгород.
(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 2 февраля 1903 г., № 360.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 74/20.)

4 февраля.

Выехал из Москвы в Нижний-Новгород.
(Уведомление московского полицеймейстера в департамент полиции, 7 февраля 1903 г., № 1316.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 74/10.)

19 февраля.

Изъята цензурой рецензия на том V рассказов М. Горького, помещенная в февральской книжке журнала «Русская мысль».
(Отношение Московского цензурного комитета старшему инспектору, 20 февраля 1902 г., № 538.— Моск. ценз. ком., ст. инсп., 1902 г., д. № 6, л. 11.)

20-е числа февраля

Во время постановки «Мещане» Горького произошла демонстрация в театре в Белостоке с участием рабочих, с возгласами: «Да здравствует поднадзорный Горький» и разбрасыванием листовок с лозунгом «Долой самодержавие». Вызваны были войска, произведены аресты и избиение.
(Копия письма с надписью «Соня» (С. М. Лейбович) из Белостока.— ДП, о. о., 1903 г., д. № 1208, л. 3.)

28 февраля.

Выехал из Н.-Новгорода в Крым (г. Ялта).
(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 27.)

4 марта.

На Курском вокзале в Москве А. М. Горького провожали Долгополов[1], Н. И. и С. А. Скирмунт.

[1] Врач А. М. Горького.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции, 10 марта 1903 г., № 2333.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 4, лит. В, л. 109.)

6 марта.

Приехал в Крым и поселился в Ялте.
(Уведомление начальника Таврического губернского жандармского управления в департамент полиции, 10 марта 1903 г. № 1060.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 74/21.)

11 марта.

Уничтожена в типографии Кушнарева и К-о вырезанная из февральской книжки «Русская мысль» рецензия о V томе сочинений М. Горького.
(Протокол уничтожения рецензии, 11 марта 1902 г.— Моск. цензком., ст. инсп., 1902 г., д. № 6, л. 15.)

18 апреля.

Выехал из Ялты в Нижний-Новгород.
(Донесение ялтинского уездного исправника нижегородскому полицеймейстеру, 21 апреля 1903 г., № 225.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 30.)

23 апреля.

Приехал в Нижний-Новгород и поселился в д. Киршбаум на Мартыновской ул.
(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода, 25 апреля 1903 г.— Там же, л. 29.).

Апрель.

Статья М. Горького издана была в виде листовки под заголовком: «По поводу кишеневского погрома», с призывом «на помощь евреям».
(Листовка, напечатанная на гектографе за подписью «М. Горький»— инв. № 13322.)

7 мая.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Москву.
(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 9 мая 1903 г., № 1343.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 75/11.)

8 мая.

Приехал в Москву и поселился в д. Скирмунта.
(Уведомление московского полицеймейстера, 12 мая 1903 г., № 5168 — Там же, л. 75/2.)

10 мая.

Выехал из Москвы в Петербург.
(Там же, л. 75/12.)

11 мая.

Приехал в Петербург и поселился в доме № 4, по Николаевской ул., 1 уч. Московской части.
(Уведомление петербургского градоначальника в департамент полиции, 27 мая 1903 г., № 8698.— Там же, л. 75/3.)

20 мая.

Выехал из Петербурга в Москву.
(То же от 9 июня, № 9779.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 75/13.)

21 мая.

Приехал в Нижний-Новгород в д. Киршбаум.
(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода от 21 мая 1903 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 31.)

8 июня.

Выехал по Волге на Кавказ.
(Рапорт пристава 2 части нижегородскому полицеймейстеру, 10 июня 1903 г., № 196, и справка пристава от 12 июня 1903 г.— Там же, лл. 31 и 33.)

21 июня.

Выехал из Тифлиса в Батум, откуда 24, 25 июня предполагал вернуться опять в Тифлис. В ознаменование его приезда в Тифлис было представлено 24 и 25 июня «На дне».
(Телеграмма Тифлисского охранного отделения в департамент полиции 24 июня 1903 г. и отношение его же от 3 июля 1903 г. № 450.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 9, ч. 72, л. 42.)

Июнь.

Пожертвовал 300 р. в Тифлисский комитет РСДРП. (Там же, л. 42.)

27 июля.

Возвратился в Нижний-Новгород.
(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 31 июля 1903 г., № 2983.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 75/4.)

11 августа.

Приехал в Москву и поселился в д. Скирмунта.
(Уведомление московского полицеймейстера в департамент полиции, 13 августа 1903 г., № 8024.— Там же, л. 75/5.)

13 августа.

Выехал из Москвы на ст. «Итларь», Ярославской ж. д.
(Донесение Московского охранного отделения начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 16 августа 1903 г., № 8102.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 115.)

30 августа.

Из окна поезда на линии Рига-Орловской ж. д. между станциями Жуковка и Дубовка выброшен был сверток листовок со следующими лозунгами: «Да здравствует Горький», «Долой самодержавие», «Да здравствует свобода».
(Оригинал листовки формата визитной карточки с напечатанными на машинке указанными лозунгами и донесение орловского отделения Моск.-Рижского жандармского управления жел. дорог в департамент полиции, 3 сентября 1903 г., № 185.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 42, лит. 6, лл. 102 и 105.)

15 сентября.

Приехал в Москву и поселился в д. Долгова по Георгиевскому пер., 1 уч. Арбатской части.

(Донесение пристава 1 уч. Арбатской части в Московское охранное отделение 16 сентября 1903 г., № 511.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 117.)

19 сентября.

Выехал из Москвы в Петербург.

(Донесение пристава 1 уч. Арбатской части в Московское охранное отделение 19 сентября 1903 г., № 525.— Там же, л. 118.)

23 сентября.

Вернулся в Москву.

(Донесение пристава 1 уч. Арбатской части в департамент полиции 23 сентября 1903 г., № 537.— Там же, л. 120.)

27 сентября.

Выехал из Москвы в Нижний-Новгород.

(Донесение московского полицеймейстера в департамент полиции, 2 октября 1903 г., № 9688.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 75/16.)

3 октября.

Приехал из Нижнего-Новгорода в Москву.

(Донесение пристава 1 уч. Арбатской части в Московское охранное отделение, 3 октября 1903 г., № 570.—Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 124.)

8 октября.

Возвратился в Нижний-Новгород.

(Там же, л. 125.)

20 октября.

Приехал в Москву и поселился в д. Долгова.

(Уведомление московского полицеймейстера в департамент полиции, 23 октября 1903 г., № 10396.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 75/7.)

23 октября.

Выехал из Москвы в Нижний-Новгород.

(То же от 28 октября 1903 г., № 10629.— Там же, л. 75/17.)

17 ноября.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Москву.

(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 19 ноября 1903 г., № 5475.— Там же, л. 75/18.)

18 ноября.

Приехал в Москву на ту же квартиру.

(Донесение пристава 1 уч. Арбатской части в Московское охранное отделение, 18 ноября 1903 г., № 649.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 131.)

20 ноября.

Выехал в Петербург.
(То же от 20 ноября 1903 г.— Там же, л. 132.)

22 ноября.

Приехал в Петербург и поселился в д. № 4, по Николаевской ул., 1 уч. Московской части.
(Уведомление петербургского градоначальника в департамент полиции, 2 декабря 1903 г., № 20581.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 75/9.)

11 декабря.

Выехал из Петербурга в Москву.
(То же от 14 декабря 1903 г., № 21467.— Там же, л. 75/19.)

29 декабря.

Приехал в Москву из Нижнего-Новгорода и поселился в д. Долгова.
(Донесение пристава 1 уч. Арбатской части в Московское охранное отделение, 29 декабря 1903 г.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, № 135.)
Принимал активное участие в устройстве «Народного дома» (общедоступного театра) в Н.-Новгороде; внес для этой цели значительную сумму денег; был избран почетным членом названного дома [1].
(Донесение начальника Нижегородского охранного отделения в департамент полиции, 5 марта 1905 г., № 285 и анонимный донос на имя министра внутренних дел, 22 января 1904 г.— ДП, о. о., 1904 г., д. № 695, лл. 76 и 62.)

3 января.

Выехал из Москвы в Нижний-Новгород.
(Отношение Московского охранного отделения в Нижегородское губернское жандармское управление, 8 января 1904 г., № 229.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 136.)

28 февраля.

Московский цензурный комитет, «принимая в соображение вредное направление» сочинений Горького, запретил вышедшую 25 февраля книгу под заглавием «Иностранная критика о Горьком» (сборник статей английской, французской, немецкой, шведской и др. печати), будучи уверен, что она «может получить широкое распространение и служить подновленной рекламой для сочинений Горького».
(Отношение Московского цензурного комитета в главное управление по делам печати, 28 февраля 1904 г., № 645.— Моск. ценз. ком., 1904 г., д. № 435, лл. 1—2.)

4 сентября.

Приехал в Москву, остановился в доме Московского страхового общества.
(Телеграмма пристава в Московское охранное отделение, 4 сентября 1904 г.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 641.)

7 сентября.

Выехал из Москвы в Петербург.
(Телеграмма пристава в Московское охранное отделение 7 сентября 1905 г.— Там же, л. 140.)

[1] Постройка «Народного дома» была закончена в сентябре 1903 г.

27 октября.

Цензор высказался против печатания произведения М. Горького «На дне».

(Доклад цензора Венкстера в Московский цензурный комитет, 27 октября 1904 г.— Моск. ценз. ком., 1904 г., д. № 435, л. 4.)

5 ноября.

Приехал в Петербург из Москвы и поселился по Знаменской ул., в д. № 20, кв. 29, К. П. Пятницкого.

(Справка полицейского надзирателя, 5 января 1905 г.— Петерб. охр. отд., дневники наружного наблюдения, 1905 г., № 245 а.)

20 ноября.

В Петербурге был раут в зале Павловой под председательством В. Г. Короленко, где А. М. Горький в своей речи указал на необходимость «самых крайних и радикальных способов борьбы с правительством». «Если 28 ноября будет демонстрация на улице, то не давать себя бить нагайками и топтать. Пускать в ход револьверы, кинжалы и собственные зубы, лишь бы произвести большой переполох среди полиции, стоящей на страже современного полицейского правительства,— иначе уличные демонстрации не имеют смысла».

(Справка департамента полиции, январь 1905 г.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 923, л. 34—39.)

(Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 27 ноября 1904 г., № 423.— ДП, о. о., 1904 г., д. № 1250, л. 63.)

20 ноября.

В день 40-летия судебных уставов подписал вместе с другими 676 участниками резолюцию, принятую на банкете представителей интеллигентных профессий г. Петербурга, с требованием реорганизации всего государственного строя, созыва учредительного собрания и амнистии по политическим делам.

(Копия резолюции с подписями.— ДП, о. о., 1904 г., д. № 1250, лл. 69—71.)

21 ноября.

Принял участие на литературно-музыкальном вечере в зале Тенишева, на Моховой ул.

(Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 21 ноября 1904 г., № 413.— ДП, о. о., 1904 г., д. № 3, ч. 10, т. I, л. 39.)

1905 г.

4 или 5 января.

Приехал в Петербург.

(Протокол допроса А. М. Горького, 17 января 1905 г.— ДП, VII, 1905, д. № 882, л. 11.)

Январь.

Посылал крупные суммы денег на издание газеты «Вперед» (орган большевиков).

(Отношение директора департамента полиции в Петербургское жандармское управление, 28 января 1905 г., № 889.— ДП, о. о., 1905 г., № 4, ч. 1, т. II, л. 141.)

8 января.

На собрании в помещении редакции газеты «Наши дни» принял участие в обсуждении вопроса о предполагаемом на другой день шествии к царю; по его предложению на собрании была избрана депутация к министру внутренних дел, в состав которой вошел и он сам, чтобы осведомить министра и потребовать принятия мер для предотвращения столкновения рабочих с полицией и войсками.
(Там же.)

8 января вечером.

В числе депутации был у товарища министра внутренних дел Рыдзевского и председателя комитета министров с требованием принять меры к устранению столкновения войск с рабочими, намеревавшимися итти к Зимнему дворцу 9 января.
(Записка прокурора Петербургской судебной палаты, 25 января 1905 г.— МЮ, I д-во, 3 уч. отд., 1905 г., д. № 18240, л. 5.)

9 января (до 3 часов дня).

Был на улицах Петербурга, видел все ужасы расстрела рабочих масс, шедших ко дворцу. «Я в этот день должен был проехать большой конец по Петербургу — от Знаменской улицы до Академии Художеств. Возвращаясь из Академии, у дворцового моста я должен был сойти с извозчика и, идя пешком, видел, как у Полицейского моста драгун выстрелил в упавшего человека около меня...» «В три часа дня я вернулся домой с улицы, потрясенный видом раненых и общим возбуждением обезумевшей от страха толпы».
(Показания А. М. Горького на допросе 27 января 1905 г.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, л. 36.)

9 января 3 часа дня.

Написал воззвание «Ко всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств» по поводу событий 9 января с призывом к борьбе с самодержавием.
(Там же.)

9 января вечером.

Был на собрании в Вольно-Экономическом обществе.
(Протокол допроса А. М. Горького 27 января 1905 г.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, лл. 36—37.)

После 9 января.

За подписью: «М. Горький» под заголовком: «Он прощает» [1] была издана комитетом Московской-Казанской ж. д. всероссийского союза железнодорожных служащих и рабочих листовка по поводу 9 января.
(Листовка, напечатанная на мимеографе.— Моск. губ. жанд. упр., 1905 г., д. № 252, л. 32.)
Подписные листы и удостоверения уполномоченных по сбору в пользу рабочих и их семейств, пострадавших во время событий 9 января 1905 г., были подписаны М. Горьким.
(Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 15 января 1905 г., № 752.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. I, т. II, л. 40.)

[1] А. М. Горький отрицал свое авторство.— См. Балухатый, Литературная работа М. Горького, стр. 122.

10 января.

На квартиру Горького приходило много «неизвестных лиц из мужчин и женщин, которые также побывав и уходили». С 7 часов вечера наблюдение за квартирой Горького было оставлено, так как было прекращено электричество, движение конок остановилось; рабочие собирались группами.

(Дневник наружного наблюдения, 10 января 1905 г.— Петербург. охр. отд., № 245а.)

10 января.

Подлежал аресту, но выехал в Ригу.

(Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 11 января 1905 г., № 32.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 1, л. 91.)

10 января.

Департамент полиции сделал распоряжение об аресте А. М. Горького в числе других литераторов и о доставлении в Петропавловскую крепость.

(Отношение департамента полиции петербургскому градоначальнику, 10 января 1905 г., № 204.— Там же, л. 65.)

В ночь на 11 января.

Арестован в Риге и отправлен в Петербург.

(Телеграмма Рижского губернского жандармского управления в департамент полиции, 11 января 1905 г., № 4587.— Там же.)

При обыске у него обнаружена рукопись, излагающая события 9 января, в заключении которой «автор приглашает всех граждан России к немедленной упорной и дружной борьбе с самодержавием». Автор ее был А. М. Горький.

(Справка о революционной деятельности Горького от февраля 1906 г. и текст воззвания.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, лл. 80—81; ДП, VII, 1905, д. № 882, лл. 4—6.)

11 января.

На основании пункта 9 высочайшего указа от 11 января 1905 г. воспрещено А. М. Горькому проживать в пределах петербургского генерал-губернаторства без обозначения срока.

(Отношение Петербургского охранного отделения в Московское охранное отделение, 19 сентября 1905 г., № 16641.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 164.)

Во время последнего акта представления пьесы Горького «Дачники» в Кишеневе были разбросаны гектографированные листовки, с возгласами «Долой самодержавие».

(Телеграмма начальника Кишиневского жандармского управления в департамент полиции, 12 января 1905 г., № 1732.— ДП, о. о., 1904 г., д. № 1250, т. II, л. 260.)

12 января.

Привезен в Петропавловскую крепость и «заключен в камеру № 39 здания Трубецкого бастиона».

(Донесение коменданта Петропавловской крепости в департамент полиции, 12 января и 9 февраля 1905 г., № 41 и 183.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 882, ч. 1, лл. 5 и 38.)

15 января.

А. М. Горький был привлечен к дознанию при Петербургском губернском жандармском управлении.

(Сведения Петербургского губернского жандармского управления в департамент полиции, 4 февраля 1905 г., № 1964.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, лл. 2—3.)

17 января.

На допросе в Петербургском жандармском управлении признал, что воззвание по поводу событий 9 января составлено им.

(Протокол допроса 17 января 1905 г.— Там же, лл. 11—12.)

24 января и 25 января.

Разрешены были постоянные свидания с Е. П. Пешковой и К. П. Пятницким.

(Отношения департамента полиции начальнику Петербургского губернского жандармского управления, 24 и 25 января, 1905 г., №№ 463 и 496.— Там же, лл. 10 и 13.)

25 января.

Разрешено в крепости иметь письменные принадлежности, но не разрешалось носить собственное платье и белье.

(Уведомление коменданта Петропавловской крепости в департамент полиции, 27 января 1905 г., № 126.— Там же, л. 29.)

27 января.

Был допрошен в Петербургском губернском жандармском управлении.

(Протокол допроса А. М. Горького, 27 января 1905 г.— ДП, VII, 1905 г., д. 882, лл. 36—37.)

Январь.

От редакции газеты «Berliner Tageblatt» поступило письмо министру внутренних дел за многочисленными подписями представителей литературы, науки, искусства, промышленности и общественных деятелей Германии с настойчивой просьбой освободить Горького.

(Письмо на французском языке.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, лл. 43—62.)

1 февраля.

На допросе в Петербургском губернском жандармском управлении давал об'яснения относительно адресованного ему письма из Парижа от 24 января, доставленного Петербургским почтамтом в Петербургское губернское жандармское управление.

(Протокол допроса 1 февраля 1905 г.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, лл. 40—41.)

Корреспондент лондонских и американских газет Лонг обратился к министру императорского двора с просьбой разрешить посетить Петропавловскую крепость в виду распространяющихся в иностранных газетах сведений о плохом обращении с М. Горьким и другими политическими заключенными.

(Заявление Лонга на имя министра императорского двора, 1 февраля 1905 г.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, л. 26.)

Комендант Петропавловской крепости разрешил А. М. Горькому заниматься при электрическом освещении до 2 часов ночи.

(Донесение коменданта Петропавловской крепости в департамент полиции 1 февраля 1905 г., № 146.—Там же, л. 39.)

5 февраля.

Директор департамента полиции разрешил А. М. Горькому «написать комедию с тем, чтобы этот литературный труд был представлен в департамент полиции для просмотра».

(Отношение директора департамента полиции коменданту Петропавловской крепости, 5 февраля 1905 г., № 714.—Там же, л. 35.)

Во время представления пьесы М. Горького «Дачники» разбросаны были в Киеве, в театре Соловцева, листовки с требованием «свободы Горькому, борцу за волю, певцу свободного слова»; одновременно раздались возгласы: «Да здравствует учредительное собрание! Да здравствует Горький. Да здравствует свобода! Долой самодержавие!»

(Донесение Киевского охранного отделения в департамент полиции. 8 февраля 1905 г., № 663.—ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 3, лит. А. т. II, лл. 233—234.)

(Оригинал листовки с портретом М. Горького.—Там же.)

9 февраля.

Согласно просьбе Е. П. Пешковой, освидетельствован был врачем, который констатировал, что у А. М. «катарр верхней доли левого легкого».

(Рапорт врача коменданту Петропавловской крепости 9 февраля 1905 г., № 4 и свидетельство ординатора Петропавловской больницы.—ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, лл. 39 и 54.)

12 февраля.

В виду болезни А. М. Горький переведен был в петербургский дом предварительного заключения; написанное им произведение «в 2-х тетрадях» было передано в департамент полиции [1].

(Донесения коменданта крепости директору департамента полиции, 12 и 14 февраля 1905 г., №№ 192 и 198.—Там же, лл. 43 и 46.)

13 февраля.

Получил приветственную телеграмму от Гейдельбергского вольного студенчества.

(Телеграмма 13 февраля 1905 г., на немецком языке.—Там же, л. 44.)

14 февраля.

Общее собрание и комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературный фонд») ходатайствовали за освобождение Горького.

(Письмо министру юстиции за подписью председателя А. Вейнберга, 14 февраля 1914 г.—МЮ, 1 д-во, 3 уч. отд., 1905 г., д. № 18240, л. 14.)

14 февраля.

Освобожден под залог 10 тыс. руб. при условии проживания в Риге.

[1] В Петропавловской крепости написана была пьеса «Дети солнца». Фото первой страницы рукописи см. в книге С. Балухатый, Литературная работа М. Горького, стр. 114—115.

(Уведомление в департамент полиции, 24 февраля 1905 г., № 3313.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, л. 2.)

14 февраля вечером.

Выехал в Ригу.
(Записка прокурора Петербургской судебной палаты, 15 февраля 1905 г.— МЮ, 1 д-во, 3 уч. отд., 1905 г., д. № 18240, л. 16.)

16 февраля.

В Казани в городском театре разбросаны были листки следующего содержания: «Присоединяйтесь к петиции иностранцев об освобождении М. Горького. Такие люди нужны русскому народу».
(Донесение казанского губернатора в департамент полиции, 19 февраля 1905 г., № 946 и листок, размноженный через копирку (арх. № 4342).— ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 27, лл. 85—86.)

1 марта.

А. М. Горький приехал в Эдинбург (на рижском взморье).
(Донесение начальника Лифляндского губернского жандармского управления в департамент полиции, 1 марта 1905 г., № 1399.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, л. 48.)

10 марта.

Согласно обвинительному акту А. М. Горький подлежал суду Петербургской судебной палаты без участия сословных представителей по 1 п. 132 ст. уг. ул.
(Копия обвинительного акта Петербургской судебной палаты, 10 марта 1905 г.— Там же, лл. 65—68.)

21 марта.

Выехал из Риги в Москву.
(Телеграмма рижского полицеймейстера московскому градоначальнику, 21 марта 1905 г.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 143.)

22 марта в 3 ч. дня.

Московский градоначальник, находя «совершенно нежелательным» пребывание Горького в Москве, запросил через департамент полиции указания министра, кем разрешен приезд в Москву.
(Срочная телеграмма московского градоначальника на имя директора департамента полиции, 22 марта 1905 г., в 9 ч. утра, за № 430706.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, л. 50.)

27 марта.

Уехал из Москвы, отметившись в Ялту.
(Сведения агентурных наблюдателей в Московское охранное отделение, 27 марта 1905 г., и сообщение Московского охранного отделения прокурору Петербургской судебной палаты, 28 марта 1905 г., № 2868.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, лл. 148 и 150.)

29 марта.

Приехал в Ялту, где за ним «учреждено негласное наблюдение».
(Донесение Таврического губернского жандармского управления в департамент полиции, 1 апреля 1905 г., № 1321.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, л. 55.)

21 апреля.

Петербургским губернским жандармским управлением возбуждено дознание по поводу опубликования в № 117 газеты «Слово» от 6 апреля 1905 г. «воззвания, за составление которого был привлечен А. М. Пешков (Максим Горький)».

(Уведомление Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 21 апреля 1905 г., № 7039.— ДП, VII, 1905 г., д. № 1981, л. 1.)

4 мая.

Департаментом полиции А. М. Горькому разрешено было пребывание в Крыму для лечения с тем, чтобы «за ним и деятельностью его было установлено на месте внимательное негласное наблюдение».

(Отношение департамента полиции начальнику Таврического губернского жандармского управления, 4 мая 1905 г., № 2139.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, л. 78.)

7 мая.

Выехал из Ялты в Петербург.

(Донесение Таврического губернского жандармского управления в департамент полиции, 10 мая 1905 г., № 1921.— Там же, л. 75.)

Июнь—июль.

Жил на даче в Финляндии, на ст. Куоккола, Выборгск. губ., мыза Линтула, дача Эрстрема.

(Дневник наружного наблюдения за 24, 25 и 28 июня и 8 июля 1905 г. — Петербург. охр. отд., 1905 г., д. № 245а.).

11 июня.

Отправил из Куоккола Е. П. Пешковой в Ялту пять экземпляров сочинения «Песни свободы», изд. 1905 г., в одном из которых были листовки за подписью «Центрального комитета российского освободительного союза».

(Отношение Центрального комитета иностранной цензуры в главное управление по делам печати, 7 июля 1905 г., № 2277 и оригиналы типографских листовок.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, лл. 78 и 79—81.)

10 июля.

Присутствовал на собрании русских художников, писателей и журналистов в Куоккола.

(Донесение начальника Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 14 июля 1905 г.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 9, ч. 10, л. 229.)

30 июля.

Участвовал в литературно-музыкальном вечере в Териоках (Финляндия), организованном артисткой московского Художественного театра М. Ф. Андреевой при участии писателей Андреева и Куприна. Присутствовало на нем до 800 человек публики; сбор был до 3 000 руб. «Все стихотворения, декламации и мелодекламации носили явно тенденциозный характер, и публика сильно волновалась, выражая свои одобрения исполнителям». После вечера особенно чествовали Горького, который на вечере прочел свое произведение «Человек». Часть сбора поступила в пользу Петербургского комитета РСДРП. Во время антракта шли

сборы: 1) в пользу семейств сестрорецких рабочих, 2) социал-демократического комитета, 3) «на активное действие» и пр.

(Донесение Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 3 августа 1905 г., № 2166, и записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 5 августа 1905 г., № 14332.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 9, ч. 10, т. II, лл. 42—43, 44—47.)

6 августа.

Выехал из Куоккола в Москву.

(Донесение Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 9 августа 1905 г., № 2204.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, л. 83.)

16 августа.

Возвратился в Куоккола и остановился на даче Эрстрема.

(Донесение начальника Финляндского жандармского управления начальнику Московского охранного отделения, 20 августа 1905 г., № 2322.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 162.)

1 сентября.

Выехал из Куоккола в Петербург с тем, чтобы через несколько времени выехать в Москву.

(Донесение Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 9 сентября 1905 г., № 2507.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, л. 84.)

12 сентября.

Переехал из Городского участка в дом Российского общества № 4/7, кв. 20 (в Москве).

(Донесение пристава 1 уч. Тверской части в Московское охранное отделение, 14 сентября 1905 г., № 290.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 165.)

4 ноября.

Дело по обвинению А. М. Горького Петербургской судебной палатой прекращено «без всяких для него последствий» и с отменой залога в 10 000 руб.

(Отношение прокурора Петербургского окружного суда в канцелярию московского градоначальника, 18 ноября 1905 г., № 21108, и донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 14 июня 1912 г., № 9576.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 166; ДП, о. о., 1912 г., д. № 9, т. III, л. 90.)

30 ноября.

Имел свидание с В. Л. Шанцером, приехавшим в этот день из Москвы для участия на предполагаемом 8 декабря с'езде социал-демократов[1].

(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент по-

[1] Шанцер В. Л. «Марат», представитель ЦК РСДРП, выехал из Петербурга в Москву 1 декабря и 7 декабря 1905 г. был арестован в Москве, в д. Соловьева по Косому пер., на собрании федеративного совета представителей соцдемократов, соц.-революционеров и железнодорожного союза. (Донесение Моск. охр. отд. в департ. полиции, 11 января 1906 г., № 222— ДП, о. о., 1905 г., д. № 2203, л. 98.)

лиции, 15 декабря 1905 г., № 22470.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 2467, л. 2.)

Начало декабря.

В дни вооруженного восстания А. М. Горький был в Москве. По сведениям Московского охранного отделения он «способствовал увеличению денежных средств для вооруженного восстания, выступая в качестве лектора на платных вечерах, часть сбора с коих отчислялась на заведомо революционные цели».

(Донесение начальника Московского охранного отделения в департамент полиции, 11 января 1906 г., № 222.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 2203, лл. 98—99.)

(Доклад заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 17/4 декабря 1909 г., № 656.— ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 84, прод. л. 145.)

15 декабря.

Выехал из Москвы в Петербург.

(Донесение пристава 1 уч. Тверской части в Московское охранное отделение, 8 марта 1905 г., № 78.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 168.)

Декабрь.

Жил в Петербурге в д. № 20, кв. 29, по Знаменской улице.

(Справка департамента полиции, 19 февраля 1906 г.— ДП, о. о. 1906 г., д. № 9, ч. 10, л. 68.)

Оказывал активное содействие в издании большевистской первой легальной газеты «Новая жизнь» [1].

(Протокол показаний Н. П. Шмита в Московском губернском жандармском управлении, 21 декабря 1905 г.— Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 839, л. 38.)

1906 г.

19 января.

Участвовал вместе с Скитальцем и М. Ф. Андреевой в музыкально-литературном вечере, устроенном в финском национальном театре в г. Гельсингфорсе, доход с которого должен был поступить в пользу лиц, пострадавших во время «беспорядков» в России.

А. М. Горький прочел произведение под заглавием «Товарищ», посвященное вооруженному восстанию в Москве («целая кипа» этого рассказа тут же в театре, особой брошюрой, с переводом на финский и шведский языки «вмиг» была продана). Он встречен был «громкими криками «ура!», и ему оказаны были «особые овации». Один ученик поднес ему лавровый венок. При выходе из театра публика встретила его возгласами: «Да здравствует Максим Горький, брат свободы!» и провожала его по всему городу с пением марсельезы.

(Донесение начальника Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 21 января 1906 г., № 58 и отношение департа-

[1] «Новая жизнь»— издавалась в Петербурге при ближайшем постоянном участии Максима Горького; № 1-й ее вышел 27 октября (10 ноября) 1905 г. С № 6 от 2 (15) ноября редактировалась непосредственно приехавшим из-за границы В. И. Лениным. Закрыта на № 28 от 3 (16) декабря 1905 г., после напечатания манифеста Петербургского совета рабочих депутатов. В №№ 1, 4, 12 и 18 были опубликованы «Заметки о мещанстве», в которых А. М. Горький разоблачал и бичевал буржуазных интеллигентов, мещан за их трусливую, предательскую политику.

мента полиции начальнику Петербургского охранного отделения, 26 января 1906 г., № 1308.— ДП, о. о., 1906 г., д. № 9, ч. 10, лл. 31 и 36.)

22 января.

Демонстрация перед гостиницей «Кемп» (в Гельсингфорсе), где остановился А. М. Горький, который при выходе приветствовал толпу возгласом: «Да здравствует свободный финский народ»; студенческая молодежь сопровождала его в гостиницу «Фелия», где он говорил речь.
(Доклад Петербургского охранного отделения министру внутренних дел, 26 января 1906 г., № 2041 — ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, л. 66.).

26 января.

Выехал в Ригу.
(Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 16 февраля 1906 г., № 2077.— ДП, о. о., 1906 г., д. № 9, ч. 10, л. 64.)

3 февраля.

Жил в Гельсингфорсе в гостинице «Патриа». «Максим Горький ведет сношения с финляндским революционным комитетом и руководит собраниями русских революционеров, для чего устраивает ежедневно собрания беглых латышей на Генриховской улице, в доме № 24 или на их конспиративной квартире на даче в дер. Уопалахти и сам посещает эти собрания. Максим Горький также ежедневно навещает ночлежный дом на углу Альбертской и Боцманской».
(Донесение Финляндского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов, 3 февраля 1906 г., № 90.— ДП, о. о., 1906 г., д. № 9, ч. 10, л. 51.)

7 марта.

Выехал в Берлин.
(Доклад заведующего розыскной агентурой в Финляндии в департамент полиции, 7 марта 1906 г., № 29.— ДП, о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 34, лл. 36—37.)

До 11 марта.

В письме «к товарищам» оценивал итоги революции 1905 г., как укрепление сил пролетариата. «Пролетариат не побежден, хотя и понес потери. Революция укреплена, новые надежные кадры ее увеличились колоссально... Русский пролетариат подвигается вперед к решительной победе...».
(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма А. М. без указания адресата, с обращением: «Товарищи!», вх. № 43 от 11/III 1906 г.— ДП, о. о., д. № 9, ч. 60, л. 22.)

Около 9 апреля.

Приехал «с неделю тому назад» в Нью-Йорк. «Ему был приготовлен самый торжественный прием, в котором принимали участие такие наши литераторы, как Марк Твэн и Дон Хоуэльс, звезды первой величины, чрезвычайно влиятельные».
(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма П. А. Деменса из Лос-Анжелос (Калифорния) М. М. Стасюлевичу в Петербург, 16 апреля 1906 г.— ДП, перлюстрация 1906 г., с. с. 2757.)

Апрель.

Послал «публичную» телеграмму Мойеру и Хейвуду, двум вождям «Wester Miners' Federation», сидящим в тюрьме и ожидающим суда за убийство [1].

(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма П. А. Деменса [2] из Лос-Анжелоса М. М. Стасюлевичу в Петербург 16 апреля 1906 г.— ДП, перлюстрация 1906 г., с. с. 2757.)

Апрель.

А. М. Горький послал телеграмму следующего содержания: «Сердечно благодарим. Элекен (да здравствует) любимая Финляндия, Элекен Красная гвардия. Дружеский привет всем товарищам. Элекен дух человеческой свободы», в ответ на полученное им от с'езда представителей финляндской Красной гвардии, состоявшегося в апреле в г. Гельсингфорсе, сочувствие в виду «низкого обращения» с ним «американской буржуазии».

(Донесение Финляндского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов, 17 апреля 1906 г., № 173.— ДП, о. о., II отд., 1906 г., д. № 9, ч. 10, л. 132.)

Апрель—сентябрь.

Выступал в Америке (Нью-Йорк) на собраниях (митингах), где «собирались пожертвования на революционные цели».

(Донесение помощника начальника Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог на пограничном пункте Сосновицы, 23 октября 1906 г., № 167.— ДП, о. о., I отд., 1906 г., д. № 840, л. 80.)

22 июня.

Написал письмо, касающееся отношений Англии к России, опубликованное частично в газете «Daily Chronicle» от 22 июня 1906 г.

(Вырезка из газеты с заметкой под заголовком: «Максим Горький. Взгляд романиста на русский кризис. Обращение к Англии», с выдержками из письма Горького.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, л. 99 и перевод статьи, лл. 92—93.)

Август.

Обратился к французским рабочим с призывом о помощи русским рабочим в их борьбе с самодержавием: «Час всеобщего восстания в России уже близок. Если не хотите, чтобы ваши товарищи шли в бой с голыми руками, жертвуйте им деньги на оружие и аммуницию, этим вы лучше всего поможете им в борьбе за свободу» [3].

---

[1] «Wester Miners, Federation»—«Западная федерация рудокопов» в США — профессиональная организация, руководившая забастовками. Вильям Хейвуд, рабочий-рудокоп (1869—1928), член «Федерации», принимал деятельное участие в стачках; после одной из них был под арестом 15 месяцев по обвинению в убийстве губернатора, но по суду оправдан в силу выступления рабочих. С 1908 г. был членом Ц. К. соц. партии; возглавлял антимилитаристское движение. В 1920 г. приехал в СССР и до конца жизни работал в Москве.

[2] Деменс — литературный псевдоним П. А. Дементьева; в 1862 г., будучи предводителем дворянства в Тверской губернии и мировым посредником, он подписал заявление, осуждавшее политику правительства, за что был арестован на 2 года; после освобождения эмигрировал за границу.

[3] «Воззвание к французским рабочим» опубликовано в «Красном знамени» (Париж), 1906 г., № 4, июнь, стр. 3—6 (см. С. Балухатый, Литературная работа М. Горького, 1936 г., стр. 131).

(Вырезка из газеты «Курьер Львовский» с телеграммой из Парижа, при отношении Подольского губернского жандармского управления в департамент полиции, 28 августа 1906 г., № 4772.— ДП, о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 5, ч. 55, л. 10.)

Октябрь

Приехал в Неаполь (Италия).

(Отношение президента прусской полиции в департамент полиции, (27 октября/9 ноября 1906 г.— ДП, о. о., 1906 г., д. № 300, лит. А, л. 116.)

Капри.

29 ноября.

А. М. Горький в ответ на нападки на него за его памфлет «Прекрасная Франция» написал письма французским журналистам и профессору-историку Олару, опубликованные во французской газете «L'Humanité» от 11 декабря 1906 г., в первом из которых Горький резко подчеркнул, что «мы враги, и враги непримиримые, ...честный писатель всегда будет врагом современного общества... Ваша любовь для меня, социалиста,— только глубокое оскорбление...».

(Вырезка из газеты «L'Humanité» с переводом на русский язык писем.— ДП, о. о., 1906 г., д. № 33, лл. 82—85.)

Конец года.

Напечатано в разных итальянских газетах, в № 6 «Красного знамени» воззвание — «манифест» к итальянскому народу А. М. Горького, с выражением благодарности за оказанные ему внимание и гостеприимство.

(Секретная депеша русского посла в Риме в министерство иностранных дел, 22/9 января 1907 г., № 1.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, л. 86.)

1907 г.

До 9 января.

Проживал на о. Капри в Италии, занимаясь литературным трудом. Вокруг него группировались русские революционеры. Ему было послано приглашение председательствовать на митинге в Риме в ознаменование воспоминания о 9 января 1905 г.

(Секретная депеша русского посла в Риме в министерство иностранных дел, 22/9 января 1907 г., № 1.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, лл. 67—70.)

Январь.

Написал письмо известному финляндскому художнику Галлену об угнетении Финляндии царизмом, с призывом итти рядом с русскими революционерами.

(Фото-снимок письма, при отношении начальника Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 28 января 1907 г.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, лл. 94 и 97.)

Январь.

Написал статью для газет Англии, Франции и Италии об угнетении Финляндии русским правительством и необходимости протеста против этого со стороны лучших представителей европейских государств.

(Копия статьи, приложенная к письму А. М. Горького финляндскому художнику Галлену.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, лл. 95—96.)

13/1 мая по 1 июня.

Присутствовал на V' с'езде РСДРП в Лондоне[1].

(Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 2/15 мая 1907 г., № 165.— ДП, о. о., 1907 г., д. № 5, ч. 80, т. II, 124—125.)

А. М. Горький постоянно поддерживал деньгами большевиков и отказался иметь дело с меньшевистским ЦК РСДРП, соглашаясь дать свое поручительство для займа денег на расходы по партийному с'езду только при условии, если ЦК будет «большевистский»[2].

(Донесения заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 17/4 и 25/12 мая 1907 г., № 170 и 187.— Там же, лл. 153—154 и 205—206.).

1908 г.

Февраль.

Был в числе сотрудников намеченной к выходу русской большевистской газеты в Женеве при участии В. И. Ленина[3].

(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма за подписью «Твоя Ида» из Женевы на имя А. Д. Клионского, в Киев от 18 февраля 1908 г.— ДП, о. о., 1908 г., д. № 5, ч. 21, л. 10.)

Горький в широких кругах известен как социал-демократ, который «много помогает своей партии как деньгами, так и интеллектуальным трудом».

(Копия письма П. М. Семенова-Батушкина начальнику Ярославского губернского жандармского управления, 8 сентября 1908 г.— ДП, о. о., 1908 г., д. № 9, ч. 77, л. 54.)

1909 г.

21 января.

Петербургский окружной суд постановил разыскать через публикацию А. М. Горького, в виду обвинения его по ст. 129 и 73 уг. ул. по поводу издания товариществом «Знание» повести «Мать» в сборнике «Знание», 1907 г., кн. XVIII.

(Отношение прокурора Петербургской судебной палаты в департамент полиции, 16 июля 1913 г., № 8878.— ДП, VII, 1913 г., д. № 5, ч. 73, лл. 64—65.)

30 января.

А. М. Горький разыскивался полицией, согласно циркуляра департамента полиции от 30 января 1909 г., за № 105406.

(Справка департамента полиции в мае 1913 г.— ДП, VII, 1913 г., д. № 5, ч. 73, л. 61.)

---

[1] А. М. был на V' партс'езде в числе делегатов с совещательным голосом. (Протоколы V' с'езда РСДРП, Партиздат, 1935 г., стр. 480, 658.)

[2] Сведения департамента полиции о нежелании Горького оказывать финансовую поддержку меньшевистской части V' с'езда подтверждаются прениями на закрытом заседании с'езда от 23 (10) мая для заслушания отчета хозяйственной комиссии. (Протоколы V' с'езда РСДРП, Партиздат, 1935 г., стр. 686—691.)

[3] Речь идет о газете «Пролетарий», издание которой с № 21-го в феврале 1908 г. перенесено было из России в Женеву. В. И. Ленин предполагал сделать в «Пролетарии» постоянным литературно-критический отдел и поручить его А. М. Горькому. (Письмо В. И. Ленина А. В. Луначарскому, 13 февраля 1908 г. Ленин, Соч., т. XXVIII, стр. 521.)

5 марта.

В письме В. В. Воровскому[1] в Одессу, в связи с организацией школы на о. Капри[2], писал: «Скоро, по весне, соберется здесь много публики разной, знакомой вам. Настроены высоко, живут здесь рабочие, прекрасные парни».

(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма. — ДП, перлюстрация 1909 г., с. с. 1382.)

Оказывал содействие в организации школы на о. Капри.

(Циркуляр департамента полиции от 12 июля 1909 г., № 133289, отношение департамента полиции от 12 декабря 1909 г., № 141046, донесения Московского охранного отделения в департамент полиции от 19 марта 1909 г. и от 13 марта 1910 г. №№ 39 и 249405, доклад заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 17/4 декабря 1909 г., № 656.— ДП, о. о., 1909 г., д. № 271, лл. 17 и 205, 1, 253; ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 84, прод., лл. 142—145.)

19 октября.

Сделано распоряжение об аресте учеников каприйской школы.

(Циркуляры департамента полиции, 19 октября и 21 ноября 1909 г. за №№ 137644 и 139435. — ДП, циркуляры 1909 г., д. № 173, лл. 102 и 116.)

19 октября.

А. М. Горький разыскивался циркуляром особого отдела департамента полиции от 19 октября 1909 г., № 137644.

(Справка департамента полиции в мае 1913 г.— ДП, VII, д. № 5, ч. 73, л. 61.)

21 ноября.

Разыскивался циркуляром особого отдела департамента полиции от 21 ноября 1909 г., № 139435.

(Справка департамента полиции в мае 1913 г.— ДП, VII, 1913 г., д. № 5, ч. 73, л. 61.)

До 9 декабря.

Ученики школы на о. Капри выехали в Париж для прослушания лекций В. И. Ленина.

---

[1] Воровский, В. В. (литературный псевдоним И. Орловский)—один из видных деятелей ВКП(б). Сотрудник старой «Искры», член редакции большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий» и ряда последующих большевистских изданий. В 1908—1909 гг. был членом Одесского городского Комитета РСДРП. После Октябрьской социалистической революции — представитель РСФСР в Швеции, полпред в Италии. В 1923 г. был представителем РСФСР на Лозаннской конференции, где был убит белогвардейцем Конради.

[2] Школа на о. Капри организована была группой отзовистов, ультиматистов и богостроителей (Богданов, Алексинский, Луначарский). В период организации школы руководители новой фракции тщательно скрывали свои замыслы от партии. В ответ на просьбу учеников школы принять участие в чтении лекций в школе В. И. Ленин вскрыл антипартийные взгляды организаторов школы и их попытку прикрыть школой свои фракционные планы. (См. письма В. И. Ленина к организаторам Каприйской школы, 18 августа 1909 г., и к ученикам школы, 30 августа 1909 г.—Ленин, Соч., т. XIV, стр. 116—117 и 118—123.) Ленин подчеркивал, что указанная группа пытается использовать для своих фракционных целей литературный авторитет М. Горького.—Ленин, Соч., т. XIV, стр. 298—299.

(Отношение департамента полиции начальнику Петербургского охранного отделения, 9 декабря 1909 г., № 140001.— ДП, о. о., 1909 г., д. № 271, л. 184.)

1910 г.

Февраль.

Решено было организовать типографию Российской социал-демократической рабочей партии в Финляндии «при ближайшей материальной помощи финнов и при ближайшем литературном участии Максима Горького».

(Агентурные сведения, поступившие в особый отдел департамента полиции 12 октября 1910 г., № 24631.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, л. 160.)

Февраль—март.

Организовал в Италии группу содействия «Комитету помощи русским политическим заключенным» в ответ на призыв к этому «Комитета» от 31 января 1910 г.

(Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже, 5/18 апреля 1910 г., № 350.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 258, лл. 32—35.)

Июнь.

В предполагаемый к выходу осенью социал-демократический легальный сборник для рабочих должна была войти статья М. Горького «О писателях самоучках».

(Перлюстрированное департаментом полиции письмо из Парижа в книжный магазин «Звено» в Москву от 18 июня 1910 г.,— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, т. III, л. 205.)

Август.

Намечен был к печатанию большой роман «Тираны» из эпохи революции 1905 года в предполагаемом к изданию социал-демократическом журнале «Свобода России», при активном содействии финнов, которые «желали видеть и редактором его М. Горького».

(Агентурная записка в департамент полиции, 13 августа 1910 г., № 19093.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, ч. 1, лит. А, прод., лл. 46—48.)

До 29 ноября.

Прислал «восторженное» письмо в редакцию «Рабочей газеты» (орган большевиков) с приложением 500 франков в виде субсидии газете.

(Доклад заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 12 декабря/29 ноября 1910 г., № 1103.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, л. 211.)

1911 г.

Март.

В ответ на просьбу редакции газеты «Жизнь», издававшейся в Симбирске, взять газету под покровительство партии — ответил отказом в помощи, так как газета эта кажется ему «вредной», не самостоятельной.

(Копия письма за подписью А. Пешкова при сводке агентурных сведений по РСДРП в Симбирскую губернию за март 1914 г.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, ч. 70, лит. Б, лл. 4—5, 6.)

Конец марта.

Приехал в Париж и вел переговоры с В. И. Лениным относительно постановки «большой» социал-демократической газеты.

(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма. — ДП, перлюстрация, 1911 г., д. № 1, апрель, л. 182.)

22/9 апреля.

Выехал на о. Капри.

(Телеграмма заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 15 апреля 1911 г., № 698.— ДП, о. о., 1906 г., I отд., д. № 115, т. II, пр. 7, л. 94, вх. № 11200.)

22 апреля.

Состоялось определение окружного суда о розыске (сыске) А. М. Горького, обвиняемого по ст. 129 уг. ул. по поводу издания книги: П. Кропоткин, «В русских и французских тюрьмах».

(Отношения прокурора Петербургской судебной палаты в департамент полиции, 6 апреля и 16 июля 1913 г., №№ 4286 и 8878.— ДП, VII, 1913 г., д. № 5, ч. 73, лл. 57, 64—65.)

Апрель.

Вошел в состав редакции журнала «Современник», выходивший с января 1911 г.[1]

(Копия письма Н. С. Сперанской из Парижа, 19/6 мая 1911 г. — ДП, перлюстрация, 1911 г., д. № 1 — мая, л. 108.)

Май.

Вел переговоры с книгоиздательством Сытина относительно субсидирования задуманного им издания с.-д. журнала под названием «Новая Россия».

(Отношение директора департамента полиции начальнику Главного управления по делам печати, 7 мая 1912 г., № 100819.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, т. III, прод. I, лл. 157—158.)

25 ноября.

В № 6 газеты «Будущее», издаваемой В. Бурцевым, помещена статья М. Горького «Письмо монархисту», где он говорит, что «монархизм вообще кажется ему заблуждением, а для России особенно пагубным»[2].

(Справка департамента полиции от января 1912 г.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 200, л. 13.)

Был в числе сотрудников легальной большевистской газеты «Звезда», издававшейся ЦК РСДРП при участии В. И. Ленина в Петербурге.

(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 5 марта 1911 г., № 38.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, т. III, лл. 5—8.)

1912 г.

4 февраля.

На анкету от английского общества «За Персию» по вопросу об отношении Англии и России к Персии, ответил, что «действия русского

[1] А. М. Горький принял на себя редактирование литературного отдела в журнале «Современник» осенью 1912 г., но в 1913 г. отказался от редактирования в виду буржуазной платформы редакции журнала. Журнал выходил с 1911 г. до конца 1915 г.

[2] Адресат «письма» В. И. Бреев, председатель нижегородского отдела «Союза русского народа». Он прислал А. М. письмо, в котором убеждал А. М. «покаяться» и просить разрешения вернуться в Россию. «Письмо» опубликовано в книге: «М. Горький. — Материалы и исследования», изд. Академии наук СССР, 1934 г., т. I, стр. 53—60.

правительства в Персии в национальном отношении вредны для русского народа, оставляя совершенно в стороне то, что по отношению к персам они бесчеловечны».

(Перевод заметки под заголовком «Максим Горький о персидском вопросе» в «Русском бюллетене» в Берлине, № 13 от 7 марта 1912 г.— ДП, перлюстрация, 1912 г., д. № 1, февраль, лл. 238—239.)

Апрель.

Напечатано было произведение Горького «Рождение человека» в первой книжке легального журнала «Заветы», арестованной по распоряжению Петербургского комитета по делам печати.

(Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 4/17 апреля 1912 г., № 457 и донесение Петербургского охранного отделения от 14 июня 1912 г. с об'явлением от журнала «Заветы».— ДП, о. о., 1906 г., д. № 115, ч. 17, л. 6; ДП, о. о., 1912 г., д. № 9, т. V, лл. 96—97.)

Апрель.

Обещал свое фактическое сотрудничество газете «Правда» и дал 2 000 руб. на нее.

(Справка департамента полиции 1912 г.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, т. III, л. 11.)

Июль.

Был в Аляччио (в Италии).

(Телеграмма заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 19 июля 1912 г., № 811. — ДП, 1906 г., д. № 115, ч. 17, л. 207, вх. № 21658.)

До 9 октября.

Написал статью о братстве народов и о замечательных свойствах украинского народа, которая нанесла удар шовинистической великодержавной пропаганде. Выдержки из нее напечатаны были в статье «М. Горький о великой России», опубликованной в № 41 газеты «Парижский вестник», издающейся в Париже [1].

(Вырезка из газеты при отношении департамента полиции от 9 октября 1912 г., № 104234.— ДП, о. о., 1912 г., д. № 250, лл. 102 и 99.)

10 октября.

На собрании в Париже по поводу выражения протеста против избиения политических заключенных в Кутомарской тюрьме было прочтено «письмо» А. М. Горького, в котором он говорит, что «русские должны освободить сами себя, не ожидая помощи от Европы. Надо Карфаген самодержавия разрушить» [2].

(Письмо из Парижа «товарищу Николаю» на имя М. В. Петрова в Москву, 11 октября 1912 г.— ДП, перлюстрация, 1912 г., д. № 1, октябрь, л. 33.)

---

[1] Статья Горького под заголовком «О русской интеллигенции и национальных вопросах» (ответ на анкету «Украинской жизни») опубликована в книге «М. Горький. — Материалы и исследования», изд. Академии наук СССР, т. I, стр. 64—67.

[2] Речь идет о статье А. М. Горького «В пространстве», напечатанной впервые в газете «Будущее» в Париже, № 36, 13 октября 1912 г.; опубликована в книге: «М. Горький. — Материалы и исследования», изд. Академии наук СССР, т. II, стр. 95—99.

1912—1914 гг.

Состоял в числе сотрудников большевистской газеты «Правда», выходившей легально в Петербурге.

(Доклад петербургского градоначальника министру внутренних дел, 29 августа 1912 г., № 14295.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, т. III, прод. I, лл. 253—262.)

1913 г.

4 апреля.

Прокурором Петербургской судебной палаты предложено Петербургской судебной палате прекратить дело по обвинению А. М. Пешкова (Горького), обвиняемого по 2 пункту, 1 ч. 129 ст. уг. ул.

(Отношение прокурора Петербургской палаты в департамент полиции, 6 апреля 1913 г., № 4318.— ДП, VII, 1913 г., д. № 5, ч. 73, л. 54.)

6 апреля.

Прокурором Петербургской судебной палаты предложено Петербургской судебной палате прекратить дело по обвинению А. М. Пешкова (Горького), обвиняемого по 1 п., 1 ч., 129 ст. уг. ул.

(То же от 6 апреля 1913 г., № 4280.— Там же, л. 57.)

9 апреля.

Петербургской судебной палатой в силу указа от 21 февраля 1913 г. (амнистия) прекращено дело по обвинению А. М. Пешкова (Горького) по 1 п., 1 ч., 129 ст. уг. ул. и по ст. 132 по поводу издания брошюр: «Маркс и Энгельс — Манифест коммунистической партии». П. Кропоткин, «В русских и французских тюрьмах», и по ст. 51 и 129 уг. ул. по поводу издания книг: а) «Литературно-художественный альманах», изд. «Шиповник», кн. I, 1907 г., б) такой же альманах, кн. I, 1911 г. и в) «Серафимович», Рассказы, т. III.

(Отношения прокурора Петербургской судебной палаты в департамент полиции, от 25 апреля и 16 июля 1913 г., №№ 4916 и 8878.— ДП, VII, 1913 г., д. № 5, ч. 73, л. 64.)

20 июля.

Петербургской судебной палатой постановлено оставить в силе «со всеми его законными последствиями» розыск через публикацию А. М. Пешкова (Горького), обвиняемого по ст. 73 уг. ул. по поводу его повести «Мать» в XVIII томе сборника «Знание».

(Отношение прокурора Петербургской судебной палаты в департамент полиции, 1 ноября 1913 г., № 12832 и справка департамента полиции от 24 декабря 1913 г.— ДП, VII, 1913 г., д. № 5, ч. 73, лл. 71 и 75.)

Июнь.

Намечен был в числе лекторов в предполагаемую парт. школу в сентябре 1913 г., задуманную Ц. К. большевиков к организации в Закопане (близ Кракова), где жил В. И. Ленин.

(Записка по РСДРП Московского охранного отделения в департамент полиции, 15 августа 1913 г. без №.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, прод. 4, лл. 102—109.)

31 декабря 11 ч. 35 м. утра.

Приехал в Петербург из-за границы и в тот же день выехал на ст. Мустамяки по Финляндской железной дороге, откуда на лошадях отправился в дачную местность Керевало на дачу Рито.

(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 3 января 1914 г., № 2072.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 200, л. 32.)

1914 г.

11 января.

Распоряжение департамента полиции об установлении «неотступного» наблюдения за приехавшим в Россию М. Горьким.
(Отношение департамента полиции начальнику Финляндского жандармского управления, 11 января 1914 г., № 165469.— Там же, л. 35.)

18 января 6 ч. 20 м. веч.

Выехал со станции Мустамяки в Петербург.
(Донесение Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 24 января 1914 г., № 275.— Там же, л. 41.)

18 января.

Выехал из Петербурга в Москву «без наблюдения».
Телеграмма Петербургского охранного отделения в Московское охранное отделение, 19 января 1914 г., со следующей резолюцией: «надо установить местожительство и осторожное наблюдение». «Установить контроль, поставить в известность всех вокзальных надзирателей».— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 170 и 1905 г., д. № 740, л. 66.)

22 января.

Находился в имении И. Д. Сытина[1] «Берсеновка» в Клинском уезде близ станции Поваровка, Николаевской железной дороги, откуда предполагал наездами посещать Москву.
(Отношение Московского охранного отделения начальнику Московского губернского жандармского управления, 22 января 1914 г., № 296717.— Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 740, л. 80.)

27 января, 1 ч. 30 м. дня.

Приехал со ст. Поваровка в Москву, в меблированные комнаты Елисеева, по Тверской ул., в д. Елисеева, кв. № 8, во 2 уч. Тверской части.
(Телефонное сообщение полицейского надзирателя, 27 января 1914 г.— То же дело, л. 80.)

28 января.

Выехал из Москвы на ст. Поваровка.
(Донесение пристава 2 уч. Тверской части в Московское охранное отделение, 28 января 1914 г., № 19.— Там же, л. 83.)

4 февраля.

Приехал в Москву, в дом № 40, в меблированные комнаты Елисеева, по Тверской ул., кв. № 8.
(Донесение пристава 2 уч. Тверской части в Московское охранное отделение, 5 февраля 1914 г., № 19.— Там же, л. 86.)

14/27 февраля.

За прочитание лекции о Максиме Горьком из Берлина выслан был Луначарский.

[1] Сытин, И. Д.— известный книготорговец и издатель.

(Телеграмма в газете «Le Temps», 27/14 февраля 1914 г.—ДП, о о., 1911 г., д. № 200, л. 57.)

16 февраля.

Выехал из Москвы на ст. Поваровка.
(Донесение пристава 2 уч. Тверской части в Московское охранное отделение 17 февраля 1914 г., № 19.— Моск. охр. отд., 1905 г., № 740, л. 89.)

22 февраля.

Выехал из Москвы в Петербург «без наблюдения».
(Телеграмма Московского охранного отделения начальнику Петербургского охранного отделения, 23 февраля 1914 г., № 289078.— Там же, л. 90.)

25 февраля.

Осматривал памятники в Александровском парке и Караванном сквере; посетил музей Александра III.
(Дневник наружного наблюдения 1914 г.—Петерб. охр. отд., 1914 г., д. № 229, л. 33.)

26 февраля.

Посетил «выставку картин» в д. № 2, по Инженерной ул.
(Там же, л. 38.)

27 февраля.

Посетил «весеннюю выставку» в здании Академии художеств на Васильевском острове.
(Там же, л. 45.)

3/16 марта.

Был в Гельсингфорсе.
(Донесение начальника Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 19 июня 1914 г., № 2163.— ДП. о. о., 1911 г., д. № 200, л. 46.)

4 марта, 10 ч. вечера.

Приехал в Петербург с Финляндского вокзала.
(Дневник наружного наблюдения.— Петерб. охр. отд., 1914 г., д. № 229, л. 47.)

5 марта.

Осматривал новый храм в память 300-летия дома Романовых на Полтавской улице.
(Там же, л. 46.)

7 марта.

Посетил зоологический сад.
(Там же, л. 51.)

Первая половина марта.

Снял в Петербурге квартиру, № 7 в доме № 23, по Кронверкскому проспекту.

(Справка полицейского надзирателя от 14 марта 1914 г.— Петерб. охр. отд., дневник наружного наблюдения в 1914 г., д. № 229, л. 56.)

25 марта.

Был в Сестрорецке.

(Донесение Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 19 июня 1914 г., № 2163.—ДП. о. о., 1911 г., № 200, л. 46.)

Начало июня.

Снял в Финляндии для постоянного проживания в деревне Кирьявала дачу Ланге на целый год.

(Донесение начальника Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 7 июня 1914 г., № 1872, с резолюцией директора департамента полиции: «ведение постоянного наблюдения за А. М. Пешковым не представляется небходимым, но надлежит периодически проверять наличность и пребывание его на указанной даче».— Там же, л. 72.)

19 июня.

Выехал в Петербург.

(Донесение начальника Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 6 июля 1914 г., № 2410.— Там же, л. 80.)

27 июня.

Приехал из Финляндии с дачи в деревне Неувола в Петербург.

(Дневник наружного наблюдения.— Петербург. охр. отд., 1914 г., д. № 229, лл. 66—67.)

28 июня.

Вернулся в Мустамяки и уехал на свою дачу.

(Донесение начальника Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 6 июля 1914 г., № 2710.— ДП. о. о., 1911 г., д. № 200, л. 80.)

По 30 июля.

Жил в Финляндии, занимаясь литературным трудом.

(Донесение Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 3 августа 1914 г., № 3445.— Там же, л. 81.)

24 октября.

Выехал со станции Мустамяки в Киев через Петербург.

(Донесение Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 3 ноября 1914 г., № 476.— Там же, л. 90.)

С 24 октября по 17 ноября.

Жил в Киеве в д. 6, кв. 65, по Анненковской улице; рабочими, представителями профессиональных союзов, поднесен был ему адрес с приветствиями по случаю его приезда.

(Донесение Киевского губернского жандармского управления в департамент полиции, 16 декабря 1914 г., № 2809, и от 5 января 1915 г.; копия письма П. Л. Куниной из Киева в Нарым от 24 ноября 1914 г.; агентурные записки Киевского губернского жандармского управления от 22 декабря 1914 г.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 200, л. 92; ДП, о. о., 1914 г., д. № 28, т. II, лл. 195 и 178; ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 32, лит. Г, л. 143.)

19 ноября.

Приехал из Киева в Москву, остановился в гостинице «Боярский двор».

(Донесение пристава Городского участка, 19 ноября 1914 г., № 95.— Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 80, л. 171.)

25 ноября, 10 ч. веч.

Выехал из Москвы в Петербург «без наблюдения».

(Телеграмма Московского охранного отделения начальнику Петербургского охранного отделения, 25 ноября 1914 г., № 289522.— Там же, л. 172.)

29 ноября, 10 ч. утра.

Уехал с Финляндского вокзала.

(Дневник наружного наблюдения 1914 г.— Петерб. охр. отд., 1914 г., д. № 229, л. 78.)

15 декабря.

Приехал в Мустамяки и поселился на даче Ланге в деревне Неувола.

(Донесение Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 22 декабря 1914 г., № 5706.— ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, л. 376.)

Конец декабря.

Был в Петербурге на совещании, организованном Кусковой [1] по еврейскому вопросу в связи с войной и о создании печатного органа.

(Агентурная записка № 5 Московского охранного отделения от 18 января 1915 г.— ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 46, лит. Б, л. 10.)

Состоял сотрудником журнала «Просвещение» [2].

(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 6 августа 1914 г., № 1816.— ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 57, лит. Б, прод. 1, л. 123 об.)

1915 г.

9 января.

Выехал из Москвы в Петербург вместе с А. Н. Тихоновым [3].

(Отношение начальника Московского охранного отделения в Петербургское охранное отделение, 12 января 1915 г., № 296278.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 177.)

3 февраля.

Подписал широко распространявшееся письмо — обращение к публике ответить на прилагаемые вопросы по антисемитизму (помещенное в утреннем выпуске газеты «Биржевые ведомости» от 3 февраля

---

[1] Кускова, Е. Д. — автор известного «Credo», вызвавшего резкий протест со стороны 17 представителей революционного крыла социал-демократии во главе с Лениным. С группой своих единомышленников (Прокопович, Богучарский и др.) издавала журнал «Без заглавия», который выступал прямым противником классовой политики пролетариата. Ярый враг советской власти. В настоящее время в белой эмиграции.

[2] «Просвещение» — большевистский журнал; издавался легально в Петербурге с декабря 1911 г. по июнь 1914 г. А. М. Горький принимал участие в редактировании журнала, руководя беллетристическим отделом его.

[3] Тихонов, А. Н. — издатель журнала «Летопись»; руководитель издательства «Парус».

1914 г.), в целях агитации в обществе в пользу предоставления евреям всех прав [1].

(Письмо, отпечатанное на мимеографе, адресованное в редакцию газеты «Астраханский листок» от 14 февраля 1915 г., и донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 5 марта 1915 г., № 708.— ДП, о. о., 1915 г., д. № 334, лл. 19—21; ДП, о. о., 1915 г., д. № 343, отд. 4, л. 77.)

18 февраля.

Приехал из Финляндии в Петербург и поселился в д. 23, кв. 10, по Кронверкскому проспекту.

(Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 7 марта 1915 г., № 6571.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 200, л. 96.)

Февраль—март.

Жил на даче в Финляндии в деревне Неувола, Новокиркского прихода, Выборгской губернии, часто на короткое время выезжая в Петербург.

(Донесение начальника Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 1 апреля 1915 г., № 2092.— ДП, о. о., 1915 г., д. № 245, т. II, л. 38.)

27 марта.

Приехал в Москву и остановился в гостинице «Боярский двор» на Старой площади вместе с И. П. Ладыжниковым [2]. Были в цирке Никитина.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции, 31 марта 1915 г., № 298721.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 200, л. 97.)

29 марта.

Выехал в Петербург.

(Там же.)

9 апреля, 12 ч. 30 м. дня.

Приехал из Петербурга в Москву, остановился в гостинице «Боярский двор» вместе с С. В. Познером и М. Ф. Андреевой.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции, 11 апреля 1915 г., № 299085.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 200, л. 98.)

9 апреля, вечером.

В Московской консерватории на литературно-музыкальном вечере, устроенном в пользу московского еврейского общества помощи жертвам войны, прочел отрывок из своей повести «Детство».

(Там же.)

10 апреля.

Выехал в Петербург с Познером и Андреевой.

(Там же.)

---

[1] Как результат разбора полученных ответов на эту анкету была напечатана статья А. М. Горького «По поводу новой анкеты» в № 1 (январь) журнала «Летопись», 1916 г., стр. 189—220.

[2] Ладыжников, И. П.— работал в 90-х и 900-х годах в Н.-Новгороде; позднее издатель сочинений А. М. Горького в Берлине.

11 апреля.

Приехал в Петербург в д. № 23, кв. 10, по Кронверкскому проспекту.
(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 18 апреля 1915 г., № 8831.— Там же, л. 99.)

28 апреля.

Выехал из Петербурга в Финляндию «без сопровождения наружным наблюдением».
(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 30 апреля 1914 г.— Там же, л. 100.)

До 7 мая.

Написана для легальной печати, но не дозволена к печатанию статья «Каковы задачи печати во дни войны».
(Копия статьи и агентурные сведения Московского охранного отделения, 7 мая 1915 г.— ДП, о. о., 1915 г., д. № 9, ч. 46, лит. Б, л. 154; ДП, о. о., 1915 г., д. № 9, ч. 46, лит. Г, л. 9.)

3 сентября, 10 ч. утра.

Был на совещании в помещении конторы книгоиздательства «Парус» по Лиговской улице, в д. № 44[1].
(Дневник наружного наблюдения за 1915 г.— Петерб. охр. отд., 1915 г., д. № 84, лл. 9—10.)

3 сентября, 4 ч. 20 м.

Выехал из Петербурга в Финляндию до станции Мустамяки.
(Там же, л. 5.)

21 сентября.

Посетил книгоиздательство «Парус», книжный склад «Разум» по Владимирскому проспекту, д. № 19, контору редакции журнала «Русские записки» по Басковой улице, д. № 9, кв. 5 и в 5 ч. 15 м. уехал на Николаевский вокзал.
(Там же, лл. 14—18, 21.)

23 сентября.

Приехал в Москву, остановился в гостинице «Боярский двор».
(Донесение полицейского надзирателя в Московское охранное отделение, 23 сентября 1915 г.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 188.)

25 ноября, 9 ч. вечера.

Присутствовал на собрании общества «Братский отклик» для вспомоществования жертвам войны, состоявшемся в помещении адвокатского кружка в д. № 2, по Басковой ул. В своем выступлении А. М. Горький указал, что «надо теперь же совершить революцию внутри страны».
(Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 26 ноября 1915 г., № 222.— ДП, о. о., 1915 г., д. 67, лл. 91—94.)

Декабрь.

Состоял фактическим редактором журнала «Летопись», первый № которого вышел в декабре 1915 г.

[1] «Парус»—издательство, возникло по инициативе А. М. Горького в Петербурге в 1915 г.

(Отношение начальника главного управления по делам печати в департамент полиции, 17 января 1917 г., № 417.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 200, л. 150.)

1916 г.

Июль.

Московские студенты подготовляли адрес А. М. Горькому с выражением своего сочувствия за твердо отстаиваемую им позицию по отношению к войне.

(Агентурная записка Московского охранного отделения № 10, 7 июля 1916 г.— ДП, о. о., 1916 г., д. № 59, ч. 46, лит. Б, л. 17.)

28 сентября.

Приехал из Нижнего-Новгорода в Москву и остановился в гостинице «Славянский базар» по Никольской ул.

(Справка полицейского надзирателя Городского уч. в Москве, 15 ноября 1916 г.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 182 об.)

27 октября.

Выехал из Петербурга в Москву «без наблюдения».

(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 30 октября 1916 г., № 22543.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 200, л. 144.)

7 ноября.

Выехал в Киев.

(Справка полицейского надзирателя Городского участка в Москве 15 ноября 1916 г.— Там же, л. 182 об.)

1917 г.

Февраль.

Наружным наблюдением Петербургского охранного отделения были установлены встречи А. М. Горького с Е. Д. Стасовой [1].

(Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 21 февраля 1917 г., № 668.— ДП, о. о., 1916 г., д. № 5, ч. 25, лит. Б, л. 120.)

---

[1] Стасова, Е. Д. — профессиональная революционерка-большевичка; начала принимать участие в с.-д. движении с 1898 г. После ареста в 1912 г. была выслана в Сибирь, но перед революцией 1917 г. ей было разрешено временно приехать в Петербург вследствие болезни. В марте 1917 г. она организовала в Петербурге секретарское бюро Ц. К. Все время работает на ответственной партийной работе; в настоящее время председатель ЦК МОПР.

Борьба за землю в 1917 г.

(по Казанской губ.)

Борьба трудового крестьянства за землю с первых дней февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. приобрела особую остроту. Большевистские лозунги о решении земельного вопроса революционным путем быстро охватили широкие слои трудового крестьянства и, в первую очередь, крестьянскую бедноту.

В. И. Ленин писал: «Крестьяне, солдаты, рабочие — огромное большинство в государстве. Это большинство х о ч е т, чтобы все земли немедленно перешли в руки Советов Крестьянских Депутатов. Никто не сможет помешать большинству, е с л и оно хорошо организовано (сплочено, об'единено), е с л и оно сознательно, е с л и оно вооружено» [1].

В адрес Временного правительства поступают донесения губернских комиссаров и других представителей местной власти о развертывающемся аграрном движении и требования крупных владельцев прекратить «аграрные беспорядки».

На многочисленные требования крестьян о немедленном разрешении земельного вопроса Временное правительство вместе с эсерами и меньшевиками отвечало карательными экспедициями и предложениями ждать решения земельного вопроса до Учредительного собрания.

Разоблачая контрреволюционную политику Временного правительства, товарищ Сталин еще в апреле 1917 г. писал: «Нас не удивляет такой ответ. Правительство фабрикантов и помещиков иначе и не может относиться к крестьянам, что им крестьяне, здравствовали бы помещики! Мы обращаемся поэтому к крестьянам, ко всей крестьянской бедноте всей России — взять свое дело в свои собственные руки и двинуть его вперед. Мы призываем их организоваться в революционные крестьянские комитеты (волостные, уездные и пр.) и, забрав через них помещичьи земли, самовольно обрабатывать их организованным порядком. Мы призываем сделать это немедля, не дожидаясь Учредительного Собрания, не обращая внимания на реакционные министерские запрещения, ставящие палки под колеса революции» [2].

Деревня, проснувшаяся от долголетнего гнета, нищеты и разрухи, горячо откликается на большевистские призывы. Вопрос о земле становится самым насущным вопросом сегодняшнего дня. В деревне организуются волостные комитеты, отстраняется старая власть в лице урядников, старшин, становых, приставов и прочих агентов царского режима.

Крестьяне конфискуют барский инвентарь, передают его в общественное пользование, пытаются организовать в бывших помещичьих усадьбах общественную обработку земли.

Они передают в общественное пользование церковные, монастырские и помещичьи покосы, пашни и леса, запрещая помещикам и кулакам рубить и свозить лес. Они отбирают коннозаводские предприятия, прекращая постановку конского молодняка на фронты империалистической войны.

По мере того, как Временное правительство разоблачает свои стремления укрепить господство буржуазии,— растет недовольство широких масс и растет крестьянское движение. Под руководством пролетариата солдатская масса и беднейшее крестьянство организуются для борьбы за советскую власть.

---

[1] Ленин. Соч., т. XX, стр. 171.
[2] «Правда» от 14 апреля 1917 г.

Под влиянием развития революции, крестьянство расслаивается. Об этом говорил товарищ Сталин на VI с'езде партии.

«Мелкая буржуазия расслоилась, низы уходят от верхов, пролетариат организуется...» [1].

Революционный под'ем крестьянской бедноты имел громадное значение для всего будущего революции. Он обеспечивал рабочему классу резервы многомиллионных трудовых масс деревни.

Товарищ Сталин, развивая ленинское положение о возможности построения социализма в одной стране, говорил:

«Задачей этих революционных классов (т. е. пролетариата и беднейшего крестьянства.—*Ред.*) явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и к социалистическому переустройству общества» [2].

Борьба деревенской бедноты и трудового крестьянства за землю на окраинах, в национальных районах была тесно связана с борьбой за права угнетенных народов.

С необычайной силой под влиянием большевистской пропаганды и агитации развивается движение в татарской деревне.

Казанский губернский, комиссар Чернышев, в своей телеграмме министру внутренних дел, жалуется, что даже в «глухих уголках Казанской губернии, населенных малопросвещенными инородцами, не поняли значения свобод, какие были об'явлены Временным правительством... Этим не преминули воспользоваться большевистские агитаторы, принявшие на себя роль политических просветителей национальной деревни. Они стали на путь преступной агитации. Эксцессы в Чебоксарском уезде (где национализирована вся земля у помещиков) были именно деятельностью большевистских агитаторов» [3].

Временное правительство издало специальное постановление от 28 сентября 1917 г. об образовании особого комитета по земельным делам в Казанской губернии и по борьбе с революционным движением татарских и чувашских крестьян.

Агенты Временного правительства ответили на движение татарской деревни арестами большевиков, рабочих и крестьян. Казанский губернский комиссар в особом донесении от 16 августа 1917 г. на имя министра внутренних дел пишет: «Располагая материалами командированных из Казани на места представителей общегубернских организаций и достойных доверия местных чебоксарских организаций, я распорядился задержать всех большевиков и передать их в распоряжение судебной власти» [4].

Руководящая роль пролетариата и большевистской партии в борьбе крестьян с помещиками особо пугала Временное правительство, меньшевиков и эсеров. Ими запрещались собрания и митинги рабочих и предотвращалась возможность связи рабочих и крестьян. В этом отношении характерна, например, следующая телеграмма:

«В Казани,— телеграфирует губернский комиссар Чернышев Временному правительству,— из опасений каких-либо выступлений рабочих и связи их с революционными крестьянами, на соединенном совещании при участии командующего войсками и моем, было принято решение не допускать публичных манифестаций и митингов» [5].

Но контрреволюционные мероприятия Временного правительства не могли остановить развивающейся революции. Пролетариат под руководством партии

---

[1] Шестой с'езд РСДРП(б), август 1917 г. Москва, Партиздат, 1934 г., стр. 139.

[2] Там же, стр. 228. См. также «История гражданской войны в СССР», стр. 185, 186.

[3] ЦАОР, ф. 398/I, д. № 31, 1917 г.

[4] Там же.

[5] Там же.

Ленина — Сталина уверенно шел к завоеванию власти, ведя за собой солдатскую массу и крестьянскую бедноту.

«Национальный и аграрный вопросы,— писал Ленин,— это — коренные вопросы дня мелкобуржуазных масс населения России в настоящее время. Это неоспоримо. И по обоим вопросам пролетариат «не изолирован» на редкость. Он имеет за собой большинство народа. Он о д и н способен вести такую решительную, действительно «революционно-демократическую» политику по обоим вопросам, которая сразу обеспечила бы пролетарской государственной власти не только поддержку большинства населения, но и настоящий взрыв революционного энтузиазма в массах...» [1].

М. Р.

Телеграмма министерства внутренних дел в Казань губернскому комиссару, 20 марта 1917 г. [2]

Передается для зависящих распоряжений депеша от 15 марта землевладельца Михаила Сергеевича Силантьева из села Турминского: что «в селе Кармале Тетюшинского уезда, Казанской губернии, народ возбужден, угрожают лишением жизни, производят бунт, меры против этого принимаются; милиции нет, окажите содействие. Землевладелец М и х а и л С е р г е е в и ч С и л а н т ь е в».

За МВД Л е о н т ь е в.

Телеграмма помещицы М. Молоствовой председателю министров кн. Львову, 7 апреля 1917 г. [3]

Умоляю спасти жизнь моему управляющему Зарину, арестованному крестьянами вопреки распоряжения уездного комитета; угрожают самосудом, признан не виновным комитетом безопасности города Спасска Казанской губернии; положение угрожающее, всех экономических служащих крестьяне сняли с должности, посев производить не дают, сами тоже не сеют.

Землевладелица села «Трех озер» М а р и я М о л о с т в о в а.

Телеграмма зам. министра внутренних дел Урусова казанскому губернскому комиссару, 3 апреля 1917 г., № 15263 [4]

По полученным сведениям в имениях Молоствовых при селе Три озера Спасского уезда местные крестьяне арестовали управляющих, прогнали служащих, требуют даром землю. Благоволите принять меры восстановлению порядка путем командирования авторитетного лица для раз'яснения населению незакономерности действий, грозящей ответственности.

За МВД У р у с о в.

Постановление общего собрания Совета Крестьянских Депутатов Казанской губ., 13 мая 1917 г. [5]

1) Впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием, в интересах успеха революции и для обеспечения страны продо-

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XXI, стр. 254.

[2] ЦАОР, ф. 398/I, оп. I, д. № 32, л. 84. Публикуемые документы хранятся в Центральном архиве Октябрьской революции и подготовлены к печати тт. Мартыновым и Регельсон.

[3] ЦАОР, 1917 г., ф. 406, 2 отд., д. № 57/15, ч. 36, л. 9.

[4] Т а м ж е, л. 4.

[5] ЦАОР, ф. 398, от. I, д. № 31, лл. 57—58.

вольствием, после того как будут организованы волостные и сельские комитеты, Совет крестьянских депутатов находит необходимым все пахотные земли и луга — помещичьи, казенные, удельные, монастырские, церковные, кабинетские, городские — передать в распоряжение волостным комитетам.

Примечание: Земли, скупленные у отрубников (а также леса и луга) в одни руки частным владельцем, считаются помещичьими.

Земля передается в распоряжение только тех волостных комитетов, которые правильно организованы.

Как организовать правильно волостной комитет.

Чтобы правильно организовать волостной комитет, надо в каждой деревне, селе, собрать сельский сход из лиц обоего пола, достигших 18 лет, и избрать депутата. Если деревня или село большие, то надо избрать одного депутата на каждые 200 человек населения обоего пола от 18 лет. Каждая деревня, как бы она ни была мала, должна иметь своего депутата. Все избранные депутаты с'езжаются на волостной с'езд с приговорами от обществ, их избравших. Волостной с'езд избирает волостной комитет. Волостной комитет должен иметь не менее 3-х лиц: 1-го председателя (который исполняет все обязанности волостного старшины) и двух товарищей председателя. Если в комитете более 3-х лиц, то, кроме председателя и двух товарищей председателя, есть и члены волостного комитета. Вот в распоряжение такого комитета и передается вся помещичья, казенная, монастырская, удельная, церковная, кабинетская и др. земля волости.

2) Все угодья и леса отдаются под контроль губернского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Волостные комитеты не могут сами рубить лес, ни запрещать рубку, если есть разрешение на рубку со стороны совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Дает разрешение и следит за правильной рубкой совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

3) Весь инвентарь, весь скот и хозяйство помещиков должны быть по описи переданы в распоряжение волостных комитетов.

Опись инвентаря, скота и хозяйства должна составляться подробно, в присутствии помещика или его уполномоченного, а также в присутствии понятых. Опись должна быть всеми подписана. Опись передается помещику, а копия, заверенная, оставляется при волостном комитете.

4) Губернский с'езд крестьянских депутатов для всех земель, отошедших в распоряжение волостных комитетов, устанавливает отдачу их всем желающим издольно или устанавливает стоимость обработки их и уборки, по которой волостные комитеты должны обработать и убрать. Все зерно и сено должно быть передано в распоряжение государства.

Казанский совет крестьянских депутатов установит и сообщит, из какой доли должны обрабатывать землю. Если у волости не хватит сил обрабатывать всю землю, то желающие из других волостей на тех же условиях обрабатывают землю. Никаких разделов земли производить нельзя. Весь хлеб, который остается от доли, передается государству через волостной комитет. Совет крестьянских депутатов решил: если станет комитет производить дележ земли теперь же, не выжидая решения Учредительного собрания, то выйдет много ссоры, обиды, неправды. Да и что подумают на фронте солдаты. Подумают, что без них делить хотят, а их в стороне оставить. Поэтому совет крестьянских депутатов и решил, что землю никто делить не будет, а только пользоваться ею до решения Учредительного собрания через волостные комитеты.

5) В исключительных случаях малоземелья волостные комитеты должны озаботиться о предоставлении продовольствия малоземельным. Если у кого мало очень земли и жить на ней тяжело, то все-таки не надо делить, а надо через волостные комитеты хлопотать, чтобы из нового урожая отпустили продовольствие.

Так вот, товарищи крестьяне, как решил совет крестьянских депутатов с землей. Так и надо сделать временно до Учредительного собрания. А потом новые законы пойдут. Пока же только вся земля должна уйти из чужих рук и должна быть передана в распоряжение выбранных вами волостных комитетов.

Телеграмма казанского губернского комиссара в главное управление милиции, 18 мая 1917 г.[1]

Сообщаю данные за время с 22 апреля.

1) Аграрное движение в губернии продолжается, причем попытки самоуправных действий в некоторых местах принимают характер серьезного перераспределения земельных ценностей, не ожидая законодательных об этом актов. Прежде всего крестьянское население сосредоточивает внимание на необходимости использования трудящимся крестьянством частновладельческих земель теперь же; в Спасском и Лаишевском уездах, а частью в Чистопольском, где имеется более помещиков, недоразумения выпукло подтверждают создающееся фактическое положение. В Спасском уезде на почве малоземелья возникли недоразумения в имении Молоствова «Три озера», в некоторых имениях сняты с работ пленные рабочие и служащие; в имении Бутлеровка определением волостного комитета сняты рабочие с намерением отобрать скот и землю; в имении Дубровского отбирается яровое и пар, кроме того, потрава озими, рубка сада; во всех случаях приняты меры к внесению успокоения и законности. В Лаишевском уезде, в имении Нератовой толпа разгоняет служащих и вносит панику, в имении Степанова Красногорка захвачена часть земли с запретом помещику сеять; в имении Лихачева пред'явлено требование об удалении управляющего и лесничего. Об'ясняется это значительной зависимостью малоземельных крестьян от управления имения; по той же причине имели место недоразумения и в имении Кульга светлейшей Грузинской; в селе Емельяновке у Дунаева расхищено вино и на этой почве возникли беспорядки; туда послана воинская команда и уполномоченный член исполнительного комитета для внесения порядка. В Пановке был случай разгрома имения, хлеб, службы сожгли; близ Лаишева сгорели запасы села и кирпичные сараи, причины пожара выясняются. В Чистопольском уезде в имениях Горталовых — самовольные запашка и засев. В некоторых местах губернии крестьяне мирно просят владельцев передать им в аренду свои земли по устанавливаемой оценке, бывают нередкие случаи улаживания земельных вопросов добровольным соглашением помещиков с крестьянами. Во всех уездах, где имеются леса, обнаруживается массовый характер запрещения вырубки самими владельцами лесов; мною по всей губернии выяснено, в каких случаях допустима рубка именно для собственного хозяйства, на оборону, на выполнение заказов учреждений и организаций. В Цивильском и Свияжском уездах в некоторых приходах самоуправно отбираются церковные земли. В некоторых уездах заметно стремление общинников поделить землю хуторян. По требованию губернского комиссариата на местах внушается необходимость установления спо-

[1] ЦАОР, 1917 г., ф. 406, 2 отд., д. № 15, ч. 36, лл. 29—34.

койствия и полного порядка, должного подчинения законности; всюду настоятельно требую воздержаться от захватов и самочинных действий, указывая, что земельные вопросы до Учредительного собрания решаться без взаимного соглашения сторон не могут.

Поступающие заявления и жалобы на бесчинства и самоуправства направляю судебным властям для расследования и привлечения виновных к ответственности.

2) Торговая жизнь губернии не нарушается, но всеми чувствуется недостаток продовольствия, фуража в продаже; настроение поэтому, а также в силу дороговизны, приподымается.

3) Открытого возбуждения одной части населения против другой ныне не обнаруживается, отмечен только случай в Чебоксарском уезде, который тщательно выясняется и о результатах будет сообщено дополнительно; в том же уезде ради успокоения масс начальник милиции Грасис заменен лицом, пользующимся доверием большинства. В общем заметно стремление групп к согласованности действий. Состояние землевладельцев угнетенное в виду проявляемой крестьянами поспешности поделить землю.

4) Правонарушения земельной собственности выступают резко, иные правонарушения слабее и без выдающихся фактов.

5) Под влиянием необходимости организоваться бывают случаи самовольного осуществления явно недопустимых действий; так в Чистополе были произведены аресты уездного комиссара, головы и других должностных лиц. Принятыми мерами состоялось немедленное освобождение как комиссара, так и головы. В Лаишевском уезде был арестован член Государственной думы Рындовский, затем освобожден, по моему и уездного комиссара требованию. Частое переизбрание в уездах ответственных перед властью лиц служит помехой укреплению быстрого и крайне нужного твердого порядка и законности.

Губернский комиссар Плотников.

Телеграмма помощника казанского губернского комиссара в министерство внутренних дел и земледелия, 25 мая 1917 г.[1]

Сообщаю:

1) Аграрное движение в губернии продолжается, поступают заявления хуторян об отобрании общинниками земель, изредка арендаторам делаются заявления, что урожай должен принадлежать обществу. В последнее время участились случаи пред'явления претензий об использовании казенных лесных пространств для пастбища скота, бывают случаи самовольной пастьбы. Выгон с культур или посевов вызывает озлобление, обращения лесной администрации не действуют, устанавливается мнение, что лес и земли не казенные, а общественные. Наблюдается самовольное удаление крестьянами из лесных дач стражи с заявлением, что дача принадлежит им. Был случай принуждения заведующего лесничеством подать прошение об отставке, закончившийся решением выяснить дело в Казани. По данным местного управления земледелия, в Ядринском лесничестве крестьянами избит и арестован лесник за то, что загонял скот, задержанный на потраве, и задерживал крестьян с похищенными дровами. Охрана поручена избранным. Во всех случаях срочно сношусь с начальником управления земледелия, которого прошу выработать популярное оповещение населению о тех распоряжениях Временного правительства, кои касаются представления крестьянскому населению льгот по пастьбе скота, к сеноко-

[1] ЦАОР, 1917 г., ф. 406, 2 отд., д. № 15, ч. 36, лл. 42—46.

шению и о порядке возбуждения об этом ходатайств; о всех возникающих на местах осложнениях сообщаю уездным комиссарам для расследования, принятия мер к установлению законности и недопущению самоуправства. В Спасском уезде самовольный захват земли в имении Макашина, поручено комиссару расследовать, виновных привлечь к судебной ответственности. В Лаишевском уезде, по заявлению владельца Лебедева, в крупном имении, селе Каипы, признаки намерения крестьян распорядиться имуществом. Для предупреждения предписал уездному комиссару принять энергичные меры к недопущению самоуправства и нарушения права собственности. В том же уезде возникшие в селе Емельяновке у Дунаева беспорядки на почве расхищения вина ликвидированы личным влиянием командированного члена губернского исполнительного комитета. На той же почве ожидались беспорядки в этом уезде на заводе Макашина, куда послана команда 25 человек, а в село Шумбут отправлена воинская команда для охраны спирта; в имении Забродина в этом уезде рубят лес, травят луга. Комиссару предложено принять экстренные меры, виновных привлечь к ответственности. В случае необходимости обратиться за содействием к местной воинской власти. Получены сведения, что в имении Щетинина Лаишевского же уезда увольняют служащих, уводят рабочих, производят насилия, рубят лес. Предложено волостному комитету и уездному комиссару принять срочные меры к установлению законности и порядка. В имении Лихачева снятые было служащие оставлены на своих местах.

2) Выдающихся отрицательных явлений в заводской, торгово-промышленной жизни нет.

3) Выдающихся случаев агитации против Временного правительства и местных властей ныне не наблюдается. На лицо только возбужденне крестьян против землевладельцев. Партийная рознь мало заметна.

4) В прочих областях правонарушения не заметно.

5) Аресты реже, а последние дни их не было, по делу об аресте члена Государственной думы Рындовского производится дознание.

Помощник губернского комиссара Чернышев.

Телеграмма казанского губернского комиссара министру внутренних дел, юстиции и земледелия, 4 июня 1917 г., № 957 [1].

Сообщаю:

1) В Спасском уезде 29 и 30 мая состоялось совещание делегатов и уполномоченных волостей, вынесших незакономерное постановление о немедленном отобрании у крупных собственников земель, лесов, лугов в пользу крестьян, бесплатной реквизиции у помещиков сельскохозяйственных орудий, а также кузниц, установили пониженную твердую цену на хлеб прежних урожаев, настаивают на реквизиции семян овса не дороже рубля 75 коп. за пуд, требуют замены племенного скота помещиков. Просим крестьянским намерением [2] реквизировать у них весь рогатый скот, оставив не более трех голов; раз'яснил уездному комиссару телеграфно и особо почтой недопустимость осуществления всего этого; ныне принимаю меры к командированию на места уполномоченных для раз'яснения опасности принятых постановлений и невозможности осуществлять их до решения Учредительного собрания; воззвание Временного правительства по земельному вопросу экстренно в большом количестве распространяю по губернии, в особенности

[1] ЦАОР, ф. 406, ч. 36, 2 отд., д. № 57, лл. 61—70.
[2] Так в подлиннике.

в этом уезде; при первом самоуправстве снесусь с судебными властями, прося содействия в деле привлечения к ответственности виновных; подробности сообщаю почтой министру внутренних дел и земледелия. В уездах Свияжском, Цивильском, Чебоксарском и других уездах крестьяне в казенных лесах совершают самовольные порубки; хищения дров хозяйственной заготовки, бывают насилия; требую от уездных комиссаров решительных мер к недопущению эксцессов самоуправства; во многих уездах население не допускает рубки леса и вывозки дров при наличности разрешения комиссаров; недоразумения эти пока улаживаются моими настоятельными обращениями непосредственно к волостным комитетам; отбираются хуторские участки; по отдельным жалобам требую от комиссаров восстановления права собственности, виновных в самоуправстве обязываю передавать судебной власти. В Спасском уезде пока единоличные случаи захвата земель и устранение землевладельцев от хозяйства, по поводу чего сношусь с уездным комиссаром, прося расследовать, виновных привлечь к ответственности. В Лаишевском уезде беспокойство продолжается, равно жалобы на самоуправство; землевладелица Нератова вторично указывает на своеволие крестьян; дело передал прокурору палаты и уездному комиссару; в имении Догеля захват земли, в имении Обуховой кражи, в имении Алексеевой захват земли под угрозой ареста и снятия пленных; в имении Жадовской при Бетьках вносится расстройство хозяйства; по всем случаям предписываю уездному комиссару расследовать, виновных привлечь к ответственности. В Цивильском уезде Шоркистринское общество препятствует вывозу дров, закупленных для города Оренбурга, потребовал воздействия уездного комиссара лично, по телефону предложив районному начальнику милиции принять решительные меры к погрузке и вывозке дров для Оренбурга, где чувствуется острый дровяной кризис; в Лаишевский уезд, где почти всюду неспокойно, командирован член губернского исполнительного комитета для выяснения и улажения недоразумений на местах и для успокоения личным влиянием; независимо от того предписал уездному комиссару в угрожающие спокойствию пункты лично вызвать для установления порядка. В Тетюшском уезде в имении Горемыкина препятствуют заготовке дров и кольев для фруктового сада Яшевскую контору Тереninых[1]; крестьяне Красного поля села Яшевки, по заявлению жалобщика, силой вытребовали полевые планы с намерением разделить землю и поставить своего заведующего, но инцидент улажен; в имении при дер. Христофоровке Семеновой ломают заборы, чинят насилие, пасут скот в саду; в имении Куприяновой намерены отобрать землю. О всех случаях телеграфно поставлен в известность уездный комиссар, которому даны руководящие указания, с требованием водворить законность. В Чистопольском уезде получены сведения, что в имении Корвин-Круковских разогнали служащих, запрещают продажу скота. В Мамадышском уезде между крестьянами двух обществ на почве недоразумения о срочной земле — драка, закончившаяся расхищением орудий; потребовал от уездного комиссара расследования, привлечения виновных к ответственности; настаиваю также на обеспечении засева.

2) Заметных нарушений заводской и торгово-промышленной жизни нет, но свидетельствую, что торговля в губернии заметно уменьшается, некоторые фирмы закрываются либо сокращают обороты, недостаток продуктов очень чувствителен, продовольственных припасов недостаточно.

[1] Так в подлиннике.

3) Выдающиеся случаи агитации против Временного правительства и местных властей наблюдаются лишь по Ядринскому, Мамадышскому уездам. Были жалобы на священников, допускающих в своих проповедях раздражение местного населения на почве усвоения понятия о свободе и значении присяги. Оба случая переданы для расследования. Наблюдается, хотя изредка, агитация большевистского направления, главным образом лицами, приехавшими из Кронштадта. Предложил уездным комиссарам тщательно следить и виновных привлекать к ответственности.

4) В прочих областях жизни правонарушения не заметно; за последнюю неделю в Лаишевском уезде арестованы населением врач Алексеев и монахиня Тамара за возражения против бесчинств; Пановскому волостному комитету и уездному комиссару предписано немедленно арестованных освободить, виновных в самовольном аресте привлечь к ответственности, — и арестованные освобождены. Командированный в Лаишевский уезд член комитета доложил: массовых аграрных беспорядков не наблюдается, есть лишь единичные случаи хищения отдельными лицами: у Нератовой — несколько кур; у Лебедева — две серебрянные ложки; виновные привлекаются к ответственности. Для борьбы с преступностью необходимо увеличить уездную милицию конной милицией. Земельные захваты в большинстве случаев вызываются владельцами, которые не хотят входить в переговоры с волостными комитетами, не считая повидимому их органами власти; волнуют население агитаторы большевистского направления.

Губернский комиссар Чернышев.

Телеграмма министерства внутренних дел в Казань, 11 июня 1917 г., № 2305 [1]

Постановления общего собрания казанского совета крестьянских депутатов 13 мая, устанавливающие переход частновладельческих земель и инвентаря в распоряжение волостных комитетов и вмешательство последних в управление хозяйствами, противоречат постановлениям Временного правительства и являются противозаконными. Примите решительные меры к недопущению исполнения этих постановлений на местах. Лица, допускающие самовольный захват чужой собственности и инвентаря, подлежат законной ответственности по суду. Широко оповестите об изложенном население. О принятых мерах немедленно донесите мне.

За МВД Леонтьев.

Из телеграммы казанского губернского комиссара министру-председателю, в министерство внутренних дел и земледелия, 28 июня 1917 г. [2]

Сообщаю:

1) Аграрное движение заметно особенно в Спасском уезде, где 24 июня состоялся с'езд делегатов селений волостей, вынес постановление: Крестьянский совет признать чрезвычайно нужным и важным в борьбе за право крестьян советы эти поддерживать всеми средствами и способами, не останавливаясь ни перед чем, к голосу его прислушиваться, постановления его проводить в жизнь. По вопросу о земле определили: испольный порядок заменить арендным; плата устанавли-

[1] ЦАОР, ф. 39/I, д. № 31, л. 78.
[2] Там же, ф. 398, оп. I, д. № 31, лл. 104—115.

вается волостными комитетами; уборка хлебов, посеянных помещиками, поручается волостным комитетам. Председателем Спасского уездного продовольственного комитета вновь избран Гордеев, допустивший незакономерное постановление такого же с'езда в Спасске 29 и 30 мая, о чем Вам донесено почтой 3 июня, причем избранному Гордееву вменено Спасским с'ездом не оставлять поста, не обращая никакого внимания на требования нынешнего состава губернского продовольственного комитета; мною предложено Гордееву не вступать должность. Тем же с'ездом избран в уездные комиссары вместо отказавшегося Геркена гражданин Мохов, а в помощники Фахрутдинов.

В том же уезде у землевладелицы Аристовой крестьяне отобрали пастбище, принудили помещиков мельницы отказаться покупки с возвратом задатка; увезли хворост в имении Демидовке; у Симонова разобрали лошадей, сбрую, инвентарь; в Красной слободе Демидова рубят дрова, лыки, берут лошадей; Ромадановский волостной комитет запрещает возить хлеб, намерен делить землю помещиков. По поводу всего этого принимаются меры, ограждающие интересы собственников, предупреждаются самоуправные действия и беспорядки, в нужных случаях передаю дела прокурорской власти.

В Трех озерах Константина Молоствова часть лошадей конского завода выведена с содействием солдат в Казанскую конюшню, остальных лошадей крестьяне настаивают оставить в имении. В Спасске предводитель дворянства Лев Молоствов избит белобилетниками... туда направлено 50 конных, 50 пеших солдат...

В Чебоксарах 22 июня избит кронштадтским матросом Халапсиным, солдатом Хабаровым и другими и временно арестован комиссар временного комитета Государственной думы студент Россоловский; ныне Россоловский свободен, прибыл в Казань. Возбуждение в городе вносит бывший начальник милиции Грасис, привлечении которого к ответственности сношусь с прокурором. В Чебоксары командированы уполномоченные для выяснения; команда солдат, не служащая для граждан защитой от эксцессов, отзывается, заменяется другой; председатель уездного продовольственного комитета Козленков, ввиду возбуждения против него толпы, угроз и оскорблений, отказался от обязанностей; местный совет солдатских депутатов выразил недоверие уездному комиссару Прохорову, которому предлагает сложить обязанности; дело это передано прокурору.

В имении Вынчал Зарубиных — захват земли; в Лаишевском уезде, в имении Каипах Лебедева — пожар, предполагается поджог; захваты земли в имениях Алексеева, Ковалева, также Багратион, где сняли и служащих; в Зюринской и Пановой волостях отобрали арендную землю; при деревне Михайловке при имении Евсеньева и в деревне Верхней Серды — то же; в имении Шишовой Пановой горде самовольная порубка леса, расхищение имущества; Пановский комитет постановил реквизировать всю землю, весь инвентарь Цепелевой; в имении Старинкевич — захват части пахотной земли, лугов, с берез сняли кору; в имении Кашкарова при Травино — захват лугов; во 2-м Лаишевском удельном имении крестьяне Мансурова запрещают покупателям рубку леса; Урахчинский волостной комитет также запрещает рубку Демидову; в селе Серды — самовольная пастьба скота на земле причта; Аркатовский волостной комитет устанавливает налоги; по поводу всех самочинных действий и незакономерности нужные распоряжения сделаны, но ответов с мест не получено; в имение члена Государственной думы Рындовского, против которого возбуждение, отряжено для охраны 5 солдат. В Козмодемьянском уезде в имении Зубовой рубят лес,

захват скота, имущества; приняты меры к возвращению; ныне выяснилось, что была порубка липняка не с целью хищения, а вследствие острой нужды населения материалов для обуви, недоразумения вызываются отсутствием такта со стороны управляющего имением. В городе Козмодемьянске избит толпою заведывающий отделом продовольствия Соловьев, производится дознание. Чистопольский уезд — хозяйство Шашиной в имении при деревне Николаевке по описи крестьянам из'ято из ее ведения, имущество охраняется; в селе Ермакове выселяют под угрозой ареста священника Кудрявцева; соответствующие по сему раз'яснения даны волостному комитету.

В Цивильском уезде наблюдаются частые захваты хуторских земель и переделы; в Кошелеевской волости отобрали скот, лошадей; в селах Табурданово, Чутеево, Старый Шимкус отобрали причтовые земли, в последнем выселяют священника; в Хормалинской волости в селе Климово отобрали у Максимова землю, сад, рубят лес; в Кошелеевской волости — порубка казенного леса, необходимые меры воздействия приняты. В Казанском уезде Советом семи пригородных поволжских селений постановлено разделить луга, принадлежащие городу и женскому монастырю; Собакинский волостной комитет устанавливает на землевладельцев налог; в селе Красная горка захват дров, приготовленных Казанским Спасо-Преображенским монастырем в собственном лесу для своих потребностей; незакономерность всех действий надлежаще раз'яснена. В Мамадышском уезде в деревне Букенях Омарской волости захват мельницы, земли на лугах, самовольная пастьба; в деревне Ташла Илги захват участков; у крестьян Вятской губернии, Зюрнинской волости захват хуторских участков. В Тетюшском уезде в деревнях Старый Курбаш, Малькеевой, Болтачевой захват земель; крестьяне деревни Торловки отобрали мельницу с участком земли: в деревне Ерыклы захват укрепленного участка Вахтера, 258 полевого резервного гурта, у Емельянова в имении Марковой порубка леса, в имении Дельвиг Свияжского уезда гонят служащих, в деревне Мало Клянчиной Свияжского уезда захватный передел крестьянских земель; в Убеевской волости Ядринского уезда население отбирает причтовую землю. Во всех указанных случаях мною сделаны надлежащие распоряжения о восстановлении права собственности, о выяснении виновных в самочинных действиях и принятии мер установления должного порядка законности и спокойствия. В Царевококшайском уезде с 14 июня — времени последнего донесения — значительных недоразумений, эксцессов не было.

2) Заметных нарушений заводской, торгово-промышленной жизни нет; но обязан доложить, что продуктов потребления особенно в Казани недостаточно, цены на предметы первой необходимости подымаются, это повышает настроение малоимущих.

3) Выдающихся случаев агитации против Временного правительства нет, но деятельность матроса Халапсина влияет отрицательно; получены сведения, что председатель Урахчинского комитета Лаишевского уезда Соломаткин отрицает власть Временного правительства, допускает незакономерности; предписано чебоксарскому уездному комиссару обратить внимание на деятельность Халапсина, а лаишевскому — выяснить виновность Соломаткина и дело передать судебной власти.

4) В прочих областях жизни правонарушений не заметно; указанные в первом пункте арестованные освобождены.

Губкомиссар Чернышев.

Из телеграммы казанского губернского комиссара в управление по делам милиции, 1 июля 1917 г., № 1469[1].

В Цивильском уезде крестьяне села Турмышей отняли надел у Соловьева, состоящего священником Симбирской губернии...

Дело проведения в жизнь закона о хлебной монополии[2] среди крестьян многих волостей, в особенности Казанского, Ядринского и Мамадышского уезда, частью Лаишевского уезда, встречает крепкое противодействие. В пункты, угрожающие осложнением и неподчинением, командируются, помимо делегатов и эмиссаров, воинские вооруженные команды; на ряду с этим в пределах уездов [наблюдается] значительное число дезертиров, в особенности, в Казанском, Мамадышском уездах, в виду чего туда направлены усиленные команды солдат.

2) Заводская торгово-промышленная жизнь прогрессивно падает, производительность труда на заводах заметно понизилась, в продовольственном деле заметных улучшений нет, недостаток продуктов чрезвычайный, запасов нет, подвоз ничтожный.

3) Новых случаев агитации против Временного правительства нет, за исключением однако сильного противодействия в деле хлебной монополии, с чем энергично борется и губернский продовольственный комитет.

4) Самочинных арестов за последнее время не было.

За Губкомиссара К. Хасанов.

Телеграмма землевладельцев Казанской губернии председателю совета министров, председателю Государственной думы и др., 23 июля 1917 г.[3]

Обращения правительства прекратить захваты земель, посевов, инвентаря не оказывают во многих местах действия: в Свияжском уезде началась и развивается полная и окончательная ликвидация частных хозяйств удалением владельцев и пользованием даже домашними вещами. При таких действиях хозяевам трудно исполнять приказ министра продовольствия, даже под угрозой привлечения суду по 29 статье ул. Усердно просим экстренных и действительных мер для осуществления на местах указания министра продовольствия.

Председатель Совета Мельников.
Члены Еннатский, Геркен, Н. Медведев.

Отношение канцелярии Временного правительства председателю Юридического совещания, 28 сентября 1917 г., № 9720/64[4].

Временное правительство, обсудив в заседании 28 сего сентября вопрос о мерах борьбы с растущей анархией в стране и, в особенности, с аграрными беспорядками, возникшими в некоторых губерниях Европейской России (в особенности в Казанской), признало необходимым образовать в указанных губерниях особые комитеты, на обязанность коих было бы возложено принятие неотложных мероприятий по ликвидации возникающих на местах недоразумений и по ограждению порядка и законности в сфере земельных отношений. В состав означенных комитетов Временное правительство признало целесообразным ввести представителей центральной власти на местах, как-то: управляющих казенными палатами, прокуроров окружных судов, предста-

[1] ЦАОР, ф. 406, д. № 25, ч. II, лл. 29—31.
[2] Собрание узаконений и распоряжений Временного пр-ва, 1917 г., № 85.
[3] ЦАОР, 1917 г., ф. 4, оп. I, д. № 61, л. 6.
[4] Там же, ф. 6, оп. I, д. № 343, л. 1.

вителей министерства труда и т. д.; представителей местного самоуправления (председателей губернских земских управ, городских голов, председателей губернских продовольственных комитетов и т. д.), а также представителей местных общественных организаций, имеющих непосредственное отношение к вопросам, касающимся разрешения земельных отношений. По мнению Временного правительства, означенные комитеты должны являться авторитетным совещательным органом, опираясь на который губернские комиссары, а в случае если губерния об'явлена на военном положении, то военные власти могли бы, располагая всей полнотой имеющихся в их распоряжении средств, принимать необходимые меры к подавлению аграрных беспорядков и к прекращению всякого рода насилия и грабежей.

Выработку соответственного положения об означенных комитетах Временное правительство постановило поручить юридическому совещанию с тем, чтобы последнее представило проект означенного положения на обсуждение Временного правительства в течение самых ближайших дней.

Об изложенном канцелярия Временного правительства считает долгом поставить Вас в известность.

За управляющего делами Временного правительства Анф. Кайстра.

Аграрное движение в Черниговской губ. в 1905—1906 гг.

Касаясь сущности классовых противоречий в деревне, Ленин писал: «У десяти миллионов крестьянских дворов 73 милл. дес. земли. У двадцати восьми тысяч благородных и чумазых лендлордов — 62 милл. десятин. Таков основной фон того поля, на котором развертывается крестьянская борьба за землю» [1].

Весь ход борьбы крестьянства в революции 1905 г. ярко подтверждает эти слова Ленина.

Крестьянство выступило против помещиков в борьбе за землю, в борьбе за уничтожение помещичьего гнета. На этой основе по всей стране широкой волной разлилось аграрное движение, выразившееся в том, что крестьяне жгли помещичьи усадьбы, захватывали землю, скот, рубили помещичьи и казенные леса и т. д.

Публикуемые материалы дают картину широкого развития крестьянского революционного движения в Черниговской губ., повлекшего за собой разгром помещичьих имений.

В секретном донесении начальника Черниговского губернского жандармского управления говорится, что «с осени 1905 г. до января месяца в Суражском уезде разграблено до 35 помещичьих имений, в числе коих есть весьма крупные, вырублено множество лесов, и громадное количество произведено разных мелких нарушений собственности и насилий, при чем значительная часть крестьян, увлеченных такой преступной деятельностью, стала отвергать власть, оказывая массовые сопротивления малейшим попыткам этой власти проявить свои действия».

То же происходит и в других местах. Согласно донесения черниговского генерал-губернатора от 13 апреля, в Новозыбковском уезде, в селах Кирилловке и Куршановичи, усилились лесные порубки и кражи заготовленного лесного материала. 1 июля черниговский губернатор телеграфировал товарищу министра, заведывавшему полицией, что «беспорядки в Новозыбковском уезде усиливаются» и т. д. Аналогична картина и по другим уездам.

Для подавления крестьянских волнений местное начальство — губернатор — просит войска. Управляющий министерством внутренних дел Дурново, соглашаясь с этим, пишет Витте, что он испрашивает «высочайшее повеление» об об'явлении «всей Черниговской губернии в положении усиленной охраны» и просит командировать туда особоуполномоченных «по непосредственному его императорского величества выбору, одного из лиц его свиты». Известно, что выбор пал на Дубасова, который после расправы в Черниговской губернии был назначен московским генерал-губернатором и подавлял московское вооруженное восстание рабочих. Но, не дожидаясь Дубасова, по селам и деревням Черниговской губернии уже гуляли отряды казаков, жандармов и полиции. Особой жестокостью отличался начальник Черниговского губернского жандармского управления. Своими зверскими расправами он терроризировал крестьян и принуждал их наказывать своих же товарищей.

Распыленность и неорганизованность крестьянства приводила его к поражению.

---

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 337.

В заключение чрезвычайно важно отметить, что на развитие движения в деревне оказала прямое влияние борьба рабочего класса. Рабочие, связанные с деревней, вели за собой крестьянство. По данным публикуемых материалов, «подстрекателями» революционного движения в деревне являлись шахтеры. Эти связи укрепляли союз рабочего класса и крестьянства, их совместную борьбу под руководством партии большевиков против самодержавия, закончившуюся его свержением в 1917 году.

И. Кузнецов.

Донесение черниговского губернатора министру внутренних дел, 22 января 1905 г., № 53 [1].

По заявлению землевладельца хутора Михайловского, Новозыбковского уезда, купца Терентия Аврамова о краже у него более 20 саженей дров из леса, чинами полиции было предпринято 4 января производство обыска у крестьян с. Куршанович, Новозыбковского уезда; дрова были обнаружены во дворах некоторых крестьян, но собравшаяся толпа не только не допустила производства дальнейшего обыска, но и освободила из-под стражи арестованных при волостном правлении лиц, а также были нанесены побои лесным сторожам.

На место происшествия выехали новозыбковский исправник, а 10 января судебный следователь по важнейшим делам, который 14 января и окончил предварительное следствие при сохранении в селе полного порядка, причем из главных зачинщиков четверо подвергнуты предварительному аресту, а трое отданы под особый надзор полиции.

В настоящее время в с. Куршановичах спокойно. Об изложенном доношу вашему высокопревосходительству.

Губернатор Хвостов.

Донесение черниговского губернатора министру внутренних дел, 13 апреля 1905 г., № 2732 [2].

Вследствие предложения от 21 марта сего 1905 года за № 3522, имею честь доложить вашему высокопревосходительству, что, на основании донесений подведомственных мне чинов полиции и административных органов, а также и заявлений местных землевладельцев, настроение крестьянского населения вверенной мне губернии, за исключением некоторых только местностей, в настоящее время хотя и отличается от настроения прежних лет, но несмотря на это нарушения крестьянами имущественных прав частных владельцев в текущем году в отношении потрав и самовольных порубок частновладельческих полей и лесов не имеют острого характера. В некоторых же местностях губернии отношения крестьян к местным землевладельцам значительно натянуты и имеют довольно острый характер, вследствие недовольства и возбужденного состояния крестьян. Первое место по натянутости взаимных отношений крестьян с местными землевладельцами занимает та часть Новозыбковского уезда, в которой находится имение бывшего черниговского губернатора предводителя дворянства А. А. Муханова [3], а именно: в селах Внуковичи и Синий Колодезь, среди крестьян которых циркулировали слухи о том, что будто бы А. А. Муханов и председатель черниговской губернской земской управы А. А. Свечин, вла-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 4. Документы подготовлены к печати В. В. Дмитриевым.

[2] Там же, л. 9.

[3] Муханов, А. А. — предводитель дворянства Черниговской губ., крупный помещик, имевший свыше 23 000 дес. земли.

деющий имением в Городнянском уезде, возбуждали в губернском земском собрании вопрос о ходатайстве перед высшим правительством о закрепощении вновь дворянами всех бывших помещичьих крестьян. Слухи эти обостряют существующие и без того враждебные отношения крестьян к помещику А. А. Муханову, по причине полной экономической зависимости от него крестьян, стесненных выпасом и водопоем для скота, а также вследствие установившихся в управлении имением весьма строгих правил к предупреждению самовольного пользования водопоем, пастбищем и пр. Между крестьянами и экономией с издавна установились враждебные отношения, вызывавшие в 1901 и 1902 годах у крестьян попытки добиться самовольного завладения землями А. А. Муханова, имевшие последствием своим вызов в эту местность в 1902 г. войск. С тех пор крестьяне относятся к владельцу с затаенной злобой, которая усиливается ежегодно весною при заключении между крестьянами и управлением имениями А. А. Муханова, за сравнительно высокую цену, договоров на пользование речкой для водопоя их скота и на пастьбу его на отводимых для этого участках земли.

Этому делу я придаю настолько важное значение, что предполагаю поручить его выяснить на месте вице-губернатору Н. М. Родионову [1] и непременному члену губернского присутствия М. Н. Шрамченко [2].

Несколько обостренный характер отношений местных крестьян к землевладельцам замечается еще в одной местности Новозыбковского уезда, а именно: в селах Кирилловке и Куршановичах, в имениях купцов Терентия Аврамова и Ивана Суровцева, в которых усилились лесные порубки и кражи заготовленного лесного материала. Мною приняты меры к урегулированию взаимных отношений через местного земского начальника. Вторым пунктом по возможности возникновения беспорядков среди крестьян вверенной мне губернии я считаю Нижневскую волость, Стародубского уезда, и именно село Медведовка [3] — местность, в которой расположено имение Александры Васильевны Бороздны [4]. Причиной могущих возникнуть здесь беспорядков является следующее обстоятельство: 10 лет тому назад Медведовское крестьянское общество получило план генерального межевания на свои земли, на котором ошибочно, по какому-то недоразумению, был показан участок около 100 дес. замежевания за крестьянами, хотя от самого размежевания им владела Бороздна. Спор об этом участке был пред'явлен крестьянами в суде, и правительствующим сенатом дело это разрешено в пользу Бороздны с присуждением ей с крестьян 500 рублей судебных издержек (еще пока не взысканных). Решение состоялось пять лет тому назад, и крестьяне не трогали означенной земли, но месяца 2—3 как уже стали поговаривать, что весною завладеют землей. За этой местностью учреждено мною самое тщательное наблюдение через местных земского начальника 1 участка Стародубского уезда Д. А. Чарнолусского и полицию.

Опасаться в Глуховском и Мглинском уездах, в которых в феврале и

---

[1] Родионов, Н. М. — с января 1903 г. черниговский вице-губернатор; в январе 1906 г., после покушения на черниговского губернатора А. А. Хвостова, был назначен на его место.

[2] Шрамченко, М. Н. — землевладелец Козелецкого у., бывш. земский начальник; с 1901 по 1907 г. — непременный член черниговского губ. присутствия. Впоследствии — нижегородский и вологодский губернатор. Расстрелян в Чернигове при советской власти за контрреволюционную деятельность.

[3] В некоторых документах с. Медведовка называется с. Медведово.

[4] Бороздны — крупнейшие помещики Суражского у., владевшие до 15 000 дес. земли.

марте месяце текущего года были беспорядки, ограничившиеся сожжением и разгромом Михайловского завода Терещенко[1], каких-либо новых осложнений, по моему мнению, нет оснований, тем более, что местное население в настоящее время выражает полное раскаяние в совершенном и отчаяние по поводу лишения верного и хорошего заработка, который давал завод всему окрестному населению.

В заключение имею честь доложить вашему превосходительству о получаемых мною из многих местностей вверенной мне губернии уведомлений должностных лиц о заметно вредном влиянии, оказываемом на население некоторыми периодическими изданиями, а именно: «Русь», «Новости», «Биржевые ведомости» и особенно «Сын отечества», после прочтения которых крестьяне превратно истолковывают высочайший указ 18 февраля сего 1905 г. и программу занятий высочайше образованной под председательством д. т. сов. Горемыкина[2] комиссии, понимая, что все это направлено к принудительному отчуждению земли от помещиков для наделения ею крестьян.

Считаю долгом присовокупить, что указанные мной предположения относительно тревожного положения в селе Медведовке, Стародубского уезда, в настоящее время подтвердились, так как только-что мной получена телеграмма о том, что крестьяне приступили к самовольной запашке земли А. В. Бороздны. Распоряжения мной сделаны, о чем и доношу телеграммой.

Губернатор А. Хвостов.

Из донесения начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 25 апреля 1905 г., № 2551[3].

В селе Спиридоновой Буде, Новозыбковского уезда, 19 сего февраля крестьяне сожгли и разграбили две сторожки в имении Розенбаха. Ввиду принятых администрацией мер дальнейшие беспорядки прекращены и, согласно донесению командированного туда, по распоряжению начальника губернии, вице-губернатора, спокойствие восстановлено.

По имеющимся у меня сведениям, беспорядки эти вызваны не экономическими условиями, а подстрекательством со стороны лиц, стремившихся возбудить крестьян к разгрому частновладельческих имений. Расследование производится.

Полковник Рудов[4].

Телеграмма черниговского губернатора в департамент полиции 27 апреля 1905 г., № 1745[5]

В дополнение к телеграмме моей министру от 21 апреля сообщаю, что вице-губернатор возвратился. В Новозыбковском уезде, имении Розенбаха, беспорядки не повторялись, население успокоилось. Произведено несколько арестов подстрекателей. В Стародубском уезде, имения

[1] Терещенко — крупный банкир и сахарозаводчик, министр финансов, министр иностранных дел Временного правительства.

[2] Горемыкин, И. Л. (1839 — 1917) — министр внутренних дел (1895 — 1899), председатель совета министров в 1906 г., после ухода Витте; руководил борьбой с революционным движением во время I Думы.

[3] ДП., о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 14.

[4] Рудов, Н. П. — начальник Черниговского губ. жандармского управления в 1899—1912 гг.; отличился жестокой и зверской расправой с восставшими крестьянами, за что был произведен из полковников в генерал-майоры и получил благодарность от царя и адрес от местных землевладельцев.

[5] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 17-а.

Бороздны, владелица восстановлена в своих правах, приступила к пахоте захваченной крестьянами земли. Крестьяне спокойно подчинились, подробно почтой.

Губернатор Хвостов.

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 15 июня 1905 г., № 1136 [1].

В селе Ущерпье, Суражского уезда, крестьяне, возбужденные пропагандой, готовились к разгрому экономии. Население успокоилось по прибытии казаков и усилении полиции, приступлено к производству дознания.

Полковник Рудов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 15 июня 1905 г., № 4081 [2].

В дополнение телеграммы от 15 сего июня доношу, что, получив сведения о возбужденном состоянии крестьян села Ущерпья, Суражского уезда, под влиянием пропаганды, я, по соглашению с начальником Черниговской губернии, выехал туда для ознакомления на месте с положением дела, причем предварительным расследованием было выяснено, что в течение месяца крестьяне без всякой видимой причины пьянствовали, а затем в названном селе стали появляться посторонние лица, призывавшие крестьян к разгрому экономии местного помещика Листовского, и крестьяне ожидали лишь прибытия руководителей с толпами грабителей из г. г. Гомеля и Новозыбкова. По сведениям, пропаганда велась преимущественно в домах крестьян Лавренко, Ширапко, Сусика, Садленко, Шкоды и Пастухова. Когда по распоряжению местной полиции производились обыски в домах заподозренных крестьян, то у одного из них — именно у названного выше Пастухова — обнаружена была пачка бумаг, на которых замечено было заглавие «О земле». Пастухов с другими, подоспевшими ему на помощь крестьянами, вырвав из рук урядника эти бумаги, уничтожил их и не дал возможности окончить обыск, силой удалив из своего дома чинов полиции. Местному становому приставу толпа, собравшаяся в числе около 300 человек, нанесла оскорбление словами, причем из этой толпы слышны были крики: «Бейте полицию». В ночь на 9 июня неизвестно кем сожжен был навес над пустым погребом; каковое обстоятельство, повидимому, имело целью отвлечь внимание полиции и спокойной части населения, но благодаря усиленному наряду полиции этот пожар не вызвал активных беспорядков, а на другой день, когда прибыли казаки, население стало успокаиваться, и до настоящего времени никаких насилий не произведено. Личности двух интеллигентов, посетивших 6 и 7 июня село Ущерпье и заподозренных в пропаганде, пока не выяснены, но имеется основание предполагать, что это — воспитанники новозыбковского сельско-хозяйственного училища.

В настоящее время приступлено к производству дознания, которое поручено помощнику моему в Стародубском уезде, подполковнику Протопопову.

Полковник Рудов.

---

[1] ДП. о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 41.

[2] Там же, л. 49; в подлиннике на полях резолюция: «Жандармы бездействуют; 19/VI».

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 17 июня 1905 г., № 1350 [1].

В селах Крапивне и Листвене спокойно, в Ущерпье брожение продолжается, губернатором сделано распоряжение об увеличении наряда казаков и аресте зачинщиков. В ближайший город Новозыбков вызвано две роты.

Полковник Рудов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов, 18 июня 1905 г., № 4221 [2].

Утихшее одно время брожение среди крестьян м. Ущерпья, Суражского уезда, вновь усилилось, но никаких проявлений открытых беспорядков и насилий не было, хотя происшедший там 13 сего июня пожар, при котором сгорело шесть домов, об'ясняют поджогом со стороны лиц, сочувствующих беспорядкам.

Ввиду тревожного положения начальник губернии сделал распоряжение об усилении 25 человеками казачьего наряда, находящегося в м. Ущерпье, и содержании под стражей, в порядке охраны, главных зачинщиков; кроме того, вызваны в г. Новозыбков, как центральное по положению место, две роты пехоты.

Полковник Рудов.

Телеграмма черниговского губернатора товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией, 18 июня 1905 г. [3]

Получил сведения о возникновении еще в пяти селениях Новозыбковского уезда среди крестьян брожения, с требованием поднятия поденных цен; предупредительные меры приняты, исправник об'езжает села, командированы казаки, две роты пехоты мной ввиду сего задержаны в Новозыбкове.

Губернатор Хвостов.

Из донесения начальника Черниговского губернского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов, 23 июня 1905 г., № 4412 [4].

В настоящее время среди крестьянского населения Черниговской губернии восстановилось спокойное течение жизни, и в тех пунктах, где обнаружено было брожение, таковое понемногу улеглось, несмотря на то, что с 15 по 22 июня в 4 уездах об'явлена была мобилизация, которая прошла спокойно, без крупных нарушений запасными порядка. В частности, в смысле возникновения волнений среди крестьян, выделялось с. Ущерпье, Суражского уезда. Теперь это волнение утихло, и крестьяне снова принимаются за работу на помещичьих землях. Обстоятельство это об'ясняется, главным образом, арестом главных зачинщиков и руководителей, а отчасти присутствием казаков. Предварительное следствие о сопротивлении чинам полиции ведется судебным следователем по важнейшим делам.

В с. Семеновке, Новозыбковского уезда, брожение выразилось в про-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 46.
[2] Там же, л. 51.
[3] Там же, л. 59.
[4] Там же, л. 62.

тивоправительственной демонстрации, после которой порядок не был нарушен.

О селах Листвене и Крапивном донесено мной за №№ 4258 и 4262; порядок в этих селах восстановлен. Что же касается Городни, где помощником исправника нанесены были побои запасному, о чем донесено мной было телеграммой, то там случай этот никаких дальнейших беспорядков не вызвал, и запасные нижние чины вели себя спокойно.

Об изложенном выше случае в настоящее время возбуждено формальное следствие, о результатах которого донесу дополнительно.

Полковник Рудов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 25 июня 1905 г., № 4469 [1].

На второй день заседаний подкомиссии волостные старшины, в числе 20 человек, из 49 явившихся для опроса их по делам крестьянского населения, подали начальнику губернии заявление о том, чтобы, при выработке проекта закона о крестьянах, они были сравнены в правах с прочими классами населения. Повидимому, заявление это было сделано не без постороннего влияния, в силу которого представители крестьян настаивают об отмене обособленного правового положения крестьянского населения. Представляя начальнику губернии упомянутое выше заявление, старшины просили о прочтении его в заседании подкомиссии, каковая просьба была поддержана председателем Черниговской губернской управы Свечиным. Начальник губернии не признал возможным чтение заявления, вследствие чего подписавшие его представители крестьян удалились из зала заседаний, на которое более и не появились. После этого, на первом же совещании заявление было в присутствии членов его и оставшихся представителей крестьян прочитано. Копия заявления при сем представляется.

Демонстративное оставление крестьянами залы заседания не произвело на общество никакого впечатления.

Полковник Рудов.

В Черниговское губернское совещание по пересмотру законодательства о крестьянах заявление [2].

Мы, представители от сельских обществ Черниговской губернии, вызваны в Чернигов для участия в работах подкомиссии губернского совещания по пересмотру законодательства о крестьянах; собравшись вместе сегодня 17 июня 1905 г., пришли к заключению, что благоустройство жизни жителей деревни может быть достигнуто только тогда, когда нас перестанут считать особыми созданиями, для которых нужны специальные законы об управлении и суде, а признают такими же людьми, как и все другие.

Мы, выборные от крестьян, зная, что наш всемилостивейший государь император в указе сенату 12 декабря 1904 г. указал уже, что крестьяне должны перестать быть людьми, исключенными из общего порядка управления и суда, считаем себя вправе надеяться на возможно скорое уничтожение исключительных для нас законов, а тем более на невозможность создания новых таких же исключительных законов, так как такие законы, унижая крестьян сравнительно с другими

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 63.
[2] Там же, л. 64 — заголовок подлинника.

подданными русского царя, при отсутствии достаточного количества земли, которая служит основою крестьянского достатка, привели к непосильному обременению разными налогами и повинностями, а взамен этого не дали даже возможности научить своих детей грамоте.

Ввиду всего этого, мы, как верноподданные его величества, признаем бесцельным подавать свои мнения по отдельным вопросам проекта закона, исключающего крестьян из круга общих законов, равных для всех подданных русского царя, и уверены, что, при призыве нашим всемилостивейшим царем выборных от населения представителей для составления законов, он, батюшка, даст возможность и нам, крестьянам, наравне с другими участвовать в выборе этих представителей, которые выработают и представят царю справедливые законы, равные для всех его подданных.

Подписано 40 представителями от крестьянских обществ.

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 29 июня 1905 г., № 2065 [1].

Брожение крестьян в Новозыбковском уезде продолжается, угрозами разгоняют прислугу помещиков, в двух селах оставлены казаки, установлены раз'езды, в Любече спокойно.

Полковник Рудов.

Телеграмма черниговского губернатора товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией, 1 июля 1905 г. [2]

Беспорядки в Новозыбковском уезде усиливаются, был пожар владельческой усадьбы, подозревается поджог, признал необходимым выехать туда лично, усилив войска еще двумя ротами.

Губернатор Хвостов.

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления департаменту полиции, 1 июля 1905 г., № 37 [3].

Вследствие продолжающегося брожения среди крестьян Новозыбковского уезда и пожара в селе Кривцах, по предположению поджога, и я сегодня выезжаю в Новозыбков, куда вызвано еще две роты.

Полковник Рудов.

Из донесения черниговского губернатора товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией, 1 июля 1905 г., № 600 [4].

В дополнение к представлениям от 20 и 25 июня сего года за №№ 564 и 575 докладываю вашему превосходительству, что в некоторых местах вверенной мне губернии заметно усилилось брожение крестьян, в особенности в Новозыбковском уезде: по заявлению землевладельца деревни Малого Кривца Заворотнова, крестьяне явились к нему толпой и вручили письменное требование об увеличении заработной платы и изменении условий работы; когда же им в этом было отказано, они прогнали всех рабочих Заворотнова и угрожали никого не пускать на работы до тех пор, пока он не войдет с ними в соглашение. Такое

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 68.
[2] Там же, л. 76.
[3] Там же, л. 78.
[4] Там же, л. 99.

же требование, по словам Заворотнова, было пред'явлено крестьянами села Большого Кривца местному землевладельцу Кузовлеву.

В с. Белом Колодезе землевладелец Ивановский остается без рабочих и прислуги, и крестьяне этого села открыто заявили приставу, что никого не допустят на работы к помещику впредь до принятия им пред'явленных ему требований.

В с. Великой Тополи, по полученным негласно сведениям, по воскресеньям начали собираться крестьяне разных селений для составления противоправительственных сходок, которыми руководят приезжающие из г. Новозыбкова студенты; такая сходка предполагалась 26 июня; на ней подлежал разрешению вопрос разгрома экономии княгини Долгоруковой; благодаря, однако, своевременному командированию в Великую Тополь пристава с 25 казаками, там никаких осложнений не произошло.

Для предупреждения могущих возникнуть, вследствие усиленного брожения среди крестьян, беспорядков в селениях Белом Колодезе, Манюках, Малом Кривце и х. Золотницком, Новозыбковского уезда, командирован уездный исправник с казаками и усилен наряд полиции.

В с. Куршановичах, Новозыбковского уезда, у местных владельцев были произведены кражи лесного материала, причем при производстве обысков приставу было оказано сопротивление; дело об этом передано судебному следователю.

В с. Петровской Буде, Суражского уезда, со стороны крестьян были самоуправства и поджоги, на место выезжал уездный исправник, виновные привлечены к ответственности.

Сегодня мной получены телеграммы из Новозыбковского уезда о том, что беспорядки там усиливаются, произошел пожар владельческих построек в с. Большом Кривце, по подозрению от поджога.

В виду сего я признал необходимым лично принять меры и сегодня выезжаю в Новозыбковский уезд, вызвав туда еще две роты пехоты.

Губернатор А. Хвостов.

Телеграмма директора департамента полиции начальнику Черниговского губернского жандармского управления, 2 июля 1905 г.[1]

Товарищ министра, заведующий полицией, предлагает вам принять безотлагательно энергичные меры к задержанию агитаторов беспорядков в Новозыбковском уезде.

За директора П. Рачковский.

Телеграмма черниговского губернатора товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией, 3 июля 1905 г.[2]

При расследовании пожара в селении Кривец, Новозыбковского уезда, не имеет связи с аграрным брожением, в большинстве селений отношения уладились, сельские работы возобновились, шесть человек зачинщиков в разных местах арестованы, завтра об'езжаю неуспокоившиеся селения, потом еду в село Медведки, Стародубского уезда, оказать содействие следственной власти в аресте виновников бывшего сопротивления властям.

Губернатор Хвостов.

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 74.
[2] Там же, л. 80.

Телеграмма черниговского губернатора товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией, 6 июля 1905 г. [1]

В Новозыбковском уезде аграрно-экономическое движение после моего об'езда, раз'яснений на сходах почти прекратилось, крестьяне вошли в соглашение с владельцами, работы возобновились, за исключением Белого Колодца, имения Ивановского, где соглашение не состоялось, но проявления насилия прекратились. Виновных в пропаганде арестовано трое, задержано семь человек, дознание производится. Вчера в Медведовке, Стародубского уезда, несмотря на мои увещания, сельский сход не допустил ареста по требованию следователя шести обвиняемых, поэтому признал необходимым арестовать сто тринадцать человек, которых под конвоем казаков привели в Новозыбков для распределения по разным тюрьмам до окончательного успокоения населения, насильственных мер не было употреблено. Арест произвел благотворное впечатление. Возвращаюсь в Чернигов, из других уездов особо тревожных известий не получалось. В Любече графа Милорадовича спокойно, войска оттуда отпущены.

Губернатор Хвостов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов, 19 июля 1905 г., № 5205 [2].

В начале июля месяца в некоторых пунктах Новозыбковского уезда возникли волнения среди крестьян, вызванные отчасти желанием изменить условия аренды частновладельческой земли, а отчасти, вследствие требований об увеличении платы за полевые работы. Сопровождая начальника Черниговской губернии при об'езде пунктов, охваченных волнениями, я лично, на месте, путем расследования, пришел к несомненному выводу, что все эти волнения, вызванные благодаря постороннему влиянию, носят совершенно аграрно-экономический характер. Пропаганды противоправительственных партий не установлено, исключение из этого составляет село Риловичи, о котором вместе с этим сделано особое представление.

Наиболее резкий характер имели волнения в селе Малом Кривце и Белом Колодезе; в остальных же пунктах, как д. Скоробогатовой слободе, Манюках, х. Золотницком, д. Великая Тополь и д. Крутобережки, путем взаимных уступок, землевладельцы и крестьяне пришли к полному соглашению, и порядок восстановлен губернатором и местными земскими начальниками.

Что касается с. М. Кривца, то крестьяне, пред'явившие требования об изменении условий найма земли, прибегали к насильственным действиям по отношению к лицам, не желавшим подчиниться. Наиболее видными руководителями толпы явились местные жители в числе 4 человек, которые были арестованы и препровождены в г. Новозыбков. По дороге толпа их односельчан, в числе около 100 человек, отняла от стражников арестованных, но была встречена нарядом казаков и рассеяна, а арестованные доставлены по назначению. При рассеянии толпы ни насильственных с ее стороны действий, ни употребления оружия казаками не было. В отношении лиц, изобличенных в отнятии арестованных от чинов полиции, возбуждено уголовное преследование.

В с. Скоробогатовой слободе и Белом Колодезе постороннее на крестьян влияние выразилось в пропаганде — в первом пункте со стороны

[1] ЦГИ, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 101.
[2] Там же, лл. 109—110.

служащего рабочим на Полесской железной дороге крестьянина Дробязки, а во втором — сына местного землевладельца Ивановского, который возбуждал крестьян пред'явить к его отцу требования. Об этих обоих случаях возбуждено дознание, и Ивановский арестован. В настоящее время спокойствие во всех названных выше пунктах восстановлено, отчасти благодаря раз'яснениям, данным начальником губернии о незаконности действия крестьян, в тех случаях, когда они прибегают к насилию, отчасти по взаимному соглашению, а также и аресту руководителей движения, каковое обстоятельство привело крестьян к убеждению, что право собственности не может быть нарушено.

Во всех случаях местная полиция и земские начальники проявили должную энергию и распорядительность, предупредив возможность открытых беспорядков и приняв меры к взаимным соглашениям землевладельцев и крестьян в тех случаях, когда пред'явленные требования найдены были основательными.

Полковник Рудов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов, 20 июля 1905 г., № 5245 [1].

Крестьяне села Медведовки, Стародубского уезда, ссылаясь на полученный ими около 20 лет тому назад план, считали своей собственностью около 90 десятин земли владелицы Бороздны. Хотя судебный процесс был ими проигран во всех инстанциях, а план признан неправильным, крестьяне в начале лета запахали 18 десятин спорной земли. Возбужденное по этому поводу уголовное преследование выяснило виновность 6 человек, обвинявшихся в самоуправстве.

Эти шесть человек подлежали, по постановлению судебного следователя, заключению в тюрьме, но односельчане отказались их выдать, причем оказали сопротивление чинам полиции при попытке ее выполнить требование судебного следователя. Вследствие этого начальник губернии выехал в село Медведовка, где накануне его приезда крестьяне самовольно вспахали и свезли рожь на 33 десятинах земли Бороздны. По приезде губернатора он был встречен хлебом-селью, от принятия чего отказался, и обратился с речью, указывая на незаконность действия крестьян и ответственность за самоуправство и неисполнение законных требований власти.

Пользуясь впечатлением своих слов, начальник губернии вызвал из толпы лиц, подлежащих аресту. Когда они вышли, то приказано было стражникам отвести их в г. Стародуб. Такое распоряжение вызвало волнение в толпе, которая, бросившись к арестованным, смешалась с ними, а в селе начался набатный звон.

Принимая во внимание, что толпа, увеличившись, могла прибегнуть к насильственным действиям, губернатор приказал казакам окружить всех и повернуть на Новозыбков, куда дорога проходила по селениям, не заинтересованным в аграрном движении медведовских крестьян.

По дороге в Новозыбков (60 верст) многие стали отставать, придя к убеждению, что сопротивление невозможно; на 20-й версте осталось 135 человек; после чего, по разрешению губернатора, земским начальником освобождено было еще 22 человека, из'явивших раскаяние.

В Новозыбково доставлено было 113 человек, из которых там часть менее виновных отпущена, а остальные 79 человек арестованы. Затем по просьбе родных, ручавшихся за арестованных с обещанием не на-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 112.

рушать порядка, было отпущено еще 60 человек, а остальные содержатся под стражей впредь до выяснения степени их виновности. Проход арестованных под конвоем казаков по некоторым пунктам Стародубского и Новозыбковского уездов произвел благоприятное впечатление на их население, убедив в невозможности сопротивления власти.

В настоящее время в селе Медведовке порядок восстановлен, и для обеспечения его на будущее время владелица Бороздна из'явила желание сделать некоторые уступки крестьянам.

Полковник Рудов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 2 сентября 1905 г., № 6700 [1].

Получены сведения, что между крестьянами села Творишина, Суражского уезда, и местным землевладельцем Петром Суриным возник спор, доходящий до захватов земли и урожая в сем году, по следующему поводу.

По выходе крестьян села Творишина из крепостной зависимости земли их не были размежеваны от владельческих земель, а был составлен общий план крестьянских и владельческих земель в общем одном отрубном участке.

Согласно имеющейся у крестьян данной они наделены полными наделами в отрубной даче при хуторе Ганновке, в количестве 1 858 десятин 1 200 кв. сажень, в том числе при хуторе Ганновке 36 дес.; кроме того, владелица дарит им 93 десятины с тем, что если у них окажется земли более, чем указано в данной, то владелица излишек земли должна себе дорезать от урочищ Студенец и Липовой горы. В данной указано, что в отрубной участок крестьян при селе Творишине входят урочища Шилино Болото, Чекуло и Грива, но так как у них полюбовного размежевания не было, то от этих урочищ, как отдаленных и неудобных, крестьяне отказались и со дня выхода из крепостной зависимости не владеют, почему считают, что у них, выключив означенные урочища, недостает полного количества надельной земли; владелец же лет 20 тому назад, находя, что у крестьян со включением урочищ: Шилино Болото, Чекуло и Грива земли более, чем указано в данной, самовольно завладел бывшим в крестьянском владении урочищем. Отрезок, который в настоящее время уходит клином в их землю, чем образует чересполосицу.

Кроме того, от с. Творишина к реке Ипути и далее к отдаленным участкам, на протяжении нескольких верст, идет узкая полоса земли, под названием Прогон, на ней лет семь тому назад пролегала дорога, которая и нанесена на частном плане владельца Сурина; с проведением же Суражским земством от с. Творишина к реке Ипути дамбы, дорога эта сама собой упразднилась и заросла травой. Крестьяне утверждают, что прогон этот существовал и существует для прогона скота к реке Ипути, и в дальнейшем их участком и должен быть в общем пользовании, а владелец Сурин завладел им, уничтожил дорогу, косит на нем сено и сеет картофель, овес и пр. Никаких документов о Прогоне ни с одной стороны не имеется. Владелец утверждает, что Прогон принадлежит ему и носит это название, как урочище, но это идет в разрез с данной, так как Прогон проложен по крестьянским землям, разделяет их и образует чересполосицу. На этом прогоне, до посевов, крестьяне прогоняют и пасут свой скот, и никогда владелец Сурин на это не претендовал; когда же он часть Прогона, в количестве 7 дес.,

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 112.

продал купцу Георгию Константиновичу Сапожкову, то последний возвысил плотину при своем Ипутском хуторе, заливая этим крестьянские луга, и не позволяет крестьянам прогонять скот, а в текущем году, за потраву до 9 мая, пред'явил к обществу крестьян села Творишина иск в 240 рублей. Главным образом это и послужило [поводом к] волнению среди крестьян, они заявляют,— если бы Сурин не продал бы части Прогона купцу Сапожкову, который им житья не дает, то не позволили бы они самоуправия и продолжали бы искать своих прав судебным порядком, в настоящее же время чаша переполнилась, они просудили около трех тысяч рублей, более средств не имеют, и решили самоуправно завладеть спорной землей, как завладел ею бывший отец настоящего владельца, надеясь этим путем обратить внимание правительства, которое и размежует их правильно по закону, согласно их данной.

Еще крестьяне указывают, что урочище Старая кирпичня тоже принадлежит им и самовольно захвачена отцом настоящего владельца.

Крестьяне села Творишина около 20 лет вели процесс с владельцем и дошли до правительствующего сената и г. министра, но жалобы их ни к чему не привели.

Главными руководителями в самоуправии крестьян села Творишина являются их уполномоченные по ведению судебных дел: Петр Анисов Коротченок, Аким Андреев Капитонов и крестьяне: Лазарь Пименов Никитенок и Петр Зиновьев Мелешенок.

В настоящее время суражский исправник доносит, что 29 августа крестьяне с. Творишина: Спиридон Касьянов, Анисим Игнатов Меземенко и др., в числе около 30 человек, самовольно забрали на земле владельца Петра Иванова Сурина, в урочище Старая кирпичня, 18 копен гречихи и 16 копен овса, оказав сопротивление полиции, выраженное действиями и угрозами стражникам и урядникам Хондожко и Насветникову, о чем возбуждено судебным следователем 2 участка Суражского уезда следствие. Кроме того, в село Творишино вызвано несколько человек казаков, куда выехал и суражский исправник.

О дальнейшем буду доносить дополнительно.

Полковник Рудов.

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции от 4 сентября 1905 г., № 311 [1].

При задержании суражским исправником в селе Творишине четырех подстрекателей в захвате урожая владельца Сурина толпа крестьян с кольями напала на сопровождающих полицейских и казаков, отбила арестованных, нанеся полицейским побои. По распоряжению губернатора в Творишино отправлены войска, командирован вице-губернатор, я выезжаю в Творишино.

Полковник Рудов.

Из донесения начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 17 сентября 1905 г., № 7128 [2].

В дополнение представления от 2 сентября сего года за № 6700 доношу, что в селе Творишине уполномоченные от общества по ведению судебных дел крестьяне... начиная с 24 июля, помимо сельского старосты, собирали незаконные сходы, на которых подстрекали своих односельцев насильственным путем забрать урожай и косить сено на

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 135.
[2] Там же, лл. 141—142.

спорных земельных участках, принадлежащих землевладельцу Сурину и купцу Сапожкову, причем отбирали подписи на приговоре и возбуждали, таким образом, население против существующего порядка. Вследствие чего самоуправно был скошен сенокос на урочище Отрезок и Прогон, а на урочище Старая кирпичня самоуправно свезены гречневые и овсяные копны, причем здесь же недопускавшим к самоуправию [1] чинам полиции 29 августа было оказано вооруженное сопротивление.

Суражский исправник, вызвав к себе через сельского старосту вышеозначенных уполномоченных, арестовал их, в порядке охраны, и отправил в Суражский тюремный замок при шести казаках 1 казачьего Урупского полка и полицейских стражниках.

Конвой с арестованными, пройдя мимо села Творишина, вошел в узкий проулок, ведущий в д. Паньковичи, откуда наскочила толпа в несколько сот человек, вооруженная топорами, железными вилами и кольями, остановила конвой и с криками: «бей их» силой освободила арестованных, и начала наносить удары отступающей полицейской страже и казакам, как бывшим в конвое, так и прибывшим в помощь остальному взводу, преследуя их до усадьбы владельца Сурина; здесь исправник с приставом, желая не допустить толпу в усадьбу, угрожал револьвером бросившемуся на него с колом крестьянину Николаю Мелешенкову, говоря, если он не остановится, то будет убит; на это остановившийся Мелешенков стал ругать исправника площадной бранью, крича: «убей меня», «чего ты приехал защищать Сурина, бей всех». После увещеваний толпа разошлась. В толпе участвовало много женщин, вооруженных железными вилами и кольями. Во время нападения на конвой был сбит ударом кола по лошади урядник, у него был вырван пакет с актами о задержании арестованных, и все бумаги порваны на клочки.

Толпа, остановленная у усадьбы, понемногу разошлась. Приехав вместе с вице-губернатором, я застал судебного следователя, приступившего, под наблюдением прокурора Стародубского окружного суда, к производству следствия, по которому выяснилась виновность 19 человек в нападении на стражу и насильственном освобождении арестованных. Обвиняемые, вместе с 3 человеками, задержанными по распоряжению вице-губернатора, были арестованы и под конвоем препровождены в Суражскую тюрьму, причем никакого беспорядка крестьянами произведено не было.

По приезде вице-губернатора, крестьяне, собравшись вместе, явились с выражением покорности и раскаяния, выразив при этом просьбу о прощении. В настоящее время спокойствие восстановлено, и оставшийся в селе Творишине непременный член по крестьянским делам привел к взаимному соглашению владельца Сурина и крестьян относительно спорных участков земли.

Полковник Рудов.

Телеграмма черниговского губернатора товарищу министра, заведующему полицией, 8 октября 1905 г., № 22 [2].

В селах Слабине, Андреевке, Черниговского уезда, крестьяне произвели самоуправные действия во владельческих усадьбах, для усиления полиции командировал роту пехоты. В селе Соловьевке, хуторе Михайловском крестьяне села Куршанович, Новозыбковского уезда, со-

[1] Так в подлинике.
[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 157.

вершили скопом грабеж леса в имениях Аврамова, полиция усилена, ожидаю ответа прокурора на телеграмму для командирования войск для содействия судебной власти, так как полиции недостаточно.

Губернатор Хвостов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 11 октября 1905 г., № 7907 [1].

В дополнение телеграммы от 9 сего октября о беспорядках, произведенных крестьянами села Куршановичей, Новозыбковского уезда, доношу, что этими крестьянами в течение последних месяцев совершались систематически кражи у местных землевладельцев лесных материалов и хлеба с полей, и при попытках полиции к производству обысков для установления виновных крестьян, собираясь толпами по несколько сот человек, оказывали сопротивление чинам полиции и наносили им побои. Ввиду этого в названном селе усилен был состав полиции, путем откомандирования туда стражников из других пунктов губернии. В течение августа и половины сентября месяцев там находилось 6 урядников и 40 стражников. За это время не было случаев нападения на частновладельческие усадьбы и краж, хотя настроение крестьян было настолько возбужденное, что судебный следователь по важнейшим делам не решался подвергнуть заарестованию лиц, изобличенных в оказании сопротивления местному становому приставу. С уменьшением состава полиции кражи и поджоги вновь возобновились, и не только местное население, но и сами потерпевшие отказываются от указания на виновных, так как, будучи терроризированы, не решаются давать какие-либо сведения, опасаясь мести со стороны виновных или их единомышленников. Между 16 сентября и 3 октября крестьянами села Куршановичей произведено пять краж и поджогов, причем, совершая кражи, они являются вооруженными толпами, благодаря чему сопротивление им и задержание виновных представляется непосильным как для потерпевших, так равно и для чинов полиции. По распоряжению начальника губернии, там вновь усилен наряд полиции и в помощь им отправлено 50 казаков и рота пехоты и затребован еще батальон. По прибытии войск, туда выезжает командированный начальником губернии вице-губернатор, с которым выезжаю и я. В настоящее время, ввиду прекращения движения поездов, встречается препятствие к этому выезду и своевременному сбору всех войск.

Полковник Рудов.

Телеграмма черниговского губернатора товарищу министра, заведующему полицией, 17 октября 1905 г., № 68 [2].

В Куршановичах, Новозыбковского уезда, из главных руководителей вооруженного грабежа вице-губернатор арестовал пятьдесят человек, десять заковал в кандалы, разыскивается еще шестнадцать, переезжает село Соловьевку, где были такие же грабежи. Получил телеграмму сегодня ночью, что толпа крестьян внезапным нападением разрушила, сожгла экономию графа Мусина-Пушкина в селе Макошине, изыскиваю средства направить туда экстренным пароходом роту пехоты.

Губернатор Хвостов.

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, лл. 213—214.
[2] Там же, л. 159.

Телеграмма новозыбковских помещиков Перских министру внутренних дел, 25 октября 1905 г.[1]

Крестьяне грабят наши экономии Ражны, Суражского уезда, Черниговской губ. Усиленные наши хлопоты у губернатора об охране остаются тщетными, умоляем соблаговолить распорядиться о защите.

Перские.

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 26 октября 1905 г., № 3992[2].

В Новозыбковском, Суражском уездах сильно развиваются аграрные беспорядки, вызваны полк пехоты и кавалерии.

Полковник Рудов.

Телеграмма суражского предводителя дворянства, председателя земской управы и городского старосты статс-секретарю графу С. Витте, 27 октября 1905 г.[3]

Всеобщий погром продолжается, власть отсутствует, паника, живем под страхом потери имущества, жизни. Озабоченные судьбой уезда, настойчиво просим предоставить нам военную силу для водворения порядка, законности, арестования громил, отобрания награбленного; необходимо сейчас огласить в церквах манифест с благожелательными пояснениями.

[Подписи.]

Письмо председателя совета министров графа С. Витте управляющему министерством внутренних дел П. Дурново, 28 октября 1905 г.[4]

М. г., Петр Николаевич.

Препровождая при сем вашему превосходительству две только-что полученные мной телеграммы черниговского и саратовского губернаторов, покорнейше прошу вас, ввиду крайней тревожности известий, особенно из Черниговской губернии, экстренно переговорить о положении дел с г. военным министром и уведомить меня о принятом вами решении.

Прошу принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

С. Витте.

Письмо управляющего министерством внутренних дел П. Дурново графу С. Витте, 28 октября 1905 г.[5]

М. г., граф Сергей Юльевич.

Вследствие письма от 28 сего октября, считаю долгом сообщить вашему сиятельству, что по поводу ходатайств черниговского и саратовского губернаторов об оказании им содействия в деле прекращения возникших крестьянских беспорядков присылкою войск, я, ввиду от-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 169.
[2] Там же, л. 194.
[3] Там же, л. 198.
[4] Там же, л. 229.
[5] Там же, л. 204.

каза командующего войсками Киевского военного округа в командировании в Черниговскую губернию войсковых частей в том количестве, как ходатайствовал губернатор, просил военного министра немедленно прислать необходимые войска хотя бы из состава других военных округов.

Для прекращения же беспорядков в Саратовской губернии была сообщена военному министру просьба о командировании туда войск в том количестве, в коем губернатор признает это необходимым для водворения порядка, причем о присылке войск в надлежащем числе в Саратовскую губернию было также сообщено по телеграфу командующему войсками Казанского военного округа.

Ныне при личном об'яснении моем с военным министром по поводу крайне тревожных известий о крестьянских беспорядках в Черниговской и Саратовской губерниях, генерал-лейтенант Редигер [1] обещал мне сделать распоряжение о немедленном командировании в названные губернии новых войсковых частей в подкрепление находящихся уже там для усмирения крестьянских волнений.

Затем по отношению к Черниговской губернии ввиду происходящих там беспорядков, угрожающих полным разгромом экономий частных владельцев, мной представлен всеподданнейший доклад о том, что представляется необходимым об'единить принятие требуемых к подавлению беспорядков мер в руках одного лица. В сих целях испрашивается высочайшее повеление на об'явление всей Черниговской губернии в положении усиленной охраны и командировании туда, по непосредственному его императорского величества выбору, одного из лиц свиты его величества, коему и предоставить как чрезвычайные полномочия губернской администрации в местностях, об'явленных в положении усиленной охраны, так и право командования находящимися в пределах Черниговской губернии войсками.

П. Дурново.

Телеграмма суражских помещиков Скорнякова и др. председателю совета министров графу С. Витте, 29 октября 1905 г. [2]

Имения Софийск, Ивановск-Петровский, Петрово-Будской волости, и села Кулачах, Суражского уезда, Черниговской губернии,— крестьяне разогнали служащих, забирают зерно, сено, жгут постройки, рубят леса, забирают лесные материалы, берут скот, нет сил удержать местной властью, покорнейше просим дать содействие войсками иначе будет все уничтожено.

[Подписи.]

Телеграмма В. Зенченко министру внутренних дел, 29 октября 1905 г. [3]

С 24 октября в Черниговской губернии, в Суражском уезде, Петрово-Будской волости [крестьяне] разграбили, спалили десять помещичьих имений, продолжают [грабить]. Народ озверел, войск нет, просим защиты жизни.

Всеволод Зенченко.

---

[1] Редигер, А. Ф. — ген.-лейт., управляющий военным министерством, а затем военный министр с 1905 по 1909 г.

[2] ДП, о. о., 1905 г., д.№ 2550, ч. 22, л. 223.

[3] Там же, л. 244.

Телеграмма управляющего министерством внутренних дел командующему войсками Киевского военного округа, 30 октября 1905 г., № 407 [1].

Черниговский губернатор, получив на всю губернию лишь 550 кавалеристов, просит, ввиду крайне тревожного положения губернии, о командировании целого полка кавалерии. Не откажите, ваше превосходительство, в удовлетворении, если возможно, ходатайства губернатора.

Временно управляющий министерством Дурново.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 2 ноября 1905 г., № 8317 [2].

23 октября сего года на хутор Петровск, Суражского уезда, сделано нападение крестьянами села Петровской Буды, которые разгромили усадьбу Нехаевского, наполовину разрушив все постройки и уничтожив находившееся в них имущество. При нападении на усадьбу крестьяне, крича: «это наша земля, подавай ее нам», стреляли из принесенных с собой ружей и револьверов во владельца и всех бывших в усадьбе; стрельба обошлась без человеческих жертв, благодаря ночному времени. Предотвратить нападение не было никакой возможности ввиду внезапности его, а равно и потому, что нападавших было свыше ста человек, служащих же в экономии и других лиц, сдерживавших нападение, было не более десяти человек. Убытки приводятся в известность. Несколько человек нападавших уличено свидетелями; нападение это учинено с целью отобрания у владельца недвижимой собственности. Дознание по этому делу производится.

Полковник Рудов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 28 ноября 1905 г., № 8662 [3].

Сего числа по телеграфу получены сведения, что в Стародубском уезде разграблена крестьянами Десятухинская экономия Гусева, а в с. Медведовке того же уезда сожжены экономические постройки.

Полковник Рудов.

Из телеграммы черниговского губернатора министру внутренних дел, 29 ноября 1905 г., № 1114 [4].

Тревожное настроение сельского населения усиливается, подожжены две усадьбы в Стародубском уезде, подожжена тюрьма в Стародубе, началась рубка казенных лесов близ Шостки, Глуховского уезда; в Новгородсеверском уезде крестьяне сняли рабочих одной экономии. Имеющихся войск не могу передвинуть без ущерба для районов их пребывания, драгуны в Козелецком уезде охраняют границу Полтавской губернии, где идут беспорядки, ходатайствовал перед вашим высокопревосходительством, чтобы из вновь формируемых казачьих полков одна сотня была немедленно прислана в Конотоп, другая в Козелецкий уезд. Ныне ходатайствую еще о двух сотнях для Стародубского, Новгородсеверского уездов, где местных сил недостаточно.

Губернатор Хвостов.

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 236.
[2] Там же, л. 293.
[3] Там же, л. 311б.
[4] Там же, лл. 307—308.

Из письма черниговского губернатора министру внутренних дел, 30 ноября 1905 г.[1]

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь, Петр Николаевич.

Долгом считаю в кратких выражениях изложить вашему высокопревосходительству о положении высочайше вверенной мне Черниговской губернии.

Страшные аграрные преступления, обрушившиеся на Суражский, Городненский и Черниговский уезды, были мною приостановлены принятыми решительными мерами с приходом того количества войск, которое было мне наконец дано после усиленных моих ходатайств. Засим приезд высочайше командированного генерал-ад'ютанта Дубасова[2]; аресты, мною произведенные на основании усиленной охраны, начавшееся энергично судебное следствие, самосуд крестьянского населения над громилами, приговоры обществ относительно удаления порочных членов — все это, казалось, остановило общее движение; так надеялся и я в начале ноября...

События в Курской губернии и Полтавской волнуют все соседние с ними уезды Черниговской губернии. Деятели крестьянских союзов устраивают организации по деревням союзов, полиция почти бессильна бороться одновременно во всех селениях уезда. Авторитет земских начальников, местных землевладельцев, бессилен в аграрных делах, так как крестьяне видят в них людей, заинтересованных в вопросе права на землю...

Народ в деревнях не удовлетворен манифестом 17 октября[3], каковой ими не понят и дал повод к самым разнообразным толкованиям. Манифест 3 ноября[4], к сожалению, опоздал, он мог произвести впечатление 17 октября, но не после разгрома землевладельческих усадеб. Платеж податей половины оклада в 1906 г. является сомнительным так же, как уплата недоимок за нынешний год. Более же всего, повидимому, смущает крестьянское население — это возможность изменения высочайшего манифеста 6 августа[5]. Этот манифест народом понят и усвоен, выбор представителей на волостных сходах народ понимает; опасается только, что более одного представителя из крестьян от губернии им не удастся провести в Государственную думу. Об этом волостные старшины заявили генерал-ад'ютанту Дубасову во время представления в Чернигове; видимо, опасаются, что крестьяне, попавшие в списки землевладельцев, на с'езде окажутся в меньшинстве. Задержка созвания Думы, а также коренное изменение способов выбора представителей, по моему определенному мнению, может вызвать только самое сильное возбуждение крестьян против других классов. На вопросы, ко мне обращаемые со всех сторон, я об'ясняю, что манифест 17 октября, подтверждающий основания выборов в Думу, определенных манифестом 6 августа, указывает только на дополнение состава

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, лл. 315—321.

[2] Дубасов, Ф. Н. (1845—1912) — ген.-ад'ютант; 2 ноября 1905 г. был командирован в Черниговскую, Полтавскую и Курскую губернии, где крайне жестокими мерами, не останавливаясь перед уничтожением жилищ и имущества, подавлял революционное движение крестьян. В конце 1905 г. был назначен московским генерал-губернатором и руководил разгромом декабрьского вооруженного восстания в Москве.

[3] Манифест от 17 октября о свободах. В день опубликования указанного манифеста войска на улицах Петербурга избивали и расстреливали по приказу ген. Трепова от 14 октября безоружное население.

[4] Манифест от 3 ноября и указы о сложении выкупных платежей и о расширении операций Крестьянского поземельного банка.

[5] Манифест от 6 августа об утверждении Государственной думы.

представителей от таких элементов народа, которые ранее были обойдены. Между тем происходящие совещания правительства с разными общественными деятелями, известными всем как сочувствующие совершенно другим началам избрания состава Думы, заставляют сомневаться в том толковании, что высочайшие повеления 6 августа и 17 октября не могут быть изменены до созыва Думы. Эта неопределенность вместе с аграрными движениями и под влиянием безусловно развращающих газет, в которых оправдываются преступления и подстрекают к восстанию,— все вместе дает простор злонамеренным людям возбуждать население.

Необходимо энергичными и последовательными мерами остановить движение. Необходимо:

1) Обуздание многих газет.

2) Немедленное усиление войска в Черниговской губернии, главным образом, кавалерии; без этого остановить и подавить беспорядки трудно. Войска должны остаться на долгое время или же быть окончательно размещены в пределах губернии.

3) Об'явление о скором созыве Государственной думы на основаниях 6 августа и 17 октября. Всякое коренное изменение уже понятого народом основания избрания вызовет новые беспорядки. При об'явлении о созыве Государственной думы необходимо обнародовать, что первый вопрос и первая задача Думы будет «земельный вопрос». До этого решения немедленно об'явить, что разгромленные имения никогда не будут проданы или отданы соседним крестьянам (участвовавшим в их разгроме), а будут приобретены Крестьянским банком, если владельцы не пожелают вновь возобновить свои хозяйства, с тем, чтобы поселить на этих землях малоземельных крестьян непременно других губерний. Такому определенному об'явлению правительства я придаю исключительно важное значение. Крестьяне поймут, что вместо владельца, дающего им заработок, они получат соседей — новую деревню, которая не только не дает им земли и заработка, но еще урежет поденную цену на все работы в этой местности. Если же хотя одно разгромленное имение попадет в руки соседней деревни, тогда всем будет понятно, что крестьяне шли верным путем для приобретения соседней земли.

4) Принятие строгих мер обуздания элементов, волнующих и организующих разные союзы: учителей, земских служащих и друг., устраивающих под разными предлогами с'езды и т. п.

5) Поддержка законных действий губернской администрации и ее представителей, несущих теперь непосильный труд борьбы с революцией в то время, когда революционные газеты осыпают их ложью, клеветой и неосновательными обвинениями. Опровергать всю преднамеренно печатаемую ложь нам некогда и нет средств.

В дополнение к ходатайству моему об увеличении выдела в пределах Черниговской губернии долгом считаю обратить внимание вашего высокопревосходительства на прилагаемый при сем в копии рапорт конотопского исправника. Событие это должно произвести весьма пагубное впечатление на население. Арест агитатора необходим, но ничего сделать нельзя, пока не будет достаточного количества войск. Посему вновь подтверждаю мое усиленное ходатайство, изложенное в двух телеграммах (копии при сем прилагаются ввиду возможности, что они еще не дошли до Петербурга)[1] о необходимости неотложной присылки в мое распоряжение батальона пехоты и четырех сотен казаков или четырех эскадронов драгун. Находившиеся в губернии отряды

[1] Приложение здесь опущено.

пехоты почти растаяли после увольнения запасных. В самом Чернигове осталось от всего полка только 300 человек. Из всех уездов ежедневно просят присылки подкрепления.

Вместе с сим ходатайствую перед вашим высокопревосходительством о выдаче мне денег на расходы по происходящим беспорядкам. Разъездных денег давно нет. На все мои просьбы министерство отказывает. Мне приходится давать командированным мною чинам под'емные деньги из моих личных средств. Также личными моими деньгами я оплачиваю за подводы по перевозке войск и за проезд на пароходах. Уплата за подводы производится казной спустя долгое время, а между тем нерасплата за подводы дает право крестьянам уклоняться от подводной повинности, и без того им неприятной. В отдельном рапорте я испрашиваю у вашего высокопревосходительства выдачи 5 000 рублей, из коих я считаю необходимым усилить канцелярские средства уездных полицейских управлений, употребивших большую сумму на посылку телеграмм за все время беспорядков, когда других способов сношения не было по случаю прекращения железнодорожного движения.

Означенное письмо я решился отправить с нарочным полицейским чиновником, ввиду невозможности доставить письмо по почте и неуверенности, что мои телеграммы дошли до министерства.

Вашего высокопревосходительства
покорный слуга А. Хвостов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 2 декабря 1905 г., № 8721 [1].

В ночь с 27 на 28 ноября сего года в Стародубском уезде толпа крестьян с ближайших к хутору Десятуха сел напала на этот хутор; выгнав всех служащих и выпустив скот, крестьяне разгромили хутор, разграбили хлеб и сожгли все постройки. По сведениям погибло хлеба до 10 000 пудов.

Того же числа в селе Медведовка, Стародубского уезда, таким же образом крестьянами сделано нападение и разграбление имений владельцев Бороздны и Янжула.

Полковник Рудов.

Из телеграммы черниговского губернатора министру внутренних дел, 22 декабря 1905 г. [2]

Положение в уездах Стародубском, Новгородсеверском, Кролевецком весьма тревожное. Идут сплошные рубки леса, угрозы землевладельческим усадьбам; войска совершенно недостаточно, о чем я телеграфировал и доносил письменно вашему высокопревосходительству, непрестанно ходатайствую перед генерал-ад'ютантом Пантелеевым [3] и командующим войсками об увеличении войска, из других уездов передвинуть не могу, так как нельзя оставить без охраны, вместо усиления войска постепенно уменьшаются отзывом частей к своим полкам, уходом запасных, нужно необходимо три новых сотни казаков или три эскадрона в эти три уезда; при отсутствии войск, свободных в киев-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 365.
[2] Там же, л. 360.
[3] Пантелеев, А. И. — ген.-ад'ютант, помощник шефа жандармов (1897—1900), командир отдельного корпуса жандармов (1898—1900), иркутский военный ген.-губернатор (1900—1903); в конце 1905 г. был командирован в Черниговскую, Полтавскую и Курскую губ. для подавления крестьянского движения.

ском округе, убедительно прошу ваше высокопревосходительство ходатайствовать у военного министра [прислать] остальные эскадроны Кинбургского драгунского полка, или три сотни казаков; тогда можно прекратить волнение, успокоить землевладельцев.

Губернатор Хвостов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 24 декабря 1905 г., № 9070 [1].

Крестьянские беспорядки в Новозыбковском уезде, главным образом, проявляются в селах Манюках, Б. Колодезе, Семеновке, Сытой Буде и Спиридоновке и выражаются в самовольных порубках частновладельческих лесов и разгромах экономий. Ввиду незначительного состава полиции она не в силах своевременно принять меры к предупреждению беспорядков; находящиеся для этой цели в распоряжении гражданского начальства войска постоянно передвигаются в зависимости от возникновения беспорядков. В селе Сытой Буде крестьяне изгнали полицию и назначили сторожей для наблюдения за приходом войск, чтобы затем оказать открытое сопротивление, в случае ареста руководителей и организаторов беспорядков. Многие из руководителей бежали и скрываются крестьянами; в селе Семеновке же некоторые из них арестованы при содействии драгун.

Генерал Рудов.

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 25 декабря 1905 г.[2]

В некоторых селах Новозыбковского уезда крестьяне образовали банды, открыто сопротивляющиеся властям, отказываются платить налоги, грабят экономии, пытаются освободить арестованных агитаторов; в Семеновке напали на волостное правление, были отбиты казаками. Необходимо усиление войск. Имеющиеся ныне малочислены и разбросаны мелкими частями в разных пунктах.

Генерал Рудов.

Телеграмма черниговского вице-губернатора министру внутренних дел, 30 декабря 1905 г.[3]

В виду непрекращающегося аграрного движения в Новозыбковском уезде, для подавления беспорядков мною командирован на место начальник губернского жандармского управления генерал Рудов, которому подчинены все находящиеся в Новозыбковском уезде военные части, чины полиции. Ему же поручено также в случае особой важности проехать соседние Суражский, Мглинский уезды для принятия решительных мер.

Управляющий губернией вице-губернатор Родионов.

Телеграмма Злынковского спичечного фабриканта Осипова министру внутренних дел, 2 января 1906 г.[4]

Подтверждая телеграмму свою от 30 декабря, всепокорнейше прошу ваше высокопревосходительство сделать распоряжение о военной охра-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 394.
[2] Там же, л. 380.
[3] Там же, л. 397.
[4] ДП, о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 55, л. 16.

не и защите моих софиевских фабрик и лесов. Крестьяне окружных сел сегодня — более 1 500 подвод — явились в лес, рубят его и угрожают громить фабрику, где большой запас спичек и материалов, не вывезенных по случаю забастовок дорог. Ради бога, ваше высокопревосходительство, внемлите моей просьбе и распорядитесь о немедленной военной защите моих имений, иначе понесу миллионные убытки, и тысячи рабочих останутся без заработка.

Федор Игнатьевич Осипов.

Телеграмма черниговского вице-губернатора министру внутренних дел, 3 января 1906 г.[1]

Сообщения из Стародубского уезда преувеличены, поджогов, разгромов усадеб было 4 случая, идет массовое хищение леса крестьянами. В уезд назначен новый исправник, которому даны подробные инструкции действовать решительно; посылаю из Клинцов взвод драгун, будет командирован непременный член для водворения порядка.

Управляющий губернией Родионов.

Телеграмма директора департамента полиции управляющему Черниговской губернией, 4 января 1906 г., № 24[2]

Министр поручает вам принять решительные меры против расхищения крестьянами леса малолетнего Сапожкова.

Директор [Подпись.]

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления департаменту полиции, 5 января 1906 г.[3].

Прибыв 1 января в Новозыбков, второго числа отправился в имение Розенбаха Карпиловку. Разграблены 29 декабря крестьянами селений Карпиловки, Денисковичи: спирт винокуренного завода, большие запасы ржи, овса, сельско-хозяйственный инвентарь; убытки исчисляются до 50 000. За два часа до моего прибытия в Спиридонову Буду толпа денисковских крестьян в несколько сот двинулась в Спиридоновку освобождать арестованных, но залпами взвода драгун, отряда стражников была отбита, есть раненые. Дальнейшими арестами, моими распоряжениями, личными внушениями на сельских сходах крестьяне приведены к сознанию преступных их деяний и неизбежной тяжкой ответственности. В Карпиловке возвращают награбленное. Денисковцы обязались возвратить немедленно. Сходы обоих селений составляют приговоры о ссылке разбойников, воров, вообще порочных, обыски полицией с содействием драгун производятся. Арестовано тридцать, дознание ведется приставом Куцевичем, крестьяне Больших и Малых Щербинич, Шурубовки частью революционизированы, частью терроризованы местным революционером крестьянином Мосягиным, укрывающимся от ареста, тщательные розыски его продолжаются.

Генерал Рудов.

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 12 января 1906 г.[4]

Сегодня в Смяльчах, не встретив попытку сопротивления, после надлежащего внушения сходу, выданы подстрекатели насилия, воров-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 17.
[2] ДП, о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 55, л. 15.
[3] Там же, лл. 28—29.
[4] Там же, л. 44.

ства. Арестовал 9 человек. Сход, сознав всю преступность своих действий, приступил при мне к свозке награбленного леса, обязался войти в соглашение их претензий за порубку, обещал составить приговор о высылке порочных членов, выдать скрывающихся. В назидание населения признал необходимым сжечь гумно с награбленным материалом скрывавшегося главного зачинщика, грабителя крестьянина Кушелева в присутствии схода; впечатление потрясающее, но благотворное; посетил Писаревку, где на сходе сделал надлежащее внушение. Сход сознал вину, обязался немедленно возвратить ворованный лес, удовлетворить претензии владельцев. Арестовал одного. Завтра выезжаю вглубь уезда, посещу все тревожные местности.

Генерал-майор Рудов.

Телеграмма генерал-ад'ютанта Пантелеева военному министру, 17 января 1906 г., № 128[1].

Наилучшее использование войск, командируемых для содействия гражданским властям, представляется для губернаторов, как людей не военных, непосильной работой. Зачастую войска чрезмерно дробятся: нижние чины посылаются без офицеров и целые роты и сотни растаивают.

В виду этого, не признаете ли возможным командировать по одному штаб-офицеру генерального штаба в Курск и Чернигов, которые могли бы руководить распределением войск по указаниям губернаторов. Полтавский губернатор будет пользоваться содействием начальника штаба 2 сводной казачьей дивизии.

Генерал-ад'ютант Пантелеев.

Письмо военного министра министру внутренних дел, 21 января 1906 г., № 3500[2].

Милостивый государь, Петр Николаевич.

В течение декабря 1905 года и января сего года от Черниговского губернатора и Стародубского городского головы неоднократно возбуждались ходатайства об усилении войск в Черниговской губернии.

Между тем, по донесению командующего войсками Киевского военного округа, видно, что в этой губернии ныне находится 7½ батальонов, 8 эскадронов, 8½ сотен и 7 батарей, то-есть такое количество войск, при наличии коих и при надлежащем их употреблении, порядок в губернии должен быть восстановлен.

Препровождая при сем копию телеграммы генерал-ад'ютанта Пантелеева от 17 сего января, за № 128, уведомляю, что распоряжение о посылке офицеров генерального штаба сделано.

Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности.

Редигер.

Из телеграммы начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 21 января 1906 г.[3]

Из Ущерпья выехал в Петровскую Буду, которая участвовала в разгромах владельческих экономий, стала рубить лес. Здесь на волостной сход прибыли общества: Перетина, Малоудельного, Великоудельного,

[1] ДП, о. о., д. № 700, ч. 55, л. 54.
[2] Там же, л. 53.
[3] ДП, о, о., 1906 г., д. № 2550, ч. 22, лл. 411—414.

последняя в ночь на 12-е грабила экономию Шефтелевича. В селах этих цила агитация, между прочим, не платить податей, но накануне моего приезда усиленно начали вноситься подати. ...Признал необходимым принять энергичные меры к подавлению смуты. Волостной сход в Петровской Буде, видя пример наказания в Смяльчи, выслушав надлежащее внушение, принес раскаяние, выдал четырех смутьянов, которых подверг телесному наказанию, обещал [выдать] скрывшихся односельцев, подлежащих высылке. Отсюда приехал на ночлег в Попову гору; здесь сельскому сходу были доставлены из Ширюк три подстрекателя к неплатежу податей; наказав их, сделал сходу внушение, получил обещание немедленного безнедоимочного взноса податей, подстрекателей выдавать. 13 прибыл в Лотаки, куда доставили сходу четырех подстрекателей по разгрому экономии Изкустов; подвергнув их наказанию при сходе, приказал доставить на обратном пути скрывшихся шахтеров, вносивших смуту среди населения. Сход решил представлять властям агитаторов. Отсюда выслал в Кибиршину таманских казаков... В Кибиршине пущены глубокие корни агитации скрывшимся сыном местной заведующей винной лавки Петром Нечаевским, пропагандирующим громить экономии, снимать рабочих, не повиноваться властям, почему винокуренный завод два месяца бездействует. Прибыл в Кибиршину в час дня; командир Таманской сотни смертельно ранил крестьянина Беляцкого, бросившегося с топором, крестьянин Кулеш, бросившийся на казака с колом, застрелен. Сход не собрался, вынужден был для примера сжечь четыре избы, три гумна главных виновных, приказав старшине приготовить сход с выдачей подстрекателей. На другой день вечером того же дня на место моего ночлега прибыли уполномоченные Кибиршины, прося пощады. Вновь прибыл в Кибиршину 14, застал сход в полном сборе на коленях, с восемью выданными сходом подстрекателями. Тут же подвергнув их тяжелому телесному наказанию, сход принес полное раскаяние и уверения, что больше беспорядков не будет. Возвратился на ночлег в имение земского начальника Стоша горы.

В ночь на 15 прибыл сюда могилевский губернатор для свидания со мной, просил водворить порядок в Бирюлях, Горах, Дерновой, Стадках, Марьиной Буде, пограничных селах Могилевской губернии, зараженных преступной пропагандой. Находя возможным удовлетворить просьбу губернатора, так как из этих сел агитаторы распространяли свою деятельность в Суражском уезде, распорядился все общества, кроме Бирюлей, Марьиной Буды, собрать утром 16 в Горах, доставив виновных, а сам выехал в Бирюли — разбойничье гнездо. Сход представил двух главных агитаторов; подвергнув их наказанию, передал в руки местной полиции, при этом признал необходимым сжечь гумно сельского старосты, покровителя грабителей.

16 утром в Горах собрался сход остальных сел Могилевской губернии; выдал трех агитаторов, подвергнув их наказанию, сход, после сделанного внушения, принес раскаяние, обещав возвратить владельцам награбленное имущество. Того же числа выехал в Марьину Буду, Могилевской губернии, где общество разграбило 700 пудов сена владельца Битерлиха, живущего в Суражском уезде, потребовав удаления Битерлиха из хутора через три дня. После внушения сходу, подвергнув наказанию выданных обществом подстрекателей, сход принес раскаяние, при мне стал возвращать награбленное сено. Отсюда выехал на ночлег в Кургановку, где были сняты рабочие на винокуренном заводе, устанавливали произвольную оплату на дрова, агитация велась местной чайной. Созвав сход, сделал надлежащее внушение, закрыв чайную, подвергнув наказанию шесть подстрекателей, выданных

обществом; сход принес раскаяние, уверение, что больше беспорядков не повторится.

17 выехал в Ларневск в имение Терещенко, где сельский сход выдал одного зачинщика, подвергнув наказанию; сход принес раскаяние, обещание возвратить владельцу награбленный лес. Отсюда приехал вторично в Лотаки, где сход доставил шесть шахтеров — главных бунтовщиков, а полиция представила из Великоудельного пять громил экономии Шефтелевича; подвергнул их наказанию; сход вторично принес искреннее раскаяние.

Того же числа прибыл в Заборье. Здесь был собран волостной сход, доставлены громилы экономии Сутевского и князя Баратова из Медведей; поблагодарив заборцев за примерное поведение, наказал громил; Медведское общество принесло раскаяние, обещав удовлетворить владельцев. Отсюда выехал на ночлег в Душатин, имение Кулябко-Корецкой, где 18-го на волостной сход доставлены шесть главных виновных, державших арендатора в осадном положении, вынудивших его дать подписку перед моим приездом, что арендатор не имеет претензий к обществу; подвергнув их наказанию, сход принес уверение, что больше беспорядков не повторится, агитаторов сами будут выдавать. Отсюда выехал в Гордеевку, где был собран волостной сход. Поблагодарив гордеевцев за примерное поведение, наказал громил, доставленных сходу Петровской Буды, Великоудельного, Поповки. Общества этих сел дали обещание больше беспорядков не повторять, ограбленное имущество возвратить; в тот же день выехал в Творишин, где с весны прошлого года беспорядки не прекращаются, образовалось разбойничье гнездо, влияющее на окрестные селения; владельца Сурина ограбили, 50 стогов сена сожгли, угрожали уничтожить усадьбу владельца Сапожкова, рубят лес; к моему приезду доставлено сельскому сходу только семь виновных в грабежах, остальные скрылись. Подвергнув их наказанию, нашел необходимым для примера прочим сжечь четыре избы, разорить 18 изб, сжечь одно гумно скрывшихся главных агитаторов-грабителей. Приказав на другой день собрать вновь сход, выехал на ночлег в Гордеевку.

19-го снова приехал в Творишин, застал сход на коленях, просившего пощады [1], принесшего раскаяние, что больше беспорядков не повторится, виновные будут доставлены местному владельцу. При мне стали пополнять убытки деньгами. Затем приехал в Кисичи, где разорены, разграблены мельница и сукновальня Ерченко, тоже разбойничье гнездо; сюда явились сходы деревень: Субович, Песчанки, участвовавших в разорении хутора Речное, в грабеже в Кисичах; подвергнув наказанию восемь человек главных подстрекателей, сходы принесли раскаяние, обещание удовлетворить владельцев. Отсюда проследовал в Душатин, в имение Кулябко-Корецкой. Сюда на волостной сход доставлены главные подстрекатели в разгромах и грабежах из Душатина, Кобыленки, Михайловки, Рудовки — 26 человек; подвергнув их наказанию, получил уверение от сходов: больше беспорядков не чинить, возвратить награбленное имущество. Выехал на ночлег в Сураж.

20-го посетил пригородную деревню Калинка, разбойничье гнездо, державшее в панике Сураж. Собраны были сходы: Калинок, Старого Дрокова, Нового Дрокова, Лубенек, Кашовки, доставили виновных 24 человека в грабежах, в разгроме помещичьих усадеб, в рубке леса, в воровстве хлеба, сена, подвергнув наказанию восемь человек коноводов. Сходы выслушали на коленях мое внушение, покаялись, дав

[1] Так в подлиннике.

обещание возвратить награбленное и вести себя примерно. Выехал в Мизиричи, где были 21-го собраны сходы Голубовки, Гнилуши, Рудни, Смолевич, Кулаг, Добрика, Жемердеевки, Княж, участвовавших в грабежах леса, сена, в разгромах экономий; сходами доставлены главных виновных 18 человек, подвергнув их наказанию. Сходы принесли раскаяние, [обещали] награбленное имущество возвратить владельцам, внести подати. Закончил проезд по этим зараженным местам Суражского уезда; по заявлениям владельцев, принятые мною меры произвели надлежащее впечатление. Крестьяне образумились, поняв, что есть власть, не допускающая насилия, неплатившие податей стали усиленно платить по всему уезду; полагаю, что проезд мой внесет успокоение уезда. Выезжаю в Чернигов.

Генерал-майор Рудов.

Из донесения начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 28 января 1906 г., № 652 [1].

В дополнение телеграммы доношу о деятельности моей по Суражскому уезду.

С 10 по 21 января включительно посещены мною самые зараженные пункты Суражского уезда. В этих пунктах были собираемы сельские и волостные сходы. Об'езд этот, собирание на местах сведений о происходивших беспорядках, личные беседы как с потерпевшими, так и с мятежниками и разбойниками и с увлеченной ими массой населения, а равно начальствующими над крестьянским населением земскими начальниками, представителями и исполнительными органами полиции — дали мне ясное представление о происходившем и привели к несомненному убеждению, что возникшие ужасы не могли бы так разрости при наличности на местах умелой, твердой руководительной и карающей, близкой к народу власти. Только отсутствие такой власти и могло дать возможность невежественным, никакого значения в народе не имеющим, но энергичным и до нахальства смелым агитаторам революции увлечь темную народную массу крестьянства бессмысленными толкованиями дарованных в последнее время народу милостей, увлечь не только до попрания существующих законов, но и до забвения законов божьих, соблюдение которых составляло для народа святыню...

Разрослись в Суражском уезде преступления против чужой собственности, выразившиеся в разгромах помещичьих имений, грабежах помещичьего имущества, хозяйственных продуктов и инвентаря, рубке частновладельческих лесов, грабежах лесных материалов и дошедшие до нападений и грабежей по проселочным дорогам проезжающих и проходящих разного звания людей, в том числе и крестьян.

С осени 1905 г. до января месяца в Суражском уезде разграблено до 35 помещичьих имений, в числе коих есть весьма крупные, вырублено множество лесов и громадное количество произведено разных мелких нарушений собственности и насилий, причем значительная часть крестьян, увлеченных такой преступной деятельностью, стала отвергать власть, оказывая массовые сопротивления малейшим попыткам этой власти проявить свои действия. При проявлении же однако этой власти с должной силой и непреклонной твердостью прекратить и покарать это, это самое преступное, буйное и дерзкое крестьянское население является перед властью вполне покорным и молящим пощады. Так встретило меня все население Суражского уезда, где я появлялся.

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, лл. 418—419.

В телеграмме от 21 января из Клинцов я докладывал о каждом пункте, мною посещенном, докладывал о каждой встрече, сделанной мне преступными крестьянами, везде одинаковая покорность, везде раскаяние, ужас и страх кары за содеянное, и только лишь в одном случае 13 января в селе Кибирше при вступлении в село казаков один из крестьян набросился с топором на командира сотни и был смертельно ранен, а другой — с колом на казака и был убит выстрелом, но и это случилось до моего прибытия, так как казаки вступили в село раньше. Покорившиеся и раскаявшиеся крестьяне не только каялись на словах, но выдавали своих главарей и руководителей по преступлениям, своих агитаторов. Я не мог не верить этому раскаянию, я видел доказательства их покаяния,— они возвращали награбленное, они уплачивали потерпевшим убытки деньгами, тем не менее я не признавал возможным только в силу такой покорности и покаяния оставлять без возмездия содеянные преступления, поколебавшие государственный порядок и подорвавшие во многих уверенность в силе и строгости правительственной власти; посему мне пришлось прибегать в большинстве посещенных мною пунктов к тяжелым репрессиям, о коих подробно изложено в упомянутой выше телеграмме моей от 21 января. Прибегал я к телесным наказаниям агитаторов-вожаков, подстрекателей и главарей содеянных преступлений, злодеев, которых сами же увлеченные ими же крестьяне, не признавая возможным оставлять без наказания, выдавали мне; ...[1] Твердо уверенный, что совершенный мною по Суражскому уезду об'езд, с применением на местах предоставленных мне уполномочий, оказал благотворное влияние не только на посещенные мною пункты, но решительно на весь уезд и внес успокоение для благонамеренной части населения, терроризованной мятежниками, смею доложить, что поддержание дальнейшего порядка [в] пораженном мятежом пункт[е] исключительно будет зависеть от энергии, умелости местной на местах власти при предоставлении таковой возможно большей активной силы для подавления беспорядков в самом их зачатке, с строгой для такой власти ответственности за бездействие.

К изложенному докладываю, что в виду оказавшегося на Суражский уезд влияния агитаторами и главарями, прилегающих к этому уезду поселений Чериковского уезда, Могилевской губ., и в виду личного ко мне обращения во время моего пребывания в Суражском уезде могилевского губернатора об оказании ему содействия при подавлении пограничных с Суражским уездом местах беспорядков в Чериковском уезде, я 15 и 16 января отвлекался из Суражского уезда в Чериковский для совместного с могилевским губернатором принятия соответствующих мер, и о моих действиях в Могилевской губернии подробно доносил в телеграмме от 21 января.

Генерал-майор Рудов.

Из телеграммы ген.-ад'ютанта Пантелеева Николаю II, 28 января 1906 г.[2]

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что за истекшую неделю из Орловской губернии донесений о проявлении аграрных беспорядков не поступало. Начальник Черниговского губернского жандармского управления генерал-майор Рудов вернулся в Чер-

[1] В дальнейшем тексте документа в нескольких фразах отдельные слова и части слов выбраны.

[2] ДП, о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 55, л. 57.

нигов, совершил с войсками обширный проезд по Суражскому уезду. После примерного наказания некоторых разбойничьих гнезд, везде сходы на коленях молили о пощаде. По просьбе могилевского генерал-губернатора, генерал-майором Рудовым восстановлен порядок в пяти пограничных селениях. Теперь поступают донесения о возобновившихся взносах податей, перевозке обратно помещикам срубленного леса и награбленного имущества.

Генерал-ад'ютант Пантелеев.

Телеграмма черниговского губернатора министру внутренних дел, 15 июня 1906 г., № 381 [1].

Все возможные меры для предупреждения беспорядков в губернии приняты; ниоткуда не получалось тревожных указаний; распространению слухов об ожидаемых погромах способствует само еврейское население, напуганное белостокскими событиями [2], также освободительными газетами, измышляющими известия о возмущениях в войсках.

Губернатор Родионов.

Телеграмма черниговского губернатора министру внутренних дел, 20 июня 1906 г., № 395 [3].

В последний месяц настроение населения значительно ухудшается. В нескольких уездах крестьяне насильственно заставляют помещиков понижать аренду, несоразмерно повышать заработки, самовольно захватывают пастьбы. Были случаи поджогов экономий, сопротивления полиции, войскам. Члены Думы ведут личными приездами и перепиской деятельную агитацию среди крестьян, возбуждая против правительства, склоняя писать требования, приговоры. Ложные известия газет о беспорядках, отчеты думских прений о казаках вредно отражаются на войсках, особенно на казаках второй очереди. Такое ухудшающееся положение вещей грозит большими беспорядками. Ко времени уборки хлебов наличного войска недостаточно для поддержания порядка. Усиленно ходатайствую командировать в губернию казачий полк первой очереди или драгунский.

Губернатор Родионов.

Отношение товарища министра внутренних дел командующему войсками Киевского военного округа, 24 июня 1906 г., № 6408 [4].

Черниговский губернатор телеграфирует, что за последнее время настроение сельского населения значительно ухудшилось, причем в нескольких уездах крестьяне насильственно заставляют помещиков понижать аренду, несоразмерно повышать заработную плату, самовольно захватывают пастьбы, поджигают экономии и оказывают сопротивление чинам полиции и войскам.

Вместе с сим губернатор указал, что ложные известия газет о повсеместных беспорядках и отчеты прений Государственной думы о казаках вредно отражаются на войсках, особенно на казаках второй очереди.

Подобное ухудшающееся положение дел в губернии грозит большими беспорядками, причем ко времени уборки хлебов наличный состав войска окажется недостаточным для поддержания порядка. Ввиду чего д. ст. сов. Родионов усиленно ходатайствует о командировании в его

[1] ДП, о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 55, л. 111.
[2] Еврейский погром в Белостоке, спровоцированный правительством, был 1—3 июня 1906 г.
[3] ДП, о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 55, л. 119.
[4] Там же, л. 124.

распоряжение казачьего полка первой очереди или одного из драгунских полков.

Сообщая об изложенном, имею честь обратиться к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой не отказать по возможности удовлетворить вышеприведенное ходатайство черниговского губернатора и о последующем почтить меня уведомлением.

За министра внутренних дел товарищ министра Макаров.

Телеграмма командующего Киевским военным округом министру внутренних дел, 28 июня 1906 г., № 918 [1].

В Черниговскую губернию вместо установленных особым совещанием под председательством Витте восьми эскадронов мною назначено пятнадцать сотен; взять конницу из других губерний не представляется возможным; пехота может быть усилена после прибытия с Дальнего Востока 9 корпуса.

Сухомлинов.

Из донесения начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 1 августа 1906 г., № 5835 [2].

В дополнение представления за № 5659 доношу, что произведенным дознанием о происшедших 24 сего июля в с. Новом Ропске, Новозыбковского уезда, беспорядках, выразившихся в том, что толпа крестьян, собравшаяся в тот день на ярмарку в с. Новый Ропск, напала на находившийся там отряд казаков, которые, отбиваясь от толпы, произвели несколько выстрелов и ранили двух крестьян, выяснено: посланный командиром 3-й сотни в раз'езд по селениям Локомобудской и Новоропской волостей взвод казаков, в составе 20 человек, 24 июля прибыл в с. Новый Ропск, где была ярмарка; по требованию пристава Морозова об оказании чинам полиции содействия к поддержанию на ярмарке порядка, командовавший взводом урядник Шкуришин выделил из взвода патруль семи спешенных казаков для обхода ярмарки с полицейским урядником Авраамснко; когда патруль этот проходил по ярмарке, то собралась толпа крестьян, окружила казаков с урядником и стали наносить им оскорбления ругательствами. Это заметили проезжавшие верхом на лошадях в другом конце ярмарки пристав Морозов и казачий урядник Шкуришин; прискакав к толпе, они быстро прорвали столпившихся крестьян и дали возможность патрулю из 7 казаков и уряднику Авраамснко выбежать из толпы и удалиться к своей квартире, где были их лошади; в уходивших казаков, как равно и в бывших на лошадях казачьего урядника Шкуришина и пристава Морозова, крестьяне бросали камнями и палками. Казачий урядник Шкуришин, по прибытии на квартиру патруля казаков, распорядился, чтобы они, как равно и бывшие на отдыхе казаки, сели на лошадей и с полным взводом выехал к толпе, надвинувшейся уже к квартире казаков, бросая в них камнями, палками, весовыми гирями и нанося удары кольями лошадям, а некоторые из крестьян пытались стащить казаков с лошадей; казаки отбивались сначала нагайками, но так как толпа не уступала и делалась наглее и дерзче, то произвели несколько выстрелов, которыми двое из крестьян ранены; это воздействовало на толпу, и она разбежалась.

Произведенное по сему дознание передано судебному следователю 3 уч. Новозыбковского уезда.

Генерал-майор Рудов.

[1] ДП, о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 55, л. 137.
[2] Там же, л. 155—156.

К истории борьбы самодержавия с аграрным движением в 1905—1907 гг.

В ответ на январские расстрелы (1905 г.) петербургских рабочих по всей стране прокатилась волна массового возмущения и протеста.

Движение не ограничивалось только пролетарскими центрами страны. Вслед за выступлением пролетариата в феврале — марте 1905 г. в целом ряде губерний Европейской России происходили массовые выступления крестьянства.

«Пролетарская борьба,— писал В. И. Ленин,— вызвала большое брожение, частью и революционное движение, в глубинах пятидесяти-ста-миллионной крестьянской массы, крестьянское движение нашло отзвук в армии и повело к солдатским восстаниям, к вооруженным столкновениям одной части армии с другою. Таким образом колоссальная страна со 130 миллионами жителей вступила в революцию, таким образом дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа» [1].

Характерно, что уже в эти ранние месяцы революции массовое крестьянское движение было связано с развернувшейся борьбой рабочего класса и происходило под руководством пролетариата и пролетаризировавшейся части деревни [2].

Напуганные размахом движения, помещики начали предлагать министру внутренних дел различные проекты мероприятий по борьбе с крестьянскими выступлениями.

Одна из мер борьбы с крестьянским движением, применявшаяся уже с 1902 г., фигурировала во всех докладных записках и письмах,— это имущественная ответственность крестьянства за разгром барских имений.

Авторы записок и писем предлагали взыскивать с крестьян убытки, причиненные помещикам в результате разгрома их имений, путем распродажи движимого и недвижимого имущества крестьян, включая и надельные земли. Обезземеленных же крестьян переселять в Сибирь и другие «не столь отдаленные» районы России.

Курский губернский предводитель дворянства граф В. Доррер в докладной записке на имя министра внутренних дел от 3 марта 1905 г. писал: «Как только будет выяснено, кто именно участвовал в грабеже, немедленно приступить ко взысканию с имущества виновных всей причитающейся суммы убытков, причем все имущество виновных, как-то: дом, все постройки, усадьбы и скот, подлежит обязательной продаже...» [3].

Такие проекты присылались десятками в министерство внутренних дел. Предлагая эту меру, которая являлась не чем иным, как массовым грабежом крестьянства, крепостники-помещики считали ее самой действительной, наряду с применением вооруженной силы.

Русское самодержавие пошло навстречу желаниям дворянства. Указом правительствующему сенату от 10 апреля 1905 г. было поручено министру внут-

[1] Ленин, Соч., т, XIX, стр. 345.

[2] «Красный архив» № 6 (73), 1935 г., стр. 126—170.

[3] ЛОЦИА, Архив внутренней политики, культуры и быта. Фонд земского отдела министерства внутр. дел, д. № 116, «Об аграрных крестьянских беспорядках», 1905 г., л. 3.

ренних дел, для выяснения «лиц, участвовавших в преступных скопищах крестьян, в целях привлечения участников в беспорядках, независимо от их наказания по суду, привлекать к имущественной ответственности, обращая взыскание на все их движимое и недвижимое имущество, без исключения» [1], создавать временные уездные комиссии в тех губерниях, где происходили беспорядки.

16 апреля 1905 г. министром внутренних дел была утверждена «инструкция о порядке действия временных уездных комиссий» [2].

В течение апреля были утверждены временные комиссии в губерниях Витебской, Воронежской, Курской, Орловской и Черниговской.

В мае — июле 1905 г. министерством внутренних дел был разработан и внесен на утверждение комитета министров проект правил «о порядке приведения в действие указа 10 апреля».

Инструкция и правила делали ответственными за произведенные разгромы имений не только непосредственных участников движения, но и всех присутствовавших в толпе крестьян.

Таким образом применение этой меры привело бы к массовому обезземеливанию миллионов крестьянства, к разграблению крестьянской земли и всего крестьянского хозяйства.

Между тем размах движения летом и особенно осенью 1905 г. принял невиданные еще размеры. Если в мае — августе 1905 г. крестьянским движением было охвачено лишь 20% всех уездов Европейской России, то в сентябре — декабре 1905 г. крестьянским движением было охвачено уже 52% всех уездов Европейской России. Широкой рекой разлилось крестьянское восстание по всей стране. В движение было втянуто много сотен тысяч крестьян. Убытки, причиненные разгромом барских гнезд, превысили много десятков миллионов рублей.

Вооруженные силы царизма: полиция, жандармерия, войска не были в состоянии справиться с разгоревшейся крестьянской войной. Царизму было не до списков участников крестьянских восстаний, не до подсчитывания причиненных убытков. Деятельность временных комиссий, созданных указом от 10 апреля 1905 г., потеряла всякое реальное значение. Массовые крестьянские восстания смели их со своего пути.

Это было вынуждено признать и само правительство. 1 декабря 1905 г., в самый разгар крестьянского движения, министр внутренних дел, предлагая соответствующее разъяснение и дополнение к указу от 10 апреля 1905 г., писал, что с взыскать с крестьян «убытки возможно в громадном большинстве случаев только при условии продажи всей их надельной земли, а это сопряжено с выселением целых обществ, то-есть с фактическим превращением в таборы бродяг. Ввиду этого, сколь ни желательно установить действительную имущественную ответственность сельского населения за произведенные им грабежи, но при современном нашем строе это едва ли осуществимо. Единственный, по моему мнению, способ удержать крестьян в рамках законности — суровая уголовная кара...» [3].

Об этом же писал в своей докладной записке председателю совета министров министр внутренних дел от 28 февраля 1906 г.

«... последствием этой меры (т. е. имущественной ответственности крестьян.— *М. Л.*), — писал П. Дурново,— должно быть полное обезземеление некоторой части крестьянства. Смягчить ее последствия предполагалось посредством переселения лишенных земли крестьян в Сибирь на казенные земли. Сравнительная незначительность аграрных беспорядков ко времени воспоследования указа 10 апреля и, следовательно, малочисленность виновных вполне допускала фактическое осуществление установленного означенным указом порядка взыскания...

[1] Фонд земского отдела министерства внутр. дел, д. № 27, 1905 г., л. 9.
[2] Там же, л. 26 - 27.
[3] Там же, л. 39

Засим, в октябре и ноябре возникли вновь беспорядки в сельских местностях. Число участников в этих беспорядках достигло столь значительного числа, что применение к ним меры, установленной указом 10 апреля, а именно — обезземеление виновных — ныне фактически неосуществимо. Оно привело бы к образованию бродяжнических шаек и, конечно, лишь усилило бы крестьянское движение. Одновременно, понесенные землевладельцами от погромов имений убытки достигли столь больших размеров, что ни в коем случае не могут быть возмещены в сколько-нибудь значительной части виновниками погромов».[1]

Исходя из всего этого, министр внутренних дел предлагал предоставить помещикам взыскивать с крестьян причиненные убытки от разгрома имений в общем судебном порядке, а государству оказать «пострадавшим землевладельцам» денежную помощь.

По представлению министра внутренних дел, государственный совет 10 марта 1906 г. вынес решение, получившее «высочайшее одобрение» 15 марта, об отпуске 8 миллионов рублей из средств государственного казначейства для субсидирования помещиков, имения которых были разгромлены в 1905 г.

По официальным данным земского отдела министерства внутренних дел, общая сумма убытков от разгрома помещичьих имений в течение 1905 г. по Европейской России выразилась в сумме 47 122 446 руб.

Впереди всех губерний идет Саратовская (сумма убытков 10 541 402 руб.), затем Лифляндская (5 422 354 руб.), Курляндская (5 003 000 руб.), Черниговская (4 900 006 руб.), Самарская (3 915 067 руб.), Таврическая (3 417 213 руб.) и т. д.

Соответственно этому были изменены цели и задачи временных уездных комиссий. Их функции были ограничены лишь установлением размера убытков. Кроме того, была снята круговая ответственность всей деревни за разгром имений. По новому проекту министерства внутренних дел, привлечению к имущественной ответственности подлежали лишь фактические участники разгромов помещичьих имений. Причем интересна мотивировочная часть этого изменения. Особая комиссия министерства внутренних дел по этому поводу писала:

«При огульном возложении имущественной ответственности на все общество, раз хоть один его член оказался участником беспорядков, у лиц, участия в беспорядках не принимавших, не может не возникнуть обидное чувство незаслуженности постигшего их взыскания, легко способное перейти в крайне опасное сожаление о том, что они не сумели своевременно воспользоваться чужим добром, подобно своим однообщественникам... Таким образом привлечение к ответственности неучаствовавших в беспорядках членов сельского общества наравне с действительно участвовавшими не только, казалось бы, не может обратить их к противодействию преступным наклонностям более беспокойных элементов, но скорее произведет противоположное действие» [2].

К началу 1906 г. были созданы и работали 140 временных уездных комиссий. Число комиссий по отдельным губерниям, в зависимости от наибольшего развития крестьянского движения, доходило до 10 и более, так например: Витебская губ.—9 комиссий, Курская губерния —10, Могилевская губ.—10, Воронежская губ.—11, Черниговская губ.—11, Орловская губ.—12 и т. д.

Крайне любопытно, что помещики основательно злоупотребляли этими законами. Подавая заявление о возмещении убытков от разгрома имений, помещики сильно увеличивали сумму убытков. Это был вынужден признать и сам министр внутренних дел П. Дурново.

В письме от 14 января 1906 г. статс-секретарю Д. М. Сольскому министр внутренних дел П. Дурново сообщал, что размер убытков от разгрома помещичьих имений по 1811 имениям (23 губернии) равняется 35 451 542 р. 31 коп.

---

[1] Фонд земского отдела министерства внутр. дел, д. № 27, 1905 г., л. 52 об.
[2] Фонд совета министров, д. № 86, 1906 г., л. 4.

«Следует однако иметь в виду,— писал он,— что в действительности цифра эта, по всей вероятности, должна была значительно понижена, так как она основана преимущественно на заявлениях самих потерпевших» [1]. И в доказательство злоупотреблений со стороны помещиков он приводит следующие данные: в связи с разгромом помещичьих имений во время крестьянских волнений в феврале и марте 1905 г. в Орловской, Курской и прочих губерниях помещиками были даны заявления: по Курской губ. на 283 707 р. и по Орловской губ.— на 949 190 р., временными же уездными комиссиями сумма убытков была установлена в гораздо меньших размерах: по Курской губ.— 165 280 р. и по Орловской губ.— 382 520 р.

Все принимаемые царским правительством меры, разумеется, не остановили наступательного хода революции.

«Крестьянское движение осенью 1905 г. достигло еще больших размеров,— писал В. И. Ленин.— Больше трети уездов по всей стране было тогда охвачено «крестьянскими беспорядками» и настоящими крестьянскими восстаниями. Крестьяне сожгли до 2 тысяч усадеб и распределили между собой жизненные средства, награбленные дворянскими хищниками у народа.

К сожалению, эта работа была слишком мало основательна! К сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного землевладения. К сожалению, крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции» [2].

Размах крестьянского движения был еще недостаточен, чтобы без остатка смести с лица нашей земли российский феодализм. Но все же под ударами огромной волны рабочего и крестьянского движения зашатался трон российского деспотизма. Царское правительство вынуждено было «отменить» царский указ от 10 апреля 1905 года.

Публикуемые ниже документы хранятся в Архиве внутренней политики, культуры и быта Ленинградского отделения Центрального исторического архива.

М. Льв. Лурье.

Указ Николая II сенату, 10 апреля 1905 г.[3]

В текущем году в некоторых сельских местностях возникли беспорядки, сопровождавшиеся разгромом и грабежом преступными скопищами крестьян владельческих усадьб, торговопромышленных заведений и движимого имущества.

Такое злонамеренное нарушение имущественных прав не может быть терпимо. Всякая частная собственность неприкосновенна и охранение ее от незаконного посягательства, а тем более от насилия, составляет первейшую обязанность правительства и необходимое условие мирного и спокойного преуспеяния общественной жизни.

В целях вящего развития в народном сознании твердого убеждения как в неприкосновенности частной собственности, так и в том, что за всякое посягательство на чужое имущество виновные будут неуклонно подвергаемы суровой каре и привлекаемы к имущественной ответственности, мы повелеваем:

1) Предоставить министру внутренних дел учреждать, по мере надобности, в уездах, где произошли беспорядки, временные уездные комис-

[1] Фонд совета министров, д. № 64, 1905 г., л. 56.
[2] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 353—354.
[3] Фонд земского отдела министерства внутр. дел, д. № 34-6, 1905 г., л. 1.

сии, под председательством уездных предводителей дворянства, из председателей уездных земских управ, уездных исправников, земских начальников и податных инспекторов, в участках коих произошли беспорядки, а также приглашаемых в комиссию одного или двух гласных уездного земского собрания, проживающих в ближайших к месту происшествий местностях,

2) Возложить на означенные в п. 1 комиссии выяснение лиц, участвовавших в преступных скопищах крестьян, а также исчисление размеров причиненных ими убытков, для привлечения к имущественной ответственности, с обращением взыскания на все без изъятия движимое и недвижимое имущество всех членов сельских и селенных обществ участвовавших в скопищах крестьян, коими произведены разгромы и грабежи,

3) Предоставить министру внутренних дел преподать упомянутым временным комиссиям подробные указания о порядке их действий, а также командировать особо назначенных для сего министром лиц, для руководства действиями сих комиссий,

4) Поручить министру внутренних дел выработать и, по сношении с министрами юстиции и финансов и государственным контролером, внести на наше утверждение, через комитет министров, проект правил о порядке осуществления меры, указанной в п. 2, и возмещения убытков потерпевшим, а также об оказании воспособления выдачей ссуд из казны тем из потерпевших владельцев, кои оказались бы не в состоянии собственными средствами немедленно восстановить свои усадьбы или приобрести необходимый для ведения в них хозяйства инвентарь.

Правительствующий сенат не оставит учинить, к исполнению сего, надлежащее распоряжение.

Николай.

Проект временных правил[1]

1. Участвовавшие в произведенных преступными скопищами разгромах и грабежах в сельских местностях привлекаются к имущественной ответственности и подвергаются имущественному взысканию за причиненные ими вред и убытки на общем основании, с соблюдением нижеследующих правил (ст. ст. 2—20).

2. Присужденное с привлеченных к имущественной ответственности лиц (ст. 1) взыскание может быть обращаемо, в числе прочего, принадлежащего им, имущества, также на состоящие в их пользовании надельные земли, равно как на земли, купленные ими, лично или в составе сельских обществ, отдельных поселений, либо крестьянских товариществ, и заложенные в крестьянском поземельном банке. Не освобождается от взыскания и принадлежащая означенным лицам движимость, необходимая в крестьянском хозяйстве.

3. Размер и границы земельных участков (надельных и вненадельных), состоящих в постоянном (не арендном) пользовании домохозяев, привлекаемых к имущественной ответственности на основании настоящих правил, — как при общинном пользовании, так и при подворном, а равно и при общем владении землей, — определяются, при описи, оценке и продаже их, по действительному пользованию домохозяев. Однако, по требованию взыскателя, общество при общинном пользовании и совладельцы при владении общем — обязаны выделить при-

[1] Ф. земского отдела министерства внутр. дел, д. № 27, 1906 г. лл. 80—82.

менительно к ст. 12 общ. пол. о крест. соответственное количество земли в отдельные участки или участка меньшей чересполосности.

4. При оценке участков, принадлежащих привлеченным к ответственности лицам, принимаются во внимание также и выгоды, доставляемые домохозяевам правом их участвовать в пользовании общественными землями. Но ценность такового права особо не определяется.

5. Стоимость по оценке участков земли, заложенной в крестьянском поземельном банке, не может быть определена в размере, меньшем приходящейся на означенные участки доли продажной цены, указанной в купчей крепости. Для определения величины этой доли, производящий оценку судебный пристав сносится с местным отделением банка.

6. Сельскому или селенному обществу предоставляется право оставить за собою в сумме оценки, под условием единовременной уплаты этой суммы, земельные участки, на которые обращено взыскание (ст. 3). Участки, от оставления которых за собою общество отказалось, поступают в продажу с публичного торга.

7. Земельные участки, заложенные в крестьянском поземельном банке (ст. 2), могут быть оставляемы за подлежащими обществами, поселениями, либо товариществами, при их на то согласии, в сумме оценки, под условием единовременной уплаты из этой суммы той ее доли, которая превышает упадающий на такие участки непогашенный долг банку. При несогласии сельского или селенного общества право оставить участок в своем распоряжении переходит к крестьянскому поземельному банку за единовременную уплату разницы между оценкой участков и приходящейся на них долей ссуды, выданной банком.

8. В случае отказа общества, поселения или товарищества, а также крестьянского поземельного банка (ст. 7) от оставления за собою участков, на которые обращено взыскание, производится продажа сих участков с публичного торга.

9. Принадлежащие отдельным, привлеченным к ответственности лицам участки земли, заложенные в крестьянском поземельном банке, назначаются в продажу лишь при несогласии банка оставить их за собою с единовременной уплатою разницы между суммою оценки и ссудой, выданной банком под залог сих участков.

10. При производстве описи и оценки участков из состава земель сельского или селенного общества, владеющего наделом на общинном праве, может присутствовать уполномоченный от сельского общества или отдельного поселения, а при описи и оценке участков из состава земель, заложенных в крестьянском поземельном банке,— уполномоченный от общества, поселения или товарищества. О времени производства описи и оценки судебный пристав обязан известить сельское общество, отдельное поселение или крестьянское товарищество особою повесткою.

11. Кроме упомянутых в предшедшей (10) статье уполномоченных, к описи и оценке земельных участков, заложенных в крестьянском поземельном банке, приглашается особою повесткою представитель местного отделения банка.

12. Торги на обращенное в продажу имущество производятся: на движимое имущество — по возможности на месте его нахождения или при волостном правлении, а на недвижимое имущество, оцененное ниже пятисот рублей, — при волостном правлении, на оцененное же в пятьсот рублей и выше — при уездном с'езде.

13. В случае неуспешности первых торгов на продажу надельной земли или вненадельной, если она заложена в крестьянском поземельном банке, обязательно назначаются вторые торги не позже срока,

указанного в статье 1143 устава гражданского судопроизводства, о чем делается оговорка в об'явлении о первых торгах.

14. В торгах на надельные земли могут участвовать только лица приписанные или имеющие право приписаться к сельским обществам

15. В торгах на земли, заложенные в крестьянском поземельном банке, могут участвовать только лица, имеющие право приобретать землю при содействии банка, причем к торгам на участки, входящие в состав земель, заложенных в крестьянском поземельном банке крестьянскими товариществами, допускаются только члены тех товариществ, часть земли которых продается.

16. При безуспешности вторых торгов на обращенное в продажу недвижимое имущество, остаются в сумме оценки: надельные земли — за казною, а вненадельные, на которых лежит долг крестьянскому поземельному банку, — за банком.

17. Лица, купившие на торгах участки из состава надельных земель сельского или селенного общества, владеющего наделом на общинном праве, пользуются означенными участками, в размере и границах, указанных в ст. 3 настоящих правил, порядком, установленным для владения подворно-наследственными участками, причем как они, так и приобретатели подворно-наследственных участков, а равно правопреемники тех и других участвуют в пользовании общественными угодьями на принятых в обществе условиях. На тех же основаниях пользуются приобретенною землею и лица, купившие на торгах участки из состава вненадельных земель, принадлежащих сельским обществам или отдельным поселениям.

18. Поступившие в заведывание казны участки надельной земли общинного землепользования выделяются к одному месту крестьянскими учреждениями в ближайший по возможности срок по выяснении окончательных результатов торгов. Чистый доход от эксплоатации оставшихся за казною участков надельной земли, а также в случае их продажи казною, вырученная продажная цена, за покрытием понесенных расходов, выдается взыскателям.

19. Участки из состава земель, заложенных в крестьянском поземельном банке, оставшиеся за банком, могут быть им проданы лицам, не принадлежащим к обществу, поселению или товариществу, хотя бы со стороны последних не было из'явлено на то согласия. Остаток от продажной суммы, за вычетом долга крестьянскому поземельному банку и понесенных им расходов, выдается взыскателям.

20. Проданные с публичного торга земли укрепляются за приобревшими их лицами на основании действующих по сему предмету правил, за исключением участков, приобретенных из состава земель крестьянского товарищества, заложенных в крестьянском поземельном банке. На эти участки не выдается особых данных, а делаются лишь соответствующие отметки в имеющихся у товариществ крепостях.

Из представления министерства внутренних дел в комитет министров, 10 июля 1905 г., № 15580[1].

Весною 1902 года в некоторых местностях Константиноградского и Полтавского уездов Полтавской губернии, а также Валковского и Богодуховского уездов Харьковской губернии произошли беспорядки, выразившиеся в том, что толпы крестьян, нередко в несколько сот человек, совершили ряд открытых нападений на усадьбы соседних помещиков и богатых казаков. При этом крестьяне отбирали сено,

[1] Фонд совета министров, д. № 64, 1905 г., лл. 144—157.

картофель, зерновые запасы и сельскохозяйственные орудия, угоняли скот, разбирали и уносили по частям заводские машины, разбивали амбары и другие экономические постройки, грабили движимость, разоряли жилые дома и несколько усадьб сожгли.

По поводу этих исключительных событий воспоследовал именной высочайший указ правительствующему сенату 11 мая 1902 г., коим независимо от наказаний, наложенных в уголовном порядке на виновников беспорядков в названных губерниях, ответственность за произведенные погромы владельческих усадьб и за понесенные владельцами убытки была возложена не только на лиц, непосредственно участвовавших в нападениях и грабеже, но и на сельские общества, своим преступным попустительством способствовавшие развитию беспорядков. При этом государю императору благоугодно было, в виде особой милости и во внимание к затруднительному материальному положению владельцев, возместить им убытки, немедленно по их исчислении, из сумм государственного казначейства, не дожидаясь взыскания причитающихся в возврат сих сумм сборов с сельских обществ. В соответствии с сим упомянутым указом высочайше повелено: «1) отпустить из государственного казначейства, сверхсметным кредитом по отделу чрезвычайных расходов 1902 года, 800 000 рублей на вознаграждение потерпевших землевладельцев Константиноградского, Полтавского, Валковского и Богодуховского уездов за убытки, непосредственно причиненные им означенными беспорядками; 2) возложить исчисление таковых убытков и назначение лицам, заявившим о том ходатайство, соразмерного, по соображении с указанною суммою, вознаграждения, на особые временные комиссии, образуемые под председательством полтавского и харьковского губернаторов, при участии губернских предводителей дворянства и других должностных лиц местного финансового и по крестьянским делам управления; 3) предоставить министрам внутренних дел и финансов, по взаимному соглашению, определить состав и порядок действий означенных комиссий и свои по сему предмету предположения внести на высочайшее утверждение через комитет министров, и 4) для возмещения государственному казначейству указанной в п. 1 суммы установить с сельских обществ и селений, крестьяне коих принимали участие в беспорядках, дополнительный к существующим окладной сбор, с тем, чтобы ежегодный размер оного и срок его взыскания были определены, для отдельных обществ и селений, порядком, указанным выше в п. 2, и чтобы взимание этого сбора, на общем с прочими окладными платежами основании, было начато не позднее второй половины текущего года».

Засим, в исполнение п. 3 приведенного высочайшего указа, министры внутренних дел и финансов 25 мая 1902 г., за № 10427, вошли в комитет министров с представлением, в коем изложили свои предположения о порядке действий Харьковской и Полтавской особых временных комиссий. В означенном представлении, наряду с предположениями относительно личного состава комиссий и процессуального порядка производства в них дел, статс-секретари Плеве и Витте высказали, между прочим, следующие соображения:

1) Для пред'явления потерпевшими ходатайств о вознаграждении необходимо установить возможно краткий срок ввиду того: а) что чем позже будет сделано заявление об убытках, причиненных беспорядками, тем труднее будет его проверить и оценить убытки, и б) что, предварительно назначения в каждом отдельном случае вознаграждения, необходимо будет сопоставить общий итог исчисленных по надлежащей проверке убытков лиц, заявивших ходатайство о вознагражде-

нии, с кредитом в 800 000 р., назначенным из казны для их возмещения, дабы определить, в каком процентном отношении к действительно понесенному этими лицами материальному ущербу от беспорядков может быть выдано им вознаграждение из казны.

2) Оценке должны подлежать только такие убытки, которые явились прямым последствием беспорядков и возникли в самый момент беспорядков, а не в последующее, хотя бы непосредственно вслед за ними, время. Например, если в каком-либо имении крестьяне отобрали и не возвратили запасов яровых семян, то оценке подлежит собственно стоимость этих семян, по обычной во время года для данной местности цене, а не переплата при вынужденной спешной их покупке владельцем, или убытки, которые он мог впоследствии понести от несвоевременного посева яровых; точно так же, если крестьянами угнан и не возвращен рогатый скот владельческой экономии, то вознаграждение должно быть исчисляемо по соображению со стоимостью уведенных животных, но не с уменьшением дохода от временного сокращения маслоделия или сыроварения в имении; если на сахарном заводе поломаны или разобраны и унесены по частям машины, разграблены запасы заготовленных материалов и уже изготовленного сахара, то оплате вознаграждением подлежит ценность похищенного имущества, а не убытки, которые могли произойти от временного приостановления действия завода или от лишения владельца возможности продать отобранные у него запасы сахара по возвысившейся почему-либо вслед засим цене и т. п.

3) Раскладку между сельскими обществами и селениями дополнительного окладного сбора в возмещение выданных из казны вознаграждений за причиненные беспорядками убытки целесообразно возложить на временные комиссии. С этой целью и дабы обеспечить возможность соблюдения требования п. 4 указа 11 мая о том, чтобы взимание дополнительного сбора начато было с плательщиков во второй половине 1902 года, каждая комиссия, по выяснении итога исчисленных ею по губернии вознаграждений, должна немедленно приступить к предварительной разверстке его между теми, находящимися в пределах губернии, обществами и селениями, обыватели коих участвовали в беспорядках. При этом, так как размер убытков, причинённых отдельным владельческим экономиям и усадьбам, весьма различен, с другой же стороны, в шайках, производивших беспорядки, участвовали нередко члены разных обществ и селений, необходимо руководствоваться обоими этими признаками, т. е. как непосредственною стоимостью ущерба, причиненного каждой шайкой, так и долею участия в ней населения каждого из соседних обществ. При таких условиях возможно будет достигнуть, в известном, по крайней мере, отношении, некоторой в этом деле справедливости, именно, наибольшие абсолютные суммы, подлежащие погашению в порядке дополнительного обложения, падут на те сельские общества и селения, большинство членов коих принимали участие в преступных действиях тех шаек, которые нанесли наиболее вреда. Тем же обществам и селениям, которые поставили меньшее число участников беспорядков, а также тем, члены коих входили в состав шаек, причинивших меньше материального ущерба, будут назначены и меньшие суммы для погашения. Указанными двумя руководящими основаниями нельзя однако ограничиться в настоящем случае. В действительности может оказаться, что наиболее значительные убытки нанесены отдельным экономиям членами немногих и при том небольших сельских обществ, возмещение коими этих убытков даже при рассрочке на весьма продолжительное время будет для таких обществ непосильным. С другой стороны, обще-

ства и селения, по почину коих начались беспорядки, могут оказаться в льготном положении, если убытки, причиненные членами этих обществ, невелики. Наконец, необходимо предвидеть, что некоторые владельцы или вовсе не возбудят ходатайств о вознаграждении, или заявят их по истечении установляемого для сего срока. Если убытки, им причиненные, не будут вовсе приняты в расчет при раскладке, то может случиться, что крестьяне, причинившие наибольший материальный ущерб своими преступными действиями, будут менее других обложены дополнительным сбором по совершенно случайной причине. Ввиду изложенного, для устранения могущей произойти при подобных условиях неравномерности карательного воздействия установленной указом 11 мая меры, необходимо, чтобы временные комиссии при разверстке общих сумм исчисленных ими вознаграждений между сельскими обществами и селениями принимали в соображение: 1) кроме указанных выше двух главных оснований, также и другие местные условия, могущие выясниться по обстоятельствам дела, и 2) весь материальный ущерб, причиненный беспорядками, в том числе и убытки, о возмещении коих не поступят своевременно ходатайства. Эти последние убытки не подлежат, очевидно, подробной оценке, а лишь примерному, по имеющимся сведениям, исчислению. Одновременно с предварительным распределением капитальной, так сказать, суммы подлежащих возмещению населением затрат казны по ликвидации последствий беспорядков, временные комиссии должны будут определить число лет, в течение коих погасительный окладной сбор должен взыскиваться с каждого сельского общества и селения, и в зависимости от сего годовой оклад этого сбора для каждого общества и селения. Руководящим при этом основанием должен служить размер той общей капитальной суммы, которая при разверстке назначена для данного сельского общества или селения, с тем, чтобы тем из них, коим определены наиболее крупные суммы, был предоставлен наиболее продолжительный срок взимания дополнительного окладного сбора, хотя бы в пределах принятого для выкупных платежей 49-летнего срока. Только этим способом возможно будет избежать установления непосильных и даже разорительных для населения дополнительных окладов.

Засим в заседании комитета министров товарищ министра внутренних дел, сенатор Дурново, в дополнение к изложенным в представлении от 25 мая 1902 года, за № 10427, соображениям о порядке раскладки и взимания с сельских и селенных обществ установленного высочайшим указом 11 мая 1902 года дополнительного сбора об'яснил, что руководящим при этом основанием для комиссий будет служить размер той общей капитальной суммы, которая при разверстке назначена для данного сельского общества или селения, с тем, чтобы обществам, коим определены наиболее крупные суммы, был предоставлен наиболее продолжительный срок взимания сбора. Только этим способом возможно будет избежать установления непосильных и даже разорительных для населения дополнительных окладов. Но наряду с этими комиссиями будет принят во внимание и особый карательный характер настоящей меры, при коей наказание должны понести прежде всего сами непосредственные виновники происшедших беспорядков, а не их потомство. Поэтому определенные ко взиманию суммы будут разверстываемы комиссиями с таким расчетом, дабы наложенные взыскания произвести с нынешних поколений. Тем не менее при различии в возрасте лиц, принимавших участие в беспорядках, полное достижение указанной задачи представляется совершенно недоступным, и единичные случаи распространения на потомство действия принимаемой карательной меры являются по существу дела неизбежными. Во вся-

ком случае, пользуясь правом производить разверстку по соображении со всеми местными условиями, комиссии эти несомненно озаботятся распределить налагаемые платежи таким образом, чтобы взыскиваемые суммы были уплачены действительными виновниками волнений и тем сократят до возможного предела число вышеуказанных из'ятий из сего общего порядка.

По рассмотрении представления министров внутренних дел и финансов от 25 мая 1902 года, за № 10427, в связи с изложенными об'яснениями товарища министра внутренних дел, сенатора Дурново, комитетом министров были установлены и удостоились 31 того же мая высочайшего утверждения следующие «Правила о порядке приведения в действие именного высочайшего указа 11 мая 1902 года об имущественной ответственности сельских обществ и селений, крестьяне коих принимали участие в происходивших в последнее время в некоторых местностях Полтавской и Харьковской губерний беспорядках»:

1) Полтавская и харьковская временные комиссии состоят, каждая под председательством местного губернатора, из губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, управляющего казенной палатой, одного из непременных членов губернского присутствия, по избранию губернатора, а также уездных предводителей и податных инспекторов тех уездов и земских начальников тех участков, в пределах коих весною сего года происходили беспорядки.

2) Делопроизводство временных комиссий возлагается на входящих в состав их непременных членов местных губернских присутствий и канцелярий сих присутствий.

3) Просьбы о вознаграждении на счет казны землевладельцев, потерпевших убытки во время означенных беспорядков, принимаются полтавским и харьковским губернаторами в течение двух недель со дня напечатания настоящих правил в местных губернских ведомостях.

4) По каждой просьбе, поступившей в течение указанного в предшедшей (3) статье срока, временная комиссия поручает местному земскому начальнику или податному инспектору, или же обоим этим должностным лицам совместно, под руководством уездного предводителя дворянства, произвести расследование на месте и оценку непосредственно беспорядками причиненных просителю убытков.

5) Расследование и оценка убытков представляются уездным предводителем дворянства с его по оным заключением временной комиссии, которая, по дополнении и исправлении, в случае необходимости, оценки, утверждает оную и свое по сему предмету постановление препровождает в министерство внутренних дел.

6) По выяснении общей суммы исчисленных на указанных выше основаниях убытков и соображении ее с размером кредита, разрешенного в п. 1 именного высочайшего указа 11 мая сего года, министерство внутренних дел, определив, по соглашении с министерством финансов, в какой доле означенные убытки могут быть возмещены на счет упомянутого источника, сообщает о сем полтавскому и харьковскому губернаторам, для выдачи, распоряжением подлежащей временной комиссии, причитающихся согласно сему вознаграждений по принадлежности.

7) Общая сумма исчисленных временною комиссиею по губернии вознаграждений, немедленно по ее выяснении и не ожидая получения упомянутых в предшедшей (6) статье указаний министерства внутренних дел, разверстывается предварительно комиссиею между теми находящимися в пределах губернии сельскими обществами и селениями, обыватели коих производили беспорядки, по соображении с числом участвовавших в них жителей селений и обществ. размером причинен-

ного при их участии материального ущерба и другими местными условиями. При этом принимаются в расчет не только убытки, коим произведена была оценка, но и весь вообще материальный ущерб, причиненный непосредственно беспорядками в пределах губернии. Вместе с тем комиссия определяет также предварительно число лет, в течение коих предположенная для каждого сельского общества и селения сумма должна быть возмещена государственному казначейству и, сообразно с сим, исчисляет годовой по обществу и селению оклад установленного на сей конец (п. 4 именного высочайшего указа 11 мая сего года) дополнительного сбора. По получении же означенных выше указаний министерства, предположения о разверстке, а также о сроке и окладах дополнительного сбора исправляются комиссиями для согласования с таковыми указаниями.

8) Окончательные постановления временных комиссий по предметам, поименованным в ст. 7, представляются на утверждение министров внутренних дел и финансов.

9) В каждом обществе и селении, обложенном дополнительным сбором на изъясненных выше основаниях, годовой оклад сего сбора раскладывается ежегодно между плательщиками подлежащим сходом, а в случае уклонения схода от исполнения этой обязанности — уездным с'ездом.

Вскоре однако потребовались дополнительные раз'яснения к приведенным правилам, так как харьковская и полтавская особые временные комиссии встретили затруднения по некоторым отдельным вопросам, касающимся: 1) освобождения некоторых сельских обывателей, не принимавших участия в беспорядках, от всякой ответственности по уплате причитающегося с данного сельского общества или селения дополнительного сбора по возмещению причиненных беспорядками убытков; 2) ответственности в отношении уплаты сего сбора тех принимавших участие в беспорядках лиц, которые не принадлежат к составу местных сельских обществ, и 3) порядка производства подлежащими сельскими и селенными сходами ежегодной раскладки дополнительного сбора.

По поводу сего министры внутренних дел и финансов вошли в комитет министров с представлением от 25 октября 1902 г., за № 23924, в коем об'яснили, что при беспорядках, происходивших в марте и апреле месяцах 1902 г. в Харьковской и Полтавской губерниях, некоторые сельские обыватели не только лично не участвовали в таковых, но и лишены были всякой возможности принять с своей стороны какие-либо меры к предотвращению беспорядков по отсутствию в то время из селения, болезни, дряхлости и т. п. В то же время, как это установлено произведенными расследованиями, некоторые крестьяне, а в особенности местные должностные лица крестьянского общественного управления оказывали, по мере сил, должное противодействие своим однообщественникам, производившим таковые беспорядки, за что и были удостоены награждения. Ввиду сего всех таких лиц следовало бы признать совершенно непричастными к произведенным беспорядкам, а следовательно, и свободными от всякой имущественной ответственности за причиненные беспорядками убытки. Посему, в целях ограждения этих лиц, представляется необходимым постановить, чтобы при производстве в порядке п. 7 высочайше утвержденных 31 мая 1902 года правил разверстки между сельскими обществами и селениями общей суммы исчисленных по губернии вознаграждений были прежде всего приведены в известность все те лица, кои на указанных основаниях подлежат освобождению от всякой имущественной ответственности за причиненные беспорядками

убытки и соответственно сему не могут быть привлекаемы подлежащим сходом к участию в уплате сих убытков путем обложения их вместе с другими плательщиками при установленной п. 9 правил раскладке дополнительного сбора.

Что касается, засим, вопроса об ответственности виновных в беспорядках лиц за причиненные их действиями убытки, то в сем отношении необходимо заметить, что, при выяснении личностей виновников беспорядков, было установлено, что в последних принимали участие и лица других сословий, а также и крестьяне других губерний, т. е. совершенно посторонние для сельских обществ и селений тех местностей Харьковской и Полтавской губерний, в коих произведены были беспорядки. Ввиду сего представляется необходимым установить и порядок ответственности таких посторонних лиц за причиненные ими убытки. Несомненно, что за такие убытки не могут являться ответственными местные сельские общества и селения и что возмещение сих убытков должно быть отнесено исключительно на личную ответственность виновных. В этом отношении представлялось бы вполне соответственным, чтобы по определении размера причиненных указанными лицами убытков и причитающейся на возмещение последних денежной суммы, таковая была распределена между сими лицами на тех же основаниях, как и при разверстке в порядке п. 7 высочайше утвержденных 31 мая 1902 г. правил общей суммы вознаграждений между отдельными обществами и селениями, обыватели коих производили беспорядки, т. е. по соображении числа участников, размера причиненных ими убытков и других местных условий. Применяя этот общий порядок разверстки к возмещению убытков, причиненных исключительно только лицами, не принадлежащими к местным сельским обществам и селениям, необходимо однако принять во внимание, что громадное число беспорядков было произведено при участии местных крестьян. В этом последнем случае и разверстка общей суммы следуемого за нанесенные убытки вознаграждения должна быть произведена между участниками беспорядков на общем основании, и причитающаяся с каждого постороннего лица доля вознаграждения должна подлежать взысканию непосредственно с самого виновного, без всякой ответственности в сем взыскании того сельского общества или селения, к коему принадлежат его соучастники. При этом, ввиду необходимости разверстки общей суммы вознаграждения за причиненные убытки между всеми участниками беспорядков, нельзя не признать, что и высший размер такового вознаграждения, причитающегося с каждого из указанных посторонних лиц, не должен превышать среднего размера убытков, нанесенных каждым из других участников в беспорядках по губернии, принадлежащих к местным сельским обществам и селениям.

Наконец, в отношении самого порядка раскладки дополнительного сбора министерства внутренних дел и финансов находили, что ввиду исключительности условий, вызвавших установление указанного сбора, и особого характера такового, как определяющего денежную ответственность сельских обществ и селений за убытки, причиненные беспорядками жителей сих обществ и селений, представляется необходимым допустить некоторые из'ятия и в самом производстве раскладки сего сбора. Означенный сбор, установленный (п. 4 именного высочайшего указа 11 мая 1902 г.) под наименованием дополнительного к существующим окладного сбора, взимается согласно означенного проекта, на общем с прочими окладными платежами основании. Таким образом на этот сбор должен распространяться и общий порядок, указанный положением 23 июня 1899 года о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ, касающийся производства рас-

кладки, одним из главных условий коего является уравнительность раскладки с применением ко всем домохозяевам одинаковых оснований обложения. Независимо сего, положение 23 июня 1899 года предоставляет сходу, при установлении общих оснований раскладки окладных сборов (ст. 12), понизить платежи некоторых домохозяев и даже совершенно освободить от таковых вследствие исключительно неблагоприятных хозяйственных условий (ст. 16). Представляется вполне вероятным, что, при производстве указанной в п. 9 высочайше утвержденных 31 мая 1902 года правил раскладки дополнительного сбора, подлежащие сходы, ввиду исключительного характера самого сбора и особого стремления членов схода, виновных в беспорядках, по возможности сложить с себя уплату такового, могут допустить при раскладке такого рода неправильности и уклонения от установленного в сем отношении порядка, которые, в случае если большинство схода составится из участников беспорядков, будут иметь своим последствием прямое нарушение законных прав и интересов меньшинства, путем возложения на последних несоответственной доли уплаты дополнительного сбора. В видах устранения подобного рода неправильностей представлялось бы соответственным установить особый контроль над производством означенной раскладки, каковой мог бы найти себе надлежащее выражение в форме представления раскладочных приговоров местными земскими начальниками, с их подробными по существу сих приговоров заключениями, на утверждение губернского присутствия.

Вместе с тем представлялось бы вполне соответственным и разрешение жалоб на указанную раскладку возложить на губернское присутствие, установив на подачу таковых тридцатидневный со дня постановления приговора о раскладке срок.

Принимая засим во внимание, что в случае уклонения подлежащего схода от раскладки дополнительного окладного сбора, таковая, согласно п. 9 высочайше утвержденных 31 мая 1902 г. правил, производится уездным с'ездом, следует признать, что в целях установления единообразного в сем отношении порядка и наибольшей гарантии плательщиков дополнительного сбора, таковая раскладка должна также подлежать утверждению губернского присутствия.

На основании изложенного министерства внутренних дел и финансов полагали в изменение и дополнение высочайше утвержденных 31 мая 1902 года правил постановить:

1) при производстве установленной (п. 7) разверстки общей суммы исчисленных по губернии вознаграждений между сельскими обществами и селениями, все обыватели, не принимавшие участия в беспорядках и при том, за отсутствием, болезнью или дряхлостью, не имевшие возможности им противодействовать, а равно те из членов названных обществ, которые оказали противодействие развитию сих беспорядков, освобождаются от всякой имущественной ответственности за причиненные последними убытки и не могут подлежать обложению при производимой в установленном п. 9 порядке раскладке дополнительного окладного сбора по приговору подлежащего схода.

2) Убытки, причиненные теми участниками в беспорядках, которые не принадлежат к составу сельских обществ местностей, где произведены были беспорядки, подлежат особому определению с таким расчетом, чтобы размер их, по отношению к каждому из подобных участников, не превышал размера убытка, причиненного в среднем каждым из всех участников в беспорядках по губернии. Соответственные в возмещении сих убытков суммы взыскиваются с каждого из этих лиц в отдельности, в срок, установленный для сего подлежащей временной

комиссией, без возложения ответственности за поступление оных на названные сельские общества.

3) Приговор подлежащего сельского общества или селения о произведенной на основании п. 9 раскладке дополнительного сбора представляется местным земским начальником, с его заключением по существу приговора, на утверждение губернского присутствия, разрешению коего подлежат также и поданные в тридцатидневный срок жалобы на означенную раскладку.

4) Уездный с'езд произведенную им в предусмотренном п. 9 случае раскладку дополнительного сбора между отдельными плательщиками общества или селения представляет на утверждение губернского присутствия.

При рассмотрении означенного представления в комитете министров, в связи с письменным по сему делу отзывом министра юстиции, бывший министр внутренних дел заявил, что, согласно точному смыслу именного высочайшего указа 11 мая 1902 года, вся отпущенная из государственного казначейства сумма на вознаграждение потерпевших от беспорядков землевладельцев Харьковской и Полтавской губерний должна быть возмещена с сельских обществ и селений, крестьяне коих приняли участие в беспорядках. Вследствие сего он, статс-секретарь Плеве, считал возможным присоединиться к высказанным министром юстиции в отзыве по сему делу и поддержанным в настоящем заседании комитета сенатором Манухиным соображениям о том, что к возмещению таковой суммы должны быть привлечены те сельские общества, члены коих признаны виновниками в беспорядках, разверстка же платежей в среде общества должна быть сделана на общем основании. В случае же, если бы было с полною достоверностью установлено, что те или другие из сельских обывателей не только никакого участия в беспорядках не принимали, но оказали развитию оных противодействие, а между тем, принадлежа к составу сельских обществ, подлежащих имущественной ответственности за причиненные беспорядками убытки, привлечены к уплате дополнительного окладного сбора по приговору подлежащего схода, то он, министр внутренних дел, будет иметь возможность, в интересах восстановления справедливости, исходатайствовать в путях монаршего милосердия всемилостивейшее его императорского величества соизволение на освобождение таковых лиц от уплаты причитающихся с них, по произведенной сельским обществом раскладке, долей дополнительного сбора, или, в случае уплаты ими таковых долей,— на возмещение им сделанных взносов из средств государственного казначейства.

Не встречая препятствий к такому направлению дела, комитет министров полагал, в дополнение высочайше утвержденных 31 мая 1902 года правил, постановить:

1) Приговор подлежащего сельского общества или селения о произведенной на основании п. 9 означенных правил раскладке дополнительного сбора представляется местным земским начальником, с его заключением по существу приговора, на утверждение губернского присутствия, разрешению коего подлежат также и поданные, в тридцатидневный со дня постановления приговора о раскладке срок жалобы на означенную раскладку;

и 2) Уездный с'езд произведенную им в предусмотренном п. 9 упомянутых правил случае раскладку дополнительного сбора между отдельными плательщиками общества или селения представляет на утверждение губернского присутствия.

Государь император, в 20 день декабря 1902 года, положение комитета высочайше утвердить соизволил.

В следующем 1903 году харьковская и полтавская временные особые комиссии представили в министерство внутренних дел, для окончательного по соглашению с министерством финансов утверждения, постановления свои относительно разверстки между сельскими обществами и селениями, крестьяне коих участвовали в беспорядках, дополнительного сбора. Из означенных постановлений усматривалось, что при определении причитающихся с отдельных обществ и селений окладов дополнительного сбора названные временные комиссии руководствовались различными основаниями. Полтавская временная комиссия, установив, по соображении с суммою возмещенных казною по Полтавской губернии убытков (78 281 руб. 32 коп.), что каждым участником беспорядков, в отдельном случае участия, причинено ущерба в среднем на 14 р. 90 коп., исчислила оклады дополнительного сбора по каждому обществу и селению в отдельности путем умножения указанной средней цифры на число случаев участия в беспорядках крестьян данного общества или селения. С своей стороны, харьковская временная комиссия при определении окладов дополнительного сбора прежде всего приняла во внимание платежеспособность участвовавших в беспорядках сельских обществ и селений, и, на сем основании, произвела между ними разверстку ассигнованного из казны на вознаграждение землевладельцев Харьковской губернии кредита (252 930 руб. 05 коп.) соразмерно количеству состоящей в пользовании сих обществ и селений надельной земли, лишь отчасти при этом повышая или понижая степень их ответственности в зависимости от числа выделенных данным обществом или селением участников беспорядков и размера причиненных убытков.

Принимая во внимание, что, согласно п. 7 высочайше утвержденных 31 мая 1902 г. правил, суммы выданных землевладельцам Полтавской и Харьковской губерний вознаграждений подлежат, по определениям временных комиссий, разверстке между сельскими обществами и селениями, обыватели коих производили беспорядки, по соображении с числом участвовавших в них жителей селений и обществ, размером причиненного при их участии материального ущерба и другими местными условиями, министерство внутренних дел находило, что приведенным требованиям закона вполне удовлетворяет лишь способ разверстки дополнительного сбора, усвоенный полтавскою временною комиссиею; принятое же харьковскою комиссиею основание разверстки того же сбора, более соответствующее платежеспособности отдельных сельских обществ и селений, чем степени участия их в беспорядках и размерам причиненных убытков, представляется несогласным с упомянутыми выше правилами.

Об изложенном министерство внутренних дел сообщило на заключение министерства финансов, полагая, с своей стороны, постановление полтавской временной комиссии утвердить, а харьковской временной комиссии поручить произвести новую разверстку дополнительного сбора на точном основании п. 7 правил 31 мая 1902 года.

Однако с таким направлением дела министерство финансов не согласилось, находя, что постановление полтавской временной комиссии, исчислившей оклады дополнительного сбора по отдельным обществам и селениям путем умножения средней по губернии цифры убытков, причиненных каждым участником беспорядков (14 руб. 90 коп.), на число случаев участия в беспорядках крестьян данного общества, причем каждый случай участия в расхищении трактуется «как бы за отдельное лицо», отличается искусственностью и страдает полным игнорированием платежных сил населения. Вследствие сего назначенные полтавскою комиссиею оклады дополнительного сбора совершенно не со-

размерны с податными силами крестьянского населения и по некоторым селениям достигают 220% остальных окладных платежей. Несомненно, уплата столь значительной суммы ляжет тяжелым бременем на крестьянское население и повлечет за собою полное его разорение, ибо доходность надельной земли не может окупить таких платежей. При таких условиях очевидно или экономическое положение крестьян будет окончательно подорвано, что едва ли может соответствовать видам правительства, или же взыскание сборов окажется вовсе безуспешным, и цель высочайшего указа 11 мая 1902 г. не будет достигнута.

С другой стороны, основания, принятые харьковскою временною комиссиею для определения окладов дополнительного сбора, представляются более правильными, как с точки зрения высочайшего указа 11 мая 1902 г., так и с точки зрения интересов фиска, ибо означенная комиссия приняла прежде всего во внимание платежеспособность участвовших в беспорядках сельских обществ и, ввиду сего, произвела между ними разверстку ассигнованного из казны на вознаграждение землевладельцев Харьковской губернии кредита соразмерно количеству состоящей в пользовании сих обществ и селений надельной земли. При этом однако были приняты в соображение и степень участия общества в беспорядках, и размер причиненных убытков, а именно временная комиссия признала, что средняя цифра обложения десятины земли в 3 р. 21 к. для отдельных сельских обществ может быть повышаема до 7 р. или понижаема до 1 р. 60 к. в зависимости от степени проявления злой воли и участия в беспорядках, количества причиненного ими ущерба, экономического положения и платежной способности каждого общества и селения. Стремясь таким образом сберечь платежные силы населения и убедившись в невозможности достигнуть более или менее равномерного и неразорительного обложения на основании каких-либо других признаков, комиссия имела в виду достичь и карательного воздействия установленной высочайшим указом 11 мая 1902 г. меры, и успешности поступления в казну выданных ею за счет виновных крестьян денежных вознаграждений. Не усматривая поэтому в произведенной харьковскою комиссиею разверстке каких-либо отступлений при приведении в исполнение высочайшей воли об определении ответственности селений и обществ, принимавших участие в беспорядках, и не находя поэтому оснований к отмене постановления названной комиссии, министерство финансов не считало вместе с тем возможным возбуждать и вопрос об отмене постановления полтавской комиссии, несмотря на указанные выше недостатки его, и полагало лишь поручить этой комиссии подвергнуть пересмотру предположенные по отдельным селениям сроки уплаты в видах несколько более близкого согласования окладов сбора с платежеспособностью населения.

С таким заключением согласилось и министерство внутренних дел, вследствие чего, по увеличении полтавскою временною комиссиею сроков взыскания дополнительного сбора по некоторым сельским обществам, постановления обеих комиссий были утверждены. Согласно означенным постановлениям из причитавшихся по Полтавской губернии 78 281 руб. 32 коп. только 1 907 руб. 20 коп., распределенные между 29 сельскими и селенными обществами, подлежали окончательному погашению к 31 декабря 1903 г., взыскание же остальных 76.374 руб. 12 коп. было рассрочено на более или менее значительное число лет до 1924 года включительно. Засим, для уплаты 252 390 руб. 5 коп. по Харьковской губернии назначены сроки от 2 до 8 лет, т. е. погашение должно было окончиться в 1905—1913 гг. Как видно из письма министра финансов от 21 апреля 1905 г., за № 3632, назначен-

ные к поступлению в 1903—1904 гг. платежи по дополнительному окладному сбору поступали очень неисправно и значительная часть их осталась в недоимке, а засим управляющий делами комитета министров отношением от 11 августа 1904 года, за № 2314, уведомил министерство внутренних дел, что в представленный его императорскому величеству председателем комитета министров предварительный проект всемилостивейшего манифеста, воспоследовавшего 11 августа 1904 года, составленный на основании бывших в заседаниях комитета 3 и 7 того же августа суждений, государю императору благоугодно было собственноручно включить особое постановление о прекращении взимания дополнительного окладного сбора, установленного именным высочайшим указом 11 мая 1902 г. с сельских обществ в некоторых местностях Полтавской и Харьковской губерний, вследствие чего дальнейшее взыскание этого сбора было прекращено.

Весною текущего года в некоторых сельских местностях вновь возникли беспорядки, аналогичные с теми, которые произошли в 1902 году в Харьковской и Полтавской губерниях. Как усматривается из имеющихся в министерстве внутренних дел сведений, беспорядки эти и по площади захваченных ими районов, и по размерам причиненных потерпевшим убытков представляются более значительными по сравнению с происшедшими в 1902 г. Так, в Дмитриевском уезде Курской губернии с 17 по 22 февраля скопищем крестьян произведены нападения на Ярославский хутор Прилеповской экономии, Дмитриевский, Калиновский, Елизаветовский и Алексеевский хутора Хомутовской экономии вдовы генерал-майора Шауфус, хутор Мокренький, владельческие экономии при селах Дубовицы, Романово, Гламаздино, Доброе поле, Хомутово, Сучкино, Богословка, а также на дома и лавки частных обывателей и на казенную винную лавку. Засим, часть участвовавших в нападениях крестьян перешла в Севский уезд, Орловской губернии. В Орловской губернии в конце февраля и начале марта подверглись разгрому и разграблению имения Погребы и Позднышевка, завод и имение Хинель, хутора Георгиевский и Литворево и деревни Бардоковка и Бобылевка (в Севском уезде), экономия его высочества великого князя Сергия Александровича в селе Долбенкине, Лобаново тож. и хутора этой экономии Фирезевский, Авиловский и Лобановский (в Дмитровском уезде), экономия купца Житкова при селе Плюскове, усадьба Высокая и хутор при селе Алешники (в Трубчевском уезде). В Глуховском уезде, Черниговской губернии, 22 февраля крестьяне разграбили и сожгли сахарный завод при хуторе Михайловском. При этом крестьяне грабили хлеб и имущество, жгли и разрушали экономические постройки и заводы, портили сельскохозяйственные и заводские машины и т. п., чем причинили владельцам весьма значительные убытки, которые, например, по одной Долбенской экономии достигают 200.000 рублей, а в Михайловском сахарном заводе, где были разграблены и сожжены сотни тысяч пудов сахара и хлеба,— гораздо больших размеров.

Само собою разумеется, что такие насильственные со стороны крестьян действия над частною собственностью, нетерпимые ни в каком благоустроенном государстве, не могли оставаться безнаказанными. Вместе с тем надлежало также, в интересах справедливости, всячески облегчить потерпевшим владельцам возможность возмещения понесенных ими убытков.

Однако достигнуть в полной мере и соответствующего важности проступка наказания всех участников в беспорядках и возмещения причиненных ими убытков исключительно путем применения действующих уголовных и гражданских законов не представлялось

возможным. Не подлежит, конечно, никакому сомнению, что главные виновники и участники беспорядков будут привлечены к ответственности в уголовном порядке. Но вместе с тем общеизвестно, что процент лиц, привлеченных к уголовному следствию, а тем более лиц, присужденных к тому или другому уголовному наказанию, оказывается обычно, в случаях массовых беспорядков, весьма низким по сравнению с общим числом действительных участников. Поэтому, и в настоящем случае те или иные уголовные кары падут лишь на десятки единичных личностей, преступная деятельность которых проявилась особо резко и освещена потому достаточным количеством улик. Весьма многие из лиц, бивших, грабивших и поджигавших, по неимоверной трудности разобраться в сложности всего события разгрома, произведенного толпой в несколько тысяч человек, ввиду отсутствия несомненных доказательств учинения ими того или иного определенного деяния, подходящего под все требуемые законом признаки состава уголовного правонарушения, ускользнут от заслуженного уголовного наказания. Это положение станет вполне очевидным, если принять в соображение всю трудность производства предварительного следствия по делу, в котором за показаниями о преступной деятельности того или иного лица придется обращаться к самой же действовавшей толпе, ибо растерявшиеся и защищавшие свою жизнь во время погрома служащие владельческих экономий и заводов едва ли дадут в своих показаниях обстоятельную и полную картину события, а равно отчет о степени участия в нем отдельных лиц. Наконец, и те участники преступного скопища, которые почему-либо воздержались от активных действий, также по смыслу законов уголовных (ул. нак., ст. 121 и 126) подлежат уголовной репрессии как пособники или, по крайней мере, недоносители. Однако, практический опыт указывает, что такие лица даже в случае предания их суду будут или совершенно освобождены от наказания, или присуждены к самым незначительным наказаниям.

С другой стороны, и потерпевшие владельцы, в силу действующих узаконений, имеют право отыскивать понесенные ими убытки судебным порядком. Так, согласно статье 644 законов гражданских, виновный в совершении какого-либо преступления или проступка, безразлично, с предумышлением или без оного учинено им сие преступление, обязан вознаградить за все непосредственно причиненные его деянием вред и убытки, а по силе ст. 645 тех же законов, если притом будет доказано, что преступление или проступок совершены именно с намерением причинить какие-либо более или менее важные потерпевшему от него убытки или потери, то виновный обязан вознаградить не только за убытки, непосредственно происшедшие от сего деяния, но и за все те, хотя более отдаленные, которые им действительно, с сим намерением, причинены. Указанная ответственность простирается на все имущество должника, а если он не в состоянии заплатить следуемого с него взыскания и если по вопросу о вознаграждении причиненных убытков между сторонами не произойдет особого соглашения, то суд предоставляет истцу поступить с виновным, как несостоятельным должником (ст. 646, т. X, ч. I и ст. 62 ул. нак.). При этом имущественная ответственность нескольких участников одного и того же проступка должна быть солидарной. Так, по смыслу ст. 648 зак. гражд., «когда преступление или проступок учинены несколькими лицами, по предварительному их между собою на то согласию, то все согласившиеся на участие в совершении сего проступка или преступления платят поровну вознаграждение за причиненный оным вред и убытки, и буде кто-либо из них окажется несостоятельным, то сле-

дующая с него часть разлагается на прочих участвовавших в совершении сего преступления или проступка».

Однако, по смыслу приведенных статей законов гражданских, а также статьи 59 ул. нак., гражданский иск об убытках, причиненных лицами, совершившими преступление и проступки, может быть предъявлен только к признанным виновными в уголовном порядке. Между тем, как указано выше, следует ожидать, что число таких лиц будет сравнительно незначительно, а следовательно, имущества их окажется слишком недостаточным для покрытия понесенных владельцами убытков. Вместе с тем возможность рассмотрения гражданских исков об убытках лишь по окончании дел уголовных, равно как сложность и длительность судебного процесса вообще, служили бы серьезным препятствием к успешному и быстрому удовлетворению исковых требований владельцев.

Наряду с этим и самое взыскание по искам, судом удовлетворенным, едва ли представлялось бы возможным в общем порядке. На основании существующих специальных о крестьянах узаконений, надельные крестьянские земли, а равно движимость, составляющая необходимую принадлежность крестьянского хозяйства, не могут быть обращены на пополнение следуемых с крестьян взысканий по судебным решениям. Так, согласно ст. 20 общ. пол., обращение взысканий на надельные земли по решениям судебных мест и продажа оных на основании таких решений допускаются только для удовлетворения претензий по закладным, в установленном порядке совершенным до обнародования высочайше утвержденного 14 декабря 1893 г. мнения государственного совета о некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель, а согласно решению гражданского кассационного департамента правительствующего сената 1896 г. № 37, удовлетворение взысканий по решениям судебных мест, по долгам вообще, обращается на надельную землю только в случае возникновения долгов до вступления в силу упомянутого закона.

Засим, по правилам, изложенным в ст. 6 общ. пол. и приложений к ней (правила о порядке взыскания частных долгов с крестьян и крестьянских обществ по решениям судебных мест), каковые правила, согласно раз'яснению, преподанному в решении общего собрания и кассационных департаментов от 29 октября 1884 г. и указа правительствующего сената 8 мая 1885 г. № 446, должны быть применяемы ко взысканию с крестьян убытков, причиненных уголовными преступлениями и проступками вообще, — денежные взыскания с крестьян производятся применительно к ст.ст. 384—407 устава о благоустройстве в казенных селениях, по силе коих на пополнение взысканий может быть обращена только та часть принадлежащего крестьянам движимого имущества, которая, не расстраивая хозяйства и не останавливая земледельческих и промышленных занятий, достаточна на удовлетворение взыскания, и тем освобождаются от продажи земледельческие орудия, семена для посева, рабочий скот и т. п. (циркул. М. В. Д. 9 августа 1875 г. № 22). Таким образом имуществом, могущим служить к удовлетворению взысканий о вознаграждении за вред и убытки, причиненные крестьянами во время беспорядков, в действительности оказывается лишь вненадельная крестьянская земля и движимость, не составляющая необходимой принадлежности крестьянского хозяйства.

При таких условиях предоставленное владельцам действующими узаконениями право возмещения убытков, понесенных во время беспорядков, в действительности практически неосуществимо, и нет сомнения, что большинство потерпевших владельцев совершенно отка-

жутся от возбуждения исков об убытках, зная заранее их безрезультатность. Между тем оставить потерпевших владельцев в таком безнадежном, в отношении возможности взыскания хотя части понесенных убытков, положении было бы крайне несправедливо.

При таких условиях представлялось настоятельно необходимым принять исключительные и соответствующие чрезвычайности самих вызвавших их событий меры, подобные тем, которые были уже применены к виновникам беспорядков в Харьковской и Полтавской губерниях.

Однако, как показал опыт, принятые в названных губерниях репрессивные меры почти не достигли тех результатов, какие имелись в виду при их установлении. Прежде всего меры эти оказались недостаточно строгими по отношению собственно к действительным виновникам и участникам волнений и, благодаря этому, не получили в сознании населения значения непосредственного и заслуженного наказания за совершенные проступки. Произошло это от того, что к взысканию причитавшегося владельцам вознаграждения привлекались все без исключения члены сельских и селенных обществ, независимо от того, принимали ли они активное участие в волнениях или нет. Правда, статьею 7 высочайше утвержденных 31 мая 1902 г. правил было установлено, что общая сумма вознаграждений разверстывается между сельскими и селенными обществами по соображении с числом участвовавших в беспорядках жителей селений и обществ и размером причиненного при их участии материального ущерба, но наряду с этим было указано также руководствоваться и «другими местными условиями». Как видно из вышеизложенного, это последнее добавление повело к тому, что в действительности, главным образом по настоянию министерства финансов, в основу разверсток дополнительного сбора, произведенных временными комиссиями, были положены прежде всего платежеспособность участвовавших в беспорядках сельских обществ и селений, размеры их наделов и другие условия, определяющие хозяйственное положение прикосновенных к делу крестьянских общественных единиц. Что же касается количества участников беспорядков и размера непосредственно причиненного ими материального вреда, то эти признаки сохранили лишь значение корректива, то повышающего, то понижающего до некоторой степени пределы дополнительного обложения в отдельных случаях. При указанных условиях именной высочайший указ 11 мая и правила 31 мая 1902 г. получили значение не столько карательной меры, сколько фискальной. Вследствие сего общества, выделившие наибольшее число виновных, причинивших особенно значительный ущерб владельцам, нередко облагались сбором в низшем размере по сравнению с обществами, менее активными в преступных проявлениях, но более состоятельными.

Такая постановка дела, достаточная для удовлетворительного разрешения — в более или менее, однако, отдаленном будущем — вопроса о погашении отпущенного тогда казной на вознаграждение потерпевших владельцев кредита, едва ли могла оказать желательное влияние на крестьянскую массу, в смысле проведения в таковую сознания репрессивного характера упомянутого мероприятия и укрепления этим путем в умах крестьян убеждения о нетерпимости совершенных ими проступков и суровом отношении к последним правительственной власти.

Затем, необходимо иметь в виду, что зажиточные крестьяне, и в отдельности и вместе, обыкновенно менее других склонны к нарушению чужой собственности. Поэтому при разверстке сбора между всеми без исключения членами общества и преимущественно зажиточными, у тех

из них, кои участия в беспорядках не принимали, должно было возникнуть, и действительно возникало, не только обидное чувство незаслуженности постигшего их взыскания, но и крайне опасное сожаление о том, что они не сумели попользоваться, по возможности, чужим добром, подобно своим однообщественникам, большинство которых при этом успело избежать и скамьи подсудимых в суде уголовном. Участь «не грабить и все же платить» не может логически не навести на мысль, что «лучше предварительно грабить и тогда платить». Таким образом, привлечение к ответственности неучаствовавших в беспорядках членов сельского общества не только не предотвращало их от противодействия преступным наклонностям более беспокойных элементов, но скорее производило противоположное действие.

Вместе с тем эта мера являлась недостаточно справедливою и в том отношении, что последствия ее распространялись не только на наличное взрослое поколение прикосновенных к беспорядкам крестьян, но, ввиду необходимости рассрочки платежа (в некоторых случаях на десятки лет), также и на подрастающее поколение.

Наконец, едва ли не самым существенным недостатком предпринятых в 1902 г. мер является отсутствие в них интенсивности карательного воздействия. Денежное взыскание, производимое при том в возмещение убытков помещиков, не может, конечно, само по себе иметь характера уголовного наказания. Однако, собственно для крестьян, благодаря имущественной их малодостаточности, и денежное взыскание, сколько-нибудь значительное, несомненно получило бы значение кары, что и имелось в виду как высочайшим указом 11 мая 1902 г., так и правилами 31 того же мая. Между тем, в зависимости от указанных выше особенностей практического осуществления этой репрессивной меры взыскания, даже в том случае, когда они падали на действительно виновных, не были слишком чувствительны для хозяйственного положения облагаемых и потому едва ли могли явиться в их сознании соответствующими размеру материального ущерба, причиненного потерпевшим владельцам и тем более высокой степени преступности и опасности для государственного порядка и спокойствия совершенных крестьянами деяний. В конечном результате мера эта сводилась к отбыванию рассроченного на несколько лет повышенного обложения и чем дальше она применялась бы, тем более утрачивалось бы в сознании крестьян ее карательное значение, и она, наконец, обратилась бы в привычное отбывание специального налога.

Таким образом, опыт применения именного высочайшего указа 11 мая 1902 г. и высочайше утвержденных того же 31 мая правил с очевидностью показал, с одной стороны, нецелесообразность огульного привлечения к имущественной ответственности всех, в том числе и совершенно не причастных к беспорядкам, членов сельских и селенных обществ, а с другой — необходимость наложения на участников в беспорядках такого имущественного взыскания, которое являлось бы действительно суровою карою и не было бы мерою, осуществление коей представляется фактически невозможным. Препятствием к достижению этой последней цели не могли, конечно, служить те указанные выше статьи действующего закона, коими установлены ограничения относительно обращения частных взысканий на движимое и недвижимое крестьянское надельное имущество. Охранительные по отношению к сему имуществу меры, будучи направлены к поддержке крестьянского благосостояния и ограждению его от опасностей, неминуемых в области свободного гражданского оборота, и преследуя при этом цель по возможности облегчить экономически и культурно слабую мас-

су населения от эксплоатации ее другими, превосходящими ее в обоих указанных отношениях, элементами, рассчитаны, очевидно, только на мирное течение общественной жизни. Поэтому применение упомянутых ограничительных статей закона при нормальных условиях жизни безусловно необходимо и полезно для крестьян и в то же время не приносит никакого ущерба лицам некрестьянского сословия, так как, само собою разумеется, они всегда имеют в виду и, конечно, учитывают привилегированное положение крестьянского надельного движимого и недвижимого имуществ при заключении с крестьянами добровольных сделок, договоров и обязательств. Но вне сферы обычных житейских отношений охранительные законы по отношению к крестьянскому имуществу уже не имеют действия. Так, на основании отдела VI закона 12 марта 1903 г. (собр. узак. 1903 г., ст. 356), при взыскании недоимок окладных сборов допускается по отношению к общинникам отобрание на известный срок у неисправного домохозяина земли, а по отношению к подворным владельцам — даже продажа участка с публичного торга. Тем более действие указанных охранительных постановлений совершенно неуместно там, где непреложное их соблюдение влечет за собою искусственно созданную, и притом самими же мерами правительства, фактическую безответственность крестьянской массы за причиненный преступными проявлениями материальный ущерб. Едва ли можно сомневаться в том, что в случаях, подобных событиям последних крестьянских беспорядков, глубоко деморализующее крестьянские массы действие оказывает сознание, что с крестьян, благодаря специальной охране их надельного имущества, все равно взять нечего. Сознание это, несомненно, весьма благоприятствует восприимчивости крестьян к преступной пропаганде. В самом деле, какое бы явное неуважение к принципу неприкосновенности чужой собственности не проявил крестьянин, он отлично знает, что, в порядке существующей имущественной его ответственности, он обеспечен, на точном основании закона, от разорения своего достатка, так как центр последнего (надел, усадьба, инвентарь и пр.) останется неприкосновенным. С этими укоренившимися в крестьянских массах представлениями необходимо всячески бороться. Поэтому отмена специальной охраны крестьянского надельного имущества и солидарность ответственности за причиненные убытки являются необходимыми условиями привлечения к имущественной ответственности крестьян, участвовавших в беспорядках, так как только при такой обстановке дела мера эта получила бы действительно карательный смысл, и могла бы оказать надлежащее воздействие и на самих участников, и на окружающую их среду.

При таких исключительных обстоятельствах воспоследовал именной высочайший указ правительствующему сенату 10 апреля сего года...

В исполнение пункта 4 приведенного высочайшего указа настоящее представление вносится на рассмотрение комитета министров[1].

Министр внутренних дел, гофмейстер А. Булыгин.

Управляющий отделом В. Гурко.

---

[1] Это представление министра внутренних дел не было рассмотрено комитетом министров, так как согласно указа 6 июня 1905 г. «издание новых законов, не исключая и временных правил, имеющих значение закона, а также изменение, дополнение и отмена законов происходят не иначе, как в законодательном порядке» (ф. земского отдела министерства внутр дел, д. № 34-б, 1905 г. л. 194).

Из письма управляющего министерством внутренних дел П. Дурново статс-секретарю графу Д. М. Сольскому, 1 декабря 1905 г., № 25 300 [1].

М. г., граф Димитрий Мартынович.

Именным высочайшим указом от 10 апреля сего года государю императору благоугодно было предоставить министру внутренних дел учреждать, по мере надобности, в уездах, в коих произошли беспорядки, временные уездные комиссии и возложить на эти комиссии выяснение лиц, участвовавших в преступных скопищах крестьян, а также исчисление размеров причиненных ими убытков, для привлечения к имущественной ответственности, с обращением взыскания на все без из'ятия движимое и недвижимое имущество всех членов сельских и селенных обществ, участвовавших в скопищах крестьян, коими произведены разгромы и грабежи.

Вместе с тем означенным указом было поручено министру внутренних дел выработать и, по сношении с министрами юстиции и финансов и государственным контролером, внести чрез комитет министров, на высочайшее утверждение проект правил о порядке осуществления упомянутой меры и возмещения убытков потерпевшим, а также об оказании воспособления выдачей ссуд из казны тем из потерпевших владельцев, кои оказались бы не в состоянии собственными средствами немедленно восстановить свои усадьбы или приобрести необходимый для ведения в них хозяйства инвентарь.

Вследствие сего бывший министр внутренних дел, гофмейстер Булыгин, 10 июля сего года, за № 15581, представил проект означенных правил в комитет министров, но проект этот не был внесен на рассмотрение комитета министров ввиду воспоследовавшего, высочайше утвержденного 6 июня, мнения государственного совета, в силу коего все проекты новых законов должны быть вносимы на обсуждение государственного совета.

Ныне, по воспоследовании высочайшего манифеста 17 октября, проект упомянутых правил не может подлежать непосредственному обсуждению и государственного совета. Вместе с тем и по существу издание исключительных для отдельных местностей правил об имущественной ответственности за участие в беспорядках не соответствовало бы тем основным началам, которые возвещены манифестом 17 октября.

Наряду с этим нельзя не принять во внимание, что после издания указа 10 апреля сего года аграрное движение среди крестьян не прекратилось; наоборот, движение это, вновь возникшее в конце минувшего октября в связи с исключительными текущими событиями, в последние дни получило особенное распространение. Ныне им охвачены несколько губерний, причем местные власти не имели достаточных средств оградить неприкосновенность имущества частных собственников, благодаря чему разгромленные и разграбленные владельческие усадьбы исчисляются уже не единицами, а десятками. Понесенные при этом владельцами, без всякой с их стороны вины, убытки весьма значительны и, конечно, не могут быть полностью взысканы с виновных не только в общем судебном порядке, при соблюдении действующих специальных ограничительных законов, не допускающих продажи всего надельного имущества крестьян на пополнение частных взысканий, но даже и при обращении взыскания, согласно указу 10 апреля, на все без из'ятия имущество участников преступных скопищ, ввиду его сравнительно невысокой стоимости. С другой стороны, и страховые общества, ссылаясь на исключительные обстоятельства,

[1] Фонд земского отдела министерства внутр. дел, д. № 34-б, 1905 г., лл. 212—214.

при которых произошло истребление застрахованного имущества огнем, отказываются от выдачи страховых премий, пред'явленные же потерпевшими к обществам иски по сему предмету оставляются без удовлетворения.

При таких условиях значительное большинство потерпевших землевладельцев будет несомненно лишено возможности ныне же восстановить свои усадьбы и продолжать ведение в своих имениях сельского хозяйства. Это прежде всего поведет к прекращению на более или менее значительное время, а в некоторых случаях и навсегда, полезной деятельности культурных сельскохозяйственных центров, важное значение коих, как в общей экономической жизни государства, так в частности и для самих крестьян, вне всякого сомнения. Затем преступными скопищами крестьян нередко открыто высказывалось, что разгромы и грабежи частновладельческих имений производятся ими с целью лишить помещиков возможности вести хозяйство и, вынудив их удалиться из деревни, насильно завладеть их землями. При недостатке же средств на восстановление усадьб и сельскохозяйственного инвентаря это именно и произойдет, так как многие владельцы будут вынуждены либо продать свои имения, либо, по крайней мере на первое время, сдать их в аренду, может быть, даже тем же крестьянам, которые произвели разгром. Это обстоятельство легко может укрепить в среде крестьян уверенность в целесообразности подобного рода насильственных действий и на будущее время. Насколько потерпевшие владельцы нуждаются в скорейшей материальной помощи, можно судить по тому, что в министерство внутренних дел поступило уже несколько ходатайств, как от отдельных потерпевших, так и от депутатских дворянских собраний, о распространении действия указа 10 апреля 1905 г. на местности, в коих в последнее время произведены разгромы и грабежи преступными скопищами крестьян. По изложенным соображениям немедленное возмещение потерпевшим владельцам понесенных ими вследствие разгрома и грабежа их имений убытков представляется крайне необходимым; достигнуть же этого, при настоящем положении дела, возможно только выдачею потерпевшим вознаграждения из средств казны.

Мера эта представлялась бы прежде всего справедливою, так как охрана порядка и общественной безопасности, а также целости и неприкосновенности имущества частных собственников составляет во всяком государстве первейшую обязанность правительства, на котором поэтому и лежит долг вознаградить потерпевших от беспорядков. Вместе с тем означенная мера несомненно имела бы благоприятное моральное воздействие на население, так как показала бы, что собственность не может быть приобретаема путем насилия и что всякие, учиненные преступными скопищами разгромы и грабежи наносят вред не отдельным частным собственникам, а всему государству.

Вследствие сего надлежало бы указ 10 апреля отменить, как не отвечающий основным началам высочайшего манифеста 17 минувшего октября, а убытки, понесенные частными владельцами вследствие недостаточной со стороны правительства охраны их имущества от грабежей и разгрома, произведенных преступными скопищами крестьян в сельских местностях, возместить потерпевшим из средств государственного казначейства...

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем уважении и искренней преданности.

П. Дурново.

Представление министра внутренних дел председателю совета министров, 28 февраля 1906 г., № 5412[1].

Высочайшим указом 10 апреля 1905 г. установлен весьма суровый порядок взыскания с крестьян, участвовавших в сельских беспорядках, причиненных ими убытков. Взыскания эти, согласно означенному указу, обращаются на все без исключения имущество виновных, в том числе и на их надельную землю. При этом участвовавшими в беспорядках признаются не только лица, признанные виновными в сем по суду, но и те, кои будут признаны таковыми особыми, учрежденными тем же указом, уездными комиссиями. Таким образом последствием этой меры должно быть полное обезземеление некоторой части крестьянства. Смягчить ее последствия предполагалось посредством переселения лишенных земли крестьян в Сибирь на казенные земли. Сравнительная незначительность аграрных беспорядков ко времени воспоследования указа 10 апреля и, следовательно, малочисленность виновных вполне допускала фактическое осуществление установленного означенным указом порядка взыскания. Существует полное основание полагать, что энергичное и быстрое осуществление положений сего указа оказало бы отрезвляющее действие на крестьянское население и тем предотвратило бы массовое распространение грабежей частновладельческих усадеб, чем и была бы достигнута главная цель издания названного государственного акта. К сожалению, составленный министерством внутренних дел на точном основании указа 10 апреля и внесенный им в июне месяце в комитет министров проект правил о порядке взыскания убытков с лиц, участвовавших в беспорядках, встретил столь решительное и единодушное несочувствие со стороны всех заинтересованных ведомств, что не только не был комитетом одобрен, но даже и не подвергался ближайшему его рассмотрению. Поводом к этому для комитета послужило то, что, в силу высочайше утвержденного, 6 июня 1905 г., мнения государственного совета, все узаконения, даже временного характера, подлежат рассмотрению сего последнего. Однако и это положение, с правильностью коего я не могу согласиться, так как в самом указе 10 апреля было определенно сказано, что означенные правила подлежат представлению на высочайшее утверждение через комитет министров, а, между тем, на основании ст. 70 основных законов, общее законодательное постановление не отменяет сепаратных законов, — не было облечено в письменную форму: комитет ограничился изложением своих взглядов присутствовавшему в его заседании бывшему министру внутренних дел гофмейстеру Булыгину, и засим представление министерства внутренних дел было ему возвращено без об'яснения причины. Обстоятельство это лишило министерство внутренних дел возможности войти с выработанным им проектом и в государственный совет, так как последний, несомненно, отказался бы от его рассмотрения, ввиду категорического, заключающегося в указе 10 апреля, повеления — о представлении проекта на высочайшее утверждение чрез комитет министров.

Засим, в октябре и ноябре возникли вновь беспорядки в сельских местностях. Число участников в этих беспорядках достигло столь значительного числа, что применение к ним меры, установленной указом 10 апреля, а именно — обезземеление виновных — ныне фактически неосуществимо. Оно привело бы к образованию бродяжнических шаек и, конечно, лишь усилило бы крестьянское движение. Одновременно понесенные землевладельцами от погромов имений убытки до-

[1] Фонд земского отдела министерства внутр. дел, д. № 27, 1906 г., лл. 52—54.

стигли столь больших размеров, что ни в каком случае не могут быть возмещены в сколько-нибудь значительной части виновниками погромов. Наряду с этим судебные власти, разрешавшие дела о беспорядках в сельских местностях, отказались рассматривать их иски, признавая таковые, ввиду указа 10 апреля 1905 г., себе неподсудными. Между тем многие из землевладельцев, находясь ныне в безвыходном положении, будут вынуждены за отсутствием средств прекратить ведение хозяйства и сдавать землю в аренду за пониженную цену тем же, производившим грабежи, крестьянам, что еще более убедит последних в выгодности для них учинения погромов.

Вследствие такого положения дела мною повергаемо было на высочайшее его императорского величества благовоззрение о необходимости принять следующие меры:

1) Указ 10 апреля 1905 г. отменить.

2) Убытки, причиненные частным владельцам преступными скопищами крестьян, производившими разгромы и грабежи в сельских местностях, возмещать из средств государственного казначейства.

3) Поручить министру внутренних дел, по соглашению с министром финансов, выработать и внести чрез совет министров на высочайшее утверждение правила о порядке исчисления и возмещения потерпевшим упомянутых в предшедшем (2) пункте убытков.

По выслушании означенного доклада государь император изволил указать, что возмещение из средств казны убытков, причиненных частным владельцам преступными скопищами крестьян, производившими разгромы и грабежи в сельских местностях, безусловно справедливо и крайне желательно. Вместе с тем, ввиду того, что осуществление этой меры вызовет отпуск значительных сумм из государственного казначейства, государю императору благоугодно было высочайше повелеть обсудить настоящий вопрос в особом, под председательством графа Сольского, совещании, которому и поручить войти со всеподданнейшим докладом как о личном составе сего совещания, так и о порядке его действий.

Учрежденное в силу такового высочайшего повеления, под председательством графа Сольского, особое совещание пришло, прежде всего, к заключению, что действие высочайшего указа 10 апреля распространяется на все случаи беспорядков, имевших место и после обнародования означенного указа.

Посему, в уверенности, что означенное особое совещание немедленно же разрешит вопрос о порядке исполнения указа 10 апреля 1905 г. во всем его об'еме, мною, циркуляром от 1 февраля сего года, № 6, предложено было губернаторам тех местностей, где имели место крестьянские беспорядки, открыть уездные временные комиссии, установленные п. 1 указа 10 апреля. При этом я указал, однако, что комиссии должны заняться лишь определением размеров причиненных погромами убытков; что же касается до выяснения лиц, принимавших участие в погромах, то таковое я счел невозможным поручить комиссиям ввиду того, что деятельность их в этой части должна быть сообразована с теми правилами, которые подлежат высочайшему его императорского величества утверждению согласно п. 4 указа 10 апреля 1905 г. Между тем, в последующих заседаниях совещание признало нужным ограничиться лишь обсуждением вопроса о размерах сумм, потребных на выдачу, в силу 2-й части пункта 4 высочайшего указа 10 апреля 1905 г., в воспособление, в виде ссуд, потерпевшим от погромов владельцам. Таким образом и ныне вопрос о порядке возмещения на основании указа 10 апреля 1905 г. убытков, причиненных в сельских местностях погромами, остается неразрешенным. между тем

лица потерпевшие лишены даже возможности отыскивать свои убытки общим судебным порядком.

Из всего изложенного явствует, что скорейшее составление и утверждение правил о порядке возмещения виновными в погромах причиненных сими последними убытков лицам потерпевшим в настоящее время представляется безусловно необходимым, ибо без них невозможно исполнить указа. Поставляю обязанностью сообщить вашему сиятельству, что проект этих правил ныне, по моему приказанию, составлен с возможно меньшими отступлениями от общего гражданского процесса, причем, ввиду обширного распространения беспорядков в сельских местностях, предположено возлагать возмещение убытков исключительно на лиц, признанных по суду виновными. Рассмотрение сих правил должно однако замедлиться, всегда очень длительным сношением с ведомствами, требуемым однако указом 10 апреля 1905 г. Посему я признаю нужным ныне же учредить при министерстве внутренних дел комиссию из представителей министерств юстиции, финансов, государственного контроля и внутренних дел, а равно главного управления землеустройства и земледелия [1], причем полагаю, что окончательно установленный проект правил должен быть повергнут на высочайшее утверждение, на точном основании указа 10 апреля 1905 г., чрез комитет министров.

Ранее осуществления сего моего предположения считаю долгом покорнейше просить ваше сиятельство внести настоящий вопрос на обсуждение совета министров.

Министр внутренних дел П. Дурново.

Проект правил о порядке исчисления убытков, причиненных помещикам при разгроме их имений, и о привлечении к имущественной ответственности крестьян, участвовавших в разгроме поместий [2].

I. В уездах, где имели место крестьянские беспорядки, выразившиеся в погромах и грабежах частновладельческого имущества, министром внутренних дел, по соглашению с министром юстиции, учреждаются уездные комиссии для содействия судебной власти на основании нижеследующих правил:

1) Уездные комиссии учреждаются под председательством уездного предводителя дворянства из председателя уездной земской управы (или одного из непременных членов уездной управы по делам земского хозяйства, по приглашению председателя), уездного исправника и приглашенных, по соглашению губернатора с губернским предводителем дворянства, двух гласных уездного земского собрания (или земских гласных от уезда в губернском комитете по делам земского хозяйства), а также старшины и председателя суда той волости, в пределах коей расположено разгромленное имущество. Если должности волостного старшины и председателя волостного суда замещены одним лицом, то в состав комиссии входит и старший по возрасту член волостного суда. Председателю уездной комиссии предоставляется приглашать в ее заседания, с правом совещательного голоса, земских начальников или соответствующих им должностных лиц и податных инспекторов.

---

[1] Заседания означенной комиссии происходили 17 и 20 марта 1906 г. После длительного обсуждения комиссия приняла «проект правил», разработанный министерством внутр. дел.

[2] Фонд земского отдела министерства внутр. дел, д. № 27, 1906 г., лл. 97—99.

Примечание. В составе комиссии не могут участвовать лица: а) потерпевшие от беспорядков и б) состоящие в особых отношениях к потерпевшим, указанных в ст. 195 уст. гр. суд.

2) На уездные комиссии (ст. 1) возлагается исчисление вреда и убытков, понесенных частными владельцами от погромов и грабежей, произведенных в сельских местностях преступными скопищами.

3) Уездные комиссии собирают сведения о сумме причиненных частным владельцам убытков всеми зависящими от них способами. Правительственные места и лица обязаны оказывать им содействие.

4) Постановления комиссий о размере убытков выдаются пострадавшим от грабежей и погромов по их о том ходатайствам.

II. Установить нижеследующие «временные правила» о порядке привлечения к имущественной ответственности лиц, участвовавших в преступных скопищах, производивших погромы и грабежи в сельских местностях.

1) Взыскание убытков с имуществ лиц, участвовавших в преступных скопищах, производится по искам потерпевших в общем судебном (гражданском или уголовном) порядке, причем потерпевшие могут представлять суду постановления уездных комиссий о размере убытков. Суд принимает означенные постановления для рассмотрения в ряду прочих судебных доказательств.

2) Имущественные взыскания по судебным решениям могут быть обращаемы, кроме имущества, подлежащего продаже на общем основании закона, также и на: а) полевые участки надельной земли общинного пользования, б) надельные подворные участки, в) вненадельные земли, купленные обществами без содействия крестьянского поземельного банка, г) земли, состоящие в залоге крестьянскому поземельному банку, и д) движимое имущество, составляющее необходимую принадлежность крестьянского хозяйства.

3) Участки полевой земли общинного пользования, на которые обращено взыскание, сдаются в аренду с торгов, в соответствии с порядком, указанным в ст.ст. 4 и 5 отд. VI закона 12 марта 1903 года об отмене круговой поруки, с тем, что сельскому обществу, в состав надела которого входит сдаваемый участок, предоставляется преимущественное право взятия его в аренду. Выручаемые от арендного пользования доходы, за пополнением лежащих на участке окладных и мирских сборов, обращаются на удовлетворение взыскателя.

4) Прочие, перечисленные в ст. 2 сего отдела, виды земельных владений при обращении на них взыскания подлежат продаже. При этом, если взыскание обращается на земли, приобретенные вне надела в составе сельских обществ, как состоящие в залоге крестьянскому поземельному банку, так и купленные без его содействия, а равно на те состоящие в залоге банку земли, кои приобретены в составе крестьянских поземельных товариществ без указания в товарищеском договоре долей владения отдельных товарищей, то продаже подвергаются участки земли, находящиеся в фактическом пользовании или владении тех лиц, с которых присуждено взыскание.

5) Лица, купившие на торгах участки земли подворного пользования или участки из состава вненадельной земли, состоящей в собственности сельских обществ, селений, либо товариществ, участвуют в пользовании общими угодьями на принятых в обществе, селении или товариществе основаниях.

6) Не подлежат взысканию из числа движимого имущества ответчика: иконы, образницы, киоты с иконами, богослужебные и учебные

предметы и книги, знаки отличия и почетные кафтаны, ежедневная одежда и совершенно необходимая утварь, хлеб и овощи, необходимые для продовольствия семьи в течение трех месяцев, топливо на трехмесячное отопление жилья семьи, пенсии, пожалованные за раны, вспомоществование, назначенное на погребение родителей, жены или детей, либо по случаю пожаров и других несчастных случаев, трехрублевое пособие, выдаваемое из казны нижним чинам и ратникам ополчения, и пособие семействам нижних запасных чинов, призванных на действительную военную службу. При обращении взыскания на заработную плату и на иные денежные суммы, соблюдаются требования, изложенные в ст.ст. 292 и 293 общ. пол.

7) Если в погроме или грабеже принимал участие старший член крестьянского двора (дворохозяин), взыскание обращается на имущество всего двора. Во всех прочих случаях взыскание обращается на имущество всего двора лишь в том случае, если члены крестьянского двора, в какой бы то ни было мере, воспользовались плодами учиненного одним из его членов преступного деяния.

8) Взыскание обращается прежде всего на движимое имущество ответчика, не составляющее необходимой принадлежности в крестьянском хозяйстве, а в случае недостатка сего имущества, на имущество недвижимое и притом сперва на вненадельное, а затем на надельное. При обращении взыскания на недвижимое имущество допускается распространение сего взыскания, в случае надобности, и на движимость, составляющую необходимую принадлежность крестьянского хозяйства.

9) При оценке участков, принадлежащих привлеченным к ответственности лицам, принимаются во внимание также и выгоды, доставляемые домохозяевам правом их участвовать в пользовании общественными землями.

10) Стоимость по оценке участков земли, заложенных в крестьянском поземельном банке, не может быть определена в размере, меньшем приходящейся на означенные участки доли продажной цены, указанной в купчей крепости.

11) В торгах на продажу надельных земель могут участвовать только лица, приписанные или имеющие право приписаться к сельским обществам.

12) В торгах на продажу земель, заложенных в крестьянском поземельном банке, могут участвовать только лица, имеющие право приобретать землю при содействии банка.

13) Торги производятся на общих основаниях, причем в случае, если на вторых торгах имущество не будет продано в сумме оценки, то допускается продажа и в низшей сумме.

14) Земля, заложенная в крестьянском поземельном банке, не может быть продана ниже суммы остающегося непогашенным долга банку, лежащего на земле, и недоимок в платежах по погашению сего долга. В случае несостоявшихся при сем условии вторых торгов такие земли остаются в той же сумме за банком.

15) Участки из состава земель, заложенных в крестьянском поземельном банке, оставшиеся за банком, могут быть им проданы лицам, не принадлежащим к обществу, поселению или товариществу, хотя бы со стороны последних не было из'явлено на то согласия. Остаток от продажной суммы, за вычетом долга крестьянскому поземельному банку и понесенных им расходов по управлению участком и продаже его, выдается взыскателям.

III. В исполнение п. 4 высочайшего указа 10 апреля 1905 года постановить:

Взыскание убытков с лиц, подлежащих имущественной ответственности на основании высочайшего указа 10 апреля 1905 г., производится в порядке, установленном в отд. II сего узаконения.

Министр внутренних дел П. Дурново.

Выписка из журнала чрезвычайного общего собрания государственного совета по делу «о привлечении к имущественной ответственности участников в погромах и грабежах», 17 апреля 1906 г. [1]

Государственный совет, в чрезвычайном общем собрании, рассмотрев настоящее дело, принял во внимание, что именным высочайшим указом 10 апреля 1905 года министру внутренних дел было предоставлено учреждать, по мере надобности, в уездах, где произошли беспорядки, временные уездные комиссии для выяснения лиц, участвовавших в преступных скопищах крестьян, а также для исчисления размеров причиненных ими убытков, в целях привлечения их к имущественной ответственности, с обращением взыскания на все без изъятия движимое и недвижимое имущество всех участвовавших в преступных скопищах лиц (п.п. 1 и 2). При этом пунктом 4 сего указа на министра внутренних дел было возложено выработать и, по сношении с ведомствами, внести на высочайшее утверждение, чрез комитет министров, проект правил о порядке осуществления указанной выше меры. При исполнении сего последнего поручения выяснилось однако, что означенные правила могут быть изданы не иначе, как в законодательном порядке. Между тем высочайше утвержденным 15 марта сего года мнением государственного совета по делу об оказании материального вспомоществования частным лицам и предприятиям, пострадавшим вследствие происходивших в различных местностях империи беспорядков, министру внутренних дел было поручено принять меры к безотлагательной разработке правил о привлечении к имущественной ответственности участников погромов и грабежей и ко внесению проекта этих правил на рассмотрение государственного совета, с соблюдением порядка, установленного для обеспечения единства действий министерств по делам законодательным.

Во исполнение означенных высочайших повелений, министром внутренних дел составлен ныне и внесен на рассмотрение государственного совета проект соответственных правил, коими имеется в виду определить способ исполнения вышеприведенных постановлений именного высочайшего указа 10 апреля 1905 г. с наименьшим отступлением от общего установленного законом порядка имущественной ответственности лиц, причинивших кому-либо своими действиями ущерб и убытки. Существо этих правил заключается в том: 1) чтобы взыскание убытков с участников погромов и грабежей производилось, по искам потерпевших, в судебном порядке (ст. 1); 2) чтобы потерпевшим, по их ходатайствам, выдавались постановления уездных комиссий, образованных на основании пункта 1 высочайшего указа 10 апреля 1905 г., и постановления эти подлежали рассмотрению судов наряду с прочими судебными доказательствами (ст. 2), и 3) чтобы взыскания, присужденные по искам потерпевших, обращались на все принадлежащее участникам погромов и грабежей имущество, на которое по силе действующих узаконений вообще распространяется ответственность за частные долги, причем по отношению означенных взысканий не должны быть применяемы правила, изложенные в приложении к статье 6 общего крестьянского положения.

---

[1] Фонд земского отдела министерства внутр. дел, д. № 27, 1907 г., лл. 112—114.

Обсудив эти правила, государственный совет по поводу первого из них заметил, что оно не содержит нового законодательного определения. Так как высочайшим указом 10 апреля 1905 г. судебный порядок для дел о вознаграждении потерпевших за причиненные им погромами и грабежами убытки не был отменен, то порядок этот, очевидно, должен оставаться в силе и после учреждения уездных комиссий согласно пункту 1 упомянутого указа. Тем не менее нельзя не считаться с тем обстоятельством, что судебные места, в виду образования комиссий, на которые возложена обязанность выяснения лиц, участвовавших в скопищах крестьян, а также исчисление размеров причиненных ими убытков для привлечения к имущественной ответственности, отказывали потерпевшим в принятии исков о возмещении убытков, причиненных им погромами и грабежами, признавая такие дела себе неподсудными. Правительствующий сенат, в случаях восхождения таких дел на его рассмотрение, мог бы, конечно, раз'яснить подлежащим судебным местам точный смысл указа 10 апреля 1905 г., но ожидание соответственных определений сената неизбежно было бы сопряжено с значительным замедлением в разрешении дел, возбуждаемых исками потерпевших от погромов, что представляется крайне нежелательным. Посему государственный совет считает полезным раз'яснить в издаваемом узаконении, что привлечение на основании пункта 2 высочайшего указа 10 апреля 1905 г. к имущественной ответственности лиц, участвовавших в скопищах, коими истреблены, повреждены или расхищены имущества в сельских местностях, производится потерпевшими от сего в судебном порядке.

Обращаясь засим к рассмотрению прочих постановлений проекта, государственный совет рассуждал, что содержание статьи 2 проекта надлежит ограничить лишь правилом, на основании коего копии постановлений уездных комиссий, упомянутых в пункте 1 указа 10 апреля 1905 года, должны быть выдаваемы заинтересованным лицам по их ходатайствам. Заключающееся же в этой статье указание, что означенные постановления подлежат рассмотрению суда в ряду прочих судебных доказательств, представляется излишним, так как суд имеет право принимать к своему рассмотрению всякого рода документы, представляемые сторонами. Оценка доказательной силы этих постановлений должна зависеть от суда, что, конечно, имелось в виду и министерством внутренних дел. Между тем изложение статьи 2 может дать повод к неправильному заключению, что закон признает за постановлениями уездных комиссий особую доказательную силу.

Останавливаясь далее на статье 3 проекта, государственный совет находит, что обращение взысканий убытков, причиненных погромами и грабежами, между прочим и на движимое имущество крестьян, которое составляет необходимую принадлежность их хозяйства, равносильно окончательному разорению крестьянских хозяйств и может только способствовать обострению враждебных отношений между крестьянами и помещиками. Притом следует заметить, что цель, имевшаяся в виду министерством внутренних дел при начертании правила, допускающего такое из'ятие из действующих законов, не могла бы быть достигнута одним только постановлением о неприменении правил, изложенных в приложении к статье 6 общего положения о крестьянах, так как и по отношению к взысканиям убытков, причиненных погромами и грабежами, оставался бы в силе пункт 10 статьи 973 устава гражданского судопроизводства, согласно которому движимость крестьян, признаваемая необходимою в крестьянском хозяйстве, не подвергается аресту ни в каком случае. Между тем изменять в чем-либо для рассматриваемой категории дел правила судебных уставов

было бы весьма нежелательно. Вследствие сего государственный совет признает необходимым устранить из статьи 3 проекта указание на неприменение к предусматриваемым в ней взысканиям правил приложения к статье 6 общего положения о крестьянах.

В виду сказанного, государственный совет полагает:

I. Разъяснить, что привлечение на основании пункта 2 высочайшего указа 10 апреля 1905 года к имущественной ответственности лиц, участвовавших в скопищах, коими истреблены, повреждены или расхищены имущества в сельских местностях, производится потерпевшими от сего в судебном порядке.

II. В изменение и дополнение подлежащих узаконений, постановить:

1) Копии постановлений уездных комиссий, означенных в пункте 1 именного высочайшего указа 10 апреля 1905 г., выдаются заинтересованным лицам, по их о том ходатайствам.

2) Взыскания, присужденные по искам потерпевших от погромов и грабежей (отд. I), обращаются на все принадлежащее участникам сих погромов и грабежей движимое и недвижимое имущество, на которое по силе общих гражданских законов и особых о крестьянах узаконений распространяется ответственность за частные долги.

В заключение государственный совет принял во внимание, что обсуждаемый проект определяет условия и порядок исполнения постановлений именного высочайшего указа 10 апреля 1905 г. Поэтому настоящее узаконение должно быть издано также в виде высочайшего указа. При этом, в виду последовавшего в государственном совете разномыслия по содержанию издаваемых правил, представляется более удобным проект указа правительствующему сенату поднести к высочайшему подписанию по разрешении его императорским величеством означенного разногласия.

На основании приведенных суждений государственный совет в чрезвычайном общем собрании постановил мнение, удостоенное высочайшего его императорского величества утверждения [1].

Государственный секретарь бар. Икскуль.

[1] Мнение государственного совета было утверждено Николаем II 26 апреля 1906 г. и опубликовано в виде указа сенату того же 26 апреля 1906 г.

Царская Россия и Гавайские острова

Попытка завладеть Гавайскими или Сандвичевыми островами, предпринятая от имени царской России в начале XIX в., не являлась анархическим поступком некоего проходимца, как это впоследствии представляли официальные источники, но была реализацией тщательно продуманного плана, разработанного Российско-Американской компанией и одобренного царским правительством. Лишь вследствие ряда неудачно сложившихся обстоятельств, Гавайские острова не стали в этот период, наряду с частью Калифорнии, «землей российского владения», а врач московской городской полиции Шеффер — «российским Коломбом».

Российско-Американская компания, возникшая в конце XVIII в., уже в первые годы XIX в. начала вести активную экспансию в Тихом океане. Эта экспансия особенно усилилась в 1809—1810 гг. Обострение англо-американских отношений, приведшее вскоре к вооруженному столкновению, восстание в Мексике, полностью парализовавшее какое бы то ни было сопротивление со стороны Испании, и, наконец, наполеоновские войны, не дававшие возможности большинству европейских держав сосредоточить свое внимание на событиях, развертывавшихся в восточном полушарии, открывали перед царской Россией возможности усиления сферы своего влияния на Тихом океане.

После частичного овладения прибрежной полосой Калифорнии и основания в 1812 г. колонии «Росс», компания сделала попытку осуществить план захвата Гавайских островов.

Гавайские острова были промежуточным пунктом, куда неизбежно заходили суда, следовавшие из Америки в Азию и, в частности, в Китай, таким образом владение островами отдавало в руки царской России контроль над Тихоокеанской торговлей. Кроме того Гавайские острова были богаты колониальными товарами и хлопком.

Кое-какие разведки по поводу Гавайских островов делались Российско-Американской компанией еще в 1806 г., когда корабль компании «Нева» под командою Лисянского пристал к острову Атуваю (Гауан-Кауаи).

Король Атувая — Томари, собиравшийся в это время воевать с королем острова Овайги (Гавайи) Томи-Оми, пытался прибегнуть к помощи русских, в частности просил снабдить его порохом и оружием, но служившие у компании офицеры не рискнули вмешаться в борьбу гавайских царьков.

В 1809 г. тот же корабль «Нева» под командой лейтенанта Гагенмейстера пристал к острову Атуваю, и на этот раз король Томари обратился за помощью к России, прося оставить на острове русских поселенцев для защиты его от Томи-Оми.

В 1814 г. к Гавайским островам было отправлено компанейское судно «Беринг», но оно потерпело крушение у самых берегов Атувая.

Благоприятствовавшая вначале царской России политическая кон'юнктура с каждым годом ухудшалась. Наполеон был разбит, а окончившаяся англо-американская война дала возможность и англичанам, и американцам обратить внимание на действия Российско-Американской компании.

В этот период три державы — Англия, Соединенные Штаты и Россия — зорко следили друг за другом, опасаясь, чтобы кто-нибудь из них раньше не захватил Гавайских островов. Они стремились временно сохранить независимость островов,

так как не имели возможности открыто захватить и сохранить острова за собой. Это обстоятельство очень усиливало туземных царьков, ибо каждая держава пыталась подкупить их и с их помощью утвердить свое господство на островах.

Томи-Оми, именовавшийся впоследствии Камехамехи I, при помощи английских агентов расправился со всеми остальными царьками и стал фактически правителем всех Гавайских островов, за исключением Атувая и Нигау, где утвердился Томари.

Окруженный иностранцами (даже губернатором о. Овайги был беглый английский матрос Джон Юнг), Томи-Оми вел тонкую дипломатическую игру, склоняясь, в сторону той державы, которая в данный момент была представлена на островах наиболее сильно. Когда в 1794 г. к острову Овайги прибыл капитан Ванкувер, Томи-Оми об'явил себя подданным Англии, что не помешало ему после ухода Ванкувера отдать исключительно американским торговцам монопольное право на вывоз любых товаров.

Сент-Джемский кабинет лишь в 1812 г. ответил Томи-Оми, отказав ему в подданстве Англии из опасения, что ввиду обострения англо-американских отношений одно подозрение о принадлежности Гавайских островов Англии, даст Америке повод к их захвату.

В свою очередь Томари при помощи американцев вооружил свою армию, завел несколько орудий и мечтал о заведении флота для борьбы с Томи-Оми.

Такая ситуация была к 1815 г., когда Российско-Американская компания решила предпринять шаги к захвату Гавайских островов.

Непосредственную реализацию этого плана правитель русских колоний в Америке — Баранов — предполагал поручить лейтенанту Лазареву, находившемуся с кораблем «Суворов» на о. Ситхе. Однако, недоразумения между Барановым и Лазаревым привели к тому, что Лазарев вместе с судном ушел из Ситхи в Кронштадт.

Тогда овладение Гавайскими островами Баранов поручил комиссионеру компании — доктору Шефферу, единственному из состава корабля «Суворов» оставшемуся в колониях.

Для большей конспиративности решено было отправить Шеффера на американском судне «Изабелла», которое в октябре 1815 г. доставило его к острову Овагу (Вагу), а в марте 1816 г. для «размена» с туземцами к Гавайским островам прибыли два хорошо вооруженных русских судна — «Кадьяк» и «Открытие».

Шеффер, официально приехавший на Гавайские острова для приема имущества погибшего русского судна «Беринг», решил действовать через Томи-Оми. Однако, как сообщается в путевом журнале «...прежде нежели мог Шеффер быть на берегу, некоторые капитаны или шкипера, бывшие прежде в наших колониях, а потом пришедшие туда со своими судами, а наиболее старый Эбез Гунт Адамс и старый Джон Юнг, давно живущий на сем острове в качестве губернатора и имеющий великое влияние на короля, успели уже Томи-Оми и многих лучших островитян уверить, что прибытие его, Шеффера, и ожидаемые им вскоре из Ново-Архангельска компанейские суда суть неприязненные намерения русских, почему письмо с медалью, наперед присланное Томи-Оми, было не распечатано и возвращено»[1].

Тем не менее Шефферу все же удалось высадиться на берег. Он сумел стать лейб-медиком короля Томи-Оми и, якобы в «благодарность» за оказанную медицинскую помощь получил плантации на острове Овагу, где уже находились американские плантации братьев Виншеп. На этих плантациях Шеффер выстроил несколько домов и начал разводить табак и разные растения, расширяя свою территорию за счет скупаемых у туземцев земель.

Активная деятельность Шеффера очень быстро восстановила против него американских торговцев, ибо Шеффер явно претендовал на монопольное владе-

[1] ЛОЦИА, ф. департ. торговли и мануфактур, 1819 г., д. № 406, лл. 35—37.

ние всем сандальным деревом. Поэтому американцы всячески пытались воздействовать на Томи-Оми «расстраивали короля Томи-Оми и даже довели его до согласия убить его, Шеффера».

Только прибытие компанейских судов спасло жизнь Шеффера, который с этого момента решительно изменил курс и начал ориентироваться на короля островов Нигау и Атувай — Томари, противника Томи-Оми.

Спасаясь от преследования, Шеффер покинул о. Овагу, оставив для охраны русской фактории нескольких служащих компании.

На компанейском судне «Открытие» Шеффер перебрался на остров Ниагу, а затем на Атувай, где находился Томари. Шеффер отмечает в своем журнале, что король Томари принял его «хотя и дружелюбным образом, однако же замечено было в нем некоторое замешательство, как после открылось, от таковых же неприязненных внушений североамериканских шкиперов, каковые были сделаны и у Томи-Оми». Но, очевидно, Томари учел, что помощь русских будет для него весьма существенна в борьбе с Томи-Оми, поэтому он внезапно резко изменил свое отношение и просил исходатайствовать ему покровительство русского императора. 21 мая 1816 г. Томари принял русское подданство.

Одновременно, «король передал еще в дар компании на всегдашние времена целую область, содержащую около 400 семейств индейцев, которая служить может для построения плантажей, фабрик и т. п.» [1].

От имени Российско-Американской компании Шеффер заключил с Томари четыре конвенции. Согласно первой конвенции Томари предоставлял компании исключительные права на вывоз сандального дерева с о. Атувая и разрешал ей повсеместно строить фактории и устраивать плантации «с помощью островитян». По второй конвенции Томари уступал «на вечность в пользу компании половинную часть острова Вагу (Овагу) с жителями и что есть в земле оного». Но так как о. Овагу пока еще принадлежал Томи-Оми, то компания должна была «сделать королю помощь под управлением того доктора Шеффера в звании шефа его войск из 500 человек для возвращения отторгнутых у него островов Вагу, Ранай Мауви, Маранай и прочих, кои король также покоряет высокому покровительству государя императора». Согласно третьей конвенции компания обязывалась купить на свой счет у бостонского капитана Витимора вооруженное судно для экспедиции против короля Томи-Оми, причем Томари обязывался выплатить за это судно сандальным деревом. Судно это действительно было куплено Шеффером за 200 тысяч рублей, а счет к оплате переслан к правителю колоний Баранову. И наконец, по четвертой конвенции Томари «дарил» Баранову на о. Овагу три гавани «без взимания для себя податей» [2].

Решительные действия Шеффера встретили громогласное одобрение правления компании и молчаливую поддержку Александра I. По получении сообщений о его деятельности, компания 20 августа 1817 г. посылает Шефферу инструкции: «о защите короля Томари от других островных владельцев, ежели токмо оные случатся не по влиянию какой-либо европейской нации или не от нее самой... в уважении сего короля столько, сколько требует образ дикой его жизни...»

25 августа о похождениях Шеффера и о том, что Томари, подлинная присяга которого будет прислана особо, ходатайствует о принятии его в русское подданство, было доложено Александру, и сообщение это не встретило с его стороны никаких возражений.

Шеффер активно продолжал свою политику, направленную к полному овладению Гавайскими островами при помощи короля Томари, и деятельно готовился к войне с Томи-Оми.

Обо всем этом совет компании 19 января 1818 г. сообщил управляющему министерством иностранных дел. Но ситуация в течение этого, хотя и непро-

[1] ЛОЦИА, ф. департ. торговли и мануфактур, 1817 г., д. № 350, л. 8 об.
[2] Там же, лл. 19 об. 20.

должительного времени, изменилась. В международной политике большое место занял в этот период вопрос, об испанских колониях в Америке. Это заставляло царское правительство воздержаться от санкции на захват Гавайских островов.

Российско-Американской компании предлагалось придерживаться в своих сношениях с Гавайскими островами общих правил, принятых для других государств.

Но, не имея возможности дать санкцию на захват Гавайских островов, царское правительство в то же время не имело намерения упускать их из виду. Задача состояла в том, чтобы выбрать наиболее удачный момент.

Уже 5 августа 1818 г. по представлению Российско-Американской компании Александр «соизволил признать за нужное, для поощрения оных сношений, пожаловать тамошнему владельцу по имени Томари золотую медаль на Аннен-ской ленте для ношения на шее, с надписью «владетелю Сандвичевых островов Томари, в знак дружбы его к россиянам», да сверх того, в виде подарка, кортик с приличною оправою и кармазинный плащ с золотыми кистями и таким же позументом».

13 августа 1818 г. правление Российско-Американской компании передало министерству внутренних дел содержание письма Шеффера, полученное 20 сентября 1817 г. из Макао, в котором он сообщал, что «через политические обстоятельства принуждены были русские оставить остров Атувай» [1], а сам Шеффер направиться в Петербург.

Подобная неудача постигла Шеффера вследствие решительного вмешательства американских купцов в дела Гавайских островов.

Вначале американцы вели с русскими борьбу чисто экономического характера. Помимо факторий бр. Виншеп на о. Овагу во владениях короля Томи-Оми, американцы, учитывая, что Шеффер пытается воспользоваться междуусобицами между Томи-Оми и Томари, устроили свою факторию и во владениях последнего. Стараясь заинтересовать Томари торговлей, американцы покупали у него то, что он уже продал и за что получил соответствующую плату от представителя Русско-Американской компании.

Затем американские купцы переходят к более решительным действиям.

Когда шхуна Шеффера прибыла ко владениям Томи-Оми, то оказалось, что первая русская фактория на острове Овагу, где находилось несколько служащих компании, разгромлена туземцами, возглавлявшимися Джоном Юнгом, «министром» Томи-Оми, подкупленным американскими купцами. Служащие компании под угрозою убийства были посажены на шхуну и отправлены на Атувай.

Таким образом кончилась история фактории на Овагу, «подаренные и проданные семейством Томи-Оми земли обратились во власть прежних владельцев»,— меланхолически пишет Шеффер в своем журнале [2].

Но и на Атувае представители Российско-Американской компании оставались недолго. В мае 1817 г. с Овагу на Атубай были посланы американцами 5 ботов с туземцами, после чего, как пишет Шеффер, «началась революция против русских».

На одном из зашедших в Гонолулу иностранных судов Шеффер добрался до Кантона и оттуда прибыл в Петербург, где надеялся «сыскать подкрепление прав своих на здешние острова» [3].

После приезда Шеффера в Петербург компания принимает всяческие меры для популяризации в правительственных кругах своих соображений о необходимости вторичного захвата Гавайских островов. Помимо записок Шеффера, подаваемых им лично Александру, члены компании обивали пороги правительственных учреждений, рассылая «мнения правления», где пытались доказать, что Гавайские острова должны принадлежать именно царской России. В обоснование этого положения компания прибегает к доказательству от противного,

[1] ЛОЦИА, фонд департ. торговли и мануфактур, 1817 г., д. № 350, л. 38.
[2] Там же, 1819 г., д. № 406, лл. 35—37
[3] Там же, 1817 г., д. № 350, л. 45.

утверждая, что ни испанцы, ни англичане, ни американцы не имеют права на приобретение этих островов. Испанцы, несмотря на то, что они в начале XVIII в. первыми открыли эти острова, не могут, по мнению компании, и не будут препятствовать захвату островов, ибо они и раньше не претендовали на владение ими. Что касается англичан, то хотя Кук и Ванкувер раньше приставали к этим островам и названы они по имени лорда Сандвича — Сандвичевыми, тем не менее, англичане не могут претендовать на эти острова, ибо само английское правительство в 1812 г. отказало королю Томи-Оми в принятии его в английское подданство. И наконец американцы, для которых острова удобны, как транзитный путь в Китай, по мнению компании, не имеют прав на владение ими, поскольку до сих пор они официально не заявляли о своих притязаниях на эту территорию.

Отсюда компания считала, что единственно, кто имеет право на Гавайские острова — это царская Россия.

Российско-Американская компания продолжала посылать на Гавайские острова свои корабли; так например, в 1819 г. на Гавайские острова был направлен вновь купленный бриг «Брутус», капитан которого имел задачей встретиться с Томари,— но никаких существенных результатов компания не добилась.

* * *

Два об'емистых тома, хранящиеся в фонде департамента торговли и мануфактур, вмещают почти все сохранившиеся материалы, касающиеся попыток Шеффера утвердиться на Гавайских островах.

Однако, извлекая для публикации ряд документов, мы вынуждены ограничиться по преимуществу материалами, относящимися к периоду после изгнания Шеффера с Гавайских островов.

Предшествующие материалы отсутствуют потому, что архив Главного правления Российско-Американской компании не сохранился. Таким образом об отдельных моментах деятельности Шеффера на Гавайских островах мы узнаем лишь из сводной записки. Помимо записки Российско-Американской компании и лично Шеффера, мы даем те замечания, которые были сделаны на этот проект в департаменте торговли и мануфактур. При этом следует иметь в виду, что эти замечания писались опять-таки в тот период, когда удержать захваченные Российско-Американской компанией земли на Гавайских островах царское правительство не имело возможности.

С. Окунь.

Акт, подписанный королем двух Сандвичевых (Гавайских) островов Томари о принятии им русского подданства, 21 мая 1816 г.[1]

Его величество Томари Тае-евич, король островов Сандвических, лежащих в Тихом Северном океане, Атувай и Нигау, урожденный принц островов Овагу и Мауви, просит его величество государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийского и пр. и пр. и пр. принять его помянутые острова под свое покровительство и хочет быть навсегда российскому скипетру с своими наследниками верен; в знак верности и преданности принял российский флаг от корабля «Открытие», Российской-Американской компании принадлежащего.

Знак короля X Томари

Переведена на сандвический язык и обнародована самим королем жителям островов Атувай и Нигау.

[1] ЛОЦИА, ф. департ. мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1817 г., д. № 350, л. 5.

Российский императорский коллежский ассесор, Российской компании комиссионер, медицины и хирургии доктор Егор де Шеффер
Читана на корабле «Открытие» при собрании всего экипажа людей 38.

Корабельного экипажа флота лейтенант и кавалер Подушкин.

№ 2.

Мнение совета Российско-Американской компании о необходимых мерах по укреплению торговых связей компании с Сандвичевыми островами, 26 марта 1818 г. [1].

1818 г. марта 26 дня состоящий под высочайшим его императорского величества покровительством Российско-Американской компании совет, слушав отношение его высокопревосходительства, г. действительного тайного советника, сенатора, члена государственного совета, министра внутренних дел и кавалера Осипа Петровича Козодавлева, присланное на имя главного правления Российско-Американской компании от 13 числа текущего марта под № 65, коим предлагает, чтобы правление компании представило все обстоятельства со всею подробностию на рассмотрение сего совета к исполнению высочайшей его императорского величества воли, об'явленной ему г. министру от 24 минувшего февраля в сообщении управляющего министерством иностранных дел, его сиятельства графа Карла Васильевича Нессельрода, касательно акта, полученного от Томари Таеевича, короля двух Сандвичевых островов Атувая и Нигау, коим сей король просит, чтобы его императорское величество удостоил принять его с народом и теми островами под высочайшее свое покровительство, обещаясь быть верным со всеми будущими своими наследниками; высочайшая же его императорского величества воля изображена графом Карлом Васильевичем в следующих словах: «что государь император изволит полагать, что приобретение сих островов и добровольное их поступление в его покровительство не только не может принесть России никакой существенной пользы, но напротив во многих отношениях сопряжено с весьма важными неудобствами и потому его величеству угодно, чтобы королю Томари, из'явя всю возможную приветливость и желание сохранить с ним приязненные сношения, от него помянутого акта не принимать, а только ограничиться постановлением с ним вышепомянутых благоприязненных сношений, в каковых он находится с другими независимыми государствами, и действовать к распространению с Сандвичевыми островами торговых оборотов Американской компании, поколику оные сообразны будут сему порядку дел. На сем единственно правиле компания должна в тех местах располагать своими предприятиями». Сверх сего его сиятельство присовокупил: «что хотя полученные донесения от доктора Шеффера доказывают необдуманные поступки его, подавшие уже повод к некоторым неблагоприятным заключениям, при всем том его величество, не приступая еще ни к какому положительному разрешению, соизволил признать нужным дождаться наперед дальнейших по сему предмету известий».

Вследствие сей высочайшей воли совет слушал так же и дело, по оному предмету начавшееся в главном компании правлении и нашел: 1) Когда получено было в оном правлении прямо с Сандвичевых островов, чрез Кантон и Данию предварительное сведение от комиссионера ее, доктора Шеффера, что помянутый король повергает себя в вы-

[1] ЛОЦИА, ф. департ. мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1817 г., д. № 350, лл. 17—24.

сочайшее покровительство, при коем доставлена и копия с врученного ему королем акта, оригинал, которого Шеффер обещал доставить на российском корабле; тогда же и именно 15 августа минувшего года при всеподданнейшем его императорскому величеству от правления компании донесении чрез г. министра внутренних дел представлена та копия с письмом означенного доктора Шеффера, при коем оная приложена была. А в ожидании на событие сие высочайшей резолюции, и как уже доктор Шеффер, бывший при помянутых островах с двумя судами Российско-Американской компании получил в пользу ее от означенного короля для плантажей земли, заключил особые с ним конвенции, застроил факторию,— то правление компании, чтобы сии начатые с королем Томари дружеские и коммерческие связи не расстроить, а облегчить для будущего времени, ежели на то последует дозволение государя императора, нужным почло послать наставление с отправляющимся тогда же из Кронштадта кругом света казенным фрегатом «Камчаткою», полагая, что сей фрегат может пристать к означенным островам. Сие наставление адресовано тому лицу, которое начальствует отрядом русских, на помянутых островах находящихся, а в нем от 20 августа предписаны правила: а) О защите короля Томари от других островных владельцов, ежели токмо оные случатся не по влиянию какой-либо европейской нации, или не от нее самой; б) о уважении сего короля столько, сколько требует образ дикой его жизни; в) в спорах и делах, могущих случиться между русскими и индейцами, самим не управляться без отношения к королю и требования его правосудия; г) о неделании островитянам ни малейших обид в присвоении их собственности и женского пола; д) о неупотреблении островитян в работы без платы и принужденно и е) о производстве торговых связей на том порядке, как до того происходило, пока получатся оттоль обстоятельные сведения и даны будут по оным надлежащие предписания. Потом и сведения сии получены правлением компании чрез Охотск 15 октября, быв посланы туда на бостонском для компании фрактованном судне «Брутус» от управляющего компанейскими колониями г. Баранова, при коих приложен и оригинальной акт короля Томари о подданстве его. В них заключается следующее: 1) Четыре конвенции сего короля с доктором Шеффером от имени Российско-Американской компании: одна о возвращении ей пограбленного, года за три пред тем, груза, оставшегося с разбитого при острове Атувае корабля ее, о производстве исключительной торговли сандальным благовонным деревом, растущим на том острове, с одною только компаниею,— о дозволении ей строить во всех местах фактории и заводить плантажи с помощию островитян. Другая,— о уступке на вечность в пользу компании половинной части острова Вагу с жителями, и что есть в земле оного, а в замену того компания должна сделать королю помощь под управлением того доктора Шеффера в звании шефа его войск из 500 человек, для возвращения отторгнутых у него островов Вагу, Ранай, Мауви, Маранай и прочих, кои король также покоряет высокому покровительству государя императора. Третие, чтобы американской компании купить на свой щет у бостонского капитана Витимора военное судно за какую бы то ни было сумму, которое употребить для помянутого возвращения островов, а взамен сей покупки король заплатит компании благовонным деревом; и четвертая, что король дарит г. Баранову на острове Вагу, при гавани Ганнарау королевскую деревню, без взимания себе податей. 2) Что доктор Шеффер, вследствие сих конвенций, купил уже у бостонца военное судно «Эван» на щет компании, а в пользу короля за 200 тыс. рублей и перевел платеж к г. Баранову, но сей той покупки не аппробовал и от платежа отказал,

потому что он его на все такие дела не уполномочивал, а поручал токмо высвободить пограбленный груз, а буде можно, завести и торг сандальным деревом; следовательно, и принятие в подданство короля совершенно далеко за пределы его власти, и подарки его компании, и оседлости апробуются ли верховным правительством или нет, также неизвестно, а до того времени запрещает г. Баранов Шефферу входить в каковые-либо дальнейшие спекуляции, требуя от него возвращения бывших с ним судов «Кадьяка» и «Ильмены», экипажей их и о представлении щета о всем вверенном ему капитале, коего у него числится около 200 тыс. рублей. Сии сведения г. Баранов получил на возвратившемся от помянутых островов корабле «Открытие». Суперкарг Торопогрицкий уверяет, что он видел построенную Шеффером на острове Атувае компанейскую факторию, состоящую в доме и магазинах, а сам Шеффер уведомляет г. Баранова, что он не может скоро возвратиться к нему для отчета потому, что данную компании королем землю засеял, засевает и насаживает всякою огородною зеленью, табаком, хлопчатою бумагою, сахарным тростником, кокосовыми деревьями, бананами, тарою, картофелем, арбузами, орехами, куркумою, виноградом, ананасами, померанцами и что он скоро будет принимать целую губернию, королем компании подаренную на острове Ваге. Из сего заключить должно, что он Шеффер отправится на сей остров с войском Томари на купленном для него судне, или на другом компанейском, не дождавши на то одобрения своего начальства. Сии события определением сего совета 19 генваря текущего года поручено правлению компании довести до сведения управляющего иностранным министерством, что им того же числа и исполнено, причем представлен и вышепоминаемый акт короля Томари о его покорении. А по получении нынешнего предложения от г. министра внутренних дел, с об'явлением высочайшей воли, оно при исправлении обыкновенной своей годовой в нынешнем марте месяце переписки по всем своим делам с главноуправляющим нашими колониями г. Барановым, от 15 числа марта немедленно предварило уже оного г. Баранова о помянутом высочайшем соизволении, препроводив к нему с отношения г. министра внутренних дел скрепленный список. А до сождания, какое по оному последует дальнейшее сего совета рассуждение, предписало ему г. Баранову, чтобы он доктора Шеффера, яко поступившего в действиях своих на Сандвичевых островах с величайшею легкомысленностию и потому заслуживающего непременного оттоль вызова, дабы не допустить его наделать и еще каких не позволенных поступков, и тем удалить все могущие быть неприятности, а особливо в приведении в исполнение высочайшей воли, ныне об'явленной, постарался принять все меры к вызову его к себе и не дозволил бы ему далее властвовать там ко вреду прочих полезных для компании видов, а потом бы выпроводил его и сюда чрез Охотск. Но как он иностранец и, разочтяся с компаниею, может быть, пожелает сам по себе опять обратиться на Сандвичевы острова, дабы обладать подаренною ему землею от другого короля Томи-Оми, в чем ему, без явного нарушения прав его свободы, воспрепятствовать неможно, особенно, когда узнает он, что король Томари не принят в покровительство России, то ежели бы случилось, что он подлинно предпринял обратиться паки на те острова на иностранных судах и, может быть, еще под благовидным каким предлогом, то бы постарался г. Баранов соделать его дружественным для компании, которой он в противном расположении может наделать много вреда, в чем бы советовался с г. Гагенмейстером, начальником отправленной компанией в 1816 г. кругом света экспедиции, и г. Головниным, начальником военного фрегата «Камчатка», который намеревался непременно быть на

Сандвичевых островах и в нашем Ново-Архангельске. Из всего сего совет, усматривая, что к точному исполнению высочайшей его императорского величества воли в отношении установления торговых связей с Сандвичевыми островами сделаны уже от правления Американской компании надлежащие распоряжения, в дополнение к оным полагает:

1) в рассуждении возвращения королю Томари акта его, когда оный будет возвращен в главное компании правление, поручить сему правлению отослать его к г. Баранову с тем, чтобы он, ежели застанет еще там начальника экспедиции г. Гагенмейстера, отправил с ним сей акт королю Томари, и в лице его, как штаб-офицера императорской службы и человека благоразумного, об'явил владетелю Атувая, «что государь император, как отец своего народа, никогда не оставит покровительствовать и защищать своих верноподданных, обращающихся по делам торговым и промышленным в отдаленных частях света, будучи уверен, что они во всяком случае окажут себя достойными подданными его императорского величества как в соблюдении спокойствия, не нарушающего ничьих народных прав, так и дружеских взаимных связей, с кем бы не имели дело; а в сем уверении и ожидая, с другой стороны, равного и справедливого возмездия и дружеских расположений к его верноподданным как от самого владетеля островов, так и подвластных ему обитателей оных, всемилостивейше оставляет его в полной независимой свободе, желая токмо, чтобы в такой же свободе искренней дружбы и для взаимной пользы были принимаемы им русские подданные, торгующие и промышляющие в составе Российско-Американской компании и под ее флагом». Ежели же на то время не случится г. Гагенмейстера, то поручить сие исполнить другому надежному офицеру, знающему английский язык, на котором и Томари несколько из'ясняется, или в случае неимения такого, то умнейшему из прикащиков компании, и особенно Торопогрицкому, бывшему уже на оных островах, следовательно, знающему тамошние островские обыкновения. По исполнении же сего поручения было бы донесено главному компании правлению с подробностию о чувствах и расположении, с коими король Томари примет сей монаршей отзыв.

2) В рассуждении оказания всей возможной приветливости владетелю Томари, просить г. министра внутренних дел, дабы исходатайствовал у государя императора всемилостивейшее соизволение на пожалование ему при из'явлении вышеизложенного отзыва, золотой медали с надписью «Королю или владетелю Сандвичевых островов Томари, в знак дружбы его к россиянам», которую и вручить ему именем его императорского величества с Анненскою лентою для ношения на шее, также ежели благоугодно будет его величеству, то можно присовокупить к сему знаку и подарок, состоящий в кортике и в кармазинном плаще с золотыми кистями и газом; в прочем совет всеподданнейше предоставляет все сие в монаршее его императорского величества соизволение.

3) Относительно торговых действий Российско-Американской компании с Сандвичевыми островами, чтобы оные производимы были согласно об'явленной высочайшей воли, и чтобы нужные для безопасности торговли приобретения земли на сих островах могли быть поддерживаемы, ежели заключается в них существенная польза по ее видам, предоставить главному компании правлению ныне же, не упуская время к удобному достижению в Охотск и отправлению оттоль в Ново-Архангельск судов, послать к г. Баранову ордер, в коем, сверх предписанного уже ему предварительно от 15 числа сего марта, включить и вышеизложенное совета заключение, а относительно вызова доктора Шеффера подтвердить ему г. Баранову, чтобы он непременно удалил

его с Сандвичевых островов, а на место его к спокойному управлению теми торговыми и хозяйственными производствами, какие уже там к взаимной пользе компании и островитян начаты и впредь без малейшего опасения или прекословия могут быть продолжаемы точно на основании вышеизображенной высочайшей воли, определил другого человека надежного, умного и скромного, и в подробности, каким образом ему поступать, дал бы ему инструкцию, сообразно тому наставлению, которое послано уже на лицо управляющего тамошнею факториею от главного компании правления.

И наконец 4) сие совета постановление в копии представить г. министру внутренних дел от имени главного компании правления.

Подлинный подписали: Иван Вейдемейер, Гаврила Сарычев, Яков Дружинин, Михайла Булдаков, Венедикт Крамер, Андрей Северин и правитель канцелярии Зеленский.

№ 3

Извлечение из представленного Г. Шеффером журнала его пребывания на Сандвичевых островах[1]

Доктор Шеффер, приглашенный главным колоний наших правителем, отправился на Сандвичевы острова, имея главнейшее поручение выручить мирным образом ограбленной груз с разбившегося в начале 1815 года у острова Атувая компанейского брига «Беринга». Сей груз стоил около 100 тыс. рублей, и присвоен островитянами, вопреки желания короля Томари, нынешнего владельца двух токмо островов. В октябре того ж 1815 года приплыл он на американском судне «Изабелле» к самому большому из южных сей купы острову Овайги, на коем жительствует другой король Камегамеа или Томи-Оми[2].

Главный правитель колоний, знав, что сей король Томи-Оми во всем сильнее короля Томари, имеет маленькую флотилию, пушки и войско, хотел чрез него принудить последняго к возвращению ограбленного, ежели бы добровольно не удовлетворил компанию, а потому при почтительном письме своем послал к нему медаль имянем его величества государя императора для ношения на шее на Владимирской ленте, но прежде, нежели мог Шеффер быть на берегу, некоторые американские капитаны или шкипора, бывшие прежде в наших колониях, а потом пришедшие туда со своими судами, а наиболее старой Эбец Гунт[3] Адамс и старой Джон Юнг, давно живущий на сем острове, в качестве губернатора[4] и имеющий великое влияние на короля, успели уже

[1] ЛОЦИА, ф. департ. мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 406, лл. 35—37.

[2] Сей король весьма стар. Он был владетелем небольшой северной части сего острова, но по суровому своему нраву и по алчности к обогащению и грабежу, при помощи поселившихся у него иностранцев, беглых из Новой Голландии, тирански умертвил короля южной половины и прочих королей и их родственников других островов, ныне ему подвластных, а в том числе и короля Дажио, управлявшего островами: Вагу, Мауви, Ранаем, Атуваем и Нигау, также умертвил. Сын его Томари спасся убегом на Атувай, где и остался управлять двумя островами, к северу и далеко от Овайги лежащими. (Примечание в подлиннике).

[3] О дурных поступках сего шкипора Гунта или Ханта, соделанных в нашем Новоархангельском порте, правление компании представили г. управляющему иностранным министерством его сиятельству графу Нессельроде от 26 апреля прошлого 1817 г. для доведения до сведения его императорского величества. (Примечание в подлиннике).

[4] Сей престарелой Юнг, беглой английской матрос с корабля, давно живет на острове Овайги. Злодейскою своею нравственностью приобрел у Томи-Оми великую доверенность. Он достоин был в отечестве своем виселицы за

Томи-Оми и многих лучших островитян уверить, что прибытие его, Шеффера, и ожидаемые им вскоре из Ново-Архангельска суда, суть неприязненные намерения русских, почему письмо с медалью, наперед посланное к Томи-Оми, было не распечатано и возвращено [1].

Когда Шеффер улучил время с'ехать на берег в урочище Кайруа, где Томи-Оми имел тогда жительство, и его уверить в противном о неприязненных внушениях американских капитанов, то сей владелец сделался благосклоннее. Он церемониально и стоя на коленях принял от Шеффера и возложил на себя присланную ему медаль, обещал давать ему провизию, построить для него несколько соломенных домиков для жительства, что и исполнил, а потом, когда Шеффер выпользовал от болезни королеву Кагуману и самого короля от простудной горячки, то и довольно много сблизил себя с ним, но более тем, что попустил ему самовольно брать у него из его гардероба и из компанейского имущества вещи, какие хотел. Его же семейство: королев, шурина и некоторых важных островитян, обещавших убедить короля Томари возвратить компанейский груз, о чем к нему именем Томи-Оми послали сказать, одарил он вещами, за что получил и от них подарки в землях для плантаций на другом острове Вагу и владетельные на них грамоты. В ожидании прибытия из Ново-Архангельска назначенных к Шефферу судов проходило около 6 месяцов, в которое время Шеффер подаренные ему земли на урочище Ваймея, преимущественно же на другом острове Вагу, куда король дозволил ему с'ездить и купить у королевы Кагуманы еще землю под плантаж, осмотрел и нашел их способнейшими к возделыванию для многих предметов, изобильными разными строевыми лесами и сандальным деревом, водою, рыбою, дикими быками и прочим. Он на подаренных землях сделал уже и насаждения многих статей. Между тем северо-американцы с помощью злодея старого Юнга расстраивали короля Томи-Оми и даже довели было до согласия убить его, Шеффера. Может быть, сие и совершилось бы, но ускорившее прибытие компанейского корабля «Открытие», а вскоре за сим и другого «Ильмены», зашедшего туда с берегов Нового Альбиона, не допустило сего сделать.

Оставив заведенные им на Вагу при одной гавани под 21°21' северной широты и 157°58' западной долготы от Гренвича плантации в смотрение промышленного Кичерева, сам отправился на «Открытии» к острову Атувай, где король Томари принял его хоть и дружелюбнейшим образом [2], однакож замечено было в нем некоторое замешательство,

---

злодейское угождение королю в подношении ему мяса младенцев, им убиваемых нарочно тогда, когда жестокий король сей вздумает ловить удою рыбу, которая всего лучше любит наживку человеческого мяса. Ныне он тайным агентом у северо-американцев. Такой же изверг из англинских матросов живет и на Атувае. Он бежал с корабля с прочими товарищами, убив капитана одного. (Примечание в подлиннике.)

[1] Еще в 1809 г., когда корабль компании «Нева», под начальством лейтенанта Гагенмейстера приставал к Овайги, то северо-американские шкипора разносили тогда слух по всем островам, будто русские хотят притти и завладеть оными. Англинской фрегат «Корнвалис» из Ост-Индии нарочно заходил к сим островам узнать, не поселились ли на оных русские. (Примечание в подлиннике.)

[2] Еще в 1806 г., когда компанейский корабль «Нева» под начальством Лисянского, приставал к сему острову, то Томари, умеющий довольно хорошо об'ясняться на англинском языке, просил офицеров наших снабдить его оружием и порохом для защиты против Томи-Оми, когда он нападает на него; однакож в том было ему отказано. Он крайне был прискорбен, когда корабль сей отплыл, ибо тогда слухи носились, что Томи-Оми собрал до 10 тыс. войска и готовился плыть на Атувай. Случившиеся в войске сем болезни и недостаток в продовольствии отвратили сие нападение. Когда сей же корабль вторично в 1809 г. был у сего острова под начальством Гагенмейстера, то

происходившее, как после открылось, от таковых же неприязненных внушений северо-американских шкиперов, каковые сделаны и у Томи-Оми. Он обещал письменными актами заплатить за пограбленное у компании имущество сандальными и благовонными деревьями; вести торг с одними русскими, дать компании под плантаж на вечные времена земли целой губернии, дозволить на Атувае завести фактории, где понадобится, потом пожелал предать себя вечно покровительству его величества государя императора и сие последнее утвердил торжественным образом в виду своего народа, выпросив для сего нарочно с корабля «Открытие» российский флаг, который выставлял он всякий раз у своего дома, также выпросил и мундир морского офицера, который на себя и надел. Сие событие правление компании имело уже счастие довести до сведения вышнего начальства и получило высочайшее его императорского величества соизволение, чтобы компания ограничилась тем благоприятным с сим королем сношением, в каковом находится он с другими независимыми государствами, и действовать к распространению на тех островах торговыми оборотами, поколику оные сообразны будут сему порядку дел. Сверх того, его величество соизволил повелеть королю Томари, за ласковый прием русских, оказать приветливость присланными из кабинета подарками, состоящими в богатых епанче, кортике и золотой медали. Г. Шеффер уверяет, что тот король на приверженность свою к его величеству при торжественном об'явлении пред своим народом даже присягал, положив правую руку на евангелие и крест.

При том благоприязненном расположении короля Томари доктор Шеффер в продолжении 14 месяцев выстроил на Атувае с помощию данных от короля островитян в Вегмейской долине несколько домиков для фактории и завел сады, а для магазина король дал каменное строение; по его же приказанию старшины провинции, в которой гавань Ганнарей, торжественно сдали оную Шефферу с населяющими оную 30 семействами. Он осмотрел сию гавань, реку Вагмею, озера и все местоположение, заложил на трех возвышенностях крепости, назвав одну Александровскою, другую Елисаветинскою и третию именем Барклая, а долину Ганнарейскую по желанию короля наименовал по своему имени Шефферовою, равно и прочие урочища, речки, озера и людей переименовал он русскими именами. К строению оных крепостей король давал своих людей. Сия провинция изобильна малыми речками, богатыми рыбами, поля, горы и вообще местоположение пленительное, почва же земли благонадежнейшая к насаждению винограда, хлопчатой бумаги, сахарного тростника, которых он несколько и рассадил, заводя сады и огороды для многих нежных плодов. Урожай оных удостоверил Шеффера о великой пользе, которую сие место и вообще все острова приносить могут России, и даже вычислил интерес из того урожая, который он видел от своего насаждения. А как сие сделал он более умозрительно, где и по какой цене можно сбывать, то самую вероятность можно полагать хотя четвертою долею менее исчисленных им выгод, то и тогда довольно значительная польза может быть, включая тут сандальные и благовонное дерево, для которого можно начать и особенное лесоводство.

Между тем как Шеффер упражнялся в Ганнарее, прибыла к Атуваю иностранная несколько военная шкуна, «Леди», которую Шеффер по желанию короля купил для него и отдал ему, но платеж за оную должен быть со стороны компании, которая за то должна получить

* Томари из'являл великое желание допустить поселиться у него людям, кои бы могли защищать его против мстительного Томи-Оми. (Примечание в подлиннике.)

возмездие сандальным деревом, которое, по уверению короля, было почти уже готово. Сия шкуна, по желанию Шеффера, посылана была на остров Вагу осведомиться, в каком состоянии находится тамошняя фактория. По возвращении ее возвратились и все те компанейские люди, кои там были для насаждения, ибо индейцы, по наущению изверга Джона Юнга и других северо-американцев, требовали удаления и угрожали убийством. Таким образом кончилась наша фактория на Вагу, и подаренные и проданные семейством Томи-Оми земли обратились во власть прежних владельцев.

А как старой Юнг и северо-американцы не удовольствовались уничтожением сей фактории, но желали, чтоб уничтожить и русских выгнать из Атувая, конечно, из боязни, чтоб король Томари, приобретший себе военное судно, при помощи наших людей, не сделался сильным, то и в сем они успели. Они не один раз покушались сорвать выставленный у дома Томари русский флаг, до чего однако ж он не допускал, но наконец, по сильному убеждению сих злодеев, с 8 маия 1817 года открыл он неприязненное расположение, угрожающее Шефферу и всем нашим людям потерянием жизни. Выставленный на место российского другой флаг, на коем означались пушечные ядра, то ясно об'яснял.

Наконец потребовано, чтоб все русские удалились на свое судно, с которого уже никого на берег не пускали и всякое сношение воспрещено, почему Шеффер решился удалиться. Сам на иностранном судне отплыл в Кантон, чтоб скорее достигнуть сюда и донести о всех событиях, а судно «Открытие» с людьми отправил в нашу Новоархангельскую колонию. Следовательно ни за прежде пограбленное и за то, что раздарено было вновь и по конвенциям торговым назначено получить сандальным деревом, всего на все около 200 т. руб. осталось присвоенным королем Томари. А как сверх судна «Открытия» прибыло из Ново-Архангельска на остров Вагу и другое судно «Кадьяк», но по сделавшейся в нем великой течи и гнилости исправить оного было не можно, то и сие судно осталось также брошенным на берегу и будет гнить или дикие разломают и разграбят.

Правитель канцелярии надворный советник Зеленский.

Записка, представленная г. Шеффером Александру I, о выгодах, приобретаемых Россией в случае ее укрепления на Сандвичевых островах, февраль 1819 г.[1] № 4

Сандвичевы острова, находящиеся на Тихом океане между 19 и 22 градусами северной широты и около 160 западной долготы, достойны обратить на себя внимание России. Жители сих островов, по преданию, рассказывают, что несколько тому веков назад пристали к острову Мауви иноземцы; по суеверию сочли их за богов, и народ признал их своими главами; потомки сих пришельцев и поныне пользуются верховною властью и отличными преимуществами не на одном Мауви, но и на прочих островах. Они различаются от коренных станом тела, видом лица, горбоватым носом и, кажется, означают тем гишпанское свое происхождение. По сказаниям, архипелаг сей состоит из 13 островов, а главнейшие из них называются: Овайги, Мауви, Ранаи, Маранай, Вагу и Атувай.

В отношении выгод физических

Самый большой и весьма плодоносный из них есть Овайги. Он изобилен сандальным лесом и горючею серою, на западной оного стороне

[1] ЛОЦИА, ф. департ. мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 406, лл. 1—6.

находится пристань, к которой с надежностию приставать могут суда в 300 и 400 бочек. Мауви также плодоносен, но пристани не имеет. Вагу и Атувай суть самые из них плодоноснейшие и также имеют пристани спокойные и надежные для военных судов. На Мауви, Вагу и Атувае находятся в изобили жизненные потребности: соль и великое множество рыб, на них ловятся морские сайги, жемчуг и жемчужные раковины. По царству животных имеются лошади, быки, овцы, козы, дикие гуси, морские и лесные кулики и можно развести и пчел. По царству ископаемому: сера горючая, соль, мыльная глина и известковая земля. По царству растений: корень тары, ялиса, индейское пшено, пашаты, бобы, капуста, салат, лук, брюква, морковь, дыни, арбузы, тыквы, кокосовы орехи, перец, инбирь, земляника, малина, ананасы, лимоны, апельсины, бананы, плоды дынного дерева, хлеб древесный, виноград, табак, сахарный тростник чрезвычайной толщины и пр.

Посредством сих естественных богатств европейская промышленность доставать может величайшие выгоды. Я обрабатывал рейнской меры десятину земли, на оной три раза в год снял индейское пшено и в год получил 540 пудов оного, а с посаженного виноградника после 9 месяцев получил виноград.

Не сомневаюсь, что таковой же имел бы успех и в насаждениях гвоздики, мускатных орехов, корицы, кашенили, ванили, индиго, хины, опиума, шелковичного дерева для разведения шелковых червей, кофею, какао и, словом, всяких пряных и лечебных растений, которые с удобностию прозябают между тропиками.

Опыт, учиненной мною с хлопчатою бумагою, весьма замечателен. На пространстве 10 квадратных сажен, я собрал в год 5 пудов чистой бумаги, то-есть, совершенно очищенной от семян. 3¾ пуда составляют пино китайского веса, а пино бумаги доброты, каковая мною была получена, продается во всякое время в Кантоне и не меньше как 18 до 20-ти гишпанских пиастров. Следственно десятина земли доставлять может в год более 1 000 фунтов, или 8 китайских пинов бумаги, стоящих по меньшей мере 160 пиастров. Ежели же употребить на разведение хлопчатой бумаги все те земли на сих островах, кои к сему удобны, то можно будет одною сею промышленностию приобретать от 4 до 5 миллионов пиастров в год.

В отношении выгод торговли

На сих островах 30 или 40 лет как заведен меновый торг и наиболее производим американцами, которые в обмен за с'естные припасы и сандальное дерево дают островитянам пушки, купеческие суда, огнестрельные орудия, пули, ядры, порох, железные изделия и пр. Промен сей делают они, едучи к северозападному берегу и на возвратном пути. Сим торгом наиболее пользуется владетель острова Овайги. В 1817 прибыло с английским флагом судно, прозванное «Кагуману» и именовавшееся прежде «Форестер», для произведения торга на счет сего владетеля, которое и нагружено было сандалом и назначено в Кантон, но поелику англинским коммерческим советом, в Китае находящимся, запрещено было таковое употребление флага, и судовщик Адамс, не получив позволения подняться вверх реки, то весь сей груз был признан контрабандою и распродан. Таким образом предприятие сие имело неудачу и без сомнения имело бы щастливейший успех, естли б предпринято было под защитою другого правительства, которое своим старанием умело бы обогатить сии острова произведениями чужеземными и теплому климату свойственными. Известно, сколько можно приобре-

тать от хлопчатой бумаги. Жизненные потребности почти ничего не стоят. Климат для мануфактур удобен. Надлежит токмо вызвать из Бенгала несколько фабрикантов, и тогда значительная часть россиян могут быть одетыми бумажным изделием. Выгоды очевидные. Можно развести тутовые деревья и пригласить для поселения китайцов для выделки шелку и шелковых тканей, и в сем выгода явная; также от исправления овец мериносами выделываться может добротное сукно, и до сего исправления можно из тамошней шерсти, выделываемой толстыми сукнами, по окрашении их в синий или черный цвет, одевать жителей северозападного берега или служить им вместо одеял. Можно завести фабрики для выделки сахару, ибо начальный материал там имеется. Из корня Ти выгоняется горячее вино, а чтоб споспешествовать всем сим выгодам, потребно снабжать островитян токмо железом, которого столько в России. Для доставления же вящей им значительности надлежит завести у них фабрики, и тогда сии острова претворятся в драгоценное сокровище, которое доставлять будет российским заведениям, на Тихом океане и на американском берегу устроенным, безопасность, и благоденствие.

В отношении политическом

Доставление надлежащего покровительства российским заморским владениям зависит от приобретения надежного места в южном море. Усилие, для сего Россиею сделанное, от зависти не удалось. Тама-амага или просто Тама-гами или Тамиами, владетель острова Овайги, и иностранцы, боясь лишиться собственных выгод, опасались, чтоб на сих островах не завелся бы владетель российской на острове Атувае. Первый боялся, потому, что лишится плода, приобретенного им убийством законного своего государя, завладением верховной себе власти на Овайге с принадлежностями и надежды присвоить себе также и Атувай с принадлежащими к нему землями, а последние, то-есть иностранцы, не хотели лишиться торга, которым они одни без совместничества пользуются на сих островах. Тама-амага уступил в лице капитана Ванкувера 23 февраля 1794 г. все права свои на остров Овайги великобританскому королю, но Сент-Джемский кабинет не искал сим воспользоваться, как то видно по письмам, отправленным из Лондона 1812 г. за подписанием лордов Ливерпуля и Батурста и чрез новую Голландию дошедшим на остров Овайги в декабре 1816.

Можно надеяться, что Россия в таковом же случае не так поступит и что приступит в самоскорейшем времени к деятельнейшим мерам, дабы воспользоваться данными ей правами на острова Атувай. Владетель сего острова просил о покровительстве, ему пожалован флаг российский, который он видел на крепости поставленной и которой он сам помогал россиянам построить на время более годового, он уступил за товары и за судно, от меня ему выданные Американско-Российской компании между прочими землями Ганнарею с ее пристанью и весь сандальный лес на Атувае растущий, но смущаемый Тама-амагой и его приверженцами Томари не сдержал ни одного из своих обязательств. Владетель подвластный осмелился учинить оскорбление российскому флагу, угрожать смертию поверенному Американской нашей компании и принудить его искать спасения на американском корабле, на котором прибыл в Макао в Китай.

Должна ли Россия стараться вступить вновь в то владение? Сего требует и честь и польза ее. Ей должно занять Атувай со всеми прочими островами. Она на сие имеет право. Томари ее подвластный, а Тама-амага — враг России. Занятием Сандвичевых островов Россия

обеспечивает себе возможность производить ей одной торг мехами на северо-западном берегу и воспрепятствует американцам оным пользоваться, но как сии острова, так и заведения России и торговля ее без оных будут для ней потеряны в сих странах света. Тама-амага и Томари повелевают на всех сих островах, жителей же на оных не более 100 000. Я уверен, что его императорское величество не пожелает для сего употребить недостаточных мер, но повелит с деятельностию все острова сии занять, разом, с такою воинскою силою, которая достаточна будет как для сбережения их за собою, так и для внушения уважения. Сим способом враги будут во страхе и приверженные в безопасности. Для произведения сего в действие потребно токмо два фрегата и несколько транспортных судов. Издержки за сие будут одним годом вознаграждены от произведений особенно же сандалом, растущим на Атувае, Ваге и Овайге, который скоро и верно распродается в Кантоне. В сие место на судах, в Атувае построенных, посылается сандал и на сем же острове имеется годный для судов лес. Тогда появится в Кантоне флаг российской.

Я на исполнение сего надеюсь, также полагается на сие и г. Льюнгстед, агент шведской компании, который меня уверил, что ежели до сего времени не было позволено приставать в Кантон с российским флагом, то сие делано было ухищрениями других наций.

Для поддержания своего политического веса в Англии России нужны Сандвичевы острова. В скором времени европейские государи сознают о необходимости потребной для восстановления равновесия в сей части света, где от 30 до 40 миллионов обывателей богатством своим угрожают Европе и споспешествуют распространению в Азии владычества чужеземного. Кто может остановить таковое честолюбие и кто бы не захотел пользоваться прибыльною торговлею?

Из Сандвичевых островов Россия возможет предла[га]ть свои союзы Китаю, Японии, Лиукейре и американским владениям, от гишпанского ига освобожденным, возможет вспомоществовать Филиппинским островам, Тимору, Яве, Гое и между тем произведения из Сандвичевых островов, равно как и российские, и их промышленность в сих странах распространяться.

Неудовольствия жителей на островах Овайги, Мауви, Ранае, Маранае и Ваге от нынешнего их правления достигли до вышней степени.

Народ находится в крайней скудости, угнетении и страхе от своего похитителя. Сей нещастный народ, будучи без защиты, с упалым духом оставил уже и надежду на получение лутчаго правления и сносит всевозможные бедствия до того даже, что из его выбираются жертвы, приносимые идолам, вместо диких зверей.

Единственная им надежда остается та, что когда-нибудь могут быть они освобождены от сего ужасного ига какою ни есть европейскою державою. Они меня часто просили, чтоб я исходатайствовал от его императорского величества им избавления от их тирана и чтоб взяты были они под его власть и что будут довольны и тем, когда им для пропитания оставлено будет позволение рассаживать в полях тару. Не взирая на короткое мое пребывание на острове Вагу, я успел приобресть совершенное сведение, в каком здесь все находится состоянии.

Пристань Ганнеруа на острове Вагу лежит под 21° 58″ 40″ северной широты и 157° 58′ западной долготою от Гренвича. Справка по компасу в открытом море — 8¾ широты морской, а вышней пролив при полнолунии спустя 2 мин. 20 сек. — в 7 футов. Остров Вагу может сделаться счастливейшею страною под благоразумным человеколюбивым и кротким правлением, ибо плодоносная на них земля в изобилии приносит все, что для человеческой жизни потребно, даже и для роскоши.

В сей стране произрастает хлеб на дереве и на земле всякого рода плоды в величайшем изобилии. В лесах множество дичи и реках рыбы. Поветренные или заразительные болезни (бичи для человечества) вовсе неизвестны, даже и самая оспа. Не находится там никаких ядовитых гад, ни хищных зверей, опасных для человека. Но нещастные жители такой земли стонут в ужаснейшей неволе. Токмо под скипетром государя, подобного Александру, столь же великом, сколь и великодушном, могут произвести здесь мануфактуры, и бедные жители наслаждаться плодами трудов своих, а надлежащими и деятельными мерами можно достигнуть сей цели без пролития капли крови. Я обязанностию почту произвести в действие сие предприятие и покорить вашему императорскому величеству все сии Сандвичевы острова, буде благоволите мне оное поверить, и, хотя я и не воинского звания, однако ж оружие мне довольно известно, и притом имею столько опытности и мужества, чтобы отважить мою жизнь для блага человечества и пользы России, которую я почитаю отечеством. Для удобнейшего сего завоевания я привез с собою двух человек, которым все места сих островов совершенно известны и которые знают индейской язык. Один из них глава острова Уналашки, России покоренного: его отец доставил уже России весьма знатные услуги и в разных случаях доказал свою к ней приверженность. Сын его, который теперь со мною, вызывается в случае надобности доставить несколько тысяч людей. Другой из них — солдат российской, служащий Российско-Американской компании, человек предприимчивой, беспримерной храбрости и который много времени жил на сих островах и потому знает все места, где можно приставать и делать нечаянные нападения.

Я бы мог обо всем представляемом сообщить дальнейшие подробности, но воздерживаюсь, дабы не увлекать драгоценного времени от вашего императорского величества, и я почту себя счастливым, ежели короткое сие описание удостоено будет вашего одобрения и послужит залогом моих желаний о благоденствии империи вашего величества и благе человечества.

Георг Шеффер.

Замечания департамента мануфактур и внутренней торговли на отдельные пункты записки г. Шеффера, февраль 1819 г.[1] №5

Содержание 1 пункта	Замечания
1. Сандвичевы острова лежат на Тихом океане между 19 и 22 град. северной широты и около 160 град. восточной долготы.	1. Географическое положение широты и долготы оных согласуется с новейшею географиею Мальт Брюна.
2. Островитяне рассказывают по преданиям, что иностранцы их посещают с давняго времяни, вера у них идолопоклонническая, иногда по обрядам своим приносят в жертву идолам людей.	2. Мальт-Брюнь рассказывает также согласно с г. Шеффером, что островитяне идолопоклонники и приносят иногда в жертву людей.
3. Архипелаг сей состоит из 13 островов, из коих главные называются Owahi, Mauwi, Rany, Maronay, Vahon et Attovay.	3. На карте помянутого географа острова сии названы Owhyhi, Mowi, Ranno, Marotoy, Oniheow и Necker, но число их верно не означено.

[1] ЛОЦИА, ф. департ. мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 406, лл. 16—20.

Физические сведения

1. Остров Овайги есть самый больший из прочих островов, изобилует сандальным деревом и серною землею. Имеет купеческую гавань. Остров Мауви изобилен, но не имеет гавани. Вагу и Атувай самые плодоносные и сей последний имеет удобный и верный порт для военных кораблей.

2. Острова Мауви, Вагу и Атувай изобилуют солью, рыбною ловлею и жемчужными промыслами.

3. Из царства произрастений на островах сих находится корень таро, маи или индейской хлеб, перец, инбирь, банановое и хлебное деревья, сахарный тростник, виноградные лозы и прочие огородные растения.

4. Хлопчатая бумага родится там в великом изобилии и по сделанному опыту на пространстве 10 сажен собрано было $3^1/_2$ пуда чистой бумаги, ежели же засеять оную по всем островам, то считать можно будет от того ежегодной продажи на 4 или 5 миллионов пиястров, отвозя товар сей в Китай и Японию. Разведение саго (индейской хлеб) и винограда было сделано так же с великим успехом.

5. Излагается счастливый успех в разведении на сих островах гвоздики, мускатных орехов, корицы, кашенили, ванели, индиго, опиуму, шелковичных деревьев, кофею и всех прочих пряностей.

Торговые сведения

1. Островитяне сии производят меновую торговлю с американцами, которые привозят на Сандвичевы острова пушки, огнестрельные оружия, ядра, пули и порох, а выменивают сандальное дерево и съестные припасы.

2. Владетель острова Овайги более прочих пользуется таковою торговлею. В 1817 году прибыл с его

Физические сведения

1. Вообще известно, что Сандвичевы острова изобилуют только сандальным и красным деревом; что же касается до находящегося на острове Атувай порта, к коему бы могли приставать и военные корабли, то о сем еще нет достоверного сведения.

2. Жемчужные ловли на сих островах также не были известны.

3. Весьма быть может, что все растения счастливого климата могут родиться и на сих островах, лежащих под тропиками.

4. Ежели и действительно справедливо, что там хлопчатая бумага родится изобильно, то остается вопрос, кем ее обрабатывать с выгодою и куда сбывать без непосредственной торговли с Японией и Китаем.

5. Предположение о успешном разведении пряностей не есть также благонадежно, ибо растения оных требуют великих забот, трудов, времяни и издержек. Выкладка, сделанная на счет хлопчатой бумаги, и величайших от того доходов, не имеет также основательного ручательства.

Торговые сведения

1. Видно, что меновая торговля сих островитян находится в руках американцов, которые как их соседи сильные на море, всякую другую державу, не имеющую в тех морях флоту, к сей связи не охотно допустят.

2. Продажа в 1817 году корабельного груза, принадлежащего владельцу острова Овайги в Кан-

грузом (состоящим из сандала) корабль под англинским флагом для продажи в Кантон, но англинский коммерческий совет не только сему воспрепятствовал, но и запретил строго на таковые случаи употребление флага своей нации, груз продал яко контрабанду и тем совершенно уничтожено начало сей торговли.

3. Климат Сандвичевых островов благоприятствует к заведению там мануфактур, а потому предполагается, принять только меры выписать из Бенгал фабрикантов, в надежде что будущая хлопчатая бумага доставит изделия для половины России, от чего и выгоды представлены не маловажными. При сем еще предполагается завести шелковичные деревья, вызвать из Китая работников, которые бы занялись воспитанием шелковичного червя и впоследствии учредить шелковые фабрики, наконец по разведении мериносов, Шеффер надеется выделывать хорошее сукно и даже со временем устроить сахарную фабрику.

Политические сведения

1. Сандвичевы острова послужить могут пунктом усиления владения наших на тамошних морях.

2. Тама-ама в 1794 году предлагал остров свой Овайги и свои права чрез капитана Ванкувера подданству Великобритании, но Сент-Джемский кабинет не принял оного, как видно из лондонских писем 1812 года подписанных лордами Ливерпулем и Батурстом.

3. Шеффер надеется, что российский двор примет решительные и скорые меры, чтобы завладеть островом Атуваем, где был

тоне, яко контрабандного, по настоянию английского коммерческого совета, находящегося в Китае, некоторым образом показывает, можем ли и мы за будущую нашу хлопчатую бумагу выручать англинские и китайские деньги.

3. Климат нужен не для заведения мануфактур, но для заведения плантации. Мудрено будет устроить правительству мануфактуры на островах, в другом полушарии находящихся, которые от ближайших русских владений то-есть, Алеутских островов находятся почти за 2 000 верст, сии последние от Санкт-Петербурга за 12 000 вер., следовательно, распоряжения по управлению сему будут насылаться за 14 000 вер.

Политические сведения

1. Покушение о занятии острова Атувая, коего владелец и сам на то был согласен, судами Российско-Американской компании было весьма неуспешно и послужило только к раззорению там заведенной Российско-Американской фактории и потери некоторого компанейского имущества.

2. Конечно, были достаточные политические причины и для англинского кабинета не принять в свое владение обладателя острова Овайги.

3. В феврале месяце прошлого 1818 года управляющий министерством иностранных дел, граф Карл Васильевич Нессельрод, уве-

уже русский флаг, по завладении коим, может взять и прочие острова, и основать там власть свою и чрез то иметь исключительную торговлю пушными товарами.

Число жителей на сих островах простирается до 100 тысяч человек, для охранения коих надлежит иметь достаточные военные силы, впрочем Шеффер думает, что два военные фрегата и несколько транспортов могут завоевать их. Издержки сего предприятия оплатятся продуктами первого года и особенно сандальным деревом и русский флаг окажется с благонадежностию и в самом Кантоне.

Чтобы утвердить политическое равновесие в Азии, Россия имеет надобность в Сандвичевых островах, по завладении коими предложить может дружбу свою Китаю, Японии, американским колониям, освободившимся от ига испанцев, как равномерно и покровительство островам Филиппинским и прочим народам.

4. Угнетение, в котором находятся жители островов Овайги, Мауви, Ранае, Ваге и пр., подает верную надежду к освобождению их из сего ужасного ига; Шефферу поручено испросить у его императорского величества о том, что бы взяты были острова сии во владение России.

5. Под скипетром великодушного монарха островитяне сии могут наслаждаться благоденствием, основать мануфактуры и производить торговлю. Скорые и верные меры доведут до сей цели без пролития крови. Ежели его императорскому величеству угодно будет доверить Шефферу завоевание Сандвичевых островов, то он надеется, несмотря на то, что не находится в воинском звании, исполнить сие с успехом, а чтобы с большею достоверностию произвесть таковое завоевание, то он привез с собою двух человек, имеющих подробные сведомил г. министра внутренних дел, что государь император изволит полагать, что приобретение двух Сандвичевых островов и добровольное поступление владельца оных Томари в его покровительство не только не может принесть России существенной пользы, но напротив, во многих отношениях сопряжено с весьма важными неудобствами, а потому его величеству угодно, чтобы с королем Томари ограничиться только постановлением благоприязненных сношений, в каковых он находится с другими независимыми государствами и действовать к распространению с Сандвичевыми островами торговых оборотов Российско-Американской компании, поколику они нужны будут, присовокупляя притом, что полученные донесения от доктора Шеффера доказывают необдуманные поступки его, подавшие уже повод к некоторым неблагоприятным заключениям.

4. Предположение о завоевании сих островов, опровергается вышеизъясненною волею его императорского величества.

5. Сей пункт заключает нескромное о себе мнение доктора Шеффера и по неосновательной его надежде на двух его помощников, тайона острова Уналашки и компанейского солдата, не заслуживает опровержения.

дения о географическом положении и языке сих островов. Один из них тайон острова Уналашки, готовый доставить несколько тысяч человек к услугам России, а другой солдат Российско-Американской компании, отличной храбрости.

Нач. От. Павел Острогорский.

Добавление, представленное Шеффером к записке, поданной им Александру I, 2 марта 1819 г.[1]

Если б потребно было знать, полезны ли для государства торговля Российско-Американской компании и самая сия компания или нет, то запрос сей разрешился бы сам собою тем, что торговлею сей компании за меховой американский товар приобретаются большие прибытки и еще больших оная ожидать может впоследствии времени от благоприятных случаев, самим временем доставляемых. И обстоятельства нынешние, как я о том из'яснил в моей записке, не могут быть благоприятнее, чтоб торговле сей доставить самым деятельнейшим средством прочное, надежное и благоуспешное распространение в сей части света, как самой торговле, как и колониям ее, занятием Сандвичевых островов. Без сего средства мы лишимся колониальных наших владений на северозападном береге Америки, и в скорости завладеют оными американцы Соединенных Штатов. С другой стороны, англичане ежегодно продолжают распространять свои владения в Азии, и Россия вскоре найдется принужденною прибегнуть к насильственным мерам, чтоб удерживать [выгоды], доставляемые ей ныне торговлею с Китаем, Америкою и иными частями в Азии. Американцы Соединенных Штатов под разными предлогами давно уже тем только и занимаются, чтоб нам учинять всякие препятствия в наших предприятиях в сей части света, употребляют даже для сего ложные донесения и разглашения, как-то якобы мы с ними находимся в войне и по сему вынуждены будем оставить Сандвичевы острова. Гражданин Бульфинк в Бостоне обнародовал ложь, что большая часть занимаемых Российскою компаниею в Америке селений уже учинилась его с товарищами собственностию. Они хитрят против нас в Китае, и об'явление 5 декабря сего 1818 их военным секретарем Колгуном публикованное, не оставляет ни малейшего сомнения в намерении их, чтоб уничтожить нашу торговлю между Азиею и Америкою. Зная сие их недоброжелательство, мы с г.-м. лейтенантом Подушкиным, руководствовались в торговых наших сношениях на Сандвичевых островах всякими благоразумными средствами, дружественно и условливаясь во всем непринужденно с островитянами. Англичане отказали в покровительстве, просимом владетелем Тама-амагою на острове Оваге — все же острова сии были открыты гишпанцами, которые никогда ими не занимались. Владетель же Томари на островах Атувае, Нигае и др. добровольно сам согласился быть зависящим от России и, конечно, не европейцы имеют право сими островами располагать, но сами островитяне. Стоит токмо взглянуть на карту, чтоб усмотреть все те

[1] ЛОЦИА, ф. департ. мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 406, лл. 24—25. Печатается по переводу с немецкого.

выгоды, каковых Россия ожидать может от обладания сими островами, но надлежит сие предприятие совершить в наискорейшем времени, ибо спустя с год в промедлении, уже будет поздно. При сем и то, что единственно от владения сими островами Россия сделается независимою по многим предметам, за которые платит иноземцам знатные суммы и каковые ей доставлять могут сии острова, как-то: сахар, кофе, пряности, лекарственные растения, красильные и прочие статьи, учинившиеся необходимыми для всех почти народов в свете. К тому же ни на Курильских островах, ни в Камчатке, ни в Охотске, ни на Алеутских островах и ни на наших берегах северозападной Америки не имеется ни соли, ни хлеба, а острова Сандвичевы изобилуют оными и по тому сими важными предметами споспешествовать могут ко благоденствию обывателей сих мест.

Георг Шеффер[1].

Записка главного правления Российско-Американской компании по вопросу о присоединении к России Сандвичевых островов, представленная в департамент мануфактур и внутренней торговли 18 марта 1819 г.[2]

Нельзя отвергать той великой пользы не для одной Российско-американской компании, но вообще для России, каковую может приносить обладание тропическими Сандвичевскими островами, или хотя одним из них. Благорастворенный воздух, неимение эпидемических болезней и опасных хищных животных, изобилие кокосовых и хлебных деревьев, хлебного плода тары, сладкого корня та-ги, из коего делается ром, дикого табаку, инбирю, кассии, красильной вохры, орехов кукусе, употребляемых в медицине, жемчугу, сандального и душистого дерева, из коих последнее любят китайцы для своих идолов, разного строевого лесу, в том числе есть род бакаута, соли, диких быков, свиней, растения, из коего делают веревки, также первоначальный опыт доктора Шеффера, показавший на возделанных и посеянных им землях, кои подарены и куплены были на Вагу и Атувае, что хорошо родятся: маис, сахарный тростник, бананы, виноград, померанцы, лимоны, табак, хлопчатая бумага, пшеница, все огородные овощи, и даже деликатные плоды — дыни, арбузы, ананасы; довольство рек, речек и озер, изобильных рыбами, некоторых островов хорошие пристанища, из коих на Атувае гавань Ганнареа может допускать суда довольно хорошей величины, — словом, все сие, вместе взятое, токмо в первоначальном обозрении, а не в том смысле, что может еще добавить к тому полезного новые опыты учреждения, попечительность и труды, составляют вероятнейшее соображение, что все вышеимянованные статьи дадут, несомненно, великие выгоды для торговли и довольствия, как северозападных наших колоний, так и Камчатки и Охотска, где жизненные припасы и соль необходимо нужны и оными со временем можно снабдевать оба сии края с изобилием. Одно отдохновение при сих райских островах идущим кругом света кораблям, которого нигде инде с лучшею благонадежностию в здоровье людей, в запасении продовольствия и совершенном покое иметь не нужно, делает уже бесценным обладание оных. Обогнув мыс Горн и идя к экватору, можно отдыхать токмо при Перуанских берегах, но смутные тамошние обстоятельства, подверженные, может быть, на долго мятежам, да и вообще тамошнее испанское пра-

[1] Помета: «Перевод верен. Пальмов».

[2] ЛОЦИА, ф. департ. мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., д. № 406, лл. 29—34.

вительство, неблагоприятствующее торговле иностранцев, весьма стеснительно для них, чего при Сандвичевых островах иметь уже неможно, даже и тогда, когда бы оные не были россиискими.

Теперь предложат вопрос: по какому праву можно обладать сими островами. Ответ состоит в следующем:

а) Сии острова в первой раз открыты испанцами, ибо английский адмирал Ансон в начале минувшего столетия, когда полонил испанский галион, на пути из Акапулки в Маниллу, нашел между прочими бумагами карту, на которой в параллели 18° и 23° северной широты означены были оные острова. Вероятность сего подтверждается и тем еще, что они высочайшую на острове Овайги гору назвали по своему (La meza), что значит стол, ибо вершина сей горы и от самих диких называется Моуна-Роа, т. е. столовая. Но гишпанцы ни прежде, ни тогда, ни после не имели на них ни малейшего влияния.

б) В том же минувшем столетии приставал к ним известный англинский капитан Кук, но ни он не об'явил их принадлежностью своего отечества, ни англинское правительство не сделало своего на них притязания.

в) После Кука приставал к сим островам англинской же капитан Ванкувер, который оные описал. Он думал по уважению тому, что как отечество его всегда старается искусною манерою приобретать значительные места, положить начало обладания теми островами в пользу Великобритании и для того не только назвал купу оных, в честь мецената своего лорда Сандвича Сандвичевскими, но и внес в журнал свой, будто нынешний обладатель оных Томи-Оми об'явил себя вассалом Англии, однако ж великобританское правительство также не сделало до ныне никакого шагу к присвоению себе оных. Хотя на них живет несколько человек беглых из Новой Голландии англинских матросов, в числе которых давно уже поселился на Овайги такой же беглец зверонравный англинский матрос Джон Юнг, но все они не от правительства посланы, и занимаемые ими земли приобрели покупкою. Что сии острова Англия не почитает своею принадлежностью, видно из писем, присланных к королю Томи-Оми в 1812 году из Лондона от лордов Ливерпуля и Батурста, в коих уведомляли его именем принца-регента, что предписано всем командирам британского флота маленькое мореходное суденышко, принадлежащее сему королю, признавать за его собственность, так же и другое еще небольшое судно, желаемое им иметь, велено построить в Новой Голландии и к нему оное прислать. Сии письма в копии читал доктор Шеффер у англинского консула Вилькокса, пребывающего в Кантоне, чрез которого оригиналы доставлены к Томи-Оми.

г) Северо-американских Штатов шкиперы, отправляющиеся к нашим северозападным берегам, на пути своем всегда пристают на оные острова для освежения и подкрепления своего провизиею, равно и назад идучи или в Кантон, с приобретенными в наших колониях тайною торговлею пушными мехами, также пристают к оным для отдохновения, или для покупки у помянутых королей сандального и душистого дерева, которое, как выше об'яснено, очень любят китайцы. Но и сия нация никакого к обладанию сими островами предположения не сделала.

Следовательно остаются оные ни от кого независимыми. По сему поводу и уважая великую пользу, какую можно извлечь для России, особенно же для наших северозападных колоний, камчатского и охотского краев от изобилия тех островов и благоприятствующей почвы земли, доктор Шеффер, узнав желание королей Томи-Оми и Томари допустить русских людей к поселению и заведению факторий и плантажей, сделал к тому первый шаг; но зависть северо-американских шки-

перов и боязнь, что при водворении тамо русских они долженствуют весьма ограничить свои выгоды, особенно же облаготворенный ими престарелый, достойной презрения матрос Джон Юнг, имеющий большое влияние на короля Томи-Оми, человека бесхарактерного, дикого, злонравного, жадного к богатству и грабежу, деспота над своими однородцами, им притесненными до высочайшей степени, расстроили начатое тамо русских водворение.

Правлению компании известно, что северо-американские коммерсанты в Нью-Йорке и Бостоне, отправляющие корабли свои к нашим северо-западным в Америке колониям, и вообще в Южное и Тихое моря, всегда избирают в шкиперы людей, самых бесчестных; ибо от честных не надеются иметь выгод. Сии снабжают себя экипажами из людей такого же сорта, как сами. Ежели сии убегут от них, они берут индейцов или сманивают с других судов. Для них нет ничего святого, кроме приобретения корысти, каким бы то не было образом. Вероятно, что и самое правительство их не знает ни про действия их, ни об них самих. В случае надобности употребляют они чужие флаги и готовы выдавать себя за принадлежащих тем нациям. От такого сорта людей чего можно ожидать? Кроме описанного случая на Сандвичевых островах, они и в самых колониях наших довольно оказали наглостей и злонамерений, о коих правление компании в разные времена доводило до сведения вышняго правительства, которое препоручило, находившимся в Филадельфии российским резидентам Дашкову и графу Палену внушить тамошнему республиканскому правительству, но не получили ниже удовлетворительных ответов; они же об'яснились довольно подробно на щет плавающих в Южном и Тихом морях шкиперах оной нации.

Принимая в уважение, что расстройка заведенных Российско-Американскою компаниею на островах Вагу, Атувае и Нигау факторий и возделанных насаждений, от которых в самом начале и при малых токмо опытах можно было ожидать изрядных польз, последовала токмо от самовольных неприязненных внушений и интриг вышеупомянутых северо-американских шкиперов, и особенно от старого Эбеца Гунта (о поступках которого в нашей Новоархангельской колонии правление компании доводило до сведения управляющего иностранным министерством от 26 апреля 1817 года), Адама и старого Джона Юнга, которые для корысти своей внушили обоим неблаговоспитанным и в первобытном состоянии человека живущим королям, презрение и к самим англичанам, которых они называют своими рабами; то легко надеяться можно, что при вторичном покушении завести с королем Томари торговые связи, основанные на ласке и благоприятстве, будут иметь успех и на самое прочное водворение, для которого уже не для права сильного, как доктор Шеффер предполагает, можно назначить два судна в транспорт и одно для прикрытия и до ста человек русских промышленных, из коих половина была бы в гарнизоне, а другая трудилась над насаждениями и разными заведениями, распространяющими безопасность, пользу и выгоду. Между тем, как все сие будет допущено, промышленные заведут родственные связи с островитянами, и, может быть, удастся им внушить и святость христианской религии, укрощающей зверские нравы. Словом теми же кроткими правилами, коими компания достигла тишины и спокойствия на островах Уналашке и во многих других местах — и ныне оными руководствуется, — не безнадежно достигнуть до желаемой цели. Прикрытие вооруженного судна, а особливо, ежели предназначенным государем императором к отправлению кругом света в каждый год по одному казенным военным судам, повелено будет заходить туда же для необходимых релашей и обозре-

вать действия наши, то, кажется, можно быть уверенными в совершенном успехе и в прекращении интриг неприязненных шкиперов, которые действуют отнюдь не по воле своего правительства, и которым можно дать то заметить. Повод же к сему есть самый благоприятнейший и именно доставление королю Томари всемилостивейше пожалованных в подарок вещей, получение которых и обязанность, врученная им самим доктору Шефферу на преданность его государю императору, должны убедить его в пользу русских. Между тем, может быть, престарелых короля Томи-Оми и Джон Юнга нет уже на свете, следовательно, и обстоятельства должны перемениться и сделать лучше для короля Томари, а тогда целить можно о заведении связей и на других островах — может быть, удастся и купить один которой-либо остров, которого и довольно будет для пользы и видов компании. Впрочем все сие предается на благосоизволение его величества государя императора, пекущегося о пользе своих подданных.

Что принадлежит до доктора Шеффера, берущагося исполнять присвоение означенных островов вооруженною рукою, правление компании не имеет сведения о его в том способностях, но для исполнения заведения оно могло бы желать его тамо пребывания, ежели он согласен на то будет.

Первенствующий директор и кавалер Михайло Булдаков. Венедикт Крамер. Директор Андрей Северин.

Правитель канцелярии Зеленский.

Письмо управляющего министерством иностранных дел графа К. В. Нессельроде министру внутренних дел О. П. Козодавлеву, 24 июня 1819 г.[1]

Милостивый государь Осип Петрович.

Имев честь получить почтеннейшее отношение вашего высокопревосходительства под № 128 с приложением поступивших к вам бумаг от доктора медицины Шеффера и от главного правления Российско-Американской компании, о пользе и разных способах присоединить Сандвичевы острова к российскому скипетру, я докладывал о содержании сих бумаг государю императору.

Его императорское величество, к сожалению, изволил усмотреть из оных, что столь успешно начавшиеся дружественные и торговые связи компании с теми островами так скоро уже рушились и самым неприятным при том образом.

Обратив особое внимание на мнение правления, его величество изволил видеть, что несмотря на то, компания надеется, во-первых, восстановить благоприязненные сношения с владельцем Томари и, во-вторых, приобрести потом и распространить на оных островах собственное водворение миролюбивыми средствами.

Рассматривая представление компании в сем двояком отношении, его императорское величество повелел мне сообщить вам, милостивый государь, следующие замечания: главному правлению компании известно, что при самых благоприятнейших, как казалось, обстоятельствах, когда помянутый владелец, по собственному побуждению, сам просил о принятии его с подвластными ему островами в подданство Российской империи, то его императорское величество и в то время, устранив от себя сие добровольно предоставляемое ему право обладания, повелеть

[1] ЛОЦИА, ф. департ. мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1919 г., д. № 406, лл. 52—55.

изволил, чтобы компания, отклонив оное предложение, ограничила себя только постановлением таковых же благоприязненных и торговых с ним сношений, в каковых он находится с другими независимыми государствами. Сия высочайшая воля была основана на твердых уважениях, соображаясь с коими и ныне его императорское высочество тем менее признает за нужное переменять означенное правило, что самые последствия доказали, до какой степени оно основательно, и опыт подтверждает, сколь мало должно надеяться на прочность такового водворения.

Что ж касается до намерения компании стараться о восстановлении с теми островами дружественных сношений, то одобряя оное и желая полного успеха, его императорское величество уверен, что при благоразумных распоряжениях и осмотрительном выборе со стороны ее правления скромных и осторожных по делам исполнителей, компания приобретет сими средствами с большею благонадежностью те же выгоды и пользу, коих ожидает от непрочного сими островами обладания.

На сей конец его императорское величество соизволяет:

1) Чтобы компании было предоставлено употребить, по ее благоусмотрению, известные подарки, назначенные от высочайшего имяни владельцу Томари по прежним ее представлениям.

2) Чтобы в случае успеха, когда восстановятся ее сношения, она непременно руководствовалась теми только правилами, кои по высочайшей воле, об'яснены в отношении моем к вашему высокопревосходительству от 28 февраля прошлого 1818 года.

3) Чтобы для успеха в своих предприятиях, и особенно в сем деле, она поступала с наивозможною осмотрительностию при выборе людей, ею употребляемых, снабжая их притом самыми точными и ясными предписаниями и отнюдь не позволяя действовать произвольным образом, подобно последнему комиссионеру ее Шефферу, который при всех своих сведениях и усердии, не имея, как кажется, нужной осторожности, и через то подвергнув себя и компанию столь многим неприятностям, не может в тех местах употреблен быть с пользою.

4) Чтобы она была обнадежена, что всем начальникам отправляемых отсюда кругом света военных судов будет предписано, об'являть везде в тех отдаленных местах, что компания пользуется особенным покровительством его императорского величества, но что тем же начальникам будет предписано собирать наиточнейшие сведения и доносить сюда о действиях ее там поверенных.

Его императорскому величеству угодно, чтобы ваше высокопревосходительство об'явили о сем главному правлению компании для нужного исполнения.

Примите, и пр.

Гр. Нессельроде.

Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в.

В XVI в.— «киргиз-кайсацкие орды» об'единились под главенством хана Хакк-Назара. Об'единение носило название Уч-Юз.

Персидский автор истории «Тариха-Хайдери» (1611 г.) называет Хакк-Назара государем казахским и киргизским.

О нападениях на ногайские улусы «казацкой орды» Хакк-Назара царя, Шигая царевича и Челыеса царевича — доносит посланный к ногайцам от царя Ивана Грозного Семен Мальцев.

Впервые о казахах заговорили в Московском государстве в XVI в. К казахскому хану был послан Иваном Грозным посланец Третьяк Чебуков. Посол не добрался до казахского хана и в 1573 г. был взят в плен близ Камы племянником сибирского хана Кучума — Маметкулом.

В дальнейшем Иван Грозный ограничился посылкой грамоты братьям Строгановым о беспошлинной торговле с «киргиз-кайсаками» (30 мая 1574 г.).

Во главе «киргиз-кайсаков» после Хакк-Назара стал двоюродный брат Шигай. В 1582 г. хан Шигай с «киргиз-кайсаками» участвовал в походе на Баба-Султана вместе с Абдуллою.

В борьбе с Баба отличился сын Шигая Султан-Тевкель. По окончании войны Султан-Тевкель получил от Абдуллы пожалование богатой одеждой и деньгами и богатый удел.

В 1586 г. Султан-Тевкель, пользуясь отсутствием Абдуллы, напал на Туркестан, Ташкент и Самарканд, но подошедшие из Самарканда войска во главе с братом Абдуллы Султаном-Ибадуллою отогнали отряды Султана-Тевкеля.

К 1594 г. относятся сведения о Тевкеле как о полновластном хане казахского народа.

В 1594 г. хан Тевкель пишет грамоту царю Федору и просит принять в вассалы «под царскую руку». Грамоту повез посол Кульмамет.

Посол хана Тевкеля добился встречи в Москве с кизылбашским послом Галибеком. Обратно с послом Кульмаметом были на два года посланы к хану Тевкелю переводчик Вельямин Степанов и служилые татары, а также толмач Гришка Мельников.

При от'езде Степанову было указано наедине сказать хану, чтобы «Тевкель царь и братья его царевичи — все были под царской рукой, а государь царь и великий князь учнет их от всех недругов оберегать и стояли бы они на бухарского и на Кучум царя и послал бы царь сына Усейна, а царь Ураз-Маметя царевича отпустит».

Послу Степанову велено было подробно разузнать о местах кочевий «киргиз-кайсаков», о числе разных людей и об их сношениях с Бухарой и с Кучумом.

30 мая 1595 г. московский посол Вельямин Степанов достиг кочевья хана Тевкеля и вручил грамоту и подарки, а через два месяца повез ответ от хана с его сыном Муратом царевичем и прежним послом Кульмаметом.

Путь был трудный и безводный. На Самару вышли только 21 сентября. 1 октября прибыли в Тетюши.

К сожалению до сих пор не обнаружено в архиве феодально-крепостнической эпохи письменных источников после 1594 г., относящихся к казахам. Известно только, что после смерти хана Тевкеля об'единение трех казахских орд (Большой, Средней, Малой) было нарушено. Хан Ишим, брат Тевкеля, сидел в Туркестане и Турсун-хан — в Ташкенте.

После смерти в конце 1628 г. хана Ишима в «киргиз-кайсацких ордах» утвердились следующие султанские фамилии, возглавляющие их: в Малой орде — род Булакай-Кулков или Усяков, в Средней — Ядикова или Шигаева и в Большой орде — Юльбарса.

Между тем, двигаясь с юга, узбеки захватили Ташкент. В 1630 г. образовалось Джунгарское ханство во главе с контайшей Эрдени-Батур-Убуши. Наиболее заманчивыми для джунгарцев оказались казахские степи. Завязалась борьба, растянувшаяся на полтора столетия. Сын хана Ишима хан Джегангир во время борьбы попал в плен к джунгарцам. Однако вскоре хану Джегангиру удалось освободиться. В 1643 г. хан Тайцза-Батур двинулся с 50-тысячным войском в казахские владения.

Однако Джегангиру удалось разбить армию Тайцза-Батура.

В конце XVII в. казахские ханы снова начали борьбу между собой.

В это время с юго-запада стали нападать волжские калмыки, с севера — башкирцы и с востока — джунгары.

В 1715 г. хан Абулхаир обратился к Петру I по вопросу об обмене пленных. Через два года «киргиз-кайсацкие» ханы — Тявка, Канп и Абдулхаир обратились за помощью к России. Петр I немедленно отдал распоряжение сибирскому губернатору кн. Гагарину войти в сношение с казахами и помочь им в борьбе с Джунгарией. Переговоры не привели к положительным результатам.

В 1723 г. джунгарский хан овладел Туркестаном. Средняя и Малая орда киргиз-кайсаков» откочевали к северу и западу к реке Эмбе.

Петр I внимательно следил за положением дел в Средней Азии и приготовился послать к «киргиз-кайсакам» старшего переводчика по секретным делам Мемешева (Алексея Ивановича Тевкелева). Петр I говорил «и буде оная орда в точное подданство не пожелает, то стараться, несмотря на великие издержки, хотя бы до мелиона издержать, но токмо, чтобы только одним листом под протекциею Российской империи быть обязать».

Находясь в 1722 г. в Астрахани во время Персидского похода, Петр, по словам Тевкелева, «чрез многих изволил уведомиться об оной орде,... всем азиатским странам и землям оная де орда ключ и врата и той ради причины оная де орда потребна над Российской протекцией быть, чтобы только чрез их во всех странах комоникацию иметь и к Российской стороне полезные способные меры взять».

От времени Петра I сохранилась грамота 1717 г. 12 сентября о приезде в Тобольск к сибирскому губернатору двух посланцев из «киргиз-кайсацкой орды» с прошением: 1) примириться с ними и воевать вместе против контайши, 2) дозволить строить города и прислать удостоверяющую о сем грамоту.

В 1726 г. снова делается попытка завязать связи с Россией. Из «киргиз-кайсацкой орды» приезжает Кабар Кобяков с прошением о размене пленных и о позволении кочевать около Яика.

Абулхаир, хан Малой орды, просил российское правительство построить город на реке Яике при устье реки Ори, обещаясь послать от каждого рода по одному человеку в город для разбора судебных дел «киргиз-кайсаков».

Тевкелев добился отправки аманата в Россию в лице ханского сына Нурали салтана. Ханы Каракалпацкой и Средней орды также послали в 1734 г. своих представителей для переговоров о переходе в русское подданство.

Российское правительство усиленно строило крепости: Тевкелев брод (Новосергиевка), Переволоцкую, Чернореченскую, Ельшанскую, Каролайскую, Иргульскую, Бердскую, Губерлинскую. В 1739 г. по приказу кабинета министров

велено «город Оренбург строить по Красной горе, а прежний Оренбург назвать Орской крепостью».

Малая орда перешла в вассальную зависимость в 1730—1738 гг. Средняя — в 1740—1742 гг. Большая орда окончательно была приведена в вассальную зависимость в 80-х годах XVIII в.

Несомненный интерес представляет публикуемое донесение Тевкелева от 8 октября 1748 г. в государственную коллегию иностранных дел, которое вскрывает положение «киргиз-кайсаков» в XVIII в.

Грабительская политика Российской империи — тюрьмы народов, сказалась прежде всего в наложении большого ясака на перешедших в «вассальное подданство» в XVIII в. «киргиз-кайсацкие орды». Нам известно, что по договору 1730 г. Абулхаир хан обязан был ежегодно уплачивать ясак — 4 000 лисиц, зять его Батырь Махомет салтан — «1 000 лисиц да 1 000 корсаков», сын его хан Нурали салтан — 1 000 лисиц. Взимание аманатов, постройка крепостей на казахских землях (1738 г.), указ о выжигании в осеннее время Астраханских степей (1748 г.), наказание за виновного казаха его родичей и целого улуса (1749 г.), организация особого пограничного суда в Оренбурге (1787 г.) — все это вскрывает грабительскую сущность колониальной политики царизма.

Угнетение местными ханами казахов и колониальный гнет вызывали возмущение и сопротивление. Известны их участие в пугачевском восстании и волнения казахов под руководством Сырыма.

В. Лебедев.

Грамота императрицы Анны киргиз-кайсацкому хану Абулхаиру, февраль 1731 г.[1]

(л. 1). По указу ея императорского величества в коллегии иностранных дел решено х киргизскому Абулхаир хану и ко всему войску с посланцы их, сюда присылаемыми, послать ея императорского величества грамоту и посылаемому к ним переводчику Тевкелеву дать инструкцию и с ним послать особую грамоту следующего содержания:

Божиею поспешествующею милостию мы всепресветлейшая державнейшая великая государыня Анна Иоанновна императрица и самодержица всероссийская (п. т.)... киргиз-кайсацкой орды Эбулхаир хану, старшине и всему кайсацкому войску нашего императорского величества милость.

(л. 1 об.) Понеже мы великая государыня наше императорское величество из писания твоего Эбулхаир хана чрез посланцов твоих Кутлумбетя Коштаева да Сейткула Куйдагулова усмотрили желание твое со всем твоим владением быть в подданстве нашем и с поддыными российскими с башкирцами быть в миру, а те посланцы твои, Эбулхаир хана, словесно здесь доносили, что желаешь ты, хан, с войском касацким быть в подданстве у нас на следующих пунктах:

1) Обещаетесь нашему императорскому величеству служить верно и платить ясак так, как служат башкирцы; 2) чтоб от подданных российских обид и раззорения вам никакова не было; 3) ежели на вас касаков будут нападать какие неприятели, чтоб вы могли от того нашим и-го в-ва защищением охранены быть и счислять бы вас с подданными российскими; 4) чтоб ясырей, взятых от вас башкирцами и протчими российскими подданными, вам возвратить, а вы обещаете взятых россиян отдать, и з башкирцами и с калмыки быть в миру, и мы, великая государыня, наше и-е в-во тебя, киргис касацкого Эбулхаир хана, старшину (л. 2) и все киргиз-касацкое войско пожаловали,

[1] ГАФКЭ, МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками», 1731 г.

повелели по прошению вашему принять вас в подданство на вышеизображенных требуемых вами пунктах, и потому надлежит вам хану и всему войску, касацкому содержать себя всегда в постоянной верности нашему и-му в-ву и к нашим наследником; и когда по указу и-го и-го в-ва будет вам наряд куда на службу нашу з другими подданными российскими, з башкирцы и с калмыки, тогда вам с ними вместе в определенные места ходить со всякою охотою; на башкирцов, и на яицких казаков, и на калмык, и на других русских подданных никаких нападений, набегов и обид весьма не чинить и жить с ними мирно и безсорно; такожде купцам российским подданным, ездячим из Астрахани и из других мест с караваном и особь к вам и чрез ваши жилища и кочевья в другие места, никакова препятствия и обид не делать, но наипаче оных от всяких опасных в пути случаев охранять и в проездах их потребное вспоможение чинить.

Посланцы твои Эбулхаир хана допущены были пред нас, и в бытность их в Москве довольствованы кормом и на отпуске (л. 2 об.) пожалованы нашим жалованьем и отпущены к тебе, Эбулхаир хану, и подводами и в дорогу на корм такожде удовольствованы. В протчем на милость нашего им-го в-ва быть тебе, Эбулхаир хану, надежну [1].

Инструкция посланному к киргиз-кайсакам М. Тевкелеву, февраль 1731 г. [2]

Инструкция государственной колегии иностранных дел переводчику ориэнтальных языков Маметю Тефкелеву, данная в нынешнем 1731-м году февраля в... день, по которой ему чинить надлежит. 1. Ехать ему в киргис-касацкую орду, где обретатись будет главной их и первой хан Эбулхаир, того хана с посланцы Кутлумбеть Коштаевым да Сеиткул Куйдагуловым, присланными от него сюда и отпущенными с ним, Тефкелевым, вместе; 2) и приехав, ему Тефкелеву к тому Эбулхаир хану быть у него и говорить: понеже ко всепресветлейшей государыне Анне Иоанновне императрице и самодержице всероссийской к ея и-му в-ву нашей всемилостивейшей государыне прислал ты Эбулхаир хан посланцов своих Котлумбетя Коштаева да Сеиткула Куйдагулова с листом своим и с словесным прошением о принятии тебя хана со всем твоим владением в подданства российсское, и быть бы вам с подданными российскими в миру, и ея и-е в-во всемилостивейшая государыня императрица вас киргис-касацкого хана Эбулхаира, (л. 3) старшину и все киргис-касацкое войско пожаловали, повелели по прошению вашему в подданство российское принять, о чем к тебе Эбулхаир хану и ко всему войску касацкому ея им-го в-ва грамота с посланцы твоими прислана, и копия на татарском языке приложена, и в подтверждение того и в знак своей императорской милости ея им-е в-во всемилостивейше соизволила и меня с своею им-го в-ва грамотою к вам отправить и указала мне вас обнадежить, что ея в-во вас Эбулхаир хана и все киргис-касацкое войско в неотменной своей

[1] Конец грамоты отсутствует. В том же деле в пересказе этой грамоты читаем: «и что он Тефкелев имянем и по указу нашему будет говорить и предлагать, и в том ему тебе Эбулхаир хану и всему войску касацкому верить и по тому исполнять, и ево возвратно к нам отпустить с таким ответом, как мы о твоей Эбулхаир хана и всего войска касацкого к нам великой государыне к нашему и-му в-ву верности по справедливости уповать имеем. А во знак вящей нашей и-го в-ва милости посылается к тебе Эбулхаир хану с ним Тефкелевым нашего им-го в-ва жалованья — кафтан, шапка, и сабля, и сукна, и протчее по приложенной при сем росписи. Дан в Москве лета 1731 февраля 19-го дня, государствования нашего 2 год.»

[2] ГАФКЭ, МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками», 1731 г., лл. 1—6.

милости содержать будет и надеется взаимно, что и вы хан и все войско к ея им-му в-ву всегда в такой непоколебимой верности содержать себя будете, как то по вашему обещанию и верным подданным надлежит. И во знак же ея им-ой милости прислана со мною особливо другая ея им-го в-ва грамота к тебе хану да жалованья — сабля, шуба соболья, да шапка с лисицею черною и сукна, и протчее. И тое грамоту ему хану подать и жалованье об'явить и отдать же. Также, ежели при том Эбулхаир хане будут (л. 3 об.) протчие ханы, и ему Тефкелеву тех ханов такожде обнадежить ея им-го в-ва милостию, и приличное жалованье дать, разведав о каждом из них, кто чего достоин; 3) посем ему Тефкелеву стараться, яко о найглавнейшем деле, дабы в верности к ея им-му в-ву оной Эбулхаир хан со всеми другими ханы и с старшиною и с протчими всеми киргис-касаки присягу по своей вере на алкаране учинили, и тое руками своими подписали и ему Тефкелеву отдали; 4) и когда они сие учинят, тогда ему Тефкелеву, будучи тамо между ими, усматривать и розведать, желательно ль они в то подданства вошли, и буде желательно все к тому приступили, тогда ему Тефкелеву чинить и следующее. Понеже в листу того Эбулхаир хана написано только о сем, что он хан со всем своим владением желает быть у ея им-го в-ва в подданстве, а присланные ево словесно доносили, что хотят служить и ясак платить так, как служат и платят оной ясак башкирцы, когда же те посланцы спрашиваны, что для уверения о их верности дадут ли ханы из своих детей или из свойственников в оманаты, и они ответствовали, что надеются дать в оманаты из знатных людей на Уфу, ежели им определены будут (л. 4) кормовые деньги. Сего ради ему Тефкелеву после подания грамоты Эбулхаир хану и обнадеживания ево милостию ея им-го в-ва, и по учинении присяги быть у него хана на иной день и говорить, что, понеже он Эбулхаир хан со всем войском касацким учинилися ныне в подданстве у ея им-го в-ва всероссийской, как и башкирцы, и во знак верности своей учинили присягу по закону своему на алкаране, то надлежит им и пункты, каковы в грамоте ея им-го в-ва, к нему присланной, описаны, руками своими подписать, как все подданные ея им-го в-ва то чинят, и как башкирцы, показуя свое верное подданство, платят ясак и аманатов дают на Уфу, так бы и они, показуя верность свою, ясак платили и аманатов на Уфу дали. И к сему приводить ево Эбулхаир хана добрым способом, представляя им пристойные резоны; 5) а ежели по тому ево Тефкелева представлению и домогательству он Эбулхаир хан к платежу ясака и в даче на Уфу аманатов будет не склонен, и то опустить и усильно о том не домогатца, только старатися, чтоб он Эбулхаир (л. 4 об.) хан с протчими начальными пункты подписали и жили в верности; 6) и ежели он Эбулхаир хан взаимно будет у него Тефкелева требовать таких же пунктов за ево Тефкелевою рукою, и ему сказать, что хотя таких пунктов ему Тефкелеву давать было не для чего, ибо те все пункты описаны в грамоте ея им-го в-ва, к нему хану присланной, однако ж он Тефкелев по желанию ево хана учинит, и такие пункты ему Тефкелеву за своею рукою [готов] дать и теми с ними розменяться; 7) буде же он Эбулхаир хан по представлению и домогательству ево Тефкелева и пунктов дать не похочет, и ево к тому приводить и склонять, дабы он хан в ответной свой лист к ея им-му в-ву (которой ему хану с ним Тефкелевым прислать надлежит) те пункты внес и обещал бы оные содержать и подписал бы тот свой лист он хан и, ежели возможно, и другие начальные, а ежели и того он не похочет, то хотя б он так в листе своем написал, что все то, что в грамоте ея

им-о в-ва, к нему присланной, написано, содержит. Также предлагать (л. 5) ему хану, чтоб он прислал в Москву посланцов своих и оным велел здесь жить для предложения о ево ханских и войсковых делех и обнадежить ево хана, что те посланцы ево здесь содержаны будут во всяком довольстве, и корм и квартиры будут им даваны; 8) ему ж Тефкелеву говорить ему Эбулхаир хану и домогатца о свобождении российских пленных, сколько их тамо есть, дабы при бытности ево Тефкелева все были собраны и ему отданы, представляя ему хану, что чрез сие свобождение пленных покажется к ея им-му в-ву ево Эбулхаир хана истинная подданическая верность и служба, за что он наибольше от ея им-го в-ва имеет быть пожалован; 9) как туда едучи, так и назад возвращаяся, иметь ему Тефкелеву журнал или повседневную записку, а наипаче пути, которым он имеет ехать от Уфы и 1) описать о башкирцах, какие они имеют жилища или кочевья, городы, села или деревни, и какое их правление и состояние и промыслы и пожитки, 2) между теми (л. 5 об.) башкирцы далеко ль разстояние, какие где жилища есть и какие званием и великостью реки и иные воды, и чрез оные где и какие переплавы, леса и степи, и далеко ль одно от другова разстоянием, и не имеетца ль каких засек или перекопей или других каких ко обороне их крепостей, 3) о тех самых киргисцах усматривать и розведать, а особливо о начальном их киргис-касацком Эбулхаир хане какова состояния он есть, сколько владения ево городов и мест, дворов, кибиток или числом людей, и, кроме ево хана, кто имяны другие ханы, и имеют ли они особые свои городы или места или кочевья, и сколько которой имеет, и каким званием, и при городах и при жильях имеется ль пашня, сады и иные какие промыслы, и ханы и владетели кочевные и городовые послушны ль главному Эбулхаир хану, и наследные ль или обиранные, и ясак или иные какие зборы с подчиненных их они собирают ли, и посколько в год тех зборов главному Эбулхаир хану и протчим бывает, и все ль один магометанский закон держат или суть из них других каких законов люди, и посланцов сюды Эбулхаир хан с согласия ль других ханов и всего народа присылал, и народу приятно ль сие, (л. 6) что они приняты в подданство ея им-го в-ва, купечество они какое и с какими соседними народы имеют ли, и с того какие на хана доходы бывают ли, и ремесла какие, а особливо оружейные, и заводы селитренные и пороховые имеют ли, и умеют ли они сами пушки лить, и иное ружье делать, а буде они сами пушек и ружья и пороху не делают, то откуда получают и за деньги ль купят или на какие товары меняют, жилища и кочевья их касацкие с кем граничат и с кем они ныне в миру и с кем в войне, и кроме того пути, которым он будет ехать, другие от которых российских городов имеется ль дороги, и способны ль те дороги к проезду; 10) сие ж все ему Тефкелеву разсматривать и розведывать и записывать искусным способом, не дая никому знать, что чинит по указу или по инструкции, но яко бы сам собою, хотя ведать для себя, дабы о сем, что он делает по указу, не токмо тамошние народы, но и ис тех, кои с ним Тефкелевым посланы будут, не признали; 11) ежели аманатов Эбулхаир хан с ним Тефкелевым (л. 6 об.) отправит, тех оставить на Уфе и приказать их содержать, как в пунктах написано или чего еще сверх того будет хан требовать; освобожденных из плена такожде отдать на Уфе воеводе, а ему оных роспустить в домы их, где кто жил, а сюда привести им имянную роспись со обстоятельными ведомствами, а особливо о российских, кто какова чина и которого города, и давно ль, и кем взят был в полон; 12) учиня то все вышеписанное и возвратясь

в Москву, подать в колегии иностранных дел всему тому обстоятельную записку и о росходе посланной с ним казне ведомость за рукою своею. А грамоты отпустить без подписи, только за среднею печатью под кустодиею.

Канцлер граф Головкин. Андрей Остерман.

Проезжая по городам, данная Тевкелеву из коллегии иностранных дел, 19 февраля 1731 г.[1]

(л. 30) По указу ея им-го в-ва самодержицы всероссийской и пр. и пр. и пр.

По ея им-го в-ва указу послан с ея им-го в-ва грамотою киргис-касацкой орды к Эбулхаир хану государственной колегии иностранных дел переводчик Маметь Тефкелев и с ним послано ея им-го в-ва жалованья ему Эбулхаир хану и другим ханам и старшинам, мяхкая рухлядь и товары в 3-х паках за колежскою печатью. И от Москвы по надлежащему тракту до Казани и до Уфы господам генералом-губернатором, губернатором, воеводам и протчим воинским и гражданским управителем и на заставах учрежденным того переводчика Тефкелева с людьми, посланными с ним, и киргиских посланцов, и башкирцов, и в конвое посланных, и при них обретающихся ундер-офицера, солдат и толмачей, (л. 30 об.) и пожалованье им посланцом и покупные здесь вещи, которые по приложенной при данной им особливой проезжей и росписи здесь ис камор-колегии осматриваны и запечатаны таможенною печатью, пропускать и подводы по поддорожным ямской канцелярии давать везде без задержания. И ежели в котором городе пожелают для чего остановитца, и им давать на время квартиру и в протчем чинить вспоможение, и наипаче, ежели где имеется в пути в проезде опасность, в таком случае давать им к определенному конвою в прибавок салдат или городовых служилых людей, сколько где потребно, с ружьем какие где есть. И прочитая сей указ и в городех списывая с него копии, отдавать переводчику Тефкелеву, а об отправлении ево Тефкелева с Уфы в киргис-касацкую орду брегадиру и воеводе господину Бутурлину учинить по особливо посланному к нему ея им-го в-ва указу.

Канцлер граф Головкин.
Секретарь Иван Аврамов.

Перевод с письма киргиз-касацкого Абулхаир хана, полученного в городе Уфе через посланца ево Абулхаир хана Сиюн-дюк багатура к переводчику Маметю Тефкелеву[2].

(л. 127) Высокостепеннейшую и славнейшую государыню возшествием на золотой престол поздравляю. Ежели ея в-во высокую десницу на нас положит, а мы главы свои приклонять будем, и какую службу на нас положить соизволит, от всего нашего сердца и со всею душою служить будем. И с помощию божию махометанского закона знатной бухарской хан Аблфеиз хан отдался в мою волю, брат мой хивинской хан Албас хан отдался в мою ж волю, качующие по реке Хадже Ченнет Дарьяс Ак батур бей в мою ж волю отдался, Барак хан, владение ево 4000, город Ташкент, Торкостан в наших руках (л. 127 об.) понеже несколько пленников имеетца в их руках, а несколько пленников имеетца в наших руках, и оным пленником так

[1] ГАФКЭ, МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками», 1731 г., лл. 30—31.
[2] Заголовок подлинника. ГАФКЭ, МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками», 1731 г. л. 127. — Об этом письме см. ниже, стр. 6.

трудитца ко имени нехорошо[1] воля ее государыни, чтоб их купцы к нам приезжали, а наши бы к ним ездили, а плачющих увеселять пристойно к славе ея государыни, а бухарцы в моей воле, а с Ургачем обсылатца в моей же воле. Тако сие письмо и написал, а в протчем словесно об'явит вам Сиюн-дюк багатур.

Донесение М. Тевкелева в коллегию иностранных дел, 26 августа 1731 г.[2].

(л. 116) В нынешнем 1731 году апреля 30 числа из государственной коллегии иностранных дел отправлен я нижайший с ея им-го в-ва всемилостивейшей государыни императрицы грамотою в киргис-кайсацкую орду к Абулхаир хану. И прибыл я нижайший в город Уфу и при мне киргиз касацкия посланцы минувшего июля в 4 день благополучно. Того же числа ея им-го в-ва из государственной коллегии иностранных дел указ брегадиру и уфимскому воеводе господину Бутурлину об отправлении моем в киргиз-касацкую орду подал. И по оному указу господин брегадир Ботурлин из уфимской правинциальной канцелярии августа 14 числа прислал ко мне для караулу в киргиз-касацкую орду салдат 10 человек, а для конвою 10 человек дворян, 10 человек казаков, 30 человек башкирцов да в подводы 10 лошадей, 10 верблюдов; а оные лошади и подводы взяты с мещереков, и з тептерей, и з бобылей, то есть мещереки татара сходцы из давных лет из верховых городов, податей в город Уфу никаких не платят, токмо де из давных лет по наряду служили службу, а тептери те ж татара сходцы же из Казанской, из Воронежской губерен, живут из найму на башкирцких землях, в город Уфу платят ясак по малому числу, бобыли — беглые татара, чуваша, черемиса — живут на башкирцких же землях из найму, податей никаких не платят, а некоторые де из них куницной и медовой ясак пла[тя]т.

Июля в 7 день пришел ко мне нижайшему башкирец Алдар бай и при нем (л. 116 об.) киргиз-касацкого Абулхаир хана один знатной человек, а имя ему Махаметь Ходжа, у которого де в киргиз-касацкой орде дяди в духовенстве первой человек, которого все ханы и киргиз-касацкие старшина в великом почтении содержат. И оной ходжа об'явил мне нижайшему, что киргиз-касацкой орды Абулхаир хан обретаетца при реке Торгай и при реке Иргизь, которые реки ростоянием от Уфы недель 5 или 6; и желает де Абулхаир хан со всею своею охотою быть в подданстве ея им-го в-ва. И другие де ханы кочуют при нем. Июля 8 был у меня он же башкирец Алдар бай, между протчих слов говорил я ему Алдару, не будет ли опасность в пути от набегов киргиз-касаков и протчих тамошных народов нам обиды, ежели не будет знать о призде моем Абулхаир хан. И оной башкирец Алдар бай сказал: конечно надобно послать наскора, ежели де в пути что зделаетца, чтоб он Абулхаир хан неведением не отговаривался. Того ради июля 9 числа отправил Алдар бай своего сына да одного из киргиз-касацких посланцов, называемого Росбая, а я нижайший от своей стороны отправил одного доброжелательного башкирца Кидиряса Моллакаева, которой был в Москве с киргиз-касацкими посланцы. И приказал я нижайший оному башкирцу Кидирясу доведоватца искусным образом о намерении Абулхаир хана и протчих ханов и киргиз-касацких старшин, суще ль они в том намерении содержатца, о чем послали своего посланца Кутлумбетя Коштаева, или иную какую намерению имеют, понеже оной

[1] Так в подлиннике.
[2] ГАФКЭ, МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками, 1731 г., лл. 116—119 об.

башкирец (л. 117) Кидирясь Моллакаев зело к россиской стороне доброжелателен и человек неглупой. Июля в 14 день Абулхаира хана посланец Кутлумбеть Коштаев об'евил мне нижайшему, что после де ево от'езду из киргиз-касацкой орды в Москву многократно набегами ездили башкирцы в киргиз-касацкую орду, брали в плен людей и отгоняли лошедей и верблюдов немалое число, а от них де киргиз-кайсаков напротив того башкирцам такими же набегами никакого разорения не учинено, чтоб ему посланцу Коштаеву оных взятых башкирцами в плен ясырей, лошадей, верблюдов возвратно отдать ныне, на что я нижайший ему посланцу Коштаеву ответствовал следующее: что взятых башкирцами у киргиз-касаков ясырей, лошадей, верблюдов ныне ему посланцу Коштаеву отдать невозможно за многи притчинами, Первое, что ближе 3 или 4 месяцев ясырей, лошадей, верблюдов за дальностию их четырех дорог от башкирцов, отобрать отнють невозможно, и за тем жить в городе Уфе ему Тефкелеву и посланцу Коштаеву будет немалое продолжение; второе, может быть, и киргиз-касаки у них башкирцов тако ж де брали в плен ясырей и отгоняли лошадей, и оные от обеих сторон обиды розысковать прежде времени невозможно. А как он Абулхаир хан и протчие ханы и киргиз-касацкие страшина ея им-го в-ва в подданстве быть присягою своею (л. 117 об.) утвердятца и росиских пленников возвратят, и их взятые башкирами ясыри и лошади возвращены будут. А что ныне в киргиз-касацкую орду башкирцам войною и набегами не ходить и взятых ясырей на сторону не продавать, и им киргиз-касакам на окоп не отдавать до указу, ко всем башкирцам ея им-го в-ва всемилостивейшей государыни императорицы указ пошлетца. И оной посланец Коштаев тем учинился доволен.

Сего августа в 22 день оной мой посланной в кизгиз-касацкую орду доброжелательной башкирец Кидирясь Моллакаев и с ним посланцы от Абулхаир хана и от Батур солтана 4 человека прибыли, а главному посланцу имя Сиюн-дюк. И оной Кидирясь мне словесно об'евил, что он у Абулхаир хана был и о прибытие моем и посланцов ево в город Уфу об'евил. И Абулхаир хан безмерно де радовался, и он Абулхаир хан ему Кидирясу сказал, что слышал де он, бутто ево посланцы были в Рассии одержаны и ея им-е в-во всемилостивейшая государыня императрица ево Абулхаир хана в подданство принять не указала, к тому же де башкирцы (л. 118) многократными набегами ясырей в плен брали, лошедей отгоняли, и он де Абулхаир хан думал тако, что башкирцы на них набегают, не сабою знатно, по указу ея им-го в-ва, и были де в великом опасении, того ради откочевали было дале. И он башкирец Кидирясь ему Абулхаир хану об'евил, что де сказывали, якобы ево посланцы в Рассии одержаны и ея им-ое в-во в подданство всероссиское принять ево Абулхаир хана не указала, то де неправда, понеже он башкирец Кидиряс сам был с ево посланцами в Москве и посланцы его приняты в Москве милостию и жалованием ея им-го в-ва награждены довольно, и в росиских городех одержаны никогда не бывали, а что в Казани они жили, ожидали Тефкелева и тамо были во всяком довольстве, о чем он Абулхаир хан известен быть может чрез своего посланца Росбая, которой приехал к нему Абулхаир хану с ним башкирцом Кидирясом. (л. 118 об.) И как де уведомился он Абулхаир хан, что ея им-ое в-во всемилостивейшая государыня императрица милостиво соизволила указать ево Абулхаир хана в подданство всеросиское принять, и для того де отправлен к нему Абулхаир хану переводчик Тефкелев, и возвратился де он Абулхаир хан со всеми своими улусы паки назат к реке Иргизу, и наредил де сына своего Нурали салтана да зятя своего Батур салтана навстречю ко мне

нижайшему с тысечью человеки, и будут де сын ево и зять встречать на границе, тово ради, чтоб мне не было от киргиз-касаков или от других народов какия в пути нападения. И с оным посланцом Сиюн-дюком прислал Абулхаир хан ко мне письмо за ево печатью, которого письма с переводом, при сем посылаю. При том же оной посланец ево Абулхаир хана подал мне нижайшему неписаной лист за двума ево Абулхаир хана печатью и об'явил словесно, присланой де оной неписаной лист в такой силе, якобы он Абулхаир хан, показуя свою верность, не токмо, что он желает быть в подданстве всеросийском, но трудитца и других народов привести в подданство ея им-го в-ва, чтоб я на том неписаном листе к ея им-му в-ву написал своею рукою именем ево Абулхаир хана, об'явля верность ево, и что де он Тефкелев (л. 119) напишет, Абулхаир хан спорить не будет. Такожде оной посланец Сиюн-дюк об'явил мне нижайшему словесно же, что в Хиве ныне ханом брат двоюродной ево Абулхаир хана и желает де быть в подданстве ея им-го в-ва всемилостивейшей государыни императрицы всеросиской, такожде и другие владельцы, которые написаны в присланном письме ко мне нижайшему от него Абулхаир хана в подданстве быть всеросиском желают же де. Ежели ж письмо Абулхаир хана и словесной ево ко мне приказ будет правда и подлинно пожалают бухарской хан и хивинской хан и протчие владельцы ея им-го в-ва быть в подданстве, а сами к нему Абулхаир хану не будут и пришлют своих посланцов для договору и для присяги просить меня в Бухар и в Хиву, мне нижайшему туды ехать ли или требовать у них, чтоб они прислали своих полномочных посланцов за руками их и за печатьми грамоту, учинить с ними договор и присягою утвердить у Абулхаир хана. А по моему слабому мнению, пока я нижайший у Абулхаир хана буду и достоверно уведомлюсь, что бухарской хан и хивинской хан подлинно желают быть в подданстве ея им-го в-ва, или то неправда, до того времени бухарского посланника из Москвы отпустить не надлежит, а ежели ж хотя из Москвы он и отправлен, то можно ево и в Астрахани удержать, чтоб он, приехав туда, не учинил какое помешательство, а как я нижайши прибудут ко бухаир хану и уведав подлинно, в государственную коллегию иностранных дел с нарочным немедленно писать буду. Однако ж других владельцов усмотря ко интересу ея им-го в-ва всемилостивейшей государыни пользу в подданство принимать и присягою утверждать буду. Бухар и Хива от Абулхаир ха[на] ростоянием недели 2 или 3.

Того ради высокоучрежденную коллегию иностранных дел всепокорнейше прошу о вышепоказанных о немедленной резолюции, и для того оставил я нижайший у уфинского воеводы (л. 119 об.) полковника господина Кошелева 2-х доброжелательных башкирцов. Ежели соизволит государственная коллегия иностранных дел ко мне нижайшему повелительные указы отправить, и оные башкирцы до меня привезут в целости. А отправился я нижайший из Уфы в киргиз касацкую орду сего августа в 26 день.

Мамет Тефкелев.

Донесение М. Тефкелева в коллегию иностранных дел, 5 января 1732 г.[1]

(л. 10.) Минувшего октября 2 дня прошлого 1731 году от Абулхаир хана навстречю ко мне прислан был сын ево Нуралы салтан с знатными людми к реке Иртынь и того ж октября 6 дня в урочище Манигубе я нижайший к Абулхаир хану по полудни во втором часу прибыл, а

[1] ГАФКЭ, МИД, «Киргиз-кайсацкие дела», 1732 г., лл. 10—35.

встреча мне была от кибитки Абулхаир хана в 2 верстах. Того ж числа в полночь Абулхаир хан прислал ко мне тайно, чтобы я к ним шел или он ко мне тайно придет, а киргиз-казацкие старшина знатные приставили тайно караул, чтобы Абулхаир хан со мною не видался, как около ево, так и около моей кибиток везде люди караулили и меня не допускали к хану и хана ко мне, только между нами ходил тайно башкирец Кидирясь Моллакаев, которой ныне отправлен от меня на почте. Однако хан всеми мерами трудился, чтоб со мною до утра видеться, и хану никоим образом ко мне в кибитку притти было невозможно, и приказал (л. 11.) ко мне чрез оного ж башкирца Кидиряса, чтобы я надел платье самое худое, якобы простой человек и шол к нему, а ежели де он со мною ныне ночью не увидитца и в словах де с ним не согласимся, то де нам обеим с ним будет немалая трудность. И я, надеяся на господа бога и счастие ея императорского величества, отважился к нему хану иттить, надел на себя киргис-касацкое худое платье, з башкирцом Кидирясом пришел в поле и говорил с ним доволно и между протчими разговоры об'явил мне он Абулхаир хан, что он пожелал (л. 11 об.) быть в подданстве ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской один без согласия других ханов и салтанов и знатных старшин и напротиву ево Абулхаир хана слов я спросил, чего ради он один без согласия других ханов и салтанов и знатных старшин то учинил, и ему то противно не будет ли и что тому притчина. На то он Абулхаир хан ответствовал тако: Об'являю де тебе яко богу сущую свою правду, чего ради один он без согласия других пожелал быть в подданстве всероссийском. (л. 12.) Первое притчина: из древних лет предки ево и он Абулхаир хан владели городами Ташкент, Туркустант, Саирам с принадлежащими деревнями и киргис-казаками; и учинилась у него Абулхаир хана война с хонтайшою многия годы и не мог с ним управиться, принужден был он, вышепоказанные городы оставя, выехать х качевным народам киргис-казакам и потом многия годы имели с ним хонтайшою войну и, недовольствуяся тем, стали воевать с вольскими калмыками и Оральскими башкирцами и з бухарами и с Хивою и с четырех сторон стали ему Абулхаир хану все неприятели (л. 12 об.), того ради он и городов своих от хонтайши выручить не мог; однако де ныне з Бухариею помирились, а в Хиве учинился ханом брат его двоюродной Элбас хан; токмо остались неприятели ево вольские калмыки и башкирцы, а с калмыками, как скоро мирятся, так скоро и война живет, мир их бывает несостоятелен, а башкирцы де без указу ея императорского величества с ними миритца не хотят, того ради он Абулхаир хан к ея императорскому величеству послал посланцов своих просить протекцию, чтоб ему с вольскими калмыками и башкирцами быть в миру, а от хонтайши (л. 13.) отыскивать свою реванжу было ему свободно. Третие — можно де видеть, как Аюка хан, так и башкирцы, ежели не могут управитца с неприятелми, то охранены бывают протекциею ея императорского величества; тако ж де б и он Абулхаир хан был охранен протекциею ея императорского величества; ежели де калмыки и башкирцы будут в миру и в покое, то он надеется отыскать свою реванжу от хонтайши.

И говорил мне Абулхаир хан, чтобы я не вдруг их принуждал к присяге, сперва де надобно знатных старшин довольствовать подарками, чтоб они тем умягчились, (л. 13 об.), а ежели знатные старшина нашу партию будут держать, и киргис-касацкие народы от старшин отстать не могут. И многократно тем меня нижайшего утверждал, что [б] я ничего не жалел и их старшин дарил, понеже де киргис-касацкие народы — люди дикие, вдруг их в путь наставить не возможно, так надобно с ними поступать, как уменьем ловят диких зверей.

И как я от него Абулхаир хана такие слова услышал, что он учинил сие один, кроме других, стал я ему Абулхаир хану говорить, чего ради посланцы его неправедно словесно предложили (л. 14) в Москве: Абулхаир хан де желает быть в подданстве ея императорского величества всероссийского с согласия всех ханов и всего войска касацкого, а ныне стало то ложь, токмо один ты собою зделал. На то Абулхаир хан сказал посланцом своим словесно приказал об'явить он, якобы, с согласия всех ханов и старшин войска касацкого для того, ежели б ево посланцы об'явили в Москве токмо об одном Абулхаир хане, а о других бы не об'явили, то б де, может быть, ея императорское величество тебя отправить не соизволила, а ныне слава богу, как ты приехал сюда, то (л. 14 об.) всеми мерами буду стараться ея императорскому величеству показать услугу и верность, чтоб привести их в подданство всероссийское, понеже он Абулхаир хан их обычей знает. И я нижайший у него хана спросил, ежели они на то склонны не будут и в подданстве всероссийском быть не похотят и привести их к тому будет невозможно, не будет ли от народов твоих мне какой опасности. И он хан мне на то сказал, ежели де знатных старшин подарками удоволствуем, то де никакой опасности не будет и в подданство привести их будет (л. 15) не трудно.

Потому я нижайший у него хана спросил, когда он у меня примет ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской грамоту, и он хан сказал, о том де пришлет известие, как он хан переговорит з знатными старшинами, и пошел я от него к себе в кибитку, а поутру хан прислал ко мне тайно собственного своего человека, чтоб я прислал к нему, как можно поскоряя, сукон, бобров, выдр и протчее, что есть у меня, для подарения старшинам. И я на то ему сказал: прежде присяги ему хану жалованья ея императорского величества (л. 15 об.) милостивые знаки отдать не могу, и вторично он хан ко мне прислал, чтоб я поскоряе прислал к нему товароз как ни есть уловить старшин, а ежели де не пришлешь то ему и мне будет немалая опасность; того ради принужден был я обещать ея императорского величества жалованья з грамотою к нему хану вместе принести, а знаки милости ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы шубу, шапку и саблю не отдал, пока он хан к присяге не придет и пункты не подпишет, а как посланной ханской от меня отошел, тотже час киргис-касацкие старшины ко мне прислали, чтобы я шол с ея императорского величества грамотою и жалованьем. (л. 16) Я к нему пришол, где были все знатные старшина и речь выговорил, и ея императорского величества грамоту хан, с места встав, принел, на голову поднел и подле себя положил и подарки: сукна, бобры, выдры, юфть, лисицы, чай принять приказал; и посадил меня хан подле себя по левую руку и потом спустя с четверть часа велели мне вытить ис ханской кибитки и, как я пошел в свою кибитку того же часу стали дуван дуванить ея императорского величества жалованье, что прислано было к Абулхаир хану, с великим криком и дракою и ис кибитки ханской все, что есть, вынесли на поле и стали делить с великою дракою, плетми и саблями между собою бились. А потом стали думать, чтоб меня убить, и услышел оное один башкирец, прибежал ко мне и сказал, здумали де киргис (л. 16 об.)-касацкая орда тебя убить и ограбить.

И я, как такое их злонамерение услышел, призвал к себе своих знатных башкирцов Алдар бая Исикеева, Таймана Шамова, Касямиша Батыря, Беку Качина, Образая Ободенова, Кидиряса Моллакаева и спросил их, каким образом их киргис-касацкое злое намерение отвратить; и оные башкирцы мне сказали, никакого способу к спасению не знают, кроме одного что имеетца у них знатные старшины Букембат Батырь

да зять ево Эсет Батырь, да брат ево двоюродной Худай Назар Мурза, которые де изо всех их лутчие и сильные и умные люди и доброва состояния, надобно де их подарить довольным числом. Надеемся де от них нам польза (л. 17) будет, а ежели де они к нам не склонятца, то де ни от кого нам надежды нет кроме бога, однако ж я послал об'явить о том хану, что народ их имеет такое злое намерение меня убить, чтоб он хан мог меня от такого злого киргис-касацкого намерения освободить; он хан посланному от меня сказал, чтоб мог сыскать Букембат Батыря, кроме де ево спасения нет, понеже и он стал им подозрителен. Потом спросил я оных башкирцов, чтоб ево Букембат Батыря как можно искусным образом ко мне привести, и из башкирцов один тамо Шамов имел с ним издавна дружбу и поехал сыскал его з зятем и з братом на степи и, уговоря их, ко мне привел в вечеру. И стал им говорить Букембату Батырю с зятем (л. 17 об.) и з братом тако: уведомился я, что ваша киргис-касацкая орда имеет злое намерение меня убить, чего ради они так хотят зделать, понеже, я сюда прислан по указу ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской по прошению Албухаир хана, також де и вашей, а не так, чтоб я прислал неволею в подданство привесть, а ежели вы меня хотя и умертвите и тем российской империи нималого ущерба учинить не можете, токмо такова славного монарха приведете в злобу, не токмо с российскою империею иметь войну, но не можете сыскать (л. 18) места от онех от росийских подданных, от калмык и от башкирцов, а ежели же надо мною что учините, то всемилостивейшая государыня императрица всероссийская кровь мою вам так оставить не соизволит и тем можете вы за неповинную кровь мою со всею своею ордою разоритца. И ежели вы не хотите быть в подданстве ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы, и вы меня отпустите добрым порятком паки назад в Росию. И он Букембат на то мне сказал: в Хиве Бековича убили, что де не могли реванжа отыскать, и так де пропало. И я ему сказал, правда хивинцы з Бековичем поступили по-варварски, ибо под солнцом нигде такова обычая нет, чтобы послов умерщвлять [1]. А они (л. 18 об.) то учинили над Бековичем не человечески, но по скотцки, а что от хивинцов реванж неотыскан за многими притчинами, понеже когда Бековича убили, в то время продолжилася война многие годы в России со шведом, и многия иныя подобныя притчины я им пред'являл, а потом в 1726 году прислал хивинской хан посланца своего с повинною грамотою и оной посланец от нас с награждением паки возвращен в Хиву, а ежели вы Букембат Батырь трудами своими покажете к ея императорскому величеству всемилостивейшей государыне императрице верную услугу и своих киргис-касаков от злаго намерения уговорите и их успокоите (л. 19) и в подданство всероссийское приведете и ханскую партию держать будете, и за такую вашу верную услугу обещаю, что вы милостию ея имп. величества награждены будете довольно и причтены между добрых и верных слуг будете и впредь до смерти вашей оставлены не будете, понеже лутче жить в покое, нежели в разорении и лутче за доброе дело получить награждение, нежели по злодейству получить злое нападение.

И они Букембат Батырь з зятем и з братом к моим словам склонились и обещали их казаков привести в подданство всероссийское и ясак платить будут и аманатов дадут, и я им обещал дать на 500 руб. товаров, с тем от меня и поехали. Того же (л. 19 об.) октября 10 числа призван я был к ним на собрание, где был и Абылхаир хан, и спросила

[1] Об убийстве в Хиве в 1717 г. кн. А. Бековича Черкесского см. С. Соловьев, История России, т. XVIII, стр. 11—15.

меня киргис-касацкая старшина, зачем я к нему приехал. И я ему ответствовал: отправлен я по указу ея имп. величества в. государыни им. всероссийской с всемилостивейшею грамотою к Абулхаир хану и к вам киргис-касацким старшинам и ко всему войску киргис-касацкому против письменного прошения Абулхаир хана и по словесному предложению посланцов ваших, и можете известны быть во ответной грамоте, которая прислана чрез посланцов ваших Котлумбетя Коштаева да Сейткула Кайдагулова. И потом касацкая старшина стала (л. 20) со мною говорить с великим сердцем: тако мы де Абулхаир хану просить подданства всероссийского грамот писать и посланцом словесно об'явить, якобы ясак платить и аманатов дать,— того мы не велели, токмо мы киргис-касацкая старшина присоветовали послать посланцов, чтоб быть с Росиею в миру, а не в подданстве, а и ныне в подданстве быть не хотим, и надобно де тебя за то убить до смерти. И как я нижайший от киргис-касацкой старшины такие противные слова услышал, и стал им з серцем же говорить тако: понеже росийская империя в свете славное государство, и такому славному монарху с вами яко с темными зверьми быть в миру неприлично, ибо росийская империя от вас никакого опасения не имеет (л. 20 об.) и в вас нужды нималой нет, а вам от подданных российских великая опасность, первое от калмык, второе от башкирцов, третие от яицких казаков, четвертое от сибирских городов, и всегда вы от них побеждены и разорены бываете и, ежели вы не пожелаете быть в подданстве всероссийской империи, и я с вами мирнова договору чинить не буду и такова беславия росийской империи не принесу. Или вы гнушаетесь, чтоб быть вам в подданстве всероссийской империи, не токмо, вы яко степные звери, но многие самовластные цари и ханы в подданстве всеросийском имеютца: первое — царь грузинский, Аюка хан калмыцкой, Аликула хан Усми хан Кагацкой, — и многие к тому (л. 21) приличныя я им слова говорил. И как они касацкая старшина от меня слова выслушали и, выступя из них Букембат Батырь стал говорить Абулхаир хану: по желанию твоему быть в подданстве всеросийском желаем и в том себя присягою утвердим. И Абулхаир хану и Букембат Батырь и протчие знатная старшина того числа учинили присягу, а большая часть не присягали, стали быть противны; потом меня отослали в свой обоз, и противные партии стали умножаться с того числа и об'являти мне на каждой день смерть, и Абулхаир хан чрез два или три дни и Букембат Батырь ко мне прихаживали и со мною советывались, как с киргис-касацкими (л. 21 об.) старшинами поступать и увещевали меня, чтоб я знатных старшин 30 человек подарками удовольствовал, которых я нижайший сукнами, бобрами и протчими товарами удовольствовал и оные 30 человек стали держать Абулхаир хана партию и Букембат Батыря.

Того ж октября 20 числа в полночь прислали ко мне Абулхаир хан, чтоб я прислал к нему сукна 60 аршин всякого цвету да карамазинного 50 аршин, 20 бобров, 40 выдр, 20 юфтей, красных кож 5, косяков камки 5, чернобурых лисиц 3, тюня китайки для роздачи знатным киргис-касацким старшинам и приказал ко мне чрез своего человека, ежели я к нему вышепоказанных товаров не пришлю, то де заутра (л. 22) нас с ним предадут смерти, и паки вторично прислал с тем, ежели к нему вышеоб'явленного числа товаров не пришлю, то де он хан велит отнять насильно, за то де на него хана всемилостивейшая государыня и-ца гневатца не будет, понеже де он хан трудитца, яко диких людей привести в подданство всеросийское; и вышепоказанных товаров отослал я з башкирцом Тамосом Шамовым, и оные товары хан киргис-касацким старшинам роздал все без остатку, и оные старшина, которые от хана и от меня подарками довольствованы, те учинили

присягу, чтоб быть в подданстве всероссийском и, ежели хто на то будет противен (л. 22 об.), и противу тех, чтоб не жалеть своего живота. А после того явилася другая противная партия и два раза на меня и на хана приступали, чтоб меня убить до смерти. Однако с помощиею божиею в обозе ничего они мне учинить не могли, и напали на меня при море Аральском, когда стали кочевать, чтоб меня убить до смерти или поймать живьем да замучить, и при кочевье ничего учинить не могли, токмо, поймав, увезли от меня одного знатного башкирца Тамоса Шамова и мучили ево тирански. Потом послал Букембат Батырь брата своего Худа Назар Мурзу к тем противным касаком, чтоб их от злаго намерения уговорить и башкирца Тамоса от них свободить. И он Худа Назар оных противных касаков от злаго намерения уговорил, и башкирца Тамоса от них свободил, и знатных старшин привел к хану, которых я подарками удовольствовал, и оные старшина в подданстве всероссийском быть присягали и к пунктом свои знаки приложили. И как Абулхаир хан и Букембат Батырь. Малую орду успокоили, и отправили в Среднюю орду Худа Назару Мурзу к Шемяхи хану с тем, что Малая Орда в подданстве всероссийском быть все присягали и ясак платить обещали, а имянно Абулхаир хан своего владения четыре тысячи лисиц, зять его Батырь Махометь салтан своего владения 1 000 лисиц, (л. 23) да 1 000 корсаков, да сын Абулхаир хана Нурали салтан своего владения 1 000 лисиц, чтоб и он Шимяхи хан, уговоря своих старшин, принял подданство всероссийское, и он Шемяхи хан на разсуждение Худа Назара Мурзы склонился быть в подданстве всероссийском, в том и присегал и ясак платить с своего владения обещал, а именно 2 000 лисиц, да 1 000 корсаков, на что дал письменное обезательство, а других ханов, салтанов и старшин в Средней орде к тому склонять, чтоб привести в подданство он Шемахи хан обещал, понеже киргис-касацкая орда из древних лет разделена на три части, а имянно Болшая, Средняя и Малая Орда (л. 24) Улуюз, Ортаюс, Кичеюз. Большая орда кочюют за бухарами в дальном разстоянии, и с Среднею, Малою ордою не с'езжаютца, у них же хан особливой. Средняя орда кочует около Тобольска, а ханами у них Шемяхи хан, да Кочек хан, двое салтанов Борак салтан, да Оболмаметь салтан, а в Малой орде один Обулхаир хан, да двое салтанов зять ево Батырь Махометь салтан, да сын ево Нурали салтан. Городов у них никаких нет и вся орда киргис-касацкая кочевная, а довольствуютца скотом, но и больше ловят лисиц и корсаков довольно, а хлеба не пашут. А в Среднюю орду за дальностию ныне зимою я не поехал, а поеду к нему весною и что другия ханы ясак платить обещать будут, в том у них возьму письменное (л. 24 об.) обязательство и буду ханов и салтанов и знатных старшин приводить к присяге.

Абулхаир хан между протчими ханами у них был в великом почтении, а ныне на него Абулхаир хана все злобятца за то, что он просил быть в подданстве всероссийском один, и подлинное намерение Абулхаир хана чрез многия разговоры узнал[и], и он мне об'явил чего ради он один без согласия других просил быть в подданстве всероссийском. Первое, ханы у них несамовластные; второе, — не наследные, а он Абулхаир хан желает, чтоб протекциею ея императорского величества быть ему самовластным и дети б ево по нем были наследники так, как Аюка хан волен над своими (л. 25) калмыками и ежели впредь неиспортитца Абулхаир хан ныне так верно поступает к стороне росийской как надлежит доброму человеку и верному слуге, а как Букембат Батырь в бытность мою в киргис-касацкой орде стал верные услуги казять, понеже от Букенбат — человек доброй совести и умной, и я нижайший от смерти избавился им, понеже с приезду моево в киргис-ка-

сацкую орду декабря по 25 число 731 году всегда киргис-касаки имели намерение, чтоб меня и хана убить до смерти, токмо спаслись охранением Букембат Батыря, о чем пространно о верных службах Букембат Батыря и на меня о вседневных нападениях об'явлено будет во вседневной моей записке. И взяли меня и хана (л. 25 об.) он Букембат з братом и зятем в свои улусы, чтоб киргис-касаки не учинили мне какой противности, и ныне живем у них, и киргис-касацкая орда склонилась в подданстве всеросийском быть чрез добродетельное старание ево Букембат Батыря, и об'явил он мне Букембат Батырь свою тайность и просил меня, ежели де, паче чаяния, киргис-касацкая орда не состоит в слове и отстанут от подданства всеросийского, то он Букембат Батырь и зять ево Есеть Батырь и брат ево Худай Назар Мурза от них киргис-касаков отстанут и желают быть под рукою ея императорского величества всеросийского и кочевать бы им было вольно по реке Яику. И оное их (л. 26) намерение ея и. в. угодно будет ли, и ежели же протчия киргис-касаки будут нападать на них, чтоб для споможения им Букембату Батырю указ на Уфу к башкирцам и яицким казакам пришлетца ль, то он Букембат Батырь з зятем обещают киргис-касацкую орду привести в подданство всеросийское, в два года саблею, а владения у них Букембая Батыря з братом и зятем ево будет 7 000 кибиток, а ежели де киргис-касацкая орда по присяге своей будет крепка стоять в подданстве всеросийском, то он Букембат Батырь з зятем ево будут с ними киргис-касаками жить мирно и постоянно, на что я их Букенбай Батыря з зятем обнадежил намерение (л. 26 об.) их ея и. в. милостивно за благо принять соизволит, и на Уфу башкирцам и яицким казакам, и где кому способно будет им споможение чинить, указы приплютца. И по том Абулхаир хан и Букенбай Батырь и зять ево Есет Батырь и брат ево Худа Назар Мурза в том намерении себя крепко и верно утвердили и вторично присягали, а мое слабое мнение, чтоб Абулхаир хана и Букенбай Батыря з зятем и з братом ево всеконечно надобно со обнадеживанием от киргис-касаков оторвать, ибо я у них видел, буде Букенбай Батырь з зятем от них киргис-касаков отстанут, то киргис-касацкая надежда вся пропадет однако ныне (л. 27) как можно видеть, что вся орда утишилася, только я еще с протчими в Средней орде ханами не видался, с салтанами и старшинами, а в майе месяце всегда у них живет собрание, где будут ханы, салтаны и знатная старшина, и я сего 732 году в майе месяце со всеми увижусь, а которые ханы и салтаны присягали и обязались письменно, чтоб быть в подданстве всеросийском и ясак платить каждой что из своего владения, и просили меня что с тем известием желают они отправить к ея и. в. посланцов своих: Абулхаир хана посланец — свойственник Букембат Батыря — Баке Батырь, с одним служителем, а от Шемяхи хана (л. 27 об.) двое посланцов: Кулбака Теленгут, а другой — Яи Лган и при них один служитель Амаллык; от зятя Абулхаир хана Батыря салтана посланец Махометь Ходжа с одним служителем, от сына Абулхаир хана Нурали салтана посланец Чека Теленгут, жены Абулхаир хана — посланец Машкар. И оных посланцов пожаловать, наградить, понеже то приятно будет другим ханом и салтанам подданство всероссийское принять; посланцу Абулхаир хана свойственнику Букембат Батыря Баке Батырю, да Шемяхи хана посланцу Кулбаке Теленгуту по 50 руб. по 5 аршин хорошего сукна, да по чернобурой лисице человеку (л. 28). Шемяхи ж хана посланцу, другому и Батырь салтану посланцу по 40 руб. и по 4 аршина сукна и по одной лисице человеку, Нуралы салтана посланцу, и жены Абулхаир хана посланцу по 30 руб. по 4 аршина сукна и по одной лисице человеку, 3-м кощеем по 10 рублев человеку, особ-

ливо Абулхаир хана посланца Баке Батыря надобно пожаловать тайно, сверх той дачи, еще тритцатьт рублев, да сукно, чтоб Букенбаю было то приятно, а кормовых денег первым двум персонам по 15 коп., а протчим 4 человеком по 12 коп., а 3-м кощеем по 7 коп. на день человеку, а на дрова и на свечи опричь кормовых, а при от'езде (л. 28 об.) пожаловать им кормовых денег на два месяца; да с оными ж посланцами соблаговолят пожаловать прислать киргис-касацким владельцам за доброе их намерение, что они подданство всероссийское приняли, милость ея императорского величества несколька товаров, сукна, черныя лисицы, выдры, юфть, а именно Абулхаир хану на 100 руб., Шемяки хану на 100 руб., Батырю салтану на 70 руб., Нурали салтану на 50 руб. и оное им зло принято будет; на то смотря, другие ханы и салтаны будут в подданство всероссийское проситься и ясак платить с великою охотою и мне совершить свою комисию (л. 29) будет очень легко. И государственная колегия иностранных дел соблаговолит, особливо пожаловать ко мне, прислать с башкирцом Кидрясом, да з дворянином Кирилою Барабанщиковым на 300 руб. товароз ис казамазинных сукон, краснова 40, зеленова 20 аршин, ценою по 2 руб. по 50 коп., ис простых сукон, краснова 20, да зеленого 20 аршин, пять лисиц черных по 10 руб. лисица, да 5 лисиц по 5 руб., выдр, лисиц 10, порешень 10, юфтей, красных кож на дачю в Средней орде ханам, салтанам и старшинам, понеже у меня не осталось ничего товаров и свои вещи и платья с плечь все роздал и тем их в подданство всероссийское привел, (л. 29 об.) и от злаго намерения утишил. Да на содержание мое пожаловать прислать червонных, понеже я у себя не имею, денег ни копейки, и пропитания имею в долг, чтоб мне, здесь живучи, не принять посрамления, а с приезду моего и поныне от страху, от голоду и холоду приемлем несносную трудность, того ради что в киргис-касацкой орде мне корм не дается, и я у них прошу, и тем их не озлобляю, понеже де они киргис-касаки преж сего такова обычая не имели и ныне едва приходят на истинной путь. А что Абулхаир хан писал ко мне в Уфу, якобы бухарской и хивинской ханы просили чрез него, Абулхаир хана, чтоб быть в подданстве всероссийском и то неправда (л. 30). А от бухарского хана к нему Абулхаир хану прошения такого не было, токмо от хивинского хана к нему Абулхаир хану при мне прислан был посланец, и я с ним виделся, и о том разговоров никаких не было, а наивяще оной посланец возмущал киргис-касацкую орду, чтоб они подданства всероссийского не принимали, а меня бы убили; однако ж оной посланец мне учинить ничего не мог. Токмо де он Абулхаир хан в ту меру писал, что он желает Бухар и Хиву в подданство всероссийское привести не волею, а ныне он Абулхаир хан послал сына своего Нурали салтана к брату своему в Хиву с тем, чтоб он конечно принял подданство всероссийское, тако ж договоритца о комерции, что бухарские (л. 30 об.) и хивинские купцы в Росию ездили чрез киргис-касацкую орду. На то я ему Абулхаир хану в разсуждение предлагал, что [бы] на то ево склонить, понеже чрез киргис-касацкую орду комерции быть невозможно: киргис-касаки — люди дикия и непостоянныя и страху от ханов не имеют, буде купцам какую пакость зделают, то будет вам ханам безславие,— разве учинить так, буде бы Абулхаир хан просил у ея императорского величества, чтоб милостиво указать соизволила на устья реки Ор, где впала в реку Яик, зделать крепость, и в той крепости надлежит тебе хану зимовать и из киргис-касацких старшин изо всякого роду по одному человеку быть тут во оном же городе (л. 31) у киргис-касацких дел судьями погодно; ежели кто из киргис-касаков провинитца, чтоб они судьи по указом ея и. в. учинили тем пристойное наказание, и потом можно надеяться,

киргис-касацкая орда будет жить спокоем и купцам обид чинить не будут, и тебе хану будет беспечально. На что он Абулхаир хан склонился и с радостию за благо принял, а по моему слабому мнению, на устья реки Ор всеконечно надобно зделась фортецию, для того первое, что киргиз-касаки аманатов давать на Уфу из детей старшин отказали, а как они из самих старшин из каждого роду по одному человеку учинят яко судьями у киргис-касацких дел в том городе жить, ясак збирать и в Москву отсылать погодно, то они будут вместо политичных аманатов, и киргис-касаком пакости делать росийским подданным будет невозможно, понеже оная крепость будет им касакам великой страх, а росийским (л. 31 об.) подданным превеликое охранение, и ежели оная крепость построена будет, то в Бухар, в Хиву, в Ташкент, и в Торкустан караванам ходить будет зело способно, ибо от Уфы Хива ближе, нежели от Астрахани, понеже устья реки Ор от города Уфы разстоянием 550 верст, а Хива от того ж устья 600 верст, а до Бухар от того устья 800 верст, и дорога зело способная, воды довольные, о чем впредь об'явлено будет в ланткарте ясно,— а ныне ланткарты зделать было никак не возможно,— и опасности купцам не будет, понеже в конвое для провожания будут киргис-касаки сами.

Да прошедшего декабря 26 дня 731 году призван я был к Абулхаир хану где были и старшина касацкая, и об'явили мне: в прошлом де 729 году от него Абулхаир хана отправлен был посланец Бексулат с товарыщи 4 человека в Табольск, которой и поныне держитца под караулом в Тобольску, и тем они меня многократно упрекали, на то я им сказал, оной посланец зачем от них послан был в Табольск и за какую притчину он одержан, о том я и известия не имею, знатно за ним посланцом ваши киргис-касаки учинили росийским подданным какую пакость, может быть, по вашему обычаю (л. 32.) и одержен был, понеже у вас то над послами делаетца. И при той конференции о полонениках с ними я имел разговор, чтоб росийских пленников они отдавали, а которыя есть от них в полону в Руси, и те им отданы будут без окупу, и к тому многия пристойныя резоны им говорил, и на то ханы склоняются, токмо народ киргис-касацкий того не желают, а желают, чтоб как великоросийских, так и киргис-касацких пленников, положа цену, отдавать на выкуп, токмо я без позволения государственной коллегии иностранных дел о цене с ними договариваться не смею. Однако сколько возможно будет, (л. 32 об.) домогатца, представляя пристойные резоны, чтоб безденежно возвращали.

А как я нижайший до владения каракалпацкого доехал, тогда каракалпацкий хан прислал ко мне письмо и при том для договору прислал три человека из духовных да пять человек из знатных старшин просить, чтоб ему своею ордою всемилостивейшей государыни и всероссийской быть в подданстве и ясак платить не желают, токмо из них один знатной старшина, называемой Уразак Батырь, обещался (л. 33) домогатца их каракалпак привести к тому, чтоб и они ясак платили. И имелися у них, каракалпак, завоеванные тому назад с 60 лет, наши башкиры двести кибиток, и они мне оных отдать обещали, а о росийских пленниках я им довольно говорил, чтоб они, показуя первую верность к ея и. в., росийских пленников отдавали, и то б было ея и. в. зело приятно, и еще на то не склоняются, ибо скоро их на истинной путь привести отнюдь не возможно, понеже оныя народы люди дикие. (л. 33 об.) И государственная коллегия иностранных дел ежели вышеоб'явленное Абулхаир хана и Букенбай Батыря намерение за благо принять соизволит, чтоб в запас на Уфу к башкирцам и яицким казаком и где кому способно будет для споможения Букенбай Батырю и зятю ево Есет Батырю прислать ея и. в. указы, и о строении на устье

реки Ор города Абулхаир хана обнадежит ли, а о вышесказанном посланце Бек Булате с товарыщи четыре человека в Тобольск соблаговолит послать ея и. в. указ, чтоб привесть (л. 34.) их в город Уфу неумедля, а меня нижайшаго уведомить, за что оной посланец одержан был в Тобольску, чтоб я в собрании в майе месяце киргис-касакам о том мог ясно пред'явить, и оного посланца из Уфы им отдать ли, а ежели отдать, то им будет очень противно; и о пленниках, ежели не склонятся безденежно возвращать, денежною ценою договариватца ль, а посланцов Абулхаир хана и протчих соблаговолит возвратить к майю месяцу, а ежели оныя посланцы к майю месяцу не возвратятся, то в договорах учинится превеликая остановка, то дожидатца мне будет другова году; покорно (л. 34 об.) прошу государственной коллегии иностранных дел присланного от меня дворянина Кирилу Барабанщикова за многия ево верныя службы и всеусердныя труды пожаловать ево Барабанщикова в Уфимския дворянския роты вахмистром и о том в Уфу послать ея и. величества указ, понеже он Барабанщиков человек доброй не токмо что в ундер, но и в обор-офицеры достоин. А башкирцу Кидрясу Моллокаеву пожаловать пятьдесят рублев денег и на кафтан сукна, понеже он Кидряс во интересах ея императорского величества верной слуга (л. 35.) и многократно видел смерть и зело доброжелателен к росийской стороне, и ежели он будет награжден то и протчия башкирцы, которыя имеютца при мне, на то смотря, будут во интересе ея и. величества, не жалея живота своего, со усердием служить, а киргис-касацкая орда будет числом 40 000 кибиток, каракалпацкая орда числом 10 000 кибиток.

Из Аральского моря.

Переводчик Маметь Тефкелев.

Донесение М. Тефкелева в коллегию иностранных дел, 20 июня 1732 г.[1].

(л. 152.) Понеже указ ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы из государственной коллегии иностранных дел, отпущенной из Москвы декабря 2 дня прошлого 1731 года, в касацкой орде получен апреля 9 дня сего 1732 году, в котором написано, чтоб по отправлении врученной мне в козацкой орде комиссии с'ехаться у Аральского моря с полковником от артиллерии господином Гарбером, которой отправлен в Хиву и в Бухары и, с'ехався о предложениях и желаниях бухарского и хивинского ханов о подданстве их к ея императорскому величеству обстоятельно (л. 152 об.) сообщить и ехать с ним полковником для того дела в Хиву и в Бухары, понеже ему полковнику помянутых ханов в подданство ея императорского величества принять велено и во всем ему полковнику чинить всякое споможение. А я нижайший, будучи в касацкой орде о нежелании бухарского и хивинского ханов к ея императорского величеству в подданство уведомился подлинно, понеже от Абулхаир хана декабря 19 числа прошлого 1731 году послан был сын ево Нурали салтан к хивинскому хану и всей хивинской Речи Посполитой, чтоб и они были в подданстве империи росийской, а возвратился Нуралы салтан в касацкую орду марта 2 дня сего 1732 г. от хивинской Речи Посполитой (л. 153) с великим недовольством и озлоблением за то, что он Абулхаир хан с своею ордою пошел в подданство росийское, токмо он Абулхаир хан за ту обиду сына своего об'явил с хивинцами войну и послал сына

[1] ГАФКЭ, МИД, «Киргиз-кайсацкие дела», 1732 г., лл. 152—159.

своего Нуралы салтана, сообщась с оральским ханом, Хиву воевать. А марта 28 дня сего 1732 году уведомился я чрез Абагай салтана, что господин полковник Гарбер, не доезжая Хивы, кайсаками ограблен таким образом: понеже он Абагай салтан ездил с Батырь салтаном в трухменскую землю воевать трухменцов, а войска при нем Батырь салтана было 1750 человек и, едучи в Трухмен, от него Батырь салтана отстал один из противной партии (л. 153 об.) старшина Бахтыбай и с ним касаков 150 человек, которые поехали к вольским калмыком, чтоб отогнать лошадей, а Батырь салтан, ведая, что калмыки в подданстве ее императорского величества, отправил от себя со известием двух человек к калмыцким владельцам, чтоб от оного Бахтыбая были опасны. И наехал оной вор Бахтыбай на господина полковника Гарбера и осадил ево на степи в безводном месте и сидел де он господин Гарбер от него в осаде 12 дней; а Батырь салтан как возвратился назад, уведомились при нем войско касацкое, что оной вор осадил полковника Гарбера, поехали к оному вору в помочь, а он салтан от такого их намерения унять не мог, понеже они (л. 154) касаки люди вольныя и ханов мало слушают. И как приехали ко оному Бахтыбаю и вознамерились, соединясь с ним Бахтыбаем, его Гарбера розбить и пожитки разграбить, а самих в полон побрать; токмо он Батырь салтан да один доброжелательной старшина Тягриберди их кайсаков до того не допустили и уговорили их, чтоб они кайсаки взяли у него Гарбера пожитку половину и на том помирились, и дал де им кайсакам Гарбер 250 верблюдов с товарами, а 250 верблюдов с товарами взял себе. И как он Батырь салтан приехал в касацкую орду, уведомился Абулхаир хан и все знатная старшина, что касаки такую пакость учинили (л. 154 об.), жестоко на него Батыря салтана осердились, токмо он Батырь салтан от того со свидетельством оправился, якобы он тому не виноват, и о том доброжелательныя старшина зело имели сомнение, что плуты чинят такия пакости, а ее императорское величество на них де на всех гнев держать будет, токмо я доброжелательных старшин обнадеживал тако: понеже указом ея императорского величества за дела плутов добрыя люди наказаны не бывают, ибо всяк по своим делам ответствует, и на то все доброжелательныя старшина обратились и наивящее себя в верности утвердили, а Батырь салтан многократно просил меня со слезами, чтоб я отписал об нем в государственную колегию иностранных дел (л. 155) ево оправдать, понеже хотя зделали такую пакость касаки, а злое слово осталось на него; тако ж де Букембай Батырь советовал мне, чтоб я в собрании не прилежно оной табор претендовал, понеже де противныя касаки еще не вовсе в подданстве росийском утвердились, а как де утвердятся, то де и после можно на них взыскать. Да в феврале месяце сего году касаки поехали к калмыкам вольским, чтоб отогнать лошадей, а Букенбай Батырь, показуя верность к ея императорскому величеству, послал от себя к калмыцкому владельцу Доржи Назарову со известием 7 человек, чтоб они от касаков были опасны, которых на дороге поймали яицкие казаки, а он Букенбай Батырь о измене к ея императорскому величеству калмыцкого владельца Доржи Назарова с сыном тогда не знал и просил меня он Букембай Батырь, чтоб я отписал в коллегию иностранных дел, дабы оныя касаки 7 человек за ево верныя к ея императорскому величеству службы были освобождены и присланы б были для отдачи в город Уфу. Да прошедшаго майя в 11 день в касацкую орду к Абулхаир хану приехали от калмыцких владельцов от Доржи Назарова и от сына ево Лобжи два человека калмык с письмами называемые Берген Хашка, Даменко, которыя присланы от них владельцов в касацкую орду нарочно возмушать

Абулхаир хана и Букембай Батыря, Есеть Батыря и всю касацкую орду, чтоб они не шли в подданство росийское и дали б кайсацкого войска, соединясь с калмыками (л. 156) Доржи Назарова, воевать российския городы и сына Аюкай хана Черендундука, а наибольше возмущали итти воевать росийския городы, понеже российской народ — люд не воинской, яко сорты, сиречь посацкия или пахотныя мужики, а Доржи Назарова сын Лобжа почитает росийских людей вместо мышей и может де он Лобжа руских людей отдать, взяв за уши. Тако ж де оныя Доржи Назарова с сыном присланныя калмыки тяжко поносили высокую и дражайшую персону ея им-го в-ва всемилостивейшей государыни императрицы везде в публичных местах и об'явили оныя калмыки кайсакам, что Доржи Назарова сын Лобжо столько побил росийского войска, что их калмыки ездили не на земле, но по телам российского войска и об'явили оныя посланцы Абулхаир хану (л. 156 об.), что владелец их Лобжа желает отдать дочь свою за сына Абулхаир хана и дает де приданова... и всякого скота довольное число; також де обещает Букембаю Батырю и Есеть Батырю по 200 лошадей и по 100 верблюдов. И потом я стал в разсуждение говорить Абулхаир хану и Букембаю и Есеть Батырям, чтоб они к ея им-у в-ву всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской многие свои верныя в привождению касацкого народа в подданство росийское труды не теряли и на слова неосновательныя и возмутительныя калмыцких посланцов не смотрели и плутовским бы обманом не верили и не отложились бы они от росийской империи и стояли б по присяге своей крепко и постоянно, понеже (л. 157) российская империя в свете славное государство яко не поколебимой столп, и когда касацкой народ увидит на себя от неприятелей нападения, то может вся орда касацкая спастися высокою протекциею российской империи и жить будет спокоем, а оныя плуты и изменники Доржа Назарова с сыном Лобжою, яко ветры, не токмо, чтоб другому народу помогать могли, и себе основания не имеют и преж сего они охранены от неприятеля бывали высокою протекциею ея им-го в-а и потому можно знать, что он Доржа токмо с сыном плутуют, а главной их калмыцкой Аюки хана сын Черендундук стоит и ныне ея императорскому величеству во всякой верности, а он изменник Доржа с сыном своим Лобжою будут за их противныя поступки указом ея императорского величества наказаны, а присланныя (л. 157 об.) калмыки за продерзостныя слова будут повешены. И на то Абулхаир хан и Букенбай и Есеит Батыри сказали, что они сами знают, что калмыцкая орда — ветр, а российская империя — не поколебимой столп и от российской империи до смерти своей руки своей не отымать и до капли своей крови ея им-у в-ву по присяжной своей должности служить верно будут. И при отпуске оным калмыцким посланцом об'явил Абулхаир хан тако, что он Абулхаир хан со владельцом их Доржою Назаровым и с сыном ево Лобжою единомышленно россиских городов воевать не будет и своего киргис-касацкого войска к ним не пошлет и дочь владельца Лобжи за сына своего не возьмет (л. 158) и на великие приданыя не соблазнится для того, что он владелец Лобжа стал быть ея им-у в-ву противен, и присягу свою не нарушит и тем изменническое имя себе не примет; и Букембай Батырь к нему владельцу Доржe Назарову по письму ево не поехал. И ежели за такия их противности повелено будет указом ея им-го в-ва владельца Доржу Назарова и сына ево Лобжу разорять, то он Абулхаир хан пойдет со всем своим касацким войском разорять оных владельцов со всяким своим усердием, а числом кайсаков в Средней и в Малой орде имеется 80 000 кибиток. И в приезд оных калмыцких посланцов столько трудился Абулхаир хан и Букембай и Есеит

Батыри, чтоб, смотря (л. 158 об.) на слова калмыцких посланцов, касацкая орда не возмутилася, хотя б всякое российское подданное, по своей должности возымел такия труды, понеже уже многия касацкая старшина на возмутительныя слова калмыцких посланцов обратилися было, однако, слава богу, трудами Абулхаир хана и Букембай Батыря вся орда утишилася и до такой злой причины не допустили и оных калмыцких посланцов хотели самих послать к ея им-у в-ву, токмо того им зделать было нельзя, понеже калмыцкия владельцы удержали у себя касаков из старшин 5 человек, пока их посланцы возвратятся, да и в Среднюю орду отправлены от него ж владельца Доржи Назарова с сыном (л. 159) два ж человека калмык для возмущения ж и просить войска воевать российских городов и отговаривать, чтоб Средняя орда не шла в подданство российской империи. Токмо минувшего майя в 21 день приехал ко мне из Средней орды знатной старшина Чак Чак Букембай Батырь, и он Букембай Батырь, как уведомился чрез меня, что калмыцкие посланцы поехали для возмущения в Среднюю орду, и отправил от себя наскоро в Среднюю орду к знатным старшинам, чтоб они на возмущение калмыцких посланцов не смотрили и соблазным бы словам их не верили, и надеется он Чак Чак Букембай Батырь, что в Средней орде старшина их возмутительные калмыцкия (л. 159 об.) слова не примут и Российской империи злое мыслить не будут. А для моей комисии Средняя и Малая орда собрание в майе месяце отложили до июля месяца для того, что не приехали их посланцы из Москвы, а письма калмыцкого владельца Доржи Назарова и Лобжина Абулхаир хан посылает чрез своего посланного при листе своем. Покорно прошу оного посланного от Абулхаир хана милостиво приказать наградить, понеже то будет Абулхаир хану и всем доброжелательным старшинам приятно и наивящее будут к ея им-у в-ву служить верно.

Ис касацкой орды, от реки Иргин, июня 20 1732 году о сем доносит

переводчик Маметь Тефкелев.

Из краткого описания о положении и состоянии киргиз-кайсацкого народа [1].

(л. 32) Первее всего надлежало бы здесь показать о начале и происхождении киргиз-кайсаков, следовательно, и о первобытном их состоянии, так и о том, с которого времяни зделались они известны россиянам, но сего по делам, у генерала-прокурора производимым, а частию и по другим сведениям, из которых сие описание извлечено, не видно, ибо до 1782 года все дела, до сего народа относящиеся, ведомы и производимы были в коллегии иностранных дел, где между другими обстоятельствами есть, может быть, в оной и о сем достоверное сведение; в том же 1782 году по случаю выбора в Средней киргиз-кайсацкой орде ханом султана Вали и посылки от него ко двору ея и. в. нарочных с прошением высочайшего утверждения его в том достоинстве, его сиятельство г. действительный тайный советник граф Александр Андреевичь Безбородка сообщил (л. 32 об.) покойному действительному тайному советнику князю Александру Алексеевичу Вяземскому в письме от 3 генваря того года, что ея и. в. по прочтении о том репорта в коллегию иностранных дел от правившаго тогда должность генерала-губернатора иркутского и колыванского генерала-порутчика Якоби ото-

[1] ГАФКЭ, МИД, «Киргиз-кайсацкие дела», 1793 г., лл. 32—68 об. Заголовок подлинника. Документ даты не имеет, на основании разных мест текста должен быть отнесен к 1796 г.

зваться изволила, что орда сия в числе подданных ея величества состоит, то и не свойственно департаменту, постановленному для отправления внешних дел, вступать в распоряжения, кои не инако, как внутренними почестся долженствуют. Известно, что прежде зависели от коллегии иностранных дел многие подданные народы и провинции, но ея и. в., находя сие вовсе несходствующим с образом управления, оные из той зависимости из'ять и губернаторам и протчим военным и гражданским начальникам подчинить соизволила; (л. 33) следуя тому, повелевает ея величество и о сих от подданной ей Средней киргизской орды присылаемых нарочных: 1) чтоб их не именовать, как прежде бывало, посланниками, но депутатами; 2) чтоб от правящего должность генерал-губернатора препровождены они были к генералу-прокурору так точно, как и все ко престолу монаршему от губерний присылаемые депутаты препровождаются; 3) чтоб генерал-прокурор, приняв их прозьбы и желания, представил их ея величеству обыкновенным порядком и о доставлении им в прошениях их монаршей резолюции имел старание; 4) чтоб в разсуждении найма квартир таковым от орд присылаемым депутатам, содержания их, подарков при приезде и отпуске — поступлено было по прежним примерам, получая о том сведение от коллегии иностранных дел; 5) чтоб коллегия сия по требованиям генерала-прокурора не только таковое сведение (л. 33 об.) доставляла, но чтоб по надобности на то время в переводчиках, толмачах и других людях подавала всякое пособие; 6) но что принадлежит до донесений ей о сих народах по политической части и по соседству и связи их с прочими пограничными империи всероссийской, в том поступать по прежнему. На каковом основании с того 1782 года поныне и поступается. И так обо всех особливого примечания достойных о киргиз-кайсаках обстоятельствах и произшествиях, какия с вышеупомянутого 1782 года поныне у генерала-прокурора известны, и какия высочайшия повелении последовали, из'ясняется в нижеследующем с показанием во-первых разделения сего народа, границ, числа их, права и законов яко то [1]:

1

(л. 34) Весь народ киргизской разделяется на три орды: на Большую, Среднюю и Меньшую, из коих последния две состоят в подданстве ея им-го в-ва, а именно Средняя пришла в подданство, как из Оренбургской истории видно, в 1740 и 1742 годах, а Меньшая — в 1730 и 1738 годах; каждая же орда разделяется на особливые роды, а некоторые из оных на разныя колена; каким же случаем и почему сии орды на три части под вышесказанными имянованиями разделены, по делам неизвестно, так как и в упомянутой истории сказано, что сведения об оном не получено.

2.

Из сих орд граничат Меньшая к Оренбургской линии, и киргизцы сей орды кочуют на двух речках, имянуемых одним имянем Бурсуки, на вершинах Орь реки и по рекам Илеку, Эмбе и в оную впадающим. (л. 34 об.) Также и ниже Уральского городка на речках, впа-

[1] В протчем видеть можно многия любопытныя о киргиз-кайсаках обстоятельства и сведения из истории и топографии Оренбургской в ежемесячных сочинениях при здешней Академии Наук первой в 1759, а другой в 1762 годах напечатанных. (Прим. подлинника.)

Здесь имеется в виду «История Оренбургская», составленная — П. И. Рычковым, который с 1734 по 1777 г. заведывал перепиской главных начальников Оренбургского края.

дающих в реку Урал, до Гурьева городка и до Каспийского моря. Средняя орда, прилегая к Сибирским линиям, кочует по рекам Тоболу, Ишиму, на вершине реки Иртыша и при урочище называемом Кук-Тау. Большая же Орда в которых точно местах кочует, по делам у генерала-прокурора сведения нет, а из вышеупомянутой Оренбургской истории видно, что смежна она с зюнгорцами позади Ташкента и Туркестана.

3.

Касательно числа народа, состоящаго в обеих вышеозначенных Меньшой и Средней ордах, то в 1783 году г. генерал-порутчик Апухтин [1] писал, что о сем хотя подлинного сведения и нет, однако ж достоверно полагать можно, что ежели бы повиновались они начальствующим и имели бы между собою связь (л. 35), то могло бы их собраться годных к вооружению тысячь до ста, но как они род против рода имеют всегда между усобную ненависть, то и не могут никогда составить из себя общества в великом числе [2].

5.

(л. 35 об.) Закону все они хотя магометанского, но менее всех правила его содержат по весьма малому об этом сведению, ибо из числа грамотных людей никого почти нет, для чего и имамов, или попов собственных своих они не имеют, а посылают к ним по большой части как для отправления по их закону службы, так и писарской должности оренбургския и уральския, грамоте умеющие, татара, а равно и из других мест ими призываются, из коих первым и жалованье производиться от Оренбургской пограничной экспедиции, ибо грамоте знающих людей из их народа прежде у них не было, да и ныне нет, кроме нескольких султанов, имевших случай обучиться у вышесказанных татар.

6.

Живут они все скотоводством, а многие из них и ловлею зверей промышляют, в чем их и главное богатство и торг состоит, хлебопашества же никакого не имеют и ни к каким учениям и художествам не прилежат.

7.

(л. 36) Народ киргизской упомянутых двух Меньшой и Средней орд управляется ханами, султанами, биями и старшинами; закона однако же политического или гражданского на письме никакого они не имеют, да и иметь за неумением, как выше значит, грамоте нужды не находят, и для того письменно никогда не судятся, но на словах по образу третейского суда, и то естьли обе стороны похотят сами;

---

[1] Оной находился тогда в должности генерала-губернатора Уфимского. (Прим. подлинника).

[2] Из Оренбургской же истории в 1762 году, как выше значит, напечатанной видно, что о числе людей в двух подданных ордах хотя точного известия и нет, но то не сумнительно, что от 40 000 до 50 000 к воинскому делу способных людей легко может собраться, почему, ежели сие и г-на Апухтина показание достоверно, можно судить, коликое приращение в том народу в течении 20 лет последовало, а Большая орда людством против других орд гораздо менее и убожее. (Прим. подлинника.)

в противном же случае никто и ниже сам хан не может к суду принудить; а дабы обидчика заставить самаго искать суда, то весь род обиженного делает над улусами его репресаль и забирает от него скота такое количество, что б могло его самого принудить искать суда. И так выбирают уже третьих, которыя судят их по натуральным правам, обвиняя почти всегда начальщика ссоры. Хотя же на суд сей и никакой нет (л. 36 об.) аппеляции, но обвиненной редко повинуется судейскому приговору, а получает обиженной удовольствие захватом же скота, в каковом случае и другия делают иногда оправданному помощь; но по большой части, естьли обвиняемой сильного рода, то оправданной остается всегда без удовольствия. Во отвращение каковых безпорядков, по безпримерному ея им-го в-ва милосердию и о сем народе, учрежден в Оренбурге для разбирательства дел киргиз-кайсаков Меньшой орды пограничной суд, и в самой той орде несколько расправ, так как об оном подробнее ниже сего в своем месте об'яснено будет.

8.

Ханы выбираются самим народом на основании высочайших ея им-го в-ва повелений, главным пограничным начальником даваемых, и обвестительных к народу грамот, утверждаются же (л. 37) они торжественным образом высочайшими ея им-го в-ва за государственною печатью грамотами в присудствии тех же начальников по особливым обрядам. О каковом утверждении и народ извещается особливыми также грамотами, от имяни ея им-го в-ва из Сената посылаемыми, за государственною же печатью. При сем случае возлагаются на ханов знаки ханского достоинства, отсюда посылаемыя, яко то: соболья шуба с шапкою и сабля с следующею на ней насечкою золотыми литерами на одной стороне на российском, а на другой на татарском языке: «божиею милостию Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссийская, жалует сею саблею подданного своего (такого-то) хана киргиз-кайсацкой (такой-то) орды при утверждении его в сие достоинство (месяц) « » дня « » года». В 1793 году при случае утверждения бывшаго (л. 37 об.) пред сим в Меньшой орде хана Эрали установлены уже в правительствующем сенате формуляры обрядов избрания и утверждения ханов киргиз-кайсацких и на будущее время, кои и прилагаются здесь в копиях под буквами *А* и *Б*.[1] — Ныне в сих ордах ханами состоят: в Средней — Вали, а в Меньшой — старшей сын умершаго хана Нурали подполковник от армии ея им-го в-ва султан Ишим, которой избран ханом в прошедшем только 1795 году по смерти Эрали, и высочайше повелено в оном достоинстве его Ишима утвердить, по каковым же вследствие сего формулярам заготовляются в правительствующем сенате для отправления к тамошнему пограничному начальнику обвестительная грамота для народа и патент для хана так, как и присяга, и с их формуляров прилагаются при сем копии под буквами *В*, *Г* и *Д*.

9.

(л. 38). В обеих ордах городов нет, а кочуют киргизцы по степям улусами в так называемых ими кибитках, переходя с места на место, где удобнее скот свой продовольствовать они могут. И хотя в раз-

[1] Приложения, о которых упоминается здесь и ниже, нами не воспроизводятся.

суждении Меньшой орды, по представлениям г. генерала-аншефа барона Игельстрома, в данном ему высочайшем ея им-го в-ва от 3 июня 1786 года [указе], между протчим, сказано в 4 пункте: «разделение степи для киргизцов сперва на три части и построение там городов, тако ж, где прилично для главных их родов, мечетей, школ и гостинных дворов весьма нужны и полезны и, чем скорее вы к сему приступите, тем более нам приятно будет», в 13: «заводимые в степи города надлежит стараться прежде всего обрыть рвом и укрепить валом, дабы и работы в них успешнее производимы и оборона на случай воровских покушений (л. 38 об.) удобнее найдена быть могла, но при всем сем наблюдать крайнюю осторожность, чтоб толь диких народов не потревожить и не отвратить, а потому и во внушениях им о пользе и надобности сих городов и о нужде вперед для охранения их далее построить города или укрепления поступать с осмотрительностью, что вам, по пребыванию вашему на месте, гораздо способнее предвидеть, и так в том изворотиться, как лучше для службы нашей и спокойствия края вам вверенного сходне». Но было ли относительно сих городов, мечетей и школ какое от него Игельстрома или после от губернатора уфимского распоряжение, по делам у генерала-прокурора о сем ничего не видно; сколько же известно от приезжающих сюда из тамошняго края, то внутри обеих Средней и Меньшой орд городов, как выше сказано, еще нет, а равным образом и школ.— На основании же особливого высочайшего ея им-го в-ва указа, данного покойному г. действительному (л. 39) тайному советнику князю Александру Алексеевичу Вяземскому от 8 июля 1782 года, построены одни мечети по соглашению правящих должность генералов-губернаторов тамошних и командовавшего на Сибирских линиях, первая при Оренбурге, как по причине близости кочевья бывшаго тогда в Меньшей орде хана Нурали, так и в разсуждении приезжающих туда ежегодно киргизцов и других азиатских народов для мены товаров, вторая — при Верхне-Уральске по случаю расположения противу Верхнеуральской дистанции всех знатных старшин, а третья и четвертая — на Сибирских линиях, при Троицкой и Петропавловской крепостях в разсуждении продолжаемой в них торговли для лучшего по сему поводу приохочения к безпрерывному всех азиатцов приезду, а не менее и в разсуждении близости тогдашняго пребывания Средней орды хана. На построение сих мечетей ассигновано было 20 000 руб. в течение четырех лет и вследствие высочайших ея в-ва повелений, в письмах к тем гг. начальникам губерний от генерала-прокурора об'явленных, таковое построение их назначено было учинить не внутри упомянутых крепостей, а вне селений сколько можно ближе к самой границе для того, дабы тем более подать удобности тамошним иноверцам к отправлению по их закону службы.

10.

Относительно произшествий от киргиз-кайсак, то Меньшая орда, как писал сюда в 1783 году генерал-порутчик Апухтин, с самого вступления ее в подданство ея им-го в-ва всегда обращались в продерзостях отгоном скота, грабежем людей попавшихся иногда между фарпостами в малом числе или об'ездов, а что всего сожалительнее,— увозом подданных ея им-го в-ва, которых продают киргизцы в азиатские великой Татарии области за немалую цену, где они употребляются на тягчайшие, а не соответствующия силам человеческим работы, с тиранским принуждением, побоями, без одежды, с малою, но при том негодною к употреблению (л. 40) пищею, которых по об'явлениям выку-

паемых по высочайшему милосердию ея в-ва от тиранских рук пленников в Хиве только и Бухарии около 10 000 душ в тогдашнее время в мучительной неволе находилось, исключая женского пола, коих по большей части киргизцы оставляют у себя в орде и по той причине, что платят они за национальных своих жен великой калым, или вывод, а сии достаются им безденежно, и которых во всех киргизских улусах немалое количество находится; так великое число сих нещастных, не могло бы быть от частного воровского киргизцами похищения, но увеличилось оное во время бывшаго в тамошнем краю замешательства, когда уральские казаки оставили во многих местах линию без стражи, а киргизцы во многом числе, прорвавшись и около Самары реки, сверьх захвата людей на полях, несколько целых селениев разорили и всех людей, кроме спасшихся бегством, забрали и увезли.

Притчина сему — образ (л. 40 об.) беспорядочного правления начальствовавших тогда над ними, ибо они ни хану, ни султанам, у которых роды их под начальством, не только ни малого повиновения не оказывали, но иногда и у самого хана лошадей и скот отгоняли. Но всему однако ж их своевольству большею притчиною состояли сам хан и султаны, которыя, имея тот же корыстолюбивый нрав, никакого правосудия в подчиненном им народе не сохраняли, но все их правление основано было на мздоимстве и корыстолюбии, для чего подчиненных им киргизцов не только не удерживали от воровства и их за то не наказывали, но для получения себе добычи и попущали еще их на злодейство, а в случае здешнего требования об отдаче похищенного и наказания воров, о которых правительству известно было, не только похищенного не возвращали и не наказывали похитителей, но еще и защищали их, обращая вину на те роды, которыя им противны, а хотя они и давали некогда знать о воровских предприятиях киргизцов (л. 41), но о тех только, от которых не думали иметь себе корысти или по неподчинению им, или о тех, кои по силе своего рода и сами их презирали; равно же и захваченных людей, как сам хан, так и султаны хотя иногда и выдавали, но не прежде, как по захвате из похитительских родов знатного людей количества, так как и в высочайшем ея им-го в-ва указе от 3 июля 1783 года, ему генералу-порутчику Апухтину данном, между протчим предписано, что ежели бы ханы или султаны, получа извещение от него или от оренбургского обер-коменданта, отклоняли или упорствовали доставить удовлетворение потерпевшим, в таком случае можно прибегнуть к репресалии над киргизцами. При всем том выдачу наших пленных производили они с таким безстыдным договором, чтоб всех захваченных киргизцов освободить, а они вместо того торгуются выдать (л. 41 об.) двух, трех или четырех человек, смотря по числу от них захваченных из похищенных киргизцами здешних людей, как бы они им-то уже нооспоримо и неот'емлемо принадлежали.

Сверьх того, нередко грабили киргизцы и купеческие караваны, проходящие чрез степь как сюда из азиатских соседственных с ними областей, яко то: Хивы, Бухарии и Ташкента,— так и со здешней стороны в сии области, и удовлетворение со стороны киргизцов, потерпевших[1] сей грабеж, можно сказать никогда почти в полной мере не выполнялось, а по таковым обстоятельствам такой по высочайшей воле ея им-го в-ва учинен был в 1784 году от покойного князя Александра Алексеевича Вяземского к хану Нурали отзыв, с оного прилагается при сем (л. 42) копия под буквою *Е*. Прежде до 1770 года браны

[1] Так в подлиннике.

были из орды на здешнюю сторону аманаты из детей ханских, но с того времяни как тот же генерал-порутчик Апухтин в 1783 году донес ея им-у в-ву, [что] их уже не находится по той причине, что прежде того двое, в том числе последний в 1769 году, от оспы померли, и хан, коим был тогда Нурали, с того времяни от дачи детей своих в аманаты уклонялся, да и тогда, когда они там содержаны были, никакой пользы от них не происходило (л. 42 об.) по неповиновению к нему киргизцов. И как неудовольствие и жалобы на сего хана возрастали от большой части старшин и народа, ему подвластного, которые, отложась от него, желали низложить его, и на место его возвесть другого, то во время начальствования в тамошнем краю генерала-аншефа барона Игельстрома, яко-то в 1785 году, доведены они были распоряжениями его г. Игельстрома до того, что тогда за рекою Уралом при речке Джанбычки состоялось под руководством старшины Сырым Батыря, начальствовавшаго до того в течение (л. 43) трех лет во всех хищничествах, всеобщее собрание народа, в котором старшины и народ дали клятвенное обещание над алкораном быть вечно верными, добрыми и послушными подданными ея им-го в-ва и более никаких своевольств и вредностей другим подданным не чинить; в прежних же своих продерзостях всемилостивейше от имяни ея им-го в-ва, они прощены. А хан Нурали, вследствие высочайшего ея им-го в-ва указа от 27 ноября 1785 года, вызван был в 1786 году в Уфу, где под предлогом собственной его безопасности от киргизцов и был удерживан до самой его кончины, которая последовала в 1790 году.— Между же тем в 1785 году народ, разделясь на три части или главные роды, имянующияся Каракисяцкой, Байулинской (л. 43 об.) и Семиродской, избрали для управления себя трех сильных по достоинствам старшин, а начальным во всех по орде обстоятельствах советником — упомянутого старшину Сырыма, которой награжден потом был разными вещами и тарханским достоинством [1], так как и многие другие из знатнейших султанов и старшин получили разныя от ея им-го в-ва награждения. По убеждениям сих старшин и народа со стороны правившего должность генерала-губернатора, на основании высочайших рескриптов, данных генералу-порутчику Апухтину от 2 майя 1784 и барону Игельстрому от 3 июня 1786 года, так как выше в статье упомянуто, для большаго приведения киргизцов Меньшой орды в спокойствие, учреждены к разбирательству одних судных гражданских и уголовных дел, с киргизцами случающихся, в Оренбурге пограничной суд, в коем заседают члены, избираемыя из киргизцов и российских чиновников, также мещан башкирцов и мещеряков, а в самой орде в главных их родах — расправы. При главном же в Уфе (л. 44) начальнике положено быть в виде депутатов от каждого рода по одному старшине, кои переменяются чрез каждыя три года, и всем заседающим от стороны киргис-кайсак в суде и в расправах так, как и старшинам, при генерале-губернаторе находящимся, производится положенное жалованье [2]. За всем тем по смерти хана Нурали, когда благоугодно было ея им-у в-ву предписать бывшему губернатору уфимскому генералу-порутчику Неутлингу высочайшим указом от 29 генваря 1791 года, дабы для сохранения в орде киргизской устройства и порядка избран был там ханом, на место его, Нурали другой, к чему назначен был султан Эрали, старшей брат умершаго хана, которой действительно был избран

[1] В чем имянно сие достоинство заключается, о сем прилагается здесь особливая выписка под буквою *Ж*. (Прим. подлинника.)

[2] Что имянно в разсуждении пограничного суда, расправ, также и депутатов при главном начальнике в упомянутых рескриптах предписано, о сем прилагается здесь выписка под буквою *З*. (Прим. подлинника.)

и утвержден с придачею к нему для (л. 44 об.) совета двух султанов и шести человек старшин, самими киргизцами избранных, коим и жалованье определено,— тогда поступки вышеозначенного старшины Сырыма начали подавать сумнения в его усердии и верности, ибо при сказанном выборе ханом султана Эрали, которой также в 1794 году умер, он Сырым с сообщниками своими уклонился от собрания киргизцов, для того выбора бывшаго, сколько к тому приглашаем ни был, а потом пустился и на дерзости против границ наших и против повинующихся хану так, что в течение 1792, 1793 и 1794 годов, сколько по доставленным от губернатора сведениям видно, захвачено было киргизцами из-под разных крепостей российских подданных 116 человек и немалое количество лошадей и рогатого скота отогнано.— И хотя в 1792 году бывшей (л. 45) губернатор уфимской генерал-порутчик Неутлинг, по прозбе Эрали, предпринимал учинить незапныя походы на зимния тех злодеев кочевья отрядами регулярных и нерегулярных войск, однако ж по высочайшей воле ея величества генерал-прокурор сообщил ему от 2 декабря 1792 года, что всемилостивейшей государыне угодно, дабы таковую предпринятую посылку войск он остановил, а чтобы тот дерзостной киргизец Сырым не мог ничего вредного зделать по границе, то взял бы надлежащую предосторожность и изыскал другие к пересечению вредных его поведений способы. После того по прошению начальников Меньшой киргис-кайсацкой орды, противную в орде партию составляющих, в том числе и вышеозначенного Сырыма, доставленному в 1793 году к его светлости г. генералу-фельдцейхмейстеру и кавалеру князю Платону Александровичу Зубову, посылан был в орду, вследствие высочайшаго ея им-го в-ва соизволения, находящийся здесь родственник их секунд-майор султан Ширгази; однако же и сия посылка спокойствия и согласия в орде водворить не могла, ибо как со стороны противной хану партии многие открыты неудовольствии на хана и приверженных к нему, равно как и на здешнее пограничное начальство, так, напротив того, от хана и прочих придерживающихся ему и усердствующих к стороне здешней принесены жалобы на султана Ширгази и на упомянутых противников в разных учиненных от них несправедливых и не пристойных по орде разглашениях, о чем губернатор уфимской писал сюда обстоятельно. (л. 46) Наконец по определению в 1794 году в должность генерала-губернатора уфимского г. генерала-порутчика Вязмитинова, когда по воле ея им-го в-ва сообщено ему было от генерала-прокурора при письме от 30 декабря того года обо всех по Меньшой орде обстоятельствах сведение с тем, чтобы он вошел в подробное разсмотрение, из какого числа и каких людей состоит в Меньшой орде развратная партия киргизцов, имеют ли какое основание приносимые от некоторых из них жалобы и прозбы и нет ли возможности обратить их добрым образом на путь истинный, представил он ея им-у в-ву от 3 апреля 1795 года, что вся Меньшая орда разделяется на две главныя партии, первая из них придерживается Ишима[1] и кочует ближе к границам нашим; вторая (л. 46 об.) недовольная пограничным здешним начальством и удаляющаяся в степь, в которой пребывают султаны Абулгазид и Буркан братья Ширгазиевы и дети Каип хана, бывшаго в сем достоинстве в Бухарии, да Нуралиев сын Исенгалы, но руководствует оною Сырым, и сия последняя не столь многочисленна как Ишимова.— Некоторыя из жалоб киргизских хотя и не без основания, но повод к иным из тех случаев, при которых возчувствовали они

[1] Оной есть султан, сын умершего хана Нурали, которой, как выше значит, избран уже ныне ханом (Прим. подлинника.)

оскорбление, подан ими же самими; по делам же видно, что пограничное начальство старалось о доставлении им удовлетворения, а в полной ли мере они его получили, того — по несовершенной удостоверенности в справедливости их претензии, утвердительно сказать нельзя, а не мало прошедшее время подвергает многим неудобствам возобновление о том исследований, хотя и можно заключить, что поступки уральских (л. 47) казаков недовольно обнаружены и воздержаны.— Под безпрестанным о сих жалобах напоминанием чуть ли не сокрывается Сырымово намерение подстрекать приверженцов своих к неудовольствию к российской стороне и, делаясь за них ходатаем, держать их в некоторой зависимости. К сему немалым поводом быть может потеренное им со здешней стороны уважение и изключение его в 1793 году из числа главных старшин. Между тем все требования нашей управы над злодеями остаются без выполнения, и нет в орде ни повиновения к своим начальникам, ни твердости и усердия сих последних к возстановлению оного. Впоследствие же предрасположения его г. Вязмитинова к обращению ординцов благим образом на путь истинный, о котором в том представлении из'яснено, как сие известно из вышеупомянутого письма его к генералу-прокурору от 3 апреля, (л. 47 об.) получа он в разрешение высочайший ея в-ва указ от 30 июня прошедшего 1795 года, учинил при бывшем выборе хана Меньшой орды такие распоряжения, что сей выбор пал на одобряемого им и бывшим губернатором Неутлингом упомянутого султана Ишима, которого, как от г. Неутлинга прежде донесено было, и самые противники желали, доведя пред тем враждующих между собою султанов и старшин до того, что и кочующия в самых отдаленных в степи местах приверженцы Сырымовы, и он сам находились не в весьма большом разстоянии от кочевья Ишима, делая между собою пересылки, как и где им видеться; при чем, как донесено от него г. Вязмитинова ея им-у в-ву от 9 октября прошлого 1795 года, воспользуясь он случаем собрания всего, что есть в орде лучшаго и знаменитого, убедил их, что они клятвенно обещались употреблять неусыпные старания об отыскании и (л. 48) возвращении похищенных россиан, коих, по прежнему его уведомлению, считалось невыданных с 1782 года 505 человек, также и других от здешней стороны претензий, помышляющих же на дерзости и злодеяния от того воздерживать и не допускать. А между тем хан, испрося к себе претерпевших ощутительные потери разграблением товаров, при бытности еще с ними посланного от него г. Вязмитинова, старался о удовлетворении их исков, из коих одни совсем удовольствованы, а о других учинены сходные с желаниями претендующих мероположении.— При отпуске ж собрания раз'ехаться по своим местам видел уже он собрание сие в примирении между собою, и род Алимулинской, в котором всегда держались враждующия противу нынешнего хана, оказывающим свою к нему приверженность так, что достижение водвориться (л. 48 об.) в Меньшой орде тишине и спокойствию кажется быть благонадежным; но при письме к генералу-прокурору от 10 генваря сего года сообщил г. Вязмитинов копию со всеподданнейшего к ея в-ву донесения, в котором между протчим из'яснено, что от 29 сентября прошлого 1795 года имел он щастие всеподданнейше доносить, что известный Сырым оставался еще без раскаяния, и что впредь следующее время не упустит он из виду его начинаний, пребудет ли еще сей киргизец в закоснелости, или, видя себя оставленного от всех почти своих и важнейших приверженцов, прибегнет к раскаянию, а потому и употреблял он прилежныя способы, чтобы вызвать его в Оренбург, от чего однакож он Сырым под

разными видами уклоняется, опасаясь, может быть, чтоб там задержан не был.

Когда, после выбора нового хана, кочуя он с небольшим числом кибиток не в дальности (л. 49) от линии, подвинулся аулами своими в степь, то поручено от него г. Вязмитинова надежным людям вести под рукою примечание, около которых мест сей киргизец возимеет на зимнее время свое пребывание, с каким количеством людей, и не будет ли учреждать поведение свое в добром порядке, или же по прежнему обращаться в противных замыслах. Вследствие чего и получил уведомление, что Сырым имел расположение между реками Эмбою и Сыр-Дарьею близь отрога Аральского моря, с некоторым небольшим числом людей, замыслы оставались еще в неизвестности. Между тем получено и собственно от него Сырыма к нему г. Вязмитинову представление, подписанное купно с ним десятью его сообщниками, которые, устремляя мету свою на подарки, яко бы для них там полученныя, и наполняя оное лживыми сплетениями, просят о выдаче жалованья ему Сырыму,— коего хранится при экспедиции пограничных дел удержанного у него за нерачительное исправление им должности (л. 49 об.) своей, и за другия непристойныя поступки по день выключки его из старшинского звания четыреста рублей,— также о исходатайствовании оного вновь султану Исянгалию, Чункай бию, во уважение доброго их яко бы управления подчиненными им киргизцами, и о выдаче жалованья ж Сигизбай бия с товарищи всего трех человек наследникам их, у которых также удержано оное за попущение ими подчиненных своих на похищение российских людей и на грабеж имущества их. А как вслед за сим Меньшой орды хан известил г. Вязмитинова, будто Сырым обще с известным злодеем Табынцем Дасыбараком, пригласив к себе (л. 50) из воров человек до 200, умышляют учинить нападение на калмык, переведенных из-за Волги к Индерским горам, то дондеже удостоверено будет о подлинности Сырымова поступка, удерживается он г. Вязмитинов некоторым удовлетворением его прозьбы и самым учинением ему отписания, а между тем к отвращению удачи злоумышляющих приняты надлежащия меры.

Относительно упомянутых в сем донесении калмык обстоятельство в разсуждении их и в разсуждении самих киргизцов Меньшой орды (л. 50 об.) по переселению тех калмык есть следующее: ея им-е в-во на всеподданнейший доклад г. генерала-аншефа и кавалера Ивана Васильевича Гудовича о кочевье калмык кавказского наместничества и о содержании от них кордонской стражи против киргис-кайсаков в высочайшем рескрипте, данном ему г. генералу-аншефу от 19 апреля 1793 года, как видно из копии письма его к г. генералу-порутчику Вязмитинову от 2 июля 1795 года, к генералу-прокурору доставленной, предписать соизволила: «Перевод калмык с (л. 51) горной стороны Волги на луговую признаем мы полезным в разсуждении собственной их выгоды, обуздания киргизцов и сбережения казны от излишних расходов, на содержание стражи употребляемых, почему и желаем, чтоб вы усугубили старание склонить большую их часть на таковой переход; доколе однако ж не совершится сие предположение самым делом, нужно составляемую из калмык ведомства кавказского наместничества кордонскую стражу против киргис-кайсак продолжать, переведя ее от Ахтубы к реке Узеню, дабы чрез то сократить цепь, закрыть Елтонское и другие соленые озера и ближайшую составить связь с уральским войском». (л. 51 об.) Во исполнение чего, учиня он г. аншеф надлежащия предписания о склонении калмык, находившихся на местах, войску Донскому принадлежащих, к переходу на луговую сторону на твердое и всегдашнее их пребывание с нужными для них выгодами, пред-

ложил по сему случаю и уральской войсковой канцелярии, что к перепуску впредь на внутреннюю сторону киргизского скота в зимнее время для паствы назначены от него места выше Индерских гор, ибо тут будет против их двойной кордон, а ниже Индерских гор, где будет кордон от уральского войска, (л. 52) положено их не пропускать, а дабы киргизцы к переходу в запрещенныя места допускаемы не были, о том от бывшаго губернатора уфимскаго Неутлинга предписано было оренбургской пограничной експедиции предложить учрежденному в орде ханскому совету, так как в сие время хана еще избрано не было, также расправам, султанам, и старшинам, управляющим родами, а равным образом от него г. Неутлинга сообщено и командовавшему тогда оренбургским корпусом покойному генералу-порутчику Реку о учинении пособия уральскому войску в случае сильного покушения на то киргизцов. Хотя же от упомянутаго учрежденнаго в орде ханскаго совета и вступило (л. 52 об.) представление по прозьбам от киргизцов, в немалом количестве вниз реки Урала кочующих, что по запрещению перегона скота ниже Индерских гор, и как на их стороне не токмо скот вместить, но даже и улусам их, якобы, теснота быть может, киргизцы, лишась чрез то способа к размножению скота своего, легко обратиться могут к худым предприятиям, и ханской совет имеет опасение, дабы они не нашлись принужденными отложиться от границ наших и приобщиться к киргизцам, в степных местах пребывающим, ибо сии последния внушают им, дабы они от Урала удалились и обще (л. 53) с ними поступали по своему произволу,— но как оренбургская пограничная експедиция из'яснила г. Неутлингу в своем о том представлении, что с состояния о перепуске киргизского скота на внутреннюю сторону высочайшаго ея им-го в-ва соизволения еще не более минуло 10-ти лет[1], а до того времяни киргизской скот всегда содержался на степной стороне и внутрь ни в котором по линии месте отнюдь перегоняем не был, и что по зделанной токмо привычке пользоваться выгодными для них местами кажется им прискорбно вдруг лишиться оных, то он г. Неутлинг и предписал помянутой експедиции учинить ханскому совету отзыв и внушить киргизским султанам, старшинам и народу, что перегон скота ниже Индерских гор, по безпримерному милосердию и великодушию всемилостивейшей государыни, позволен им был единственно на то время, когда степи, лежащия там, были пустопорожние и никем из российских (л. 53 об.) верноподданных не занимаемыя, ныне ж, по премудрому ея им-го в-ва распоряжению, признано необходимо потребным переменить оные места назначением перепуска киргизскому скоту выше Индерских гор, а потому бы они киргиз-кайсаки, повинуясь высочайшей ея им-го в-ва воле, на переход со скотом в запрещенныя места не усиливались, а обратились с оным туда, где во всякое время позволение им дано быть имеет. При определении же в должность генерала-губернатора уфимскаго вышеупомянутаго г. генерала-порутчика Вязмитинова сообщено ему было по воле ея им-го в-ва от генерала-прокурора и в разсуждении означеннаго перегона киргизскаго скота на внутреннюю сторону, дабы он, вникнув в прозьбы киргизцов, касающиеся до сего перепуска их на внутреннюю сторону ниже Индерских гор и выше до Илецкаго городка и сообразив все местныя сего перепуска обстоятельства, (л. 54) не произведет ли настоящее запрещение действительно каких-

[1] Какое точно, когда и кому повеление об оном дано было, сего по делам генерала-прокурора не видно, кроме того, что в 1786 году барон Игельстром по прозьбе общества старшин и протчих, в верности присягу учинивших, в безпрепятственном пропуске скота их на внутреннюю сторону, дал им знать, что о том ведение его, кому надлежит, дано. (Прим. подлинника.)

либо невыгодных для здешней стороны следствий, учинил сношение с г. генерал-губернатором кавказским и потом, что будет положено на мере, представил бы на высочайшее ея им-го в-ва разрешение. Вследствие чего и сообщил г. Вязмитинов упомянутому г. генералу-аншефу в апреле месяце 1795 года, что по соображении всех касающихся до перепуска киргизцов обстоятельств в относительности тамошних мест, находит он, что, по великому множеству содержимого ими скота, необходимую они имеют надобность зимою в кормовых местах на внутренней стороне, по нижне-уральской линии лежащих. Доказательно сие тем, что в позволенных ныне им, стесненных противу прежняго урочищах, между Индерской крепости и Уральского городка, перепущено ими онаго внутрь границ более 700 000, следовательно, означенныя их прозьбы (л. 54 об.), по мнению его, и кажутся быть не без основания; будучи ж сей народ удостоен оказываемою ему по всемилостивейшему соизволению ея им-го в-ва со здешней стороны благопризрения, заслуживают они внимания тем более, что в течение 10 лет киргизцы, пользуясь пажитною для скота своего паствою ниже Индерских гор, не только сами к кочеванию там зделали привычку, но даже, сколько известно, и скот их в осенния ненастныя времена уходить в те места стремится, и что, отказав им навсегда в прежнем на то позволении, легко поселиться может в строптивыя их сердца неудовольствие, а с тем вместе и повод к нарушению в орде спокойствия и к причинению безпокойства границам. При чем из'явлено от него г. Вязмитинова, что как неизвестны ему обстоятельства касательно распоряжений, каковыя упомянутым (л. 55) г. генералом-аншефом учинены в разсуждении переселения калмык от Волги на вновь назначенныя места, то сообща ему о том, что касается до оренбургских обстоятельств, просил его г. генерала-аншефа, по соображении оных с первыми, не оставить уведомлением, полезнейшим ли для дел и спокойствия граничнаго признает он г. генерал-аншеф предпринятое переселение калмык, или разрешение запрещенного ныне киргизцам перегона скота ниже Индерских гор, или же по благоусмотрению его не может ли найтиться посредство в размерении выгод по тому и другому предметам. Что ж касается до перепуска киргизского скота от Уральска выше к Илецкому городку, то дал он ему г. генерал-аншефу знать, что подвержено сие совершенным неудобствам, по причине занятия бывших тут степей казачьими хуторами и самым городком, от котораго крепость Разсыпная состоит в 20 только верстах, и разныя селения Оренбургской (л. 55 об.) округи находятся в близском к линии разстоянии, а в таком тесном соседстве по своевольству киргизцов родились бы всеконечно многия и разные вредныя приключения.

В ответ на сие отношение упомянутой г. генерал-аншеф уведомил г. генерала-порутчика Вязмитинова письмом от 2 июля, о котором выше сего из'яснено, что, по мнению его, г. Гудовича, поселение по силе высочайшаго повеления на тех местах, о коих киргис-кайсаки просят, спокойных калмык с употреблением их на службу и содержанием кордонной стражи зделает несравненно больше пользы, нежели позволение там кочевать киргиз-кайсакам, а посему и прозьбы оных о даче им вообще всем позволения к перекочеванию на Рынь-пески удовлетворять не следует, кроме как из числа их одним тем, кои действительно состоят в подданстве ея им-го в-ва (л. 56) и в верности непоколебимы, которых пропущать теперь, по мнению его, можно и ниже Индерских гор, поколико по новому расположению кардона и ниже оных опять будет двойной кардон, но только с согласием на то калмык, и что таковым образом удовлетворится могут калмыки и благонамеренные киргизцы, отвратится опасность от их наглостей, и не потеряют они

ничего в разсуждении запрещеннаго прежде перепуска их ниже Индерских гор, вопрошая при том г. Вязмитинова, согласен ли он на сии положения и пропуск киргиз-кайсаков для дел и спокойствия границ, кому имянно и в коликом числе производить нужно, также не может ли чрез то вытти каковых-либо злоупотреблений и от тех киргиз-кайсаков, кои по надежности иметь будут таковое позволение. На сие г. Вязмитинов между протчим ответствовал ему г. генералу-аншефу в письме от 20 августа, что вся Меньшая киргиз-кайсацкая орда числится в подданстве ея им-го в-ва, но не может он ни ручательства зделать, не выдет ли злоупотребления от тех, кои иметь будут позволение переходить ниже Индерских гор, (л. 56 об.) ни сказать того, кому имянно и в коликом числе тот пропуск производить нужно; следуя ж предположениям его г. генерала-аншефа можно будет предписать оренбургской експедиции пограничных дел, чтоб она всякой раз, благовремянно истребовав от учрежденнаго в Меньшей киргиз-кайсацкой орде, по высочайшему ея им-го в-ва соизволению, ханскаго совета или их хана сведение, каких родов киргиз-кайсакам, в добром учреждении своего поведения благонадежным, дано быть может позволение перепускать скот их ниже Индерских гор, и в коликом числе,— доставляла оное к кавказскому г. правителю наместничества, которой может по соображениям дать свои относительно до того перепуска на кардонную стражу, ниже Индерских гор содержанную, предписании, на что и просил он г. Вязмитинов удовольствия его г. генерала-аншефа. А между тем правитель кавказскаго наместничества (л. 57) войска уральскаго атаману бригадиру Доскову и в оренбургскую експедицию пограничных дел в отношении из'явил, что как калмыки Дербетева улуса переправлены уже на Волгу для кочевья на степях между Волгою и Большим Узенем, а от онаго по Камыш-Самаре до реки Урала по Индерския горы, то бы посему киргиз-кайсаки от Индерских гор вниз до Гурьева городка ни под каким видом перепущаемы не были. Вслед же за тем Меньшой киргиз-кайсацкой орды хан Ишим в представлении к нему г. Вязмитинову из'яснил, что той орды разных родов старшины, бии, мурзы и батыри принесли к нему прозьбу, что вольские калмыки с их аулами, перейдя чрез реку Волгу к Бухарской стороне не расположились, от чего киргиз-кайсакам со скотом своим в зимнее время кочевать уже нет возможности, и просили о его ходатайстве, дабы, расположение помянутых калмык между Волгою и Уралом (л. 57 об.) в урочище Рынь-пески отставить, а по-прежнему позволить кочевать тут одним киргизцам, почему и просил он хан тем калмыкам приказать перекочевать обратно, а места, на которыя они теперь перешли, оставить для одних киргизцов, и, буде самому ему г. Вязмитинову сего зделать не можно, то учинил бы об оном всеподданнейшее ея им-му в-ву донесение. Но он ответствовал хану, что по известным уже ему чрез отписании пограничнаго начальства в 1794 и 1795 годах, причинам, по коим воздерживается перепуск киргиз-кайсацкого скота ниже Индерских гор на внутреннюю сторону, просимаго им позволения дано быть не может, но что не возбраняется перегон скота выше Индерских гор, в местах позволенных. После чего сообщил он г. Вязмитинов при письме к генералу-прокурору от 1 декабря прошедшаго 1795 года, и копию с отзыва (л. 58) к нему г. генерала-аншефа Гудовича на вышеозначенное письмо к сему последнему от 20 августа, в котором между протчим из'яснил он ему, что как перекочевавшие прежде с земель кавказского наместничества на Дон Дербетьева улуса калмыки по высочайшему повелению в продолжении прошедшаго лета перешли уже с донских земель на назначенныя им на луговой стороне реки Волги места, и ежели б позволить переходить

туда в большом числе и киргиз-кайсакам, могли бы переселенные калмыки потерпеть от того утеснение, то по уважению того, полагая перепуск киргиз-кайсакам ниже Индерских гор делать во всем сходно с положением своим, из'ясненным в письме к нему Вязмитинову от 2 июля, тем только, которые состоят в подданстве (л. 58 об.) ея им-го в-ва и в верности непоколебимы, с согласия на то калмык с обязательством киргиз-кайсаков, чтобы во время их на местах, калмыкам принадлежащих, кочевья не делали ни малейших обид и притеснений, согласуется он г. Гудович с мнением его г. Вязмитинова, поручить по предположению его оренбургской експедиции пограничных дел, чтобы она при случае прозьб киргиз-кайсаков на пропуск их на Рынь-пески, отобрав от ханскаго совета сведение, какого рода киргиз-кайсаки, в каком числе просят таковаго пропуска, и благонадежные ли они люди, давала о том знать г. правителю кавказского наместничества, которому о даче предписания кордонным начальникам по соображению обстоятельств на перепуск их от него генерала-аншефа Гудовича и предписано. Вслед за сим получил генерал-прокурор от г. (л. 59) Вязмитинова письмо от 3 генваря сего года, в котором из'яснил он, что киргиз-кайсаки на внутреннюю сторону в запрещенные места между Индерской крепости и Гурьева городка чинят весьма усиленныя покушении, так что едва линейною стражею от того удерживаются, а хан Меньшой орды поновляет свою прозьбу, дабы по тесноте назначенных к перегону скота мест, отчего, как из'яснено в письме к нему г. Вязмитинову, с котораго доставлена копия, доведены киргизцы до крайняго разорения, употреблено было ходатайство в пользу их о помянутых запрещенных местах, или б позволено было самим им о том просить, на что также он г. Вязмитинов в отзыве своем хану, помещая те же причины, по коим в просимыя ими урочищи воздерживается перепуск скота, рекомендовал ему, дабы он всему киргиз-кайсацкому народу подтвердил о прекращении усильняго напряжения (л. 59 об.) к перегону скота в места запрещенныя и о произвождении онаго там, где позволено, и что впротчем не уклоняется он выполнить желания их всеподданнейшим представлением ея им-му в-ву прошения их. Все сие предложено было генералом-прокурором на разсуждение совету и согласно с положением онаго генерал-прокурор по воле ея им-го в-ва сообщил г. Вязмитинову в письме от 10 апреля нынешняго 1796 года, что вышеозначенной первой отзыв его хану Ишиму о невозможности дать позволения киргизцам к переходу в запрещенныя места, ея в-во изволит находить весьма приличным, так как и другой от него ему учиненной; но при том соизволяет всемилостивейшая государыня, чтобы и вышеозначенное предложенное им о перепуске на внутреннюю сторону (л. 60) киргизцов, в верности благонадежных, распоряжение, которое, будучи одобрено и вышеупомянутым г. генералом-аншефом, служит к доставлению вящей удобности киргизцам, не имеющим, может быть, действительно довольного пространства для пастьвы скота выше Индерских гор, приведено было в надлежащее исполнение, отвращая при том всякое притеснение и обиды, кои бы иначе последовать могли калмыкам от перепуска киргиз-кайсаков на желаемыя ими места; но буде бы и за сим облегчением стали киргизцы устремляться на непозволенной переход, на таковой случай ея им-е в-во нужным почитать изволит, чтобы со стороны его г. (л. 60 об.) Вязмитинова, яко начальствующаго на линии, приняты были все зависящие от него меры к испровержению таковых продерзостей надлежащим отпором и возмездием; но между тем каково от него г. Вязмитинова доставлено к генералу-прокурору при письме, от 5 марта полученное им еще от хана и учрежденнаго при нем совета прошение, к тому же перепуску относящееся,

с онаго, а равно и с того письма так, как и с выписок, доставленных от него при письмах от 12 и 26 числа марта о произшествиях, какия случились уже между киргизцами и переселенными калмыками, прилагаются при сем для лучшего усмотрения копии под буквами *И*, *І* и *К*.

11

(л. 61) Что касается до внутренняго состояния и пограничных обстоятельств по Средней орде, то оная, как писал сюда в 1793-м году генерал-порутчик Апухтин, находилась тогда в порядке, и таких продерзостей, какия от Меньшой орды при оренбургских границах бывают, не происходит, чему причиною, полагал он, хорошее правосудное управление хана, султанов, биев и старшин, и что на внутренней стороне нет таких народов, которые б оную орду безпокоили и подавали повод к продерзости или иногда и к отмщению, ибо всю почти дистанцию около границ на внутренней стороне занимают селениями земледельцы и казаки, по большей части упражняющиеся в том же ремесле, из российскаго народа, в каковом положении, в разсуждении спокойства по границе сибирских линий, находится сия орда и поныне, ибо не было оттуда донесений, чтобы там произошли от киргиз-кайсак какия-либо чрезвычайныя дерзости. (л. 61 об.) Но в разсуждении хана сей орды Вали, которой возведен был в сие достоинство в 1782-м году, правивший должность генерала-губернатора Иркутскаго и колыванскаго генерал-порутчик Якобий доносил ея им-му в-ву о непослушании сего хана в удовлетворении по обязательству его разных претензий за отца его Аблай хана, так как и не в отдаче нескольких человек отсюда бежавших и киргисцами захваченных, в чем и зделано ему Вали от покойнаго действительнаго тайнаго советника князя Александра Алексеевича Вяземского по воле ея им-го в-ва примечание при сем случае отпуска бывших от него здесь в 1784 году депутатов, на которое зделал он ответ, что предписанное ему исполнить не оставит. После того приносили на него жалобы двое старшин той орды, в 1788 году здесь бывшие, в разных наносимых (л. 62) им и протчим усердствующим стороне здешней старшинам грабительствах и обидах. По поводу оных дан был указ бывшему на сибирских линиях генералу-порутчику Огареву, дабы за поступками Вали хана делано было наблюдение. Наконец и генерал-порутчик Штрандман, ныне там командующий, доносил сюда в 1792 году, что хан Вали по уходе в 1771 году из российскаго подданства немалаго числа вольских калмык, которые захватили с собою насильственным образом от Астрахани россиян и под покровительством России живущих там трухменцов, сих, последних, которые от калмык в Средней орде киргисцами отбиты, удерживал у себя в противность верноподданическому его долгу более 20 лет в неволе. Однако же они при пособиях, от него Штрандмана употребленных, в числе 320 человек оттуда вышли (л. 62 об.) и потом вследствие высочайшаго ея им-го в-ва указа, даннаго ему Штрандману от 20 декабря 1792 года по желанию их переведены на прежнее их жилище к Астрахани. По об'явлениям же их о недоброхотстве к здешней стороне и продерзостных поступках хана Вали предписано было и ему г. Штрандману в упомянутом указе удерживать сего хана в пределах должности способами, в оном указе из'ясненными. А между тем и еще в начале 1793 года принесены были на него Вали жалобы от нескольких старшин в разных также причиненных им от него грабительствах и обидах. И как за выходом означенных трухменцов оставалось в степи имение их и свойственники, которых хан содержал сверх того по дошедшим сведениям в неволе и российских людей до 25 человек (л. 63),

а при том и вольских калмык, за всеми со стороны г. Штрандмана настояниями и убеждениями чрез нарочные к нему посылки не отдавал, и принял было намерение всех их разделить по степи, то под прикрытием посыланной в степь в 1793 году под предлогом рубки дров воинской команды и упомянутыя оставшияся в орде достальныя трухменцы в числе 38-ми человек на здешную сторону вышли и также переведены уже к Астрахани; но от сего родилось неудовольствие хана и братьев его на генерала-порутчика Штрандмана в том, что чрез посылку упомянутой команды причинены, якобы киргисцам многии разорении и что и сказанные достальные трухменцы не есть будто бы российские подданные, в чем однако ж при произведенном в Омске следствии депутаты, от хана (л. 63 об.) присланные, никаких ясных доказательств не зделали; по поводу же принесенных от него хана во всем том на генерала-порутчика Штрандмана жалоб, так как и изветов по сему случаю, учиненных от находившагося на линии генерала-майора Баувера, высочайше позволено было от ея им-го в-ва приехать ему Вали по желанию его для об'яснения тех жалоб самому в здешную столицу, а по уклонности его от сего приезда позволено наконец прислать избранных от него депутатов. А между тем, покуда происходили с обоих сторон обсылки в разсуждении отправления оных, что продолжалось слишком год, хан Вали уведомил между протчим г. генерала-порутчика Вязмитинова в письме [1], присланном (л. 64) к нему в исходе прошедшего 1795 года, что он Вали с находящимися на сибирских линиях начальствующими генералом Штрандманом и бригадиром Шрейдером, командующим брегадою и пограничностию на тобольской и ишимской линиях, находится уже в согласии и спокойствии. И так депутаты от хана, хотя уже сюда и прибыли, но не более как с прошением его, заключающимся только в том, чтобы ему прибавлено было жалованье, так как он получает сего менее хана Меньшей орды, и чтоб депутатов его позволено было отправлять ко двору ея в-ва с прошением от него во всякое время безпрепятственно. Генерал же порутчик Штрандман,— так как хан в разсуждении сказанной прибавки ему жалованья и к нему настоит прозьбою,— в репорте своем свидетельствует, что по смерти брата того хана, султана Чингиса, которой, пользуясь доверенностию (л. 64 об.) его, по склонности своей к дерским поступкам, старался и в хане поселять равные пороки, оказывается в поступках сего хана великая перемена, и что теперь основывает он себя с лучшим к Российской империи доброходством, в подтверждение чего и вышеупомянутой бригадир Шрейдер при случае отправления тех депутатов из'яснил в письме к генерал-прокурору от 1 февраля сего года между протчим следующее: что он при начале командования там нашол, что вся Средняя орда разными интригами, большею частью прежде возникавшими от упомянутаго бывшаго ханскаго брата Чингис султана, разделена была на разные, одну против другой противные партии, а чрез то происходило непрестанно у киргисцов междуусобное грабительство, как следствие того раззорения, от котораго народ их дошол до совершенной бедности, приумножа тем природную склонность (л. 65) к воровству на получение добыч, особливо в пропитание свое снискиваемых, что навлекало и для границ безпокойство, к прекращению чего старался он Шрейдер паче всего иметь с ханом Вали в собрании лучших старшин личное свидание, на что он в прошедшую осень и согласился, и Шрейдер, пользуясь тем, имел успех возстановить между всеми ими совершен-

[1] С сего письма доставлена от г. Вязмитинова к генералу-прокурору копия при письме его от 1 декабря. (Прим. подлинника.)

ное согласие, получив при том от самого хана Вали в упомянутом собрании старшин такое обещание, что он без сношения с нашим пограничным начальством не только ничего в орде сам собою один никогда не предпримет, но при помощи того начальства стараться будет утвердить навсегда прочное спокойствие, и сие доказывает ныне тем, что в претензиях, киргисцами между собою имеемых, производит справедливые разбирательства, не попущая уже, по их обыкновению, как прежде было, управляться силою и грабежем; (л. 65 об.) да и для возвращения всяких иногда убытков, причиняемых на границах наших, выдает всех тех киргисцов, которые в воровстве приличатся, а что такое расположение его в отношении к общему правлению с начальством тамошним отныне впредь непоколебимо будет, и что он наиболее утверждает верноподданническую свою должность в засвидетельствование всего онаго при отправлении сюда вышесказанных депутатов послал в числе оных сына своего родного султана Бич-Гали. В протчем со стороны той части киргис-кайсак Средней орды, которые прилегают кочевьем своим к левому флангу Оренбургской линии и состоят под начальством некоторых султанов и старшин, произошли в начале 1795 года дерзости неоднократными вторжениями их внутрь линии с причинением людям до несколько человек убивства, увозом нескольких с собою и захватом у башкирцов Челябинской и Верхо-Уральской округ многочисленных (л. 66) конских табунов и рогатого скота, то причиною сему, как по разведываниям и перепискам со стороны генерала-порутчика Вязмитинова с означенными султанами и старшинами открылось: своевольствовавшие киргисцы ставят — якобы башкирцы разных волостей в течении 1793 и 1794 годов во время самовольных переездов за линию (что действительно происходило, и некоторые из них уже наказаны) отогнали у киргисцов до 10 000 лошадей и когда они неоднократно приносили о том жалобы тамошнему пограничному начальству, то не получили будто никакого удовольствия и потому сами они принуждены были учинить над башкирцами взаимную, так называемую ими, баранту или захват, и хотя сии киргисцы из опасения от башкирцов удалились было от линии в степь далее, но по убеждениям от г. Вязмитинова начальников их, яко то султана Абулгазия и Барака батыря, что от башкирцов никакого вреда учинено им (л. 66 об.) быть не может, в чем от него Вязмитинова учинены, кому следовало, строжайшие предписания, разположились они опять на прежния места, уверяя, что они злаго против России умысла не имеют, кроме сохранения спокойствия, о чем уведомил г. Вязмитинов генерала-прокурора письмом от 21 ноября прошедшаго 1795 года, и с того времяни, чтобы произошли с обоих сторон какие-либо шалости, известиев сюда поныне не доходило. Между тем о возвращении похищенных теми киргисцами людей и скота он г. Вязмитинов перепискою своею с ханом Вали и упомянутыми начальниками оных настоит сильнейшим образом. И как старшины, против Оренбургской линии разполагающияся для производства мены, между протчим в отношениях своих к нему г. Вязмитинову требованию его о сем возвращении всего ими с здешней стороны похищеннаго удовлетворить отрекаются, отзываясь, что и у них отогнано лошадей (л. 67) не мало и предлагая по неудобности взаимнаго возвращения оставить обоюдныя претензии без взыскания и находиться в покое, но ныне, согласно с разсуждением совета, генерал-прокурор сообщил ему по воле ея им-го в-ва в письме от 10 числа апреля, что всемилостивейшей государыне благоугодно было повелеть дать ему знать, что хотя сии киргисцы и уклоняются от предложеннаго им справедливаго рощета и удовлетворения требований здешним, но тем не менее нужно, чтобы

он г. Вязмитинов продолжительно старался пристойным образом убеждать их на добровольное возвращение всего ими захваченнаго, обещая с здешней стороны взаимно оказать в основательных требованиях их все возможное удовлетворение.

Наконец — 12-е.

Что принадлежит до Большой киргис-кайсацкой орды, то в вышеозначенном высочайшем ея им-го в-ва рескрипте, данном от 2 маия 1784 года правившему тогда должность (л. 67 об.) генерала-губернатора уфимскаго г. генералу-порутчику Апухтину предписано было между протчим в 10-м пункте и об оной следующее: «Стараться Большую киргис-кайсацкую орду и каракалпаков приласкать и обратить в подданство наше, а хотя до сего времяни в разсуждении первой почиталось препятствием, что в оной начальствуют. султаны, произшедшие от хивинскаго хана, которой варварским образом поступил с известным князем Бековичем, но преступление предка не навлекает мщение на потомки его, и особливо, когда уже оно самим времянем в забвение приведено, почему и не может быть никакое помешательство в принятии сего султана в подданство наше и в утверждении ему ханскаго чина. Но было ли после от него Апухтина или от других бывших там после него начальников какое-либо по сему обстоятельству к ея им-му в-ву представление, по делам у генерала-прокурора не известно, кроме того (л. 68), что по поводу данного командовавшему прежде на Сибирских линиях генералу-порутчику Огареву от 15 июля 1788 года высочайшаго указа, чтобы по прозьбе некоторых киргиз-кайсацких старшин в принятии их из дальних степей во внутренную российскую сторону сим прошением удовлетворять, принят был в вечное российское подданство той самой Большой орды султан Чурыгей, которому под поселение близ Усть-Каменогорской крепости вследствие высочайшаго имяннаго указа от 28 февраля 1789 года и место отведено, и которой, следуя своему обязательству, согласил перейти на российскую сторону в особливое российское подданство Сиван-Кирейской волости киргисцов до 4 000 и 16 человек ташкинцов. Да сверх того в 1793 году просил о принятии в вечное российское подданство той же Большой орды султан Тугум с подвластным ему народом, во сте кибитках состоящим, к которым мог по об'явлению ево присоединить еще столь же, котораго по сему генерал-порутчик Штрандман и велел перепустить внутрь границ.

Записки Н. П. Балабина

Автор печатаемых ниже записок — дворянин-помещик Самарской и Черниговской губерний, современник так называемой эпохи «освобождения крестьян». В своих записках автор сообщает о себе кое-какие биографические сведения. 16 лет он числился на государственной службе, но по собственному признанию автора в это время «более 12 лет занимался с большим успехом лощением петербургских паркетов». Наскучив этим, он предпринимает путешествие по разным европейским странам, а затем по приезде в Россию пытается в своих имениях на практике применить те знания, которые он приобрел во время своего заграничного странствования. Его рассказы об этом, написанные бойким пером, читаются не без интереса и являются своеобразным историческим документом эпохи. Автор записок — сторонник обязательного государственного выкупа крестьян, причем те средства, которые получат помещики, по мысли автора, должны быть пущены в оборот, на устройство разных промышленных предприятий и начинаний. А что такое устройство вполне возможно и достижимо, автор доказывает тем, что сам начинает заводить фабрики и заводы. Цель записок — показать выход дворянам к более интенсивному использованию своих привилегий и находившейся в их руках огромной земельной собственности. Известно что «раскрепощение» крестьян на самом деле было особенно выгодно для помещиков, в руки которых теперь переходили лучшие части наиболее удобных для ведения сельского хозяйства земель, но все же большинство крепостников-владельцев боялось отмены крепостного права.

«Положение помещиков чрезвычайно грустное, все духом упали» («Красный архив», т. 74, стр. 14),— говорит один; «Треть помещиков, по крайней мере, сотрется с лица земли»,— вторит другой (там же, стр. 25).

Записки Балабина выявляют настроение той части землевладельцев, которые пытались примениться к «новым» условиям путем развития промышленных предприятий, перерабатывающих продукты сельского хозяйства. Однако большинство из них оказывались мало рентабельными; будучи связаны главным образом с отдельными имениями, они занимались переработкой сырья и имели характер мелкопромышленных заведений. Для их развития нехватало большого капитала, крупного коммерческого размаха, свободных рабочих рук и широкого рынка.

Из журнала Н. П. Балабина о земледелии и промышленности в России [1]

Часть 1

Великая для России эпоха, в которую мы живем, открыв много новых до сих пор неведомых путей для нравственных, промышленных, торговых сил и способностей нашего отечества, возбудила в нем деятельность небывалую. И зашагала Россия по новому широкому пути, как шагает она всегда, когда не связаны члены ее: что ни шаг, несколько верст как не бывало. Сотни дорог разбегаются перед ней в разные стороны, каждая из них манит к себе, каждая сулит впереди богатство и счастие, каждая обещает привести к желанной цели. Которую ж выбрать? Хотелось бы и на эту, и на ту, и на третью, и на десятую. Все стремятся к этим путям, все хотят действовать, и многие останавливаются в раздумьи на распутии, другие, очертя голову, избирают себе путь на авось, и платятся за это тяжкими потерями и горьким разочарованием; очень немногие выбирают себе путь сознательно. Впрочем недолго длится раздумье, а потери и разочарование не останавливают своим примером. Оно так и быть должно: опыт никому не доставался даром, и горечь его никого еще не останавливала, а только поучала и направляла на путь истинный. Деятельность наша растет, деятели множатся и не по дням, а по часам.

Великий переворот, к которому готовится Россия, вследствие распоряжений правительства об улучшении и новом устройстве быта помещичьих крестьян, значительно увеличит число деятелей всеми помещиками, которые дремали до сих пор в об'ятиях прадедовской рутины, которым благодаря крестьянскому оброку и не было нужды искать себе какой бы то ни было деятельности. И они теперь проснулись, и они уже осматриваются. Эта деятельность, это движение вперед заметны у нас везде и во всем; беспрестанно возникают новые промышленные торговые компании и товарищества, новые предприятия, везде только и разговора, что о новых предположениях, проектах. Заговорили печатно такие люди, которые никогда и во сне не видывали печатного станка, а перо брали в руки только для того, чтоб проверить счет или подписать приказ управляющему или прикащику.

Эта пробудившаяся деятельность однако ж тогда только может вполне развиться, принести огромную пользу отечеству, так сказать, переродить Россию, когда вопрос об освобождении крестьян разрешится верно, отчетливо, удовлетворительно, безобидно для обеих особенно заинтересованных в этом деле сторон: для помещиков и крестьян; в руках правительства теперь вся будущность России, и от его распоряжений зависит ответ: быть или не быть.

Из разнородных предприятий моих по развитию новых отраслей отечественной промышленности, из частых, беспрерывных сношений и столкновений со всеми классами нашего народа у меня образовалось твердое, непоколебимое убеждение, что эмансипация необходима и именно в настоящее время. Но я не разделяю мнения большинства моих сограждан, которые полагают, что последствия эмансипации будут благодетельны преимущественно крестьянам; наши крестьяне не в состоянии еще, как следует, воспользоваться ею, потому что у них нет вовсе тех нужд, тех потребностей, которыми двигаются вперед по пути развития образованные народы. Нашему крестьянину все равно, когда, где и что поесть, где и как выспаться; он беззаботен и беспечен; себя не бережет, не бережет и свою скотину, не накормит ее во время, не почистит, не обработает поля своего, как следует, не подумает

[1] ГАФКЭ, ф. 353, д. № 372.

о том, как бы избавить его от сорных трав. Более полугода он ест постное, другую же половину года празднует. Нажитая им копейка идет в пользу откупщика, потому что вино составляет для него единственное развлечение и удовольствие; об улучшении же своего хозяйства, своего внутреннего быта, и думы у него нет. Как и чем за него взяться, право, не знаешь. Покажите ему в пример блаженствующую возле него немецкую колонию, тщательно обработанные поля колонистов, опрятные их домики, занавески у окошек, перины, пуховики, переходящие от деда к внукам. Много говорили о благих последствиях вольного труда по освобождении крестьян, много об этом и писали; вольный труд без сомнения есть первое условие благосостояния народов; но надо уметь им пользоваться; в настоящее время более половины крестьян в России располагают свободно своим трудом и временем, не платят ни оброка, ни барщины не правят, и могли бы, кажется, действовать самостоятельно, улучшать понемногу свой быт, должны бы жить лучше, в большем довольстве, чем помещичьи, а между тем те и другие живут совершенно одинаково. Помещичий крестьянин, говорят, ленив, потому что знает, что в случае неурожая помещик его накормит; оттого-то, говорят, и запасов у него нет. А есть ли запасы, кроме казенных магазинов, у вольных крестьян, берегут ли они копейку на черный день? Нет, лишь были бы сыты в настоящую пору, а о будущем и заботы нет. — Помещики тоже живут некоторым образом день за день, мало кто из них думает о будущем... Беспечность, леность, поощряемая даровым трудом крестьян,— вот причина их бездействия, апатии. И потому не столько крестьянам, сколько этим вечным соням, эмансипация будет особенно благодетельна. При даровом труде крестьяне они родились в постели и не вставали с нее; их поили, кормили даром; к чему им было ломать себе голову какими-нибудь думами, заботами! Отымите у них даровой крестьянский труд, как они расшевелятся! Не до забав, не до клубов, не до картежной игры им тогда будет. Сколько деятелей тогда явится на сцену, какими гигантскими шагами пойдет тогда вперед Россия, ими руководимая, а за ними потянутся и крестьяне. Но при эмансипации крестьян эти деятели тогда только могут принести величайшую пользу отечеству, когда взамен отнятой у них рабочей силы они будут снабжены соответственным ей капиталом для продолжения своих занятий по заведенному ими хозяйству в своих имениях. Весьма у немногих из них есть в запасе деньги, а ведь земля без капитала все равно, что локомотив без паров, ветряная мельница без ветра, корабль на мели. Одни помещики при теперешнем даровом труде крестьян доставляют хлеб для армии, для вывоза за границу и для тех частей России, где по суровости климата своего хлеба недостаточно. Не снабдить помещика капиталом — значит все приостановить, потому что на хлебопашество одних крестьян надеяться нечего: они, за весьма малыми исключениями, производят хлеба столько, сколько им нужно для себя, а в губерниях малоземельных и самим им хлеба нехватает. Крестьянину нужна же копейка, хоть небольшая, при хозяйстве для мелочных расходов, для уплаты податей; откуда же он возьмет ее, если помещики не будут иметь денег, которыми они могли бы привлечь его к себе на работу? В теперешнем положении даровая рабочая сила занимает огромное место и имеет в государстве громадное производительное значение. Если помещики не будут снабжены капиталом (и при том щедро, потому что полумеры не годятся), которым они могли бы поддержать эту силу, то она может погибнуть, приняв совершенно другое пагубное направление: не находя денег у помещиков, крестьяне бросятся на заработки по разным промыслам, хлебопашество погибнет

или исчезнет, и потеря будет огромна, неоценима для нашего отечества. Отчего же не пожертвовать теперь хоть чем-нибудь значительным, чтоб сохранить все; не лучше ли теперь принести в жертву миллионы рублей, чтоб потом не потерять миллиардов? Много говорят о пожертвованиях со стороны помещиков; я сам первый готов бы был на это; но кому принесут пользу эти пожертвования? Мы только скорее погибнем от них. Если должен кто пожертвовать, так это правительство, потому что оно же и причиною нынешнего гнусного положения помещичьего и крепостного быта. Все наши законы и правительственные меры издавна стремились к тому, чтоб утвердить это положение, придать ему законную силу. Правительство обязано многим пожертвовать, конечно, не из сострадания к тем лицам, у которых отымается даровой труд (они до сих пор этого сострадания ничем не заслужили), а для того, чтоб спасти все государство. Уничтожить почерком пера даровой труд, не вознаградивши помещиков за потерю, значит отнять у крестьян возможность зарабатывать деньги у первых. Обе стороны будут бедствовать, негодовать, и последствия этого всеобщего негодования неизобразимы. Полагают наложить на крестьян долг в пользу помещиков; но чем первые заплатят его, если им не будет открыт источник для заработка денег? Если деньгами, говорят, они не могут выплатить его, то заплатят его работой; но чем и как их к тому понудить? При нынешней помещичьей власти, с каким трудом, какими угрозами вынуждают их к самому ничтожному платежу оброка или исправлению работ; по освобождении же их из-под власти помещиков никакая сила не вытянет у них ни гроша, не понудит к малейшей работе. Они возьмут верх своей инерцией и неподвижностью. Нечего опасаться, что помещик, вознагражденный деньгами от правительства за отнятый у него даровой труд, промотает их. Нет, он поймет, что второй раз ему не заплатят. Если прежде он вел разгульную жизнь, так только потому, что надеялся на даровую работу своих крестьян, которая никогда не прерывалась и ежегодно доставляла ему средства жить беззаботно, сложа руки. Итак, пожертвование со стороны правительства необходимо, и от верного, умного разрешения этого государственного вопроса зависит полное развитие богатства России.

Уповая на мудрые распоряжения правительства, я с радостью смотрю на нынешнее пробуждение сил моего отечества, но в то же время скорблю за новых неопытных деятелей его, предвидя те промахи, жертвы, разочарования, которые во множестве предстоят им. Я уже сказал, что они неизбежны, что их бояться не следует, и упоминаю о них не для того, чтоб испугать новых деятелей, чтоб помешать движению, которому от всей души сочувствую, но для того, чтоб предостеречь, чтоб подать посильный совет. Пройдя многое путем не совсем сладкого опыта, я знаю и многие из препятствий, встречающихся на промышленном пути, и указать на них моим согражданам считаю делом честным и патриотическим.

Прежде всего однако ж прошу у читателей позволения познакомить их несколько с моею личностью, как для того, чтобы приобресть моею откровенностию их доверие, так и потому еще, что в портрете моем узнают себя очень многие из моих собратьев дворян-помещиков. Ведь все мы более или менее похожи друг на друга.

Я — помещик двух губерний Самарской и Черниговской. С ранних лет, как и все дворяне, я готовился к службе и потому в воспитание мое не вошло ничего такого, что могло бы пригодиться мне вне службы, как будущему владельцу населенных поместий. Служил я более шестнадцати лет, более двенадцати занимался с большим успехом лощением петербургских паркетов, думая только об издержках, да как бы

получше изводить деньги, покупал все, что мог, лишь бы не-русского изделия, и никогда не знал, как наживается копейка, да и не думал о том. Семейные обстоятельства заставили меня выйти в отставку. Я отправился за границу и шесть лет раз'езжал по белому свету, изредка возвращаясь в отечество и всякий раз нещадно критикуя все русское. Критика моя частью была справедлива, хотя я и не отдавал себе отчета, отчего русское дурно, отчего свое хуже заграничного.

Утомившись бесцельными странствованиями и так называемыми заграничными развлечениями, я пришел, наконец, к той мысли, что не худо бы употребить мое пребывание в просвещенной Европе на что-нибудь дельное, на изучение чего-нибудь такого, что я мог бы с пользою применить в моем отечестве. Вот и принялся я изучать земледелие, приглядываться к промышленным предприятиям; но в то время своего отечества я вовсе не знал и, следовательно, сравнительной точки зрения не мог иметь.

В этом занятии провел я еще несколько времени за границей, и, наконец, возвратился в отечество с убеждением в своих более или менее обширных сведениях и с твердым намерением употребить их с пользою на родине.

Прямо из Гренады, с живописных полей Испании, из-под жгучих лучей южного солнца, из-под волнующих кровь взглядов чернооких гренадинок, перенесся я в необозримые степи Самарской губернии, в мое поместье. Приехал я к посевам, т. е. к концу апреля, и принялся хозяйничать. У нас озимая пшеница не сеется, а только яровая, белотурка. Весна была дождливая, что в нашем крае считается величайшим счастием. В начале мая посевы кончились, а дождичек все продолжал перепадать. Я удивился, что кончили посевы в такое время года, когда в иных губерниях их еще не начинали. Стал я расспрашивать о причинах такой поспешности; мне отвечали, что в это время года дожди обыкновенно прекращаются; посеять же пшеницу без дождя, значит, бросить зерно, без всякой пользы.

— Но,— возразил я,— в нынешнем году весна не обыкновенна, отчего же не воспользоваться обстоятельствами?

Мужички почесывались, и не знали, повидимому, что отвечать.

Приписывая упорство их какому-нибудь закоренелому предрассудку, я употребил в дело мою помещичью власть и приказал сеять без дальнейших отговорок, еще в продолжение одной недели, а чтоб воспользоваться продолжавшимися дождями, присоединил к своим плугам, сколько мог набрать, наемных от окрестных мужичков, вспахал еще и засеял для себя десятин с триста. Кроме того, я роздал семена крестьянам, желая побудить их последовать моему примеру: своими семенами они рисковать не решались. Дожди продолжались, и пшеница моя взошла вся. Сами крестьяне признались, что они редко видывали подобные всходы. Лучшие всходы были позднего посева и они скоро переросли ранние. С гордостию раз'езжал я на коне среди вызванных мною к жизни пажитей; мужички с удивлением смотрели на невиданные ими до тех пор чудеса и приписывали их часто перепадавшим деждям. При всем том они толковали о какой-то мгле: «солнце,— говорили они,— сделается красным и мгла спустится на землю».

Пшеница раннего и позднего посева начала колоситься в одно и то же время. Фомы неверные все еще покачивали головой.

— «Да, барин,— говорили они,— хорошо-то хорошо, да посмотрим, как господь довершит».

Я же был уверен, что если и появится мгла, то ни той, ни другой пшенице не спастись.

У нас смеются обыкновенно над деревенскими приметами, укоренившимися с незапамятных времен, называют их предрассудками, считают их глупостью; я сам долго разделял это мнение, но потом убедился, что эти приметы не всегда заслуживают презрения. Как ни смешны кажутся они с первого взгляда, но большею частью в основе их лежит истина.

В одно прекрасное утро я проснулся при солнечном восходе, встал, подошел к окну, взглянул на небо, и вижу — солнце словно красный шар и заслонено небольшим туманом. Скоро однако ж солнечные лучи рассеяли этот туман.

Цвет на пшенице в то время уж пропадал; на посеянной позже он был несравненно гуще и лучше, нежели на ранней; колос поздней пшеницы был также крупнее. Несколько дней сряду солнце всходило красное, среди небольшого тумана, который скоро рассеивался. На пятый день слово «захватило» разнеслось по всему селению.

Что «захватило», кого «захватило»,— я никак не мог понять. Я отправился в поле. Под'ехав сперва к ранней пшенице, я сорвал колос и вскрыл его: зерно было полно, крупно и предвещало обильный урожай. Под'ехал я к позднему посеву — вид его был несравненно величественнее. Необычайного роста пшеница гордо стояла на корне. Коня моего не было видно в ней. Гордостью забилось сердце мое, а взор с наслаждением погружался в это пшеничное море. С самоуверенностью сорвал я колос, вскрыл его — пуст! Срываю другой, третий, четвертый — пусты! все пусты! Слезаю с лошади и вижу, что стебель покрыт чем-то вроде ржавчины; нагнувшись, замечаю, что сапоги мои покрыты красным порошком, собранным мною при проезде сквозь густую пшеницу. Мгла, бедственная мгла все захватила! Тут только я понял, что посеянное зерно, труды и деньги, заплаченные за наем соседей,— все пропало, пошло прахом. Ранний же посев, предупредивший врага несколькими только днями, успел сформировать зерно, которое, достигнув полного своего налива, имело силу устоять против губительных действий мглы. Тут я невольно вспомнил нашу народную пословицу: «не спросясь броду, не суйся в воду».

Неудачный посев пшеницы и происшедшая от того потеря денег и труда, который дороже денег в нашем многоземельном и относительно малонаселенном крае, не остановили моего желания заниматься новыми опытами.

У нас пашут по одному только разу в продолжение целого лета, исключая мая месяца; употребляют для этого плуги, в которые впрягают три, четыре, даже пять пар волов. Весною стараются разом и как можно быстрее взборонить, а потом засеять всю подготовленную к посеву пашню, чтоб зерно застало землю еще сырою. Удобрение почвы у нас совсем неизвестно, хотя местами она начинает уже выпахиваться. Да и трудно у нас удабривать, потому что край безлесный, а навоз употребляют крестьяне для топлива, приготовляя его в виде кирпичей, известных под названием кизяков. Несмотря на все это, я решился однако ж удобрить несколько десятин, но уже не триста, а три — и был опять наказан. И в этот раз дело испортило солнце, с характером и свойствами которого я еще не имел чести коротко познакомиться. Благодаря лучам его, которые отличаются у нас летом весьма значительною силою, весь хлеб, посеянный на удобренных десятинах, сгорел, между тем как на неудобренной земле пшеница уродилась очень хорошо.

Вздумал я также подготовить землю для посева по европейскому, т. е. дважды вспахал ее, взборонил, посеял и потом укатал землю катком так же ровно и гладко, как на лучших бельгийских или англий-

ских полях. Сделал я это с тою целью, чтобы употребить в дело жатвенную машину, о которой много хорошего уже начинали поговаривать в Европе. Мысль эта родилась во мне вполне логически. Жатва принадлежит в нашем крае к числу самых дорогих работ, машина же могла бы значительно сократить издержки. Поле я укатал потому, что на кочковатой пашне машина не могла бы действовать так удобно: она не жала бы, а стала бы вырывать стебли, вследствие прыжков, которые заставляла бы ее делать кочковатая почва.

Что же, думаете вы, вышло из моего нововведения, в пользе которого я имел случаи лично убедиться за границею?

Лишь начало солнышко сыпать огненные лучи свои, на посеве образовалась до такой степени твердая кора, что ростки не могли пробиться сквозь нее на божий свет. Я принужден был еще раз отказаться от нововведения и оставил пашню попрежнему, т. е. кочковатою, неровною.

Однако ж первые безуспешные попытки не помешали мне сделать еще одну: я попробовал употребить в дело переносные молотильные машины, но убедился, что и они не вполне удовлетворяют нашим потребностям и не приносят ожидаемой пользы. Молотильные машины хороши в тех местах, где молотят цепами и при том в продолжение всей зимы; в наших же обширных полях добывают зерно с помощью лошадей, и мне кажется, что этот способ до сих пор, по крайней мере, самый лучший. Замечу кстати, что у нас лошадиных ног гораздо больше, нежели человеческих рук; каждый крестьянин имеет пять или шесть лошадей, а иногда и более. Пшеницу раскладывают на земле, заставляют по ней бегать лошадей кругообразно, привязывая голову одной к хвосту впереди бегущей, и таким образом добывается зерно. Всего лучше вымолотить все количество посева тотчас после жатвы, потому что добытое в эту пору зерно получается суше, нежели с зимней молотьбы, лучше сохраняет свой золотистый цвет и скорее покупается купцами, которые дают за него хорошую цену, бо́льшую нежели за зерно, получаемое от зимней молотьбы. Эта разница в цене бывает иногда достаточна для покрытия расходов на молотьбу. Все эти обстоятельства составляют местные условия; о них не только за границей, но и в большей части России мало кто имеет понятие.

После неудачных попыток улучшить в моем самарском имении земледелие, я стал осторожнее поступать и в Черниговской губернии, т. е. оставил все попрежнему, лишь с самыми маловажными и дешевыми улучшениями. Пищи тут для деятельности было мало, и я стал раздумывать, чем заняться мне, чтоб и другим принести пользу, и себе выгоду. После долгих размышлений, я решил, что все-таки мне следует приняться за какую-нибудь еще нетронутую у нас отрасль промышленности, заняться обработкою тех наших сырых произведений, которыми особенно изобилует наше отечество, между тем как различного рода изделия из них привозятся к нам из-за границы. Я уже тогда был вполне уверен, что вся будущая сила и богатство России зависят именно от рациональной выработки из наших сырых произведений множества самых разнородных изделий не только для удовлетворения местной потребности, но и для отправки их в значительном количестве за границу. Решился я заняться производством таких предметов, которые не нуждаются в покровительстве тарифа, именно развитием нашей сельской промышленности. Народ наш любит те промыслы, которые приносят ему ежедневно хотя небольшие, но верные деньги. К деньгам он так привязан, что без сожаления оставляет родину и отправляется в дальние места на заработки. При развитии сельской промышленности возвысится и земледелие, подымутся цены на деревенские

произведения, и крестьянин, получая хорошие деньги за них дома, тогда будет более привязан к своей деревне и сельским занятиям.

Но Россия — особняк в Европе, о ней нельзя судить по западным, европейским государствам. Англия, Бельгия, например,— настоящие муравейники, деятельные силы там сосредоточены; стоит чихнуть,— и тысячи голосов наперерыв закричат: здравия желаем! Рассейте тот же муравейник на несколько десятин — вот вам Россия. Чихайте тут, сколько душе угодно, даже эхо не ответит. Вот в какой средине нам надо работать и все создавать; а суровый климат, а огромные расстояния, а дурные дороги, а устарелые законы, а народ наш, хотя смышленный, ловкий и хитрый, способный ко всему, но беспечный, ленивый, без всяких нужд и потребностей. Вот в какой средине и с чем приходилось мне бороться. Борьба — жизнь, и я принялся за дело.

I. Добывание угля, древесной кислоты и пр.

Прежде всего обратили на себя мое внимание наши громадные дремучие леса и огромное количество дерев, гниющих на корне, именно в тех местах, где сплава нет, а вывозка леса невозможна. Мысль моя состояла в том, чтобы устроить печи для добывания угля и всех прочих составных частей дерева и таким образом, уменьшив об'ем его, облегчить и удешевить вывозку его. Один мой знакомый привел ко мне какого-то немца, который представил мне удостоверение в отличных своих познаниях в добывании из леса превосходного угля, древесной кислоты, дегтя, канифоля и пр. Я схватился за него как за спасителя от бездействия. По его расчетам выгод представлялось в этом предприятии на 600 процентов. По химическому разложению составных частей дерева количество угля, древесной кислоты и всего прочаго было верно по его расчету, также и продажные цены оным, как оказалось по собранным мною справкам, назначены были им верно. Я сбросил 550 процентов на непредвиденные случаи, на ошибки, могущие произойти в новом деле; оставалось все-таки 50% чистого барыша: значит, стоило хлопотать, трудиться. Я заказал аппараты по планам моего немца. Печи были чугунные, составные из многих частей, и должны были вмещать в себе каждая по 7 кубических саженей дров; холодильники были вышиной едва ли не с Александровскую колонну; все прочее устройство было в таком же колоссальном размере. Выбрали мы место для устройства нашего завода в Новгородской губернии, в Тихвинском уезде, где лес и топливо были весьма дешевы. Начинаем стройку. Вижу — химик мой оказывает большое искусство по строительной части. Я желал выстроить простые сараи, а он выводит нечто вроде дворца, деньги льются рекой,— время проходит.— Но наконец, наши постройки кончены, печи и холодильники поставлены, начинаем операцию. Печей было три, операций в них должно было происходить в каждой печи по две в неделю, а так как во всякую из них входило 7 кубических саженей дров, а во все три —21 саж., то следовательно в неделю мы должны были превращать в уголь и другие продукты до 42 кубических саженей дров. Начинаем топку; дистилляция идет изрядно, уголь выходит отличный, какого не бывало еще в России, но нагрузка дров, сама операция, охлаждение печей и выгрузка угля продолжаются для каждой печи две недели, т. е. ровно в четыре раза более обещанного, да еще при помощи усиленного числа рук. Капитала на все устройство было употреблено в три раза более, чем предположено по сметам, так что уже не 550 процентов следовало выкинуть из обещанных выгод, а почти все 600, да кроме того, некоторые неожиданные препятствия, неминуемые в девственном еще крае, так на-

зываемые сюрпризы, обратили мне действия завода в чистейший убыток.

Чтоб приблизиться хоть немного к первоначальным расчетам, необходимо было стараться производить топку печей и оканчивать операции, по крайней мере, хоть один раз в неделю. Топим жарче и сильнее, две-три топки удались хорошо, но на четвертую, печь не выдержала сильного жара, лопнула, и от нее дворец и службы — все и все сгорело. По всем дальнейшим справкам,— но увы! весьма поздним,— оказалось, что мой химик был просто архитектор! Мне стало ясно тут, что единственною причиною такой ужасной оплошности с моей стороны была моя простодушная доверчивость к людям, совершенно противная духу и началам предприятий.

Впоследствии я узнал, что некоторые лица стали заниматься тем же делом и, знакомые с моими ошибками, умели избежать их, так что дело пошло у них очень хорошо, и они извлекли из него значительные выгоды.

Однако жить одним только добыванием пшеницы на обширных самарских полях или оброком крестьян, значило бы заснуть в об'ятиях лени и бездействия,— и я опять обратил свое внимание на пшеницу, но не с земледельской точки зрения, а с промышленной.

II. Крахмальный завод

Чрезвычайно обидна была для меня цена, за которую мы отдаем купцам на волжских пристанях пшеницу, приносящую таким образом нам, помещикам, незначительную пользу; цена эта вдвое и даже более чем вдвое ниже цен петербургских. Правда, что самим купцам привоз до места назначения каждого куля пшеницы обходится довольно дорого; у нас кулей нет, пшеница сыплется прямо в судно, из которого в Рыбинске зерно выгружается и пересыпается в кули. Огромное пространство, проходимое пшеницею до Петербурга, возвышает первоначальную цену ее вдвое и более. Это обстоятельство долго занимало меня; размышления мои привели меня, наконец, к решимости отыскать средство к уменьшению об'ема и веса пшеницы, и, убавив таким образом расходы за провоз, приобресть возможность продавать ее за более выгодную цену. Известно, что из пшеницы добывается крахмал. У нас много употребляется так называемого английского крахмала.

Отчего же английский, а не самарский? — подумал я и решился производить крахмал, потому что мог этим удовлетворить двум моим потребностям: достигнуть выгодного сбыта пшеницы и открыть новую отрасль чисто русской промышленности в большом размере в крае, где подобного ничего еще не было.

Первою заботою моею при этом, конечно, было отыскать хорошего крахмального мастера, и я обратился к одному знакомому мне ситцевому фабриканту с просьбою найти такого человека. Узнав мое намерение, фабрикант об'яснил мне, что предпринимаемое мною производство окажет огромную услугу всем ситцевым фабрикантам, сильно нуждавшимся в хорошем крахмале, и обещался написать о высылке хорошего крахмального мастера в Мюльгаузен, центр лучших французских ситцевых фабрик, а следовательно и крахмальных заводов.

Очевидно, после всего этого, что мысль моя устроить большой крахмальный завод со всеми современными усовершенствованиями, и при том в таком крае, где пшеница дешева, была как нельзя более практична и должна была при исполнении своем, кроме выгод мне, принести существенную пользу ситцевым фабрикантам и улучшить у нас производство ситцев.

Я решился завести крахмальный завод в моем самарском имении. В непродолжительном времени нашли мне в Мюльгаузене хорошего мастера, человека опытного, знающего отлично свое дело, но, к сожалению, он не мог тотчас же оставить своего места, а чтоб не терять времени, выслал мне план завода, по которому я немедленно принялся за постройку. Когда здания были окончательно отстроены, мой крахмальный мастер известил меня, что он раздумал и ехать ко мне уже не намерен. Что было мне делать? Я стал искать крахмального мастера в Петербурге, и так как в то время один из здешних крахмальных заводов прекратил свои действия, то мне и удалось найти нужного человека. Он показал образцы своего мастерства; я нашел их вполне удовлетворительными, договорился с ним и, не теряя времени, увез его к себе в самарское имение, на завод. Начались пробные работы; я наблюдаю и вижу, что дело что-то не спорится: то баки не так расположены, то сушильня не так устроена; перемещаем, переделываем,— крахмал все выходит плохой. Я терялся в догадках о причине такой неудачи.

В имении моем есть дубовый лес, состоящий из вековых деревьев, годный для постройки экипажей. Лес этот особенно нравился моему мастеру, был для него любимым местом прогулки и служил ему темою самых восторженных дифирамбов. Дифирамбы моего мастера надоели мне, я стал допытываться причины его пристрастия к дубовому лесу и узнал, что он восхищается им потому, что лес этот напоминает ему его прежнее настоящее мастерство: мой крахмаловар был обанкротившийся каретник! Не зная, что с собою делать после банкротства, он поступил на крахмальный завод в Петербург, работал на нем, приобрел несколько практических сведений и этими сведениями ослепил меня. Вот каковы были первые шаги мои в крахмальном производстве.

Убедившись, что человек, которому я поручил мой крахмальный завод, был каретником, я пришел в крайне затруднительное положение. На мое счастье, однако, я получил в это время от мэра городка Тана, лежащего неподалеку от Мюльгаузена, письмо, в котором он извещал меня, что нашелся знающий свое дело мастер, согласный на отъезд в Россию, с тем однако ж, чтоб ему позволено было взять с собою жену и детей. Как ни тяжело было это условие, но я поспешил согласиться, потому что завод мой два года уже стоял без действия, благодаря каретнику.

Пишу, чтоб немедленно выслали мастера со всею его семьею. Является мой мастер в Петербург, а я, не давши ему опомниться, отправляю его в самарское имение. Вслед за ним поехал и я сам через Нижний-Новгород, куда посланы были мною разные новые крахмальные принадлежности, между ними был насос заграничный и трубы, к оному из гутаперчи; все эти вещи уложены были в одиннадцать ящиков. Зная хорошо путаницу, часто происходящую на пароходах с посылаемыми вещами, я старался не терять их из вида. В Нижнем сел я на пароход, а одиннадцать ящиков моих поместили на баржу за пароходом. Прошу главного приказчика на барже особенно беречь мои вещи и заботиться о сохранности их. Он обещал, что все будет в целости и порядке. У Хвалынска меня сажают в лодку, и я пристаю к берегу. «Одиннадцать мест»,— кричу я с берега.—«Одиннадцать»,— отвечают с баржи. Считаю: счет верен. Тут же нанимаю подводы и отправляю вещи в свою деревню. Приезжаю туда сам и с удовольствием вижу, что все одиннадцать мест находятся налицо. Откупориваем ящики, и я хвастаюсь перед мастером, что привез ему насос с принадлежностями, каких не бывало. Добираемся до ящика, где должен быть насос, откупориваем его, и увы! что я вижу! Вместо насоса

в ящике целая кипа разных нот для полного оркестра! Раскрываем еще один, в который положены были трубы; вместо их я нахожу контрабас. Не мало удивлены были, я думаю, и получившие мой насос, и бедный музыкант — мои трубы. Что было делать? Пароход поплыл уже к Астрахани, и как потом ни добивался я узнать участь, постигшую мои вещи,— ничего не узнал. Принялись делать насос и трубы домашним образом.

К счастию, мастер-француз оказался на этот раз настоящим мастером своего дела. Наконец, мой крахмальный завод пущен в ход. Крахмал выходит отличный, мой мастер воспевает пшеницу, говорит, что подобной еще не видывал. Целые полгода работа идет отлично, а ситцевые фабриканты, которым я доставляю мой крахмал, в восторге от него, и свидетельствуют мне письменно, что я, открыв мой завод, сказал им важную услугу.

Но внезапно завод принужден прекратить свои действия: испортился насос, доставлявший ему воду.

Посылать чинить его в Самару было далеко, в Саратов еще дальше (до первого города 160 верст, до второго 250). Не надеясь более на свою самодельщину, решаюсь послать в ближайший городок Хвалынск, стоящий при Волге. Там живут насосники, снабжающие самодельными насосами мимо проходящие барки. Дело было зимой; насосникам делать в это время нечего. Я не сомневался, что получу желаемое, но посланный возвратился без насосника и об'явил, что без задатка никто не едет.

Послал задаток. Жду день, другой, неделю, и не знаю, чему приписать такое замедление. Наконец, возвращается посланный и привозит мастера.— «Что ж вы там так долго делали?» — спрашиваю я.— «Да мастер не ехал»,— отвечает посланный:— «получив задаток он загулял и тогда только решился ехать, когда у него не осталось ни гроша».— «Ну так принимайся же поскорее за работу»,— говорю я мастеру.— «Нельзя-с!» — отвечает он.— «Как нельзя,— отчего?» — «Бурав в городе забыли, надо в город ехать».— «Так поезжай скорее!» — «Да без денег бурава не отпустят, ведь он не мой». — Делать нечего, даю денег, но не ему в руки, а моему служителю, человеку верному, непьющему. Опять прошла неделя: владелец бурава, получив деньги, стал угощать нанятого мною мастера, и прогуляли мои друзья целую неделю. А завод мой все в бездействии; принимается, наконец, мой насосник за работу, ставит насос. Начинают качать, насос не действует. Мастер ошибся. Впрочем ошибку можно поправить: работают, переделывают; но в это время является жена мастера и требует у мужа денег для уплаты податей. Муж, разумеется, ко мне с требованием: «Дайте, барин, денег,— говорит,— а не то, уеду». Нечего делать, даю, а к вечеру, глядь: и насосник, и жена, и его помощник — все пьяны. Пришлось прогнать всех их со двора и послать в Самару за сто шестьдесят верст.

Два месяца стоял мой завод в бездействии; два месяца! — легко сказать. В это время можно было добыть две тысячи пятьсот пудов крахмала! Нескольких тысяч рублей лишился в эти два месяца и все из-за пьяного мастерового, из невозможности найти в нашем отдаленном крае хорошего и трезвого мастера.

Между тем московские и петербургские ситцевые фабриканты были принуждены приняться за прежний свой крахмал, что, разумеется, нисколько не способствовало утверждению кредита моего предприятия.

Вот с какими неожиданными затруднениями приходится бороться, когда принимаешься за дело в глуши, куда впрочем заманивает вас

дешевизна первобытного продукта. Не знаешь право, что делать: где все удобства, там все дорого, а где дешево, там нет никаких средств и приходится все создавать самому.

III. Альбуминные заводы

Возясь с моим крахмальным заводом, я познакомился, благодаря производимому мною крахмалу, с действием ситцевых фабрик. Один из известнейших петербургских фабрикантов об'яснил мне, что он и его товарищи нуждаются еще в одном произведении, в альбумине, который они выписывают из-за границы за дорогую цену.

Альбумин добывается из яичного белка и употребляется при набивке материи голубою краскою, известною под названием ультрамарин. Эта краска, разведенная на альбумине, отличается необыкновенною прочностью, и чем сильнее кипяток, в котором стирается материя с узорами, наведенными ею, тем узоры становятся ярче и красивее.

Принимаясь за альбуминное производство, я был одушевляем надеждою открыть для моего отечества новую отрасль промышленности, мне хотелось вытеснить из нашей внешней торговли еще одну дорогую привозную статью.

Дешевизна у нас яиц внутри России, где им нет постоянного сбыта, представляла возможность употреблять их с выгодою на выделку альбумина. Решившись приняться за производство его, я обратился за необходимыми мне сведениями по этому делу в Париж. Один из достойнейших учеников знаменитого Паэна выслал мне подробнейшее описание производства альбумина. Для опыта я устроил при крахмальном заведении в моем имении небольшое альбуминное заведение и об'явил окрестным поселянам, что готов скупать у них яйца. Вместе с тем я назначил им постоянную цену, хотя довольно умеренную, но вполне удовлетворительную для продавцов, которым в глуши некуда было девать яиц. Со всех сторон стали носить и привозить ко мне яйца, и я начал производство альбумина.

Так как на производство альбумина употребляется один только белок яичный, то на первых же порах возник довольно важный вопрос: что делать с огромным количеством остающихся желтков? Я принялся варить гигантские яичницы и кормить ими крестьян. Они сначала принялись есть с большим аппетитом, похваливали и меня благодарили, но скоро яичницы без белков оказали не совсем приятное действие на желудки. К тому же наступил Петровский пост, приготовление яичниц сделалось невозможным, и стал я с горя откармливать желтками свиней. Опыт этот удался как нельзя лучше, свиньи разжирели, а мясо их получило чрезвычайно приятный вкус. Чего же лучше, думал я, стану откармливать свиней, а потом продавать их; но, отправив откормленных яичными желтками свиней в уездный городок, я не мог получить за них ни гроша лишнего против цены, платимой за обыкновенных свиней.

Между тем Петровский пост прошел, и я было опять принялся за яичницы, но крестьяне уже более не являлись для их истребления. Тогда я решился ехать в Хвалынск посмотреть на производство так называемого яичного казанского мыла, которое, как меня уверяли, делается на яичных желтках. Приезжаю в Хвалынск, являюсь на завод и вижу, что яичное мыло варится на желтой краске, а о яичном желтке нет и помина. — Зачем же — спрашиваю я — вы обманываете народ, зачем не употребляете вы яичного желтка, как в Казани? Мне отвечают, что это обошлось бы слишком дорого. Предлагаю хвалынским мыловарам желтки за четверть цены, они принимают предложение, но

требуют, чтобы я выслал им первую бочку желтков даром, для пробы. Я соглашаюсь, посылаю сначала одну бочку, потом другую, третью; желток мой идет в дело, но денег мне за него не высылают. Желтая краска, говорят мне, обходится все-таки дешевле, а мыло на желтке выйдет дороже той цены, которую покупатели привыкли платить за мыло. Впрочем брать даром ваши желки, если угодно, мы будем, только провоз пусть будет уже на ваш счет.

Вот вам и сбыт желтков с пользою! За границею, особенно же во Франции, делают много альбумина, несмотря на дороговизну яиц; но во Франции желток не пропадает даром, а употребляется для приготовления тонкой лайки для перчаток.

Франция славится своими лайковыми перчатками, потому, что одним только яичным желтком придается ей нежность, мягкость и эластичность. Французские перчатки продаются дорого, следовательно, во Франции возможны значительные расходы на обработку лайки; а попробуй-ка у нас в России устроить хороший лайковый завод, приготовлять дорогую лайку с помощью яичных желтков и делать из нее перчатки. Их покупать не станут. Фи! закричат все, ведь это русская лайка, и будет с перчатками то же, что было с откормленными мною свиньями: придется продавать их себе в убыток.

Между тем альбуминный мой завод действовал изрядно и послужил поводом к довольно интересному явлению.

Известно, что по деревням раз'езжают торгаши с мелочным товаром, который они не без труда сбывают крестьянам за деньги; с открытием моего альбуминного завода, они стали менять его на яйца, уверившись, что могут наверно сбыть яйца мне за цену, заранее им известную. Яйца, имевшие до того времени ничтожную ценность, приобрели промышленное значение. Следствием этого было усиление мелочной торговли, польза и крестьянам, которые приобрели возможность сбывать один из своих продуктов и покупать нужные для себя вещи, не развязывая, как говорится, кошелька.

Сколько я ни бился, сколько ни думал о том, как бы найти постоянный и верный сбыт желтку, для того чтобы иметь возможность приготовлять хороший альбумин не дороже заграничного и этим прекратить вывоз его к нам из-за границы, но не мог придумать ничего лучшего, как употребить его на производство мыла. Придя к этому убеждению, я отправился в Казань, в столицу русских мыловаров, познакомиться с тамошним способом мыловарения.

Первый мыловаренный завод, который я посетил, привел меня в ужас: толпа женщин и ребятишек сидели вокруг огромной кучи яиц, били их, отделяли желток, который выносился ушатами и вливался в кипящий мыловаренный котел; белок же собирался в ведра, в лоханки, во что ни попало, и уносился детьми.

— «Куда же вы несете это?» — спросил я.

— «На кухню, блины печь».

— «Блины!» — повторил я с удивлением,— а отчего же не делают из него альбумина? Но никто из присутствовавших не имел понятия об альбумине, не слыхал даже этого слова.

Осмотрел я другой, третий завод, везде та же история: белок отдается женщинам и детям в счет поденной платы, т. е. за бесценок. Нашел я однако ж одного фабричного парня, который сказал, мне, что предлагали им употреблять в дело белок, а на Нижегородской ярмарке хотели даже открыть секрет этого дела, да уж больно дорого просили: вот вам мерка предприимчивости наших промышленников.

Больно мне было смотреть на огромную потерю такого драгоценного предмета, как яичный белок, между тем как альбумин продолжали вывозить к нам за дорогую цену из-за границы.

Сообразив все вышеприведенные обстоятельства, я положил устроить альбуминный завод в Казани. Принимаясь за производство совершенно нового продукта в России, я не решился сразу купить места и устроить большой альбуминный завод, а взял сначала место на аренду для постройки на нем, в виде опыта, маленького завода; при этом со мной случилось довольно забавное приключение. На заарендованном месте находился большой сарай, который оказался мне необходимым для хранения яиц; он был под замком, и хозяин не смел его мне отпереть, в нем хранился разобранный кит, который некогда возился на показ по всей Европе, был в Петербурге, в Москве, наконец, попал в Казань, где владелец обанкротился. Полиция описала кита, сложила в сарай и держала его под замком. Не раз назначаемы были торги на него, чиновники собирались, но как охотников на покупку не являлось, то они расходились, ничем не кончивши дела. Сарай мне был нужен, и потому я вздумал купить кита. По моей просьбе назначили новые торги, на которые явились, кроме меня, и другие желающие; торги состоялись; стали продавать с молотка. Сперва продали мебель, на которой помещался оркестр, игравший в желудке кита, потом железные подставки, медные винты, скреплявшие китовые ребра; но когда очередь дошла до самого остова кита, то аукционист пришел в недоумение; дело в том, что в описи числилась целая груда костей огромной величины, но цены им не было назначено, как вещам никуда не годным,— а между тем это были вещи редкие, отлично сохранившиеся, все в целости. Я предлагаю цену порядочную, совестно было дать копейку, но мне одному не отдают, а из присутствующих все молчат; для формы надо было еще с кем-нибудь торговаться, с трудом подговорил я кого-то прибавить копейку; уверяю, что не отстану; он крикнул копейка, я прибавил другую, и остов остался за мною. Надо было теперь мне сбыть куда-нибудь его. Хотел сперва в нем устроить сушильни для альбумина, но жаль стало кита. Предлагаю университету в подарок, но с тем условием, чтобы он выстроил на свой счет особый сарай для него; университет не согласился: сумм не нашлось свободных; я вошел в переписку с с.-петербургскою кунсткамерой, там согласились принять подарок и даже заплатить, что следует, за провоз. Когда кит мой доставлен был на место, меня спросили, что я хочу за него вместо денег. Что было мне просить? Я хотел, чтобы подарок мой остался настоящим подарком, а потому попросил только, чтоб сделали надпись на ките: подарок от такого-то. Согласились, написали мне бумагу, где из'явили мне благодарность, а кита... сложили на чердак.

Но возвратимся к самому производству альбумина. Так как покупать белок у тех баб, которым отдавали его мыловары, не было никакой возможности, потому что они слишком небрежно отделяли его от желтка, я решился на довольно рискованную финансовую операцию: скупать все привозимые в Казань яйца, бить их для отделения белка на своем альбуминном заводе, а желтки продавать мыловарам. Но решившись на такую операцию, должно было строго наблюдать, чтобы, с одной стороны, не навлечь на себя негодования казанских жителей возвышением цен на яйца,— с другой стороны, чтобы заставить мыловаров покупать желтки, т. е. продавать их по низкой сравнительно с целыми яйцами цене. Нанял я дом, устроил временные сушильни, начал дело. Когда распространился слух о назначенной мною постоянной неизменной цене за яйца, мне начали привозить их со всех сторон,

мыловары стали охотно покупать желтки по дешевой цене, и дело пошло хорошо.

Зная по опыту, что у нас в России менее чем где-нибудь развит дух предприимчивости, а слепое и бессознательное подражание нововведениям часто губит самые верные и полезные предприятия, я положил испросить привилегию на введение в России заграничного способа приготовления альбумина. После бесконечных формальностей и борьбы с внезапно явившимися соперниками я получил, наконец, из департамента мануфактур и внутренней торговли привилегию, которая спасла всю будущность начатой мною новой отрасли промышленности.

Под защитою моей привилегии альбуминный завод в Казани начал действовать успешно. Альбумин выходил превосходный, желтки сбывались на мыловаренные заводы. Впрочем в сбыте желтков скоро произошли затруднения. Сбыв первые полтора миллиона, я уже не мог более сбывать их. Это, разумеется, удивило меня, тем более, что действия мыловаренных заводов не прекращались. Стал я доискиваться причин этого странного явления и узнал, что только весьма немногие мыловары варят настоящее яичное мыло из желтков, и то в небольшом количестве. Большая же часть их варит так же, как и хвалынские, с одною желтою краскою.

Вот отчего не только в Казани, но и в целой России мало хорошего яичного мыла; вот отчего огромное количество яичного желтка оставалось без употребления на моем альбуминном заводе.

Что ж приходилось мне делать с яичными желтками? Уж не до яичниц было и не до свиней. Пришлось опять ломать себе голову. Случалось мне слышать о каком-то яичном масле, употребляемом будто бы в аптеках. Вздумал и я добывать его, завел прессы и добыл из желтков масло отличного качества. Я обрадовался этому результату и обратился в столичные аптеки. В петербургских аптеках, по собранным мною сведениям, расходовалось его от четырех до пяти пудов в год не более, в московских — и того менее. Посылаю пробы за границу; хвалят масло, но не знают, что из него делать... А у меня могло выделываться его несколько сот пудов. Куда же мне было девать такое огромное количество?

Долго раздумывал я, как решить этот вопрос, наконец, нашел ответ. Как казанские мыловаренные заводы навели меня на мысль завести в Казани альбуминный завод, так точно альбуминный завод заставил меня подумать о мыле, но не о таком, какое делалось до сих пор в Казани, а о лучшем.

IV. Косметический завод

Французское марсельское мыло и вообще все помады делаются на оливковом масле, которое, конечно, имеет свои достоинства, но далеко не те, какими отличается яичное масло. Вот почему решился я делать мыло и помаду на яичном масле, и тут, как и в прежних моих предприятиях, я мог достигнуть двух целей: развить и улучшить косметическую отрасль промышленности в моем отечестве, и вместе довести произведения ее, вырабатываемые из продуктов высокого достоинства, до такой степени совершенства, чтоб они могли с успехом соперничать с заграничными косметическими изделиями.

Еще в то время, когда я безотчетно называл невежеством неуменье казанских мыловаров употребить в дело яичный белок, удивлялся я также тому, что они не стараются придать мылу сколько-нибудь европейскую, удобную для употребления, форму, а продают его в лубках и деревянных ящиках. Впоследствии я понял, для чего они это

делают: в лубках и ящиках скрывается целая надувательская система. В мыло, выливаемое в эти неуклюжие формы, стараются во время варки вогнать как можно больше воды, потому что вода, как известно, вещь очень дешевая везде, кроме наших степных губерний, а между тем значительно увеличивает собою вес куска мыла. Полежит мыло год, смотришь, тот самый кусок, который прежде весил фунт, теперь весит уже только три четверти фунта: вода испарилась.

Французское мыло, в виде плиток, совершенно сухо и должно быть таким, потому что иначе его нельзя было бы и формировать; оно продается дороже казанского, но в сущности равно ему по цене, потому что вместе с казанским мылом покупаете вы и воду, ровно ничего не стоющую. Прибавьте цену за испарившуюся воду к цене казанского мыла, и сами увидите, что оно вовсе не так дешево, как кажется с первого взгляда.

Все эти несовершенства, равно и желание найти сбыт желткам, накоплявшимся в изобилии на моем альбуминном заводе, побудили меня основать мыловаренный завод по европейскому образцу. Из химических сочинений я узнал, что в пуде желтков заключается около семи фунтов жирных частей, способных обращаться в мыло, все же прочие части яичного желтка при способе варки мыла, употребляемом в Казани, должны быть отделены посредством щелоков в самом котле и выброшены; масла же добывал я из пуда желтков около шести фунтов; следовательно все масло мое могло обратиться в мыло, и я, не раздумывая долго, принялся за дело. Пробы, сделанные мною в виде опыта, удались хорошо. Зная свойства яичного желтка очищать голову и придавать мягкость и лоск волосам, я вздумал приготовить из яичного масла помаду; и здесь опыт удался прекрасно. Эти удачно произведенные мною опыты удостоверили меня в отличных свойствах яичного масла, а также в возможности приготовлять из него мыло и помаду в значительном размере, так как желтков накоплялось у меня огромное количество. Но для того нужно было устроить уже целый косметический завод, необходим был истинный знаток — мастер косметического дела, и потому я поспешил написать в Париж о высылке мне такого человека. В то же время я подал просьбу в департамент мануфактур и внутренней торговли о выдаче мне привилегии на приготовление из яичного масла мыла и помады, потому что был уверен, что иначе явились бы подделыватели, которые ввели бы публику в заблуждение своими дурными поддельными изделиями, и если бы не погубили предприятия моего в самом его зародыше, то наверное много бы помешали полному его развитию и успеху: непременно явилась бы на сцену желтая краска, как в альбумине песочек.

Улыбнулись в департаменте мануфактур, прочтя мою просьбу; там не имели настоящих сведений о том, как делается казанское мыло. Приказали обнародовать в газетах мое прошение, а между тем написали в Казань, чтоб узнать, как делается яичное мыло. Долго ждал я; наконец, к величайшему удивлению моему, узнал, что на меня поступила жалоба казанских мыловаров, в которой они просят не выдавать мне привилегии, потому что они давно уже делают мыло на яичном масле. Можете представить, каково было слышать это мне, в памяти которого еще живо было их удивление, когда я заговорил им о яичном масле и о способе его добывания. Я попросил нарядить следствие; оказалось, что никто из казанских мыловаров не только не приготовляет мыла на яичном масле, но и понятия не имеет о яичном масле, и что они у меня в первый раз видели его. Привилегию мне выдали, но увы! вся эта история продолжалась девятнадцать месяцев! Впрочем раньше еще дело мое приняло самый приятный и лестный для меня оборот. В то время,

когда уже почти отчаивался получить привилегию и ломал себе голову, каким бы образом оградить мне от подделки изобретенное мною мыло на яичном масле, я представил ко двору образцы моих изделий и удостоился получить от ее императорского величества Марии Александровны, с высочайшего соизволения государя императора, исключительное право именовать мыло на яичном масле, изготовляемое на моих заводах,— царским.

Я находился тогда в Петербурге и очень кстати получил известие из Парижа, что выслан ко мне мыловар, который в то же время и парфюмер, истинный мастер своего дела, человек, которого превозносили мне до небес. Вслед за известием явился и сам будущий великий преобразователь русского мыловарения и парфюмерного искусства: видный здоровый мужчина, одетый по последней моде. Его изящный вид и аристократически нежные руки ввели меня сначала в сомнение (надо вам сказать, что я имею особый странный способ судить о достоинстве рабочего человека — по об'ему и грубости рук). Скоро однако ж я успокоился, потому что в разговоре со мной он высказал самые обширные и разнообразные по косметической части сведения, которые я способен был оценить, потому что не задолго перед тем был в Париже, где осмотрел все главнейшие косметические заводы, познакомился с устройством их и тамошними способами производства. При том же француз мой говорил как книга. Он до того увлек меня своим красноречием, так убедительно доказывал мне выгоды приобрести машины и все необходимые для моего завода принадлежности из первых рук, т. е. за границей, что я тотчас же собрался ехать в Париж, да и его взял с собою. На пароходе я продолжал восхищаться моим французом и часто вступал с ним в ученые прения, которые иногда заходили так далеко, что я становился втупик и только слушал. Хотя я и знаю химию, но специально ею никогда не занимался, и потому моему собеседнику было нетрудно, как говорится, загонять меня. С нами на пароходе был молодой артиллерийский офицер, ехавший за границу для усовершенствования своих познаний в химии; я попросил его сблизиться с французом и, под рукой, испытать его. Завязался у них разговор о составлении разных щелоков, о различных кислотах; лицо офицера мало по малу приняло выражение сильнейшего удивления. Порой он не знал, что отвечать, а француз мой так и сыпал словами, на все находя ответ и возражение. Наконец, я отвел моего земляка в сторону.

— «Ну что?» — спросил я его.

— «Или я ничего не знаю,— отвечал он,— или ваш француз ничего не смыслит».

Я немного приуныл, но скоро успокоил себя мыслью, что француз не решился бы покинуть родину и ехать в далекую неизвестную страну (в Казань), не имея нужных по своему делу сведений. Притом же мыловару и парфюмеру нет надобности знать химию до тонкости; ехал он в Россию не уроки давать, где мог бы врать безнаказанно, а работать: на деле не обманешь. Иные мыловары знают свое дело отлично, а о химии и не слыхивали, иной и при отличном знании химии не сумеет сварить мыла. Все эти рассуждения окончательно меня успокоили, тем более, что я вспомнил, как однажды старался я сварить с одним очень ученым химиком мыло и как вместо него вышла у нас какая-то бурда. По приезде в Париж исчезла во мне и тень сомнения, потому что мой француз, по мнению людей, у которых мы закупали нужные для моего завода материалы, выказал в этом деле обширнейшие сведения.

В это же пребывание мое в Париже я испросил себе там полную привилегию на все косметические изделия, выделываемые на яичном мас-

ле, да и в Брюссель послал прошение по тому же предмету. Обе привилегии получены были мною в самое короткое время, в две недели, что немало обрадовало меня, и вот почему именно: некоторые из наших специалистов по косметической части уверяли меня, что в Париже давно уже приготовляются изделия на яичном масле; теперь посредством моих привилегий я мог доказать им, что честь помянутого изобретения принадлежит собственно мне.

Кончив закупки, мы возвратились в Петербург. Я немедленно отправил моего француза в Казань, поручив его там одному моему знакомому. Началась постройка завода. Пишут мне, что деньги льются рекой. Дело было зимой, а француз мой беспрестанно требует то, чтоб оштукатурили его покои, то, чтобы переделали трубу, перестроили бы лестницу в подвал; плотники не понимали его, а он сердился. Все это стоило много труда и денег, а между тем, несмотря на письма мои, он отказывается употреблять в дело яичное масло, говоря, что оно не годится, и делает пробы своего мыла по-своему. Я пишу, чтоб он осмотрел способ мыловарения в Казани и старался бы усовершенствовать его, а он отвечает, что осматривать русские заводы унизительно для его достоинства. Одним словом мои послания не производят на него ни малейшего действия, так что, наконец, я вынужден был сам ехать в Казань. Долго прожить я там не мог, однако ж успел уговорить строптивого француза, чтобы он сделал пробы варить мыло на яичном масле; между тем он показал мне свои собственные изделия, которые были очень плохи, хотя сам он превозносил их до небес. Чувствуя недостаточность моих сведений в косметическом деле, я взял себе в товарищи человека специально знакомого со всем, что касается косметической части. Когда он приехал в Казань, я об'яснил ему мое дело. Пригласил я его с двоякою целью: во-первых, чтоб, он, как сведущий человек, оценил изделия моего художника; во-вторых, чтоб впоследствии иметь в нем посредника между моими произведениями и публикой. Недостаточно уметь производить, надо еще уметь продать, а мы люди не торговые, не мастера на это. Я испытал это не раз на себе, когда мне приходилось показывать моим знакомым образцы моего мыла на яичном масле, которое было несравненно выше обыкновенного казанского мыла и даже, по внутренним своим достоинствам, превосходнее французского; со мной происходили такие комические сцены, что я совершенно убедился в моей неспособности быть представителем произведений моего завода перед публикой.

Один англичанин, желая послать на родину что-нибудь русское, просил меня достать ему несколько кусков казанского яичного мыла; приготовляя яичное мыло на собственном заводе, я послал ему кусок высшего сорта; англичанин мой остался недоволен: ему непременно хотелось мыла в лубках. Я купил кусок такого мыла в мелочной лавке; мыло было не казанское, а охтенское, было сварено на желтой краске, а не на яичном желтке, и англичанин мой остался совершенно доволен.

Один мой знакомый уверял меня, что мне, вероятно, невыгодно производство мыла: «кусок небольшой, а как долго держится; моешься, моешься, а все конца ему не видать». Другой, напротив, доказывал мне, что мыло мое должно приносить мне большие барыши. «Оно хорошо, я не спорю,— прибавлял он,— да уж очень скоро выходит; не успеешь несколько раз вымыться, смотришь, кусок уже и весь». А наши барыни! Господи, что пришлось мне вытерпеть от них! Одна говорила, что любит только то мыло, которое делается из одних розовых листочков; другая удивлялась, что мое хваленое мыло желтого цвета, тогда как лучшее французское коричневого, третья забраковала мое мыло за то, что оно было глянцевитое. А сколько надавали мне наши дамы

советов! «Продавайте дорого, потому что если будете продавать дешево, подумают, что ваши произведения никуда не годятся!» «Продавайте дешево, потому что иначе никто не будет покупать у вас вашего русского изделия; уж если платить дорого, так за французское!» — «Смотрите, не забудьте сделать на вашем мыле французские этикетки, чтоб приняли его за парижское!» А если б знали наши барыни, что им продают в Париже: пудр-де-ри, это алебастр с картофельной мукой, туалетные уксусы — ртуть с древесной кислотой. А покупают! Как не купить чего-нибудь французского!..

Изделия моего мастера вовсе не понравились моему новому товарищу, одному из наиболее известных в Петербурге торговцев косметическими изделиями. Я наконец допытался истины у моего мастера. Известно, что французы народ говорливый, что француз в карман за словом не полезет, du'ils ont la langue bien pendue; но из всех говорливых французов, не исключая из этого числа адвокатов и членов законодательного корпуса, самые бойкие говоруны принадлежат, без сомнения, к знаменитой во Франции касте, известной под названием commis voyageurs, странствующих комиссионеров или прикащиков. Нет в мире людей, которые умели бы подавать товар лицом лучше этих господ. Это дипломаты в своем роде: в малом виде Талейраны и Меттернихи; дела то они не знают, но так много терлись около него, так часто слышали о нем, что человеку мало опытному могут показаться глубочайшими знатоками, потому что умели схватить и усвоить себе все верхушки дела, всю блестящую его поверхность. Вот к одному-то из таких господ и попался я в лапы: мой Талейран-парфюмер был просто странствующий комиссионер по косметической части,— как я о том узнал позже по слухам.

Я, разумеется, отказал ему, посоветовал убираться во-свояси, но он окрысился и стал требовать неустойку.

— «Какую неустойку,— спросил я с удивлением,— в контракте нашем о неустойке нет ни слова!»

— «Я приехал в Россию на пять лет,— отвечал он,— рассчитывал приобрести здесь 100 000 франков, заплатите мне 25 000 рублей, и я уеду».

При этом наглом требовании я не мог удержаться от смеха. «Обратитесь к вашему посольству,— сказал я ему,— если оно решит, что ваше мнение справедливо, я заплачу вам». Только этим и мог я его выжить из Казани.

Я считал эти неприятности конченными, как вдруг, совершенно неожиданно, получил от министерства иностранных дел запрос, могу ли я удовлетворить претензию, пред'явленную на меня бывшим моим мыловаром? Я отвечал, что не вижу к тому никакого побудительного повода, и дело тем кончилось. Все это однако ж мне было чрезвычайно неприятно, потому что мыловар выставил меня перед своим посольством совершенным извергом.

Вот как осторожно должно поступать при выборе иностранных мастеровых. Наткнешься на невежду, еще расплачивайся с ним и терпи от него неприятности.

Не без труда выжив моего Меттерниха из Казани, мы стали осматривать выбранную мною для косметического завода местность и рассчитывать все представляемые ею выгоды и невыгоды. Оказалось, между прочим, следующее: помадные банки, например, делаются единственно в удельном селе Акжеле[1], близ Москвы, откуда и приходилось бы их выписывать по невозможности достать на месте: а так как весною

[1] Гжель, Московской губ.

и осенью дорог нет, пришлось бы выписывать банки два раза в год большими партиями, и таким образом деньги, употребленные на них, обращались бы в течение значительной части года в мертвый капитал. Приняв к тому же в соображение стоимость провоза пустых банок и потом наполненных помадою, мы увидели, что заказывать их в Акжеле крайне невыгодно. По расчету оказалось, что, несмотря на сравнительную дешевизну в Казани первоначальных материалов, рабочих, топлива, производство косметических изделий обошлось бы там все-таки дороже, чем в Петербурге или в Москве. Тут убедился я еще раз в истине, уже и прежде мною дознанной: нельзя осуждать местных производителей при теперешнем положении нашего отечества в том, что они не вводят у себя тех усовершенствований, которые давно уже известны и применены к делу за границей. Россия — особняк в Европе, она не похожа на другие страны, и основывать в ней новые отрасли промышленности надо с величайшею осторожностью и осмотрительностью. Правы казанские мыловары, вливая мыло в ящики и лубки, правы они и в том, что не делают помады: они знают хорошо местность, на которой действуют. Мне могут возразить, что в Казани явились бы заводы помадных банок, если б явилась в них потребность. Да, в других странах это бывает так, но не у нас. Вот вам и доказательство.

В окрестностях Казани есть стеклянные заводы; вздумал я пустить помаду в стеклянных банках. Обращаюсь к одному стеклянному заводчику, который снабжает аптекарскими стклянками всю Сибирь. Предлагаю поставлять на мой завод стеклянные помадные банки, на сумму приблизительно до 20 000 рублей в год. Богатый бородач задумался, потом обещал прислать прикащика на следующий день. Прикащик явился через три дня, взял форму и сделал банку удачно. Но когда дело дошло до заказа, мой бородач — на попятный двор, стал отговариваться, что у него и без того много работы, рук нехватает, надо будет людей принанять и пр. и пр. В Европе только задумай, и десять заводов явятся к услугам, а у нас бегай, ищи, кланяйся и то часто ничего не добьешься. Да, Россия — особняк в Европе, и подводить ее под общий европейский итог никак нельзя.

Наконец, решились мы перенести завод наш в Петербург. Нам удалось выписать из Парижа двух отличных мастеров, и дело пошло на лад. Привилегия на производство мыла и помады на яичном масле дана была мне на пять лет [1], но из такого короткого срока сколько времени у меня пропало, сначала, пока не убедился я на деле, что Казань по своему положению вовсе не представляет для моего производства тех выгод, которые я было ждал от этой местности; потом я ошибся в мастере, должен был выписать другого; сколько денег и времени пропало!

V. Несколько слов о привилегиях

Для устройства альбуминного завода я хотел купить в одном городе место, все в оврагах, и которое на городском плане было показано негодным к постройке. Я намерен был, купивши его, выровнять его на свой счет, но местное начальство не решилось продать мне его, и дозволить на нем строить, а предложило мне подать формальное прошение о моем желании, и дело по этому предмету полагало внести в государ-

[1] Как приготовление косметических изделий на яичном масле есть собственное мое изобретение, то я имел право ходатайствовать о выдаче мне привилегии на 10 лет, но мне отсоветовали просить на такой дальний срок, утверждая, что иначе мне отказали бы вовсе в привилегии. *(Прим. в подлиннике.)*

ственный совет. Какое любезное предложение! Как удобно и выгодно было мне ждать конца этого дела, при коротком сроке моей привилегии! — Пришлось мне купить другое место у частного лица, не столько для меня удобное по своему положению, как первое, да при том за дорогую цену.

В другом городе С. первые попытки мои устроить альбуминный завод были не удачнее. Не вполне знакомый с этим краем, я не хотел сразу покупать места. Нанял дом с садом у одного помещика в самом городе, выстроил в саду небольшой заводец и начал производство. Опыт вышел удачный, и я готовился уже нанять тот же дом и на другое лето, как вдруг узнаю, что помещик продал свой дом с садом, а новый владелец требует, чтоб я завод мой снес. Это случилось весною в самое удобное время для выделки альбумина. Досадно мне было, но нечего делать, приказал завод мой разобрать и перенести куда-нибудь, а сам явился в город с намерением уже не нанимать чужого дома для завода, а купить пустопорожнюю землю и на ней устроить альбуминное заведение. Но к кому не обращаюсь я, все требуют с меня цену непомерную, да к тому же присоединилось еще затруднение: на каждое место для постройки дома утвержден был начальством план, по которому мне вовсе неудобно было устраивать завод. Время между тем идет да идет, и целое лето пропало без пользы. Наконец, благосклонное местное начальство предлагает мне отвести городское место за законную плату и законным порядком, т. е. назначить на это место торги и пр. Я принимаю с благодарностью предложение, оставляю доверенность, а сам уезжаю по другим делам. Дело должно было кончиться зимой, и, следовательно, в продолжение ее можно было бы поставить вновь разобранный завод и начать работы с следующей весны. Вышло иначе. Мне вдруг пишут из С., что дело выходит спорное; что половина отведенного мне места принадлежала некогда каким-то лицам, которые теперь отыскивают свои права на него. Пишу в С., чтоб у них купили эти права; мне отвечают, что никто не может еще разобрать, кто именно владетели места, а время между тем проходит, наступает весна когда уже поздно думать о постройке и о производстве работ. Отправляюсь сам в город С., покупаю место за дорогую цену и выстраиваю на нем завод. За самое же производство альбумина я мог приняться только в следующую весну. И так три года пропало даром. Весною отправляю прикащика и мастериц. Прикащик, рекомендованный мне со всех сторон, как человек честный, оказался горьким пьяницею, прогулял все деньги, врученные ему на покупку яиц. Надо было отправить другого, а между тем наступило уже лето, а потому мы успели приготовить лишь небольшое количество альбумина.— Вот вам малый образчик неожиданных затруднений и препятствий, встречаемых учредителем какой-нибудь новой отрасли промышленности в России, где так скупы на привилегии и даже еще на выдаваемые на короткий срок.

У нас вообще неохотно выдают привилегии, считая их монополией, как будто три, шесть и десять лет, сроки, на которые они выдаются, можно назвать этим именем. Этот срок едва достаточен для основания новой отрасли промышленности в таком обширном и девственном государстве, как Россия. Только привилегиями и можно побудить к предприимчивости, потому что они ограждают предприимчивого человека, которому и без соперников, без конкурентов есть с кем и с чем бороться. У нас каждое дело приходится начинать с аза, у нас нет под рукою никаких средств к его развитию, все надо создавать самому. Трудно передать даже бесчисленные препятствия, встречаемые учредителями какого-нибудь нового производства в нашем отечестве. Каково же испытывать их, особенно когда они представляются так неожиданно и на

каждом шагу: едва успел устранить одно, смотришь возникло другое; поборол это, готово третье и т. д. У нас каждое нововведение, как заграничное, так и собственного изобретения, есть задача, и задача — трудно разрешимая. Тысяча обстоятельств, которых нет возможности предвидеть заранее, раскрываются только при самом ходе дела. Отлично идущее предприятие за границей может погибнуть в России, где применение его подвержено множеству местных, неожиданных случайностей, где нет возможности заранее рассчитать расходов хоть приблизительно.

Спрашивается, как при этих условиях не оградить привилегией изобретателя и нововводителя хоть от одной опасности, именно от того, чтобы другие не воспользовались даром его мыслию, трудами и усилиями...

В нашем отечестве, так сильно нуждающемся в развитии промышленности, основание каждой новой отрасли ее до того важно, что смело можно выдавать привилегии на долговременные сроки; такая привилегия поощрит новых промышленных деятелей, даст им возможность вполне развить свое предприятие, а Россия до того громадна, столько в ней препятствий и неудобств для каждого нового дела и так мало средств, что подобное развитие требует времени, усилий, издержек вдвое более, чем за границей; следовательно, с одной стороны, польза России, с другой — справедливость необходимо требуют дать изобретателю возможность и время вознаградить себя за первоначальные свои потери.

В заключение этой части моих записок, я считаю необходимым сказать еще несколько слов о моем крахмальном заводе в самарском имении. Действия его были до того успешны, что требования на мой крахмал с каждым годом все возрастали, и завод по малой величине своей едва мог удовлетворять их. Я стал думать об устройстве нового завода в гораздо большем размере и при том в таком месте, которое по своему положению представляло бы более удобства и выгод для крахмального производства, нежели в моем имении. Это имение лежит в степи, в 60 верстах от Волги, и потому лес для топлива и бочек приходилось перевозить гужем, точно так же и бочки, наполненные крахмалом, доставлялись с завода тем же способом к пристани; да к тому же еще не было случая покупать вблизи дешевую пшеницу, что возможно только в центрах большого привоза ее. Все эти обстоятельства заставили меня прекратить действия завода в имении. Я решился устроить новый завод в обширном размере в г. Самаре, представляющем по своему положению лучшее и удобнейшее место во всей России для крахмального производства. При новом заводе я устроил паровую лесопильню для распилки бревен на тонкие доски для бочек и мукомольную мельницу по американской системе для приготовления крахмала из муки. Крахмальные выжимки и отруби пойдут на откармливание скота, мясо которого, изготовленное впрок, будет отправляться за границу, а из глютена будут приготовляться крупа, макароны и пр. Рассказом об устройстве нового крахмального завода я начну вторую часть моих записок и полагаю, что встреченные мною и в этом предприятии затруднения и препятствия покажутся читателю не менее странными, невероятными, жалко забавными, как и в 1-й части.

Из записной книжки архивиста

Обращение В. И. Ленина к тульским рабочим

Письмо Тульским Губкомпарту, Губисполкому, 21 декабря 1919 г.[1]

Дорогие товарищи!

Героическими усилиями Красной армии разбиты Колчак и Юденич. Очередной задачей является окончательное сокрушение Деникина. Для разрешения с наименьшей затратой времени и сил этой задачи, обеспечивающей быстрое окончание войны и возможность приступления к мирному социалистическому строительству, пришлось все транспортные средства республики употребить на военные цели. Вследствие этого Москва лишена возможности снабжаться продовольствием из отдаленных местностей, и в особенно безвыходном положении очутилось ее рабочее население, на плечи которого падала и падает главная часть борьбы с контрреволюцией. При таких условиях является абсолютно необходимым доставка продовольственных продуктов и прежде всего картофеля из ближайших местностей. Все партийные, все советские силы губернии должны проникнуться той мыслью, что спасение московских рабочих от голодной смерти есть спасение революции и что дело этого спасения в их руках. Обстоятельства требуют быстрой помощи, следовательно революционной, решительной деятельности по немедленному усилению заготовок и немедленной же доставке заготовленного в Москву. Мне известно, что тульские рабочие в лице Рабочкома проявили прекрасную заготовительную деятельность Необходимо эту работу расширить, углублять. Тульские рабочие должны притти на выручку московским. В это критическое для Москвы голодное время следует закрепить союз тульских и московских рабочих. Организуйте быструю помощь Красной Тулы Красной Москве. В десятидневный срок губерния должна дать Москве не менее четырехсот вагонов картофеля. До полного исполнения этого задания приостанавливается выполнение иных нарядов. Подача вагонов, отправка грузов Наркомпутем обеспечиваются. Энергично добивайтесь на местах исполнения этой гарантии. От ваших успехов, энергии, решительности зависят спасение рабочего класса, укрепление завоеваний революции, дальнейшие ее успехи и окончательное ее торжество.

С коммунистическим приветом
В. Ульянов (Ленин).

От Тульского Губернского Исполнительного комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов[1]

Во исполнение предложения тов. Ленина организовать быструю помощь Красной Тулы, Красной Москве посылкой картофеля, Тульский Губернский Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов постановляет: 1) об'явить по всей Тульской губ. с 25 декабря 1919 года по 8 января 1920 г. картофельный двухнедельник по заготов-

---

[1] Публикуемая листовка издана Тульским Губкомом РКП(б) в декабре 1919 г. Листовка озаглавлена «Обращение т. Ленина к тульским рабочим, к Тульскому Губкому РКП(больш.) и Тульскому Губисполкому Советов рабоч., крест. и красноарм. депутатов». В текст листовки включено: а) письмо В. И. Ленина к Тульскому Губкому и Губисполкому от 21 декабря 1919 г.; б) обращение Тульского Губисполкома и в) обращение Тульского Губкома РКП(б). Текст письма В. И. Ленина, вошедший в публикуемую листовку, опубликован в «Ленинском сборнике» XXIV, стр. 145.

Опубликование листовки с письмом В. И. Ленина совпало с исключительно тяжелым продовольственным положением рабочих Москвы. Листовка сыграла огромную мобилизующую роль среди рабочих и крестьян Тульской губернии в деле быстрой организации продовольственной помощи рабочим Москвы и Красной армии.

[1] ЦАОР, Газетно-плакатный отд., № 1200.

ке, погрузке и доставке картофеля для рабочих Москвы. 2) Продорганам Тульской губ. обратить исключительное внимание на выполнение данного постановления и до максимума усилить заготовку картофеля. 3) Всем Уисполкомам, Волсоветам и Сельсоветам мобилизовать все силы для выполнения целиком всей картофельной разверстки. Отделам Управления незамедлительно выполнять все наряды на подводы и людей. Губвоенкому и Уездвоенкомам предоставлять продорганам все свободные воинские части в качестве рабочей силы. 4) Всем железнодорожным организациям, комиссарам, Утчека, железнодорожным сотрудникам и агентам сделать все необходимое для быстрой погрузки, отправки и продвижения картофеля в Москву. 5) Предложить Совету Профсоюзов и Тульскому Совету Рабочих и Красноармейских Депутатов откомандировать для этой работы лучших работников.

Председатель Тулгубисполкома Григорий Каминский.

Всем укомпартам, всем партийным организациям Тульской губ., всем членам Р. К. П. (большевиков) [1]

Дорогие товарищи! В своем письме к тульским рабочим, Губернскому комитету партии и Губисполкому тов. Ленин говорит нам о неимоверных лишениях, которые терпят рабочие Москвы в своей героической борьбе за интересы рабочего класса.

«Тульские рабочие должны притти на выручку московским,— говорит тов. Ленин.— В 10-ти дневный срок Тульская губерния должна дать Москве не менее 400 вагонов картофеля».

Наш ответ тов. Ленину и московским рабочим может быть только один — мы должны доставить этот картофель в Москву во что бы то ни стало.

Но надо смотреть правде в глаза: задача эта чрезвычайно трудная, требующая неимоверных усилий и организованности. Тут словами не поможешь, — необходима немедленная организация дела, без потери единой минуты.

Быстрота действий есть первое условие успешного выполнения задачи.

Но эта быстрота, вызываемая остротой положения, не может быть выполнена обычным ходом продовольственной работы.

Усилий одних продовольственных работников недостаточно, — надо вокруг этого дела, как вокруг главнейшей и очередной задачи, сосредоточить внимание всей рабочей массы, всех партийных и советских организаций.

Надо повести это дело в порядке массовой политической кампании — это второе условие успеха.

Тульский Губернский Исполнительный Комитет Советов об'явил с 25 декабря 1919 г. по 8 января 1920 г. картофельный двухнедельник помощи Красной Тулы — Красной Москве.

Две недели по губернии должна итти заготовка картофеля исключительно для Москвы.

Две недели усиленной напряженной работы.

Первые 10 дней этой работы должны дать не менее 400 вагонов картофеля Москве.

Проведение картофельного двухнедельника есть боевая задача тульской партийной организации,— вокруг нее и нужно сосредоточить все силы, все внимание рабочих и партийных масс и всех организаций.

Это массовое сосредоточивание, эта массовая политическая кампания, этот картофельный двухнедельник должен пройти весьма организованно.

Двухнедельник надо начать с немедленного об'яснения массам, почему заготовка и отправка картофеля стала первой задачей. Все партийные, советские, профессиональные организации, Уисполкомы, Волсоветы должны обсуждать и практически решать, как лучше, как скорее выполнить это боевое задание.

Надо добиться массового внимания к этому вопросу, массовой самодеятельности и инициативы.

Партийные субботники, советские воскресники, организация общетрудовой повинности должны получить массовое, разумное, организованное, скованное дисциплиной применение к заготовке и отправке картофеля.

Новые члены партии должны быть первыми привлечены к этой работе, должны быть на ней обучены и проверены.

Все Укомпарты, Уисполкомы, Правления профессиональных союзов должны провести усиленную мобилизацию своих членов: одних для усиления продовольственной работы вообще, других — посылая временно для проведений картофельного двухнедельника, третьих — мобилизовать частично, не отрывая совершенно от обычной работы.

Особое внимание должно быть обращено на усиление партийными товарищами железнодорожных организаций. От энергичной и правильной работы транспорта зависит половина успеха.

Аппарат учета и проверки работы должен быть образцовым. Следить, проверять работу нужно не только отдельным центрам и организаторам работы, — проверка работы должна вестись всеми членами партии и советами.

Работа должна обсуждаться массовым путем во время самого ее хода. Только

[1] ЦАОР, Газетно-плакатный отд., № 1200.

тогда возможна быстрая массовая помощь, и только тогда не опасны ошибки.

Информация должна быть точной и быстрой. Никакие затяжки и проволочки недопустимы. Надо широко и срочно оглашать для примера образцы лучшей работы, надо выставлять наружу образцы худшей работы, лень, дезорганизацию, неряшливость, для подтягивания, для исправления работы.

Печать, агитаторы должны оперировать в эти дни с цифрами, с фактами, не покладая рук.

С широким обсуждением и проверкой всеми всей работы должна быть проведена и личная ответственность, каждому должен даваться трудовой урок, каждый работник и каждая организация должны отвечать за порученное им дело. Должна существовать твердая сознательная дисциплина.

Массовая кампания, массовое привлечение и сосредоточение сил, массовое обсуждение и проверка, быстрота действий, энергия, энтузиазм, широкое развитие инициативы и самодеятельности — вот методы и путь практической организации картофельного двухнедельника.

Товарищи! Вам ясно, что 400 000 пудов картофеля мы добудем и дадим.

Пусть трудности необычайны, пусть мы видим, что они сегодня усугублены морозом, метелью, заносами на железных дорогах, пусть много их и они без конца — мы все-таки преодолеем их, ибо мы хотим победить, мы идем на помощь московским рабочим.

Мало того, в этих трудностях мы получим колоссальный опыт: мы проверим свои силы, мы вскроем наши ошибки, недочеты, перебои наших советских аппаратов. Мы проделаем репетицию к еще более трудной и более сложной задаче — закончить все разверстки текущей продовольственной кампании в Тульской губернии к 1 марта 1920 года.

Все за работу, все к напряжению. Ни одного уклоняющегося.

Все с радостью за новый труд, ибо в нем мы получим новый закал, новое боевое крещение.

Тульский Губернский Комитет РКП (большевиков).

А. М. Горький и издательское дело

Публикуемый ниже документ — докладная записка А. М. Горького об издании русской художественной литературы — свидетельствует о большом и постоянном интересе великого пролетарского писателя к делу издания книг. В течение всей своей многогранной, кипучей жизни А. М. Горький активно, инициативно участвовал в издательских делах. Это вытекало из его взглядов на роль писателя — борца за освобождение трудящихся от гнета капитализма, это вытекало из его взглядов на книгу — на печать, как на острое орудие борьбы угнетенных за их освобождение, за создание новой человеческой культуры.

Такой взгляд нашел отражение и в художественном творчестве А. М. Горького, и в его практической деятельности. В ряде рассказов и особенно в романе «Трое» он дает волнующие страницы о роли книги в формировании человеческого сознания.

А. М. Горький участвует в ряде издательских мероприятий как организатор, инициатор, советчик, защитник.

Известна организующая роль его в создании писательского издательства «Знание». Не менее активно было участие Алексея Максимовича в издании ряда партийных журналов (в период после 1905 года). Переписка В. И. Ленина с Горьким не раз касается издательских планов и их практического осуществления. Живя в отдалении, на о. Капри, в Сорренто, Алексей Максимович письмами, личным сотрудничеством и своими средствами помогает ряду издательских начинаний.

Но особенно активна его деятельность в этом направлении после Октября. Сразу же после Октябрьской социалистической революции по его инициативе и при его личном участии создалось издательство «Всемирная литература» (в докладной записке он называет его «Мировая литература»). Перед этим издательством Алексей Максимович ставит широчайшие задачи — дать трудящимся массам все лучшие достояния мировой литературы. Задачи и планы разрабатывались так широко, что они впоследствии легли в основание работы Государственного издательства и, надо сказать, что полностью они не осуществлены даже до сих пор. То же можно сказать и об издании серии «Русская литература», о которой А. М. пишет в публикуемой докладной записке. Осуществление такой серии начиналось в недрах того небольшого изд-ва, каким была «Всемирная литература» в 1918/19 году, потом перешло к Госиздату — Огизу и впоследствии к Государственному издательству художественной литературы (ГИХЛ — Гослитиздат). Но как законченное издательское мероприятие, с теми целеустремленными, глубокими установками, о которых говорит А. М. Горький в своей

докладной записке, — это дело так и не осуществлено полностью и может быть поставлено как цель, как задача для ближайшего будущего.

Инициатива А. М. Горького вызвала появление ряда новых издательств и на историческом фронте. Под его руководством и при ближайшем его участии созданы издания: «История гражданской войны», «История фабрик и заводов». В наших архивах мы найдем еще несколько документов, подобных печатаемой докладной записке, свидетельствующих о том, как великий пролетарский писатель своим творческим участием активно организовал дело издания книг в стране социализма.

Н. Накоряков

Докладная записка А. М. Горького об издании русской художественной литературы, 19 декабря 1918 г.[1]

Издательство «Русская литература», идейно и организационно связанное с издательством «Мировая литература», ставит себе следующие задачи:

1) По возможности в кратчайший срок сделать доступной народным массам художественную литературу XVIII и XIX вв. и

2) Дать единой трудовой школе необходимые ей пособия по русской литературе.

Более или менее удовлетворительно эти задачи могут быть выполнены только при централизованной работе по систематически выполняемому плану.

На рынке изданий русских классиков совершенно нет, а встречающиеся у антикваров идут по спекулятивным ценам. Издания Комиссариата народного просвещения не могут удовлетворить насущную нужду деревни и города в книгах по русской литературе, потому что эти издания, не говоря уже о том, что над ними не проделано никакой редакционной работы, слишком громоздки и потому недоступны для широкого демократического читателя. Новому читателю нужны не «полные собрания сочинений»: он тонет и путается в десятках громоздких томов Чернышевского, Чехова, Жуковского и др. Конечно, полные собрания сочинений необходимы, но работа по их изданию должна быть предоставлена особому ученому учреждению, напр. II отд. Академии наук, освеженному и подкрепленному новыми силами. Эти издания — типа академических собраний сочинений Пушкина, Державина, Ломоносова — должны выпускаться в свет только после серьезной академической работы над текстом автора по рукописям и должны лечь в основу изучения русской литературы.

Но для нужд широкого читателя нужно создать библиотеку русских классиков, в которую вошли бы все более или менее выдающиеся писатели XVIII и XIX вв. И в этом издании нет нужды преследовать абсолютную «полноту». Достаточно, если каждый автор будет представлен в наиболее ярких его произведениях, ценных абсолютно или по тому влиянию, которое они оказали на ход нашего литературного и общественного развития. Новый читатель не разберется в десятитомных изданиях Лескова, Чернышевского, ему нужно притти на помощь, выделивши наиболее существенное и яркое.

Рядом с основной «библиотекой русских классиков» должна стоять серия народных изданий — отдельных, небольших по размеру произведений авторов, вошедших и не вошедших в основную серию.

К собранию избранных сочинений каждого автора (в основной серии) должны быть даны: биография, портрет и однадве критических статьи (Белинского, Добролюбова, Чернышевского и др.) с краткой оценкой их исторического значения. Краткие биографии могут быть предпосланы и народным изданиям, если автор не вошел в основную серию (если же вошел, тогда можно ограничиться ссылкой на соответственный том основной серии).

Мы полагаем, что книги основной серии главным образом пойдут в библиотеки — сельские, заводские, полковые и ротные, морских и речных судов, поездов дальнего следования, больниц, школьные и т. п. Издания же второй серии — для разносной продажи и для продажи на вокзалах, в коммунальных лавках (даже не книжных, особенно в деревнях, в которых нет книжных складов).

Для нужд школы должны быть изданы в самом спешном порядке те произведения, которые указаны в примерной программе Комиссариата народного просвещения союза коммун Северной области. И в этой серии нужно выйти за пределы XVIII и XIX вв., издать произведения более ранних эпох, в частности ряд сборников устной поэзии, которые, конечно, могут быть использованы и для нужд внешкольного чтения.

Насущной задачей является издание для школ и художественно-иллюстрированных произведений русской литературы. Современная техника позволяет сделать их доступными и для широких демократических масс, а не только для нескольких сотен эстетов и снобов, как это было в пору хозяйничанья буржуазии. Здесь в первую очередь речь может итти, конечно, о переиздании старого, а во вторую о создании нового. Из старых изданий можно было бы повторить, напр., такие: иллюстрации Бенуа к Пушкину («Пиковая да-

[1] ЦАОР, ф. 2306, оп. 3, д. № 6, 1919 г., лл. 26, 27. Сообщено Г. Костомаровым.

ма», «Медный всадник»), Врубеля к Лермонтову, Агина и Боклевского к Гоголю, Островскому, Кардовского к Грибоедову, Трутовского к Крылову и т. п. И такие издания были бы на своем месте в каждом школьном кабинете родного языка литературы.

При сем прилагается примерный проспект издательства по сериям.

М. Горький.

К истории ссылки Н. Г. Чернышевского на поселение

В героической истории борьбы трудящихся за свержение самодержавия всегда будет жить имя Н. Г. Чернышевского, страстного, непримиримого борца против царизма, великого ученого, критика и публициста.

Оценивая роль и значение Н. Г. Чернышевского в революционном движении, В. И. Ленин указывал, что Чернышевский был «революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» [1].

Понятны и та жестокая расправа, которую, не останавливаясь перед провокацией и подлогом, совершило над Чернышевским правительство Александра II, и последующие стремления правительства сгноить Н. Г. в Сибири, не дать ему возможности после окончания срока каторжных работ вернуться в Россию.

Как известно, Н. Г. Чернышевский 7 апреля 1864 г. был приговорен сенатом, как виновный «в сочинении возмутительного воззвания (прокламации «к барским крестьянам».— В. С.), передаче оного для тайного печатания, с целью распространения и в принятии мер к ниспровержению существующего в России порядка управления», по лишении всех прав состояния (т. е. гражданской казни, вскоре, 19 мая 1864 г., совершенной над ним на Мытнинской площади в СПБ), к ссылке на каторжные работы на семь лет и затем к вечному поселению в Сибири.

Публикуемый документ ярко показывает, как самодержавие боялось влияния Чернышевского на массы и как оно всемерно стремилось не допустить выезда Н. Г. Чернышевского из Сибири после окончания срока каторги.

Революционеры 70-х годов неоднократно пытались организовать освобождение Чернышевского из Сибири.

При процессе каракозовцев в 1866 г. выяснилось, что член «Организации» Странден в сопровождении распропагандированного рабочего ездил, правда неудачно, в Сибирь с целью устройства побега Н. Г. Чернышевского с каторги.

1 февраля 1871 г. в Иркутске был арестован Лопатин, в начале 1871 г. по подложному паспорту на имя почетного гражданина Любавина, приехавший в Восточную Сибирь для организации побега Чернышевского.

Все эти моменты нашли яркое отражение в публикуемом документе 1871 г., проекте резолюции комитета министров, представленном Александру II об обращении Н. Г. Чернышевского из разряда каторжных в разряд ссыльно-поселенцев.

Составитель этого проекта, помощник управляющего делами комитета министров д. с. с. Н. Н. Селифонтов, писал, что «отзыв генерал-губернатора Восточной Сибири (Н. П. Синельникова.— *В. С.*) о невозможности отвечать за побег государственного преступника Чернышевского, в случае обращения его, в общем порядке из разряда каторжных в разряд поселенцев, с освобождением от тюремного заключения, заслуживает особенного внимания правительства, как в виду важности совершенного Чернышевским целого ряда государственных преступлений, так и, в особенности, вследствие нравственных его качеств и того влияния, коим он пользовался в кругу молодежи, а отчасти и ныне пользуется по удостоверению шефа жандармов».

Проект предлагает изыскать меры для ссылки Н. Г. в такое место, откуда бы его не могли освободить. В результате Чернышевский, ожидавший летом 1871 г. освобождения из каторги и выезда в Россию или за границу, просидев в тюрьме до конца 1871 г., был, по секретному предписанию правительства, 2 декабря 1871 г. сослан в г. Вилюйск, Якутской области.

Только в августе 1883 г. преждевременно состарившимся, больным человеком Н. Г. мог вернуться в Россию и под надзором полиции поселиться в Астрахани.

И только перед самой смертью, в 1889 г., вернулся к себе на родину в Саратов Н. Г. Чернышевский, чье имя глубоко чтит великий советский народ.

Подлинник проекта резолюции по делу Н. Г. Чернышевского хранится в Костромском отделении Ярославского облархива, в фонде б. пом. упр. делами комитета министров, затем тов. министра путей сообщения и сенатора Н. Н. Селифонтова (1836—1900 г.), дело № 4. К проекту приложена выписка статей № 809, п. 1, 808, 826, св. зак. т. XIV, уст. о ссыльных (изд. 1857 г.), предусматривающих наказания за побег из Сибири.

В. Самойлов.

[1] Ленин, Соч., т. XV, стр. 144.

Проект резолюции по делу Чернышевского 8—15 сентября (1871 г.)[1]

Во исполнение высочайшей вашего императорского величества воли, выслушав настоящее дело, комитет [министров] находит, что отзыв генерал-губернатора Восточной Сибири[2] о невозможности отвечать за побег[3] государственного преступника Чернышевского, в случае обращения его, в общем порядке, из разряда каторжных в разряд поселенцев, с освобождением от тюремного заключения, заслуживает особого внимания правительства, как в виду важности совершенного Чернышевским целого ряда государственных преступлений, так и в особенности вследствие нравственных его качеств и того влияния, коим он пользовался в кругу молодежи, а отчасти и ныне пользуется по удостоверению шефа жандармов[4]. Необходимость полного, недопускающего ни малейших опасений охранения[5] молодежи от увлечений, легко могущих зародиться с появлением в их среде[6] или заграницей такого преступника, как Чернышевский, по мнению комитета, столь настоятельно, что не следует останавливаться[7] перед[8] необходимыми для сего материальными жертвами, как о том заявил в заседании и сам министр финансов[9].

С другой стороны, по убеждению комитета, не менее существенным и важным представляется изложенное во всеподданнейшем докладе замечание генерал-ад'ютанта графа Шувалова, что продолжение содержания Чернышевского в месте каторжных работ, в заключении было бы отягощением присужденного ему наказания.

Чернышевский был приговорен судом к 14 годам каторжных работ. Высокому милосердию вашего императорского величества благоугодно было тогда же сократить срок работ на половину и затем, по всемилостивейшему манифесту от 1866 г. еще на 1 год и 9 месяцев[1], а всего на 8 лет[2] и 9 месяцев, так что в настоящее время состояние Чернышевского в разряде ссыльно-каторжных прекращается и в силу оказанной уже ему вашим величеством милости и по закону, указывающему[3] обращение его на поселение в отдаленных местах Сибири, без заключения в тюрьме.

Имея в виду вышеизложенное и принимая в соображение, что отзыв генерал-губернатора Восточной Сибири о невозможности отвечать за побег[4] Чернышевского, основан[5] на предположении генерал-лейтенанта Корсакова[6], что обращение сего преступника в разряд поселенцев будет подчинено общеустановленному для всех порядку, не применимому к столь вредному и опасному ссыльному, комитет приходит к убеждению о необходимости продолжив временно заключение Чернышевского в тюрьме в месте настоящего его пребывания, немедленно приступить к изысканию всех возможных мер к обращению сего преступника, согласно закону, в разряд ссыльно-поселенцев в такой местности и при таких условиях[7], которые бы устранили всякие опасения насчет его побега и тем самым сделали бы невозможным новые со стороны молодежи увлечения к его освобождению[8].

Вследствие сего комитет полагает ограничиться в настоящее время поручением шефу жандармов снестись с генерал-гу-

---

[1] Заголовок подлинника. Год датировки документа «1871» (при отсутствии датировки документа в подлиннике годом) — установлен нами, исходя из того, что сам Н. Г. Чернышевский, как известно, ожидал окончания каторги и своего освобождения летом 1871 г., а также и на основании того, что в документе имеется указание о том, что «отзыв генерал-губернатора Восточной Сибири (очевидно, вновь назначенного.— *В. С.*) о невозможности отвечать за побег Чернышевского, основан на предположении генерал-лейтенанта Корсакова», который был генерал-губернатором Восточной Сибири по 1870 год включительно.

[2] Ген.-губ. Восточной Сибири — Синельников Н. П. (1805—1894 гг.), управлял Восточной Сибирью с 1871 по 1874 г. (назначен на должность указом от 21 января 1871 г.).

[3] Слово «побег» надписано над зачеркнутым «целость».

[4] Шувалов П. А., граф генерал-от-кавалерии (1827—1889 гг.). С 1866 г. по 1874 г. был шефом жандармов и главноуправляющим III отделением.

[5] Слово: «охранения» надписано над зачеркнутым «обеспечения».

[6] Слова: «молодежи... их среде» рукою Н. Н. Селифонтова написаны на полях.

[7] Зачеркнуто: «ни».

[8] Зачеркнуто: «какими».

[9] Рейтерн М. Х., граф (1820—1890 гг.). С 1862 г. по 1878 г. был министром финансов.

[1] Слова: «1 год и 9 месяцев, а всего» написаны над зачеркнутыми: «1/4, т. е.».

[2] Слова: «8 лет» написаны над зачеркнутым: «1 год».

[3] Далее зачеркнуто: «за истечением всех сроков».

[4] Слово: «побег» написано над зачеркнутым: «целость».

[5] Далее зачеркнуто: «по всей вероятности».

[6] Корсаков М. С.— ген.-лейт. (1826—1871 гг.) с 1861 г. по 1870 г. был ген.-губ. Восточной Сибири.

[7] Далее зачеркнуто: «чтобы государство было вполне обеспечено не только от его побега, но и от всяких покушений к его освобождению со стороны других».

[8] Слова: «которые бы устраняли... к его освобождению» рукою Н. Н. Селифонтова написаны на полях.

бернатором Восточной Сибири о доставлении предположений о всех тех мерах и денежных средствах[1], кои он признает необходимыми к безопасному водворению Чернышевского на поселении, каковые предположения, со своим заключением и мнениями министров внутренних дел[2] и финансов, повергнуть через комитет министров[3] на высочайшее вашего императорского величества воззрение.

Поступало 8 }
Слушано 15 } сентября.

Усадьба начала XIX в.

Три поколения архитекторов Бакаревых оставили обширные рукописные и исторические материалы. Из них наиболее интересны «Записки» Владимира Алексеевича Бакарева (1800—1872 гг.). Его отец, А. Н. Бакарев, был учеником крупнейшего русского архитектора XVIII в.— М. Ф. Казакова. В. А. работал архитектором в усадьбе кн. Куракина в 1820—1828 гг. Приводимая нами часть «записок» рисует быт и экономику дворянской усадьбы начала XIX в. Естественно, что Бакарев, приближенный князя, рисует его личность в преувеличенно восторженном тоне. Однако его «записки» содержат целый ряд фактических данных, полезных для историка, начиная с указания огромной убыточности имения, которая покрывалась за счет государства предоставленной Куракину рыбной арендой. «Записки» Бакарева хранятся в Государственной академии истории материальной культуры. Подготовлены к печати Н. А. Кожиным.

Из записок архитектора В. А. Бакарева

Но обращусь к К[уракину]; ...посмотрим как хозяина, как дворянина — и тут много кое чего найдется, о чем можно с удовольствием поговорить.

В отношении хозяина, князь имел состояние; если взять в соображение его знатность происхождения, его представительность и те посты, какие он занимал в государстве, то состояние его было весьма ограничено, хотя всех крестьян было у него до 5 000 душ, если даже не менее; но они не могли удовлетворить его нужд, так, если бы не аренда рыбных ловль в Астрахани на Волге (пожалованы ему покойным государем Павлом Петровичем), то ему бы нельзя было бы жить так, как приличествует жить столбовому боярину и верховному сановнику русскому; и потому-то после его кончины осталось долгу до 7 млн. руб. Прежде нежели об'ясню причины такого долга, должен сказать, в чем и как устроено было его хозяйство. Главное имение находилось в Орловской губернии, Малоархангельского уезда, в 5 от г. Орла и в 18 верстах от Малоархангельска; через него проходила почтовая дорога из г. Орла в Малоархангельск, и другая — большая Киевская дорога. Состав этого имения заключался в 4 000 душах, все они были на барщине, при обрабатывании полей, на работах в усадьбах и на винокуренном заводе; в этом количестве душ заключалось более 1 000 тягол, и до 800 душ обоего пола и всех возрастов дворовых людей.

Администрация имения состояла: из главноуправляющего, главной вотчинной конторы, которая была в зависимости от главного управления, но все действия свои производила не иначе, как по предписаниям и постановлениям князя, которому доставляла отчеты по имению: недельные, ежемесячные, полугодовые и годовые. В этих ведомостях показывалось все, начиная от самой важной вещи до самой ничтожной; и надо присовокупить, что иногда отчеты были так огромны, что за отправление по почте платили несколько десятков рублей. Для показания сущности сих отчетов стоит только сообразить, что князь каждую ведомость читал с начала до конца; вот тому несколько доказательств (они остались у меня в памяти, потому что довольно забавны): против статьи одной ведомости князь написал: «Не удивляюсь, что так много израсходовано квасу: вероятно, им потчуют разночинцы гостей своих, приходящих в непозволительное время»; в другой: «Для составления чернил отпущено из уксусного завода погону ведро; человек, которому это поручено, половину погону употребил для себя с приятелями» (здесь подразумевается, что делатель будто выпил погон вместо водки, но погон этот был уксусной). Таких и подобных им замечаний не было конца; князь говорил: «Если я взыскиваю за малость, то что должны ожидать, когда я взыщу за большое». Нельзя, он был человек, а человек и умный может ошибаться, с тою только разницей, что его ошибки могут быть вреднее ошибок глупца. Такие взыскания и замечания заставляли начальство имения быть весьма осмотрительным, ибо у князя ничего не ускользало из виду: если вы взяли десять гвоздей, то обязаны дать отчет, куда именно и для скольких досок или тесу,— иначе с вас взыщут

[1] Слова: «денежных средствах» рукою Н. Н. Селифонтова написаны на полях.

[2] Тимашев А. С., ген.-лейт. (1818—1893 гг.). В 1868—1872 гг. был министром внутренних дел.

[3] Слова: «через комитет министров» рукою Н. Н. Селифонтова написаны на полях.

без церемонии, кто бы вы не были. Если вам нужна деревянная ложка, напр. для госпиталя, для кухни, для стола, то вы должны принести осколок старой ложки, без чего новой ложки вам не дадут, и, сверх того, вам хотя и дадут новую ложку вместо изломавшейся, но не иначе, как по требованию, подписанному смотрителем; требование вы доставьте прежде всего в главную вотчинную контору, там его рассмотрят и утвердят, с ним вы отправитесь к тому ключнику, у которого хранятся как новые ложки, так и старые, к концу дня ключник приходит к помощнику бухгалтера и показывает требования, по которым он отпускал вещи, а этот сверяет их и записывает в приходо-расходную алфавитную книгу. Если нужны веревки, то таже история; принеси хоть клок, да старые. Целые кладовые наполнены были старыми изломанными и ни к чему негодными вещами, как-то: осколки деревянных лопат, ложек и пр. и груды обрывков всех сортов веревок, и всему этому велись счеты, и все это показывалось на отчете — по ведомостям. Вот на чем вращалась администрация; как поступалось с ничтожными предметами, так точно обращались и с большими. Одним словом, никто не мог поступить вопреки установлений и вновь насылаемых распоряжений; всякое место и всякое лицо были один с другим связаны ответственностью. Никто не мог действовать самовольно или свыше данной ему власти, все имение представляло паутину, а князь ее центр. Князь знал все, даже и то, что ему знать не следовало бы.

В имении находились фабрики: суконная, коверная, кружевная и швейная; все три последние работали для домашнего потребления; первая же действовала отдельно, под особым управлением, и содержала себя на свои обороты, которые однако не весьма были цветущи, и потому заставили Куракина впоследствии времени закрыть фабрику при понесении убытка до 150 тыс. руб.

Сверх фабрик были заводы: винокуренный, паровой, который устроил Полевой (меня уверяли, что не брат, а сам писатель, который всем известен. Однако я его видел один только раз, и он очень похож на портрет, который я впоследствии видел...). Завод этот также управлялся отдельно, но как и суконная фабрика под главным начальством главной вотчинной конторы; второй конской, состоящий из более нежели одиннадцати маток с двумя прекрасными английскими жеребцами, из коих одного («Олень») привели при мне; он долго имел привычку, стоя в стойле, качаться, что говорили произошло от корабля; за него Куракин заплатил семь тыс. рубл.; третий овчарной, на котором овец было до 3 тыс. голов и до 1 000 голов рогатого скота, который размещен был почти во всех имениях; четвертый — скотные дворы с прекраснейшими коровами; одна корова, купленная для заводу, заплочена была тысячу рублей, и, признаюсь, что я подобной ей корове до сего времени не видал; я помню, что она принесла телушку, которая с матерью лежала в прекрасном отделе, и обе они представляли обворожительную картину. Князь был страстный охотник до коров, и их берегли пуще глазу; и пятый — была пасека, т. е. пчельник в прекрасной, почти девственной или первобытной роще, разбросанной по берегам крутого и романического оврага. Роща эта отстояла от резиденции имения, т. е. от села Куракина, верстах в 5, и находилась в стороне, не соединялась ни с какою усадьбой: мне только один раз случилось быть на пасеке, и нас едва было не с'ели пчелы, но какой мы ели мед (соты), то признаюсь, что ничего не может быть лучше и здоровее; это был какой-то аромат, это была просто манна. Уверяю всех и каждого, что соты, если их есть на пасеке, то это ничем изобразить нельзя; я пробовал есть соты привозные в Москву,— они казались мне каким-то медикаментом.

В отношении роскоши имения, то она была в особенности в садоводстве; здесь были сады: фруктовые (с которых получалось до 2 000 рублей доходу), английские рощи, обращенные в сады, ботанические и рассадники для всех кустарных деревьев; любимым деревом князя был тополь душистый, серебряный и итальянский, или тульчинский (пирамидальный), целые огороды с грядами превосходнейших сортов клубники. Померанцевые оранжерен, в которой были папельмосы о 3 000 и 4 000; я видел, что два снятых папельмоса и сваренных в сахаре едва помещались в огромной суповой чаше. Оранжерея эта была с одной стороны двухсветовой большой залой, а с другой ее стороны был зимний сад,— зимою двери зала растворялись в обе половины, и я помню, что видимая от того картина поражала всех. В зимнем саду при 20 градусах мороза цвели цветы, зеленели липки и другие деревья и порхали птички, распевая свои неподражаемые песни. В отдельном длинном каменном корпусе помещались персиковые, абрикосовые, сливные и вишневые деревья. Две большие ананасные теплицы и при них воздушные парники, в которых произрастали прекрасные арбузы и дыни.

Сады резиденции стояли на прудах, из них в главном или, как он назывался, в Красном, где он находился, тут прежде было болото, поросшее большим тростником, в котором лавливали лисиц,— этих он [Куракин] сам травил, когда был молод. Пруд Красный точно был красный; в нем всегда вода стояла в полноте — чистая без тростника, зеленого цвета, местами пруд был очень глубок; он наполнялся водой истоком речки Масловки, которая через него струилась; пруд был огражден с двух сторон гатями и плотинами;

в нем водились огромные карпии; последних саживали в пруд из реки Неручи — осенью — от 600 до 700 штук, чему я был неоднократный свидетель; в первый раз это меня поразило, но после я узнал, что карпии в реке Неручь более, нежели в другой реке.

Каждую субботу был в селе базар, на котором, кроме сельских изделий и полевых произрастаний, продавалось: сахар, чай, кофе, овощные и бакалейные товары, а также ситцы, коленкор, ленты, серьги, кольца и пр., для чего устроен был большой корпус, в котором помещался постоялый двор с приличными квартирами; на базар с'езжались купцы из г. Малоархангельска и из других соседних городов. На базар вывозили даже сукно и притом очень изрядное; одним словом, на базаре можно было купить все нужное для обыкновенной жизни, кроме роскоши. На базар с'езжались из дальних мест крестьяне и даже мелкопоместные помещики; у содержателя базара можно было во всякое время достать ром, виноградное вино (конечно, средственное) и особенно донское городское, которое было превосходно: оно было густое, красное с игрою и платилось по пятиалтынному за небольшую бутылку. Содержатель базара имел ежедневно открытую овощную лавку, платил за все сие порядочную сумму с правом отдавать лавки в базарные дни приезжающим и получать за то плату. Учреждение этого базара доставляло многие выгоды и удобства жителям, которые большею частью состояли из дворовых людей и разночинцев. Кроме вышепоименованного, продавались: иконы в ризах и без оных, табак обоих сортов, сапоги, башмаки, шапки, шляпы, ружья, порох, дробь, дичина, платки, помада, даже духи, конская сбруя, одежда; летом арбузы, виноград и пр. фрукты, даже персики и абрикосы, деревянная посуда, деготь, слесарные, кузнечные вещи и пр. Базарный день — был днем отдыха для всех и каждого, его нередко посещал и сам князь; даже на нем были такие вещи, которые вдруг могли быть нужными: я помню, он при мне велел купить несколько кусков коленкору для сделания из него живописных стор в окна. Базар знакомил людей, и некоторым образом действовал на образованность их, в чем главную роль играли люди князя, ибо они приезжали и уезжали с ним в Петербург и оттуда привозили новые покрои платьев, новые обычаи в жизни, что все замечалось сельскими жителями с жадностью и постепенно вводилось между ними; иногда это распространялось даже на самих помещиков разумеется, тех которые безвыездно жили в деревне, но подражания эти доходили иногда до смешного.

Во всем Орловском имении было пять церквей (из коих одна домовая), две из них были в селе Куракине: одна круглая летняя, другая продолговатая — зимняя; одна в селе Александровском и одна в селе Алексеевском (мною выстроенная вместо бывшей деревянной). Круглая была не только великолепно украшена снаружи и особенно внутри: она замечательна была и по тому (цепному) своду, который покрывал ее внутренность и разделял высоту ее на две части, что поистине представляло прекрасный и вместе поразительный вид. Не знаю, кто делал рисунки этой церкви, но построена она была до меня за 30 лет И. Емел. Измайловым, который однако не был никогда архитектором, но более 50 церквей выстроил в свою жизнь, и это истинная правда. В воскресные и праздничные дни обедни пели певчие, у которых были прекрасные голоса, особенно женские.

В имении ежегодно приготовляли: прекрасный кирпич жженый; делали сырцовый без обжога кирпич, который употребляли для холостых строений и заборов и клали на глине. Кирпич этот приготовляли так: избиралось место, изобилующее вязкой, красной глиной, которая накапывалась ручными железными лопатами и ломами и сбрасывалась в яму, в эту же глину прибавляли рубленой соломы и песку, и все это поливалось водой и мялось быками, покуда не обратится все это в одну массу; потом выносили сию глину из ямы и наполняли ее деревянные станки, состоящие из четырех досок; длина кирпича простиралась, смотря по качеству глины, от 8 до 10 верш., а толщина и ширина — соразмерно длине. Изготовленный таким способом кирпич клали по земле с продушинами или с промежутками и постепенно высушивали на солнце; иногда таковые кирпичи были так крепки, что их обсекали топорами, если где нужно было убавить их величину. Построенные из сырцового кирпича холостые строения на каменном фундаменте и покрытые соломой на глине с известью существовали, без больших починок, от 12 до 20 лет, чему я был очевидный свидетель.

В двух хозяйствах имения были устроены превосходные и даже богатые ветряные мельницы; одна из них — огромная каменная, на ней вымешивалось разного хлеба от 50 до 60 четвертей в сутки; сверх того были крупчатки и маслобойный завод (водяные мельницы были ничтожны и принадлежали более крестьянам).

В состав хозяйства входили мастерские: столярные, слесарные, шорные, кузнечные, малярные, стекольные — и в них были отличные мастера, особенно столяры и слесаря; все эти мастерские заняты были экономическими работами, как новыми, так и починкой старых предметов; в мастерских делали даже мебель из дубового дерева и возобновляли старые экипажи, которыми огромные сараи набиты были, кроме тех экипажей, которые употреблялись князем, его семейством, управляющим и чиновниками.

Я уже сказал, что в церкви пели певчие, они были и музыканты; все они до-

стались князю после брата его Степана Борисовича, который был любитель музыки и которого музыка едва ли не первая была в Москве; в числе их были и вновь обученные и были такие, которые игрой своей доставляли удовольствие.

Надо присовокупить, что каждый певчий и каждый музыкант имел сверх того какую-нибудь должность по экономии: так, напр., некоторые были смотрителями при домах, кладовых, при лесных материалах, учителями в училищах, официантами, дежурными при домах и в прислугах у приезжих гостей; из них некоторые были парикмахерами; певчие же девицы занимались на швейной фабрике.

Из произрастаемых в имении фруктов варились превосходные варенья, не уступавшие киевским, — все приготовлялось своими мастерицами или мастерами кондитерского искусства.

Огромные два подвала наполнены были прекрасными винами (виноградными) всех почти сортов и качеств.

Главный доход имения состоял в значительной продаже зернового хлеба, особенно пшеницы (рожь же почти вся употреблялась на винокурение и на продовольствие дворовых), пеньки, конопли и гречихи и от поставки в казну вина. Каждую осень и весну приготовлялось огромное число сажень болотного торфу, который весь употребляли на завод и на топку кухонных печей, ибо Орловская губерния — безлесная, так что в имении князя всего на всего лесу было — и то дубового — до 1 000 десятин, что в отношении почти 30 тыс. десятин было ничтожно.

На каждую дачу, на каждое отдельное в нем хозяйство имелись подробные и верные планы — так Дубовицкую из них дачу, содержавшую около 8 тыс. десятин, снимал при мне отставной землемер Н. Ф. Фомин. Он также делал с'емки и с других частей имения; и беда ему была, если где-нибудь пропущен был мостик через канавку, или самая канавка, хотя бы она была ничтожная: до того внимателен был князь и аккуратен. К счастью еще, что землемер Фомин был преаккуратнейший человек и притом совершенно знающий свое дело. Каждому строению, какое где находилось в имении, непременно был и план, а иногда и фасад; всем строениям имелся у князя составленный мной альбом, которого листы были одинаковой формы и меры — масштабы изменялись смотря по величине строений; все рисунки альбома сделаны были в красках и большая часть их с воздухом и декорациями; в числе сих рисунков, состоящих кроме церквей, домов, оранжерей, беседок, скотных дворов и пр., помещены были фасады целым селениям (например, Мокрецам или Борисоглебску), где почтовая станция по Киевскому тракту. Рисунки эти составлялись мною в свободное время (как указано было в предписании на имя мое), всех их составлялось,— считая, по крайней мере, на каждый год, примерно 36,— до 280 если не более.

Когда предполагалось что-либо произвести вновь или что уже было начато, то потребные для того материалы отпускались не иначе, как по требованиям, доставляемым в главную вотчинную контору, а по хозяйствам — в местные конторы; этот порядок строго соблюдался, как по строительной, садовой, так и по всем прочим частям, составлявшим состав экономии. На каждое лицо, заведывавшее малым или большим каким бы то ни было изделием, мастерством или хозяйством, должно было отдать полный и подробный отчет в отпущенных ему материалах, вещах и в числе работавших людей, как временно насылаемых и постоянно у него занимавшихся рабочих мастеровых. Все же таковые работы не иначе производились, как по годовому бюджету, т. е. по предварительному назначению и ассигновке суммы, и всякий предмет разрешался (если он был новый) предписанием князя; одним словом, все действия экономии производились систематически по правилам, единажды принятым, и изменялись также одними только предписаниями князя.

Сверх улучшенного садоводства и хлебопашества при резиденции были учреждены: прекрасные огороды с парниками, хмельники и бакши; на сих последних произраставшие огурцы сдавались на откуп; хмель же поступал на винокуренный завод; овощи, арбузы и дыни — частью для стола и госпиталя, а частью продавались на базаре.

Из добываемого со скотных дворов скопа молока изготовлялось превосходное чухонское или сливочное масло, а также и коровье; сверх того, приготовлялся домашний сыр, но оный до тех пор был хорош, покуда его делала своя крестьянская баба; когда же устроили завод и поручили его швейцарцу, то весь изготовленный им сыр сгнил и выброшен вон; от сего завода убытку понесла экономия до 5 000 р. ассигнациями. Огромное пространство земли было изобильно болотами, где водились во множестве разных сортов красная дичь, как-то: бекасы, вальдшнепы, дупеля; кроме диких уток, чирят (маленьких уток), гагар и гусей, в полях же стадами витали: дрофы, стрепеты, перепела, голуби и др.; дичи столь изобильно было, что свой ученый егерь в два месяца набил оной (и то одной только красной) более нежели 700 штук, которые все употреблены были к столу князя. За исключением птиц, травили зайцев, но не иначе, как с позволения; никто не смел во всем имении князя ни стрелять дичи, ни травить зайцев и лисиц, которые также водились, но в очень малом числе, а об волках слышно было только в лесистых местах и то редко; стреляли дичь один егерь и лица, имевшие на то право; посторонним же никому не дозволялось; травлю зайцев делали одни приказчики, охотники, имевшие у себя собак,

и некоторые из почтеннейших дворян соседей, которые однако делали сие не иначе, как в год один раз и всегда в присутствии управляющего. Я несколько раз был на стрельбе дичи в болотах и на травле зайцев в поле; обе сии охоты не возбудили во мне никакого к себе пристрастия; другие же товарищи мои были вне себя от пойманного собаками зайца; особенно это поражало помещиков соседей, тут они начинали говорить, ибо во всем другом они совершенно бессловесны. Многие из моих сослуживцев имели собственные ружья, но они стреляли почти на ветер; егерь (старик) Егор, или как его прозвали «леший», был такой мастер в стрельбе, что убивал разом двух птиц (из двухствольного своего ружья) и при том тех самых птиц, по которым дано было господами один за одним несколько пуделей, т. е. выстрелов, не попавших в предмет.

Князь желал, чтобы в экономии его все было то, что может служить к ее пользе; на сем предположении им были заведены: плужные хозяйства, трехпольные поля; посев клевера, веяльные и молотильные машины, по новым системам овины, посев льна, белильни полотен, породы тирольских коров, разные породы домашней птицы; разведены были всех возможных сортов и наименований ягоды, фрукты и цветы. В имении безвыездно жил очень хороший живописец (ливенский мещанин) Тихон Иванов, который расписывал то церкви, то дома, то писал прекрасные в окна транспаранты, и его живопись тем только и была хороша, что он сам работал.

На даче «Кинь грусть» был зверинец, в котором содержались олени и кролики.

Кладбища, бывшие на большой дороге, перенесены в стороны от оной.

Деревня Мокрецы — Борисоглебск тоже на большой Киевской дороге, в 55 вер. от Орла и в 7 от резиденции, т. е. от села Куракина, имевшая 60 домов, вся построена по высочайше утвержденному плану, и каждый дом имел свой фасад, различный от других, так как деревня сия имеет станцию (крестьяне же оной все почти извозчики как при возке пассажиров, так и при возке разных тяжестей во все стороны по России). А потому князь намеревался построить станционный дом с гостинными помещениями, на что уже последовало высочайшее разрешение (как перестройка всей помянутой деревни, так и проект станционного дома произведены были мною), впрочем он не был построен, хотя фундамент и был сделан: дело остановилось за смертью князя.

В селе Липовка, Алексеевское тож, князь построил на свое иждивение каменную церковь, которую я и окончил с оштукатуркой внутри, освящена же она была в небытность уже мою при экономии; на постройку ее пошло одного кирпича более миллиона.

В селе Каменка добывался прекрасный дикий (гранитный) камень, который однако более употреблялся в фундаменты, нежели в наружные работы. Торф, добываемый в болотах, в одном отведенном для того месте сжигался и обращался тем в красный порошок, который употреблялся на посыпку дорожек садов, а частью на краску из масла железных и деревянных крыш, на которых довольно долго держался.

Из винного погона приготовляли прекрасный уксус в особо устроенной для того теплице — его даже продавали за ведро до 2 р. Все проезжие дороги как почтовые, так и те, кои соединяли главные пункты хозяйств, были окопаны и обсажены березами и ракитами, что представляло безопасное сообщение зимой и прекрасную защиту от жара летом. Мосты верстовые и проворотные столбы были образцовые и всегда содержались в отличной исправности, как равно и самые дороги.

В селе Александровке 30 августа была ежегодно узаконенная ярмарка, на которую с'езжались окружные дворяне и купцы с товарами из ближайших городов.

В городе Орле на Московской улице был дом, в котором жил Иван Федорович Михайлов, он исполнял все комиссии князя, относящиеся до имения, как его, так и дочери князя графини Зотовой (дом сей построен мною, он был поставлен на каменном фундаменте с мезонином и балконом на колоннах). Все усадьбы, все сады, все огороды, все пастбища были обнесены живыми заборами, канавками и глубокими рвами. Резиденция, село Куракино, в ночное время охранялась 25 сторожами при чугунных досках, над которыми наблюдали очередные из дворовых людей, обходчики и конные об'ездчики — это составляло милицию, над которой имел заведывание как равно и за пожарными инструментами так называвшийся полицеймейстер и при нем помощник; оба они были чиновники, служившие в военной службе. Улицы усадьбы украшались палисадниками пред домами с деревьями тополя, по другим улицам были бульвары.

Ни цель сих моих записок, ни время, ни даже место не дозволяют мне распространить описание всех помянутых уже частей экономии, так и других, которые входили в состав оной. Но чтобы дать несколько понятия, в каком все это было виде и изобилии, стоит только вспомнить, что граф А. А. Аракчеев, посетив имение князя в 1824 году, отозвался об оном с большою похвалой и нашел его в отличном положении. Об тех же лицах, которые приезжали в гости к князю или по делам службы, то их удивление к обширности и устройству экономии можно смело отнести или от обычая хвалить все, не понимая ничего, или же из предосторожности прослыть профанами бояр судить — ибо не надеялись отстаивать свои суждения, а другие, как невежды, из одной мести. Но я знал людей, из них одни говорили: «У

вас (или здесь) недостает только зеленой лошади и птичьего молока»; другие: «Только князь Алексей Борисович может иметь это... и это...»; иные: «Да, правда, здесь так хорошо, что не расстался бы, но вот беда: здесь только можно гулять, наслаждаться приятно, спокойно, но не приобретешь избытка... Здесь... никто столько не заботится ни о чем, как сам почтенный хозяин — иначе вся гармония экономии исчезнет без возврату» (что после смерти князя и было). Все они говорили сущую правду, более или менее близкую к истине. Сами постоянные жители туземцы почти все не могли нахвалиться и налюбоваться, во-первых, прекрасным хлебопашеством, скотоводством и многими другими жизненными удобствами, которые им почва земли и климат страны изобильно давали; во-вторых — приятными местоположениями, прекрасными жилищами своими, богатейшими господскими усадьбами, представлявшими вроде маленьких местечек.

Сам князь говаривал, что село Куракино — «парадиз», и подлинно он не ошибался в этом нисколько. Не говорю о весне: это время там истинный рай,— лето несколько жарко, осень бывала обворожительна, редко ненастна, но даже самая зима с ее вьюгами, непроезжими дорогами и иногда жестокими морозами (не помню, в какой именно год, 6 января был сильный ветер при 50 градусах мороза) много имела своего приятного, ибо во время зимы и природа и люди отдыхали. Если и работали, то только для сбыта прибытка. Притом же зима там поздно начиналась и рано сходила. Не было праздника пасхи, чтобы женщины не ходили в одних платьях (это мне очень памятно). Правда, летом бывали грозы и нередко большие и нередко производившие пожары, об смертности от молнии не было даже и слухов. Бывали грозы с градом, но милостию божиею эти случаи были также редки и всегда местами или полосами. Бывали ранние морозы, которые поражали, но также не везде, но главное — от них страдала гречиха. Об эпидемических болезнях не было и слуху. Народ вообще был здоровый, хотя и не слишком рослый; общий тип был: русый цвет волос; более темно-голубоватые глаза; походка смелая, речь с мыслью, выговор и наречие приятные — с какою-то неизъяснимою учтиво-робкою живостью; более трезвой жизни и довольно трудолюбивые, нравственность обыкновенно крестьянская, но более похвальная, и особенно в зажиточном быту; было несколько молокан и скопцов, но об сих сектах ночти и не слышно было, так они ничтожны были.

Число обоего пола дворовых людей простиралось до 800 душ, то и следует пояснить, почему составилось оное: после смерти брата Степ. Борисовича досталась К. музыка, большая часть музыкантов были семейные, и уже немолодых лет, а также и другого рода дворовые люди; потом такие же точно люди достались ему после смерти другого брата Александра Борисовича; одних он отдал сыну своему Борису Александровичу, себе же оставил более семейных и уже в летах бывших людей. Сверх того при Орловском имении у него свои были дворовые люди, как доставшиеся от родителя его, так и вновь взятые им до получения упомянутых наследств; от всех этих трех дворен в течение 50 лет образовалась одна каста дворни в числе до 800 душ. Но все они более или менее приносили собою какую-нибудь пользу своему владетелю; например, все из них начиная с 12 (почти) до 65 лет были у дела: мужчины находились писарями в конторе имения, достойные из них были давно бухгалтерами, архивариусами, стряпчими, приказчиками, смотрителями, потом из них же образован был прекрасный хор певчих и оркестр музыки; затем — прислуга, как-то: официанты и все камердинеры, лакеи, повара, кондитеры, ездовые, берейторы, конюха, садовники (два старших и прекрасно знавших свое дело), огородники, скотники, столяры, кузнецы, слесаря (один из них удивительный мастер был), фельдшера и лабораторщики, мастерицы, егеря, птичницы, коровницы, мастерицы сказанных фабрик — девки на тех же фабриках; суконщики, прачки, пасники, рыболовы, лесничие, пенсионеры, вдовы, кондитерши, швейки, портные, парикмахеры и пр. и пр. Все эти люди и лица были заняты своей должностью, своей работой, так что никого из них убавить или исключить не было возможности, ибо все они составляли звенья целого здания. Впоследствии все это было разрушено. Все эти люди помещались в слободах, для них собственно устроенных... И если князь видел громадность оной, и что она его почти разоряла, но не мог долго решиться на убавление оной по сим причинам, а именно: одних не мог он отменить, ибо они были необходимы для собственного его лица; 2) другие были необходимы для существования его экономии; 3) за преклонностью лет, тех из них, которые служили еще старшим его родственникам; 4) за вдовством и 5) по необходимости иметь при доме прислугу, приличную его сану и званию, а музыку и певчих для удовольствия. Но за несколько лет до кончины своей князь начал селить тех дворовых, кои были взяты из крестьян и по роду своих занятий не переменили первоначального своего быта и привычек; он им дал отдельные земли и большие льготы; этим он избавил себя от многих тунеядцев, а к хлебопашеству прибавилось значительно рабочих, постепенно и нечувствительно от него отторгнутых временем и случаем.

Умножение дворовых иногда происходит и от того: природные способности, заставляющие приближать к себе столь полезных людей, но главное фаворитство и родство с фаворитами. В отношении дворовых князь имел свою политику, он видел и понимал, что многие из них освоили себе мысль на уважение других как по летам

своим, так по заслугам, а наиболее по умственным способностям, которым князь обязан многим в продолжение своей свыше семидесятилетней жизни; как по сему, так и по собственному сознанию верной и усердной их службы он постановил навсегда и об'явил это в приказе по имению: что такие-то лица приобрели навсегда его личное уважение; другие освобождаются от всяких штрафов и взысканий, третьи — от ругательств и побоев, четвертые — от телесного наказания. Следовательно, каждый из дворовых видел, как отличается верная и усердная служба и тем вместе старался достигать степеней подразделения отличия и боялся очень своротить с какой-нибудь из оных, ибо князь в сем случае был очень строг: бывали примеры, что провинившиеся лишались его милостей и обращались в первобытное состояние, а иногда поступали в солдаты; главной причиной к тому были — пьянство, которого он не мог терпеть, и доказанное воровство.

В отношении хлебосольства оно было в полной мере русское. Ежедневный обед, — ужина никогда не бывало,— начинался во всякое время года в три часа и состоял без гостей из горячего, холодного соуса из зелени, из жаркого и хлебного,— после подавался дессерт: летом ягоды со сливками, простокваша с разными прибавлениями и фрукты; зимой: варенье, сушеные фрукты и орехи; за столом всегда стояло виноградное превосходное вино, олонецкое и мценское пиво, первое покупалось прямо с корабля, а последнее доставлялось из Мценска и было так превосходно, что я уже нигде подобного не пил. В постные дни были рыбные блюда за столом, но это было тогда только, когда князь получал рыбу из астраханских своих ловель; круглый год стол был скоромный, кроме первой и последней недели великого поста. Когда же были гости, то к столу подавали вместо одного по два блюда каждого кушанья, и редко оно чем-либо отличалось от ежедневного стола, потому к столу подавались и без гостей различные блюда с кушаниями разных именований и вкусов; все это делалось по запискам метрдотеля, утвержденным князем, и всегда сообразно с временем года и дням, для которых оно готовилось; следовательно, стол всегда был сытный, вкусный и деликатный; таким столом нередко князь угощал нечаянно приехавших гостей и притом тогда уже, когда не было средств изменить назначенные к столу блюда; когда были гости, то за столом подавалось вино с подноса в рюмках: мадера, эрмитаж, рейнвейн, а иногда и шампанское и всегда почти розовое. Князь же кушал пять блюд кушанья, которые все вдруг подавались на стол в особо сделанном для того фарфоровом судке и состояли в столь легких кушаньях, что их можно было давать грудным детям; это происходило оттого, что у князя вовсе зубов не было, а если и были, то мало и все ненадежные (но искусственных не носил), а главное — он был великий диэтист и без совета доктора ничего не делал; кушанья запивал водой и шампанским. За столом всегда играла духовая музыка, в дни имянин его или супруги его — инструментальная, которая помещалась в зимнем саду, бывшем рядом со столовой.

Князь любил угощать, и его надо огорчить было, если не взять какого-либо кушанья; мне случалось, по его поручению, угощать гостей, сидевших далеко от князя, и он беспрестанно присылал камердинеров напоминать мне, чтобы я угощал хорошенько гостей. Но закончу о хлебосольстве: все приезжие и их прислуга, даже лошади, были всем довольны в изобилии; иногда другие гости живали по несколько дней и по несколько раз в лето; каждому из них отводилась прекрасная квартира — отдельная, наполненная всеми удобствами и потребностями; всякому гостю назначалась прислуга, а в случае надобности — экипаж. Всякому гостю ежедневно подавался утром кофе или чай, завтрак и ужин (если кто из них ужинал) и притом с приличным вином. Приезжали и такие гости, кои лечились у докторов в экономии и, разумеется, жили на счет князя.

О лицах аристократических, посещавших князя, скажу в своем месте. А здесь только упомяну о дворянах, соседях князя, из которых многие были едва ли не хуже последнего лакея князя. Все они были такие невежи, такие дураки, что было совестно; но как бы то ни было, со всеми умел князь обходиться и никого из них ни словом, ни делом не отчуждал от себя; даже заметно было, что он старался сблизить их с собой и тем самым сколь возможно обтесать их пустые башки; но они до того одичали в своих захолустьях, что походили более на медведей, нежели на людей; когда они входили, когда растворяли рты, чтобы промычать какую-нибудь пошлость, глупость или когда они садились за роскошный обед князя, то надо было иметь бы всегда под рукою Гогарта, который один мог бы изобразить эти жалкие лица, их странные одежды, их смешные кривляния, их удивление при всем и на все. К сожалению, во всем этом была сущая правда. Я и другие мои товарищи и некоторые из образованных гостей прозвали многих из сказанных антиков, как например «дупельшпепом» (по носу), кого «Соломон Соломоновичем» (по его глупейшим суждениям) кого «перепелом» (по его внезапным крикам)... и т. п.

Вся прислуга князя и при его лице, и при его доме всегда одета была не иначе, как в белых галстуках, в белых камзолах и во фраках, а лакеи — в ливрейной, гербовой, княжеской форме; вся она обращалась вежливо и с достоинством. Сам князь никогда не обедывал в сюртуке и не любил, кто надевал его, даже вне его дома. Вечером гости собирались к князю пить чай и слушать музыку, которая почти редкий вечер не давала концерты на ка-

ком-либо инструменте; эти концерты давались и стариками и молодыми их учениками; один из стариков превосходно играл на скрипке, другой — на виолончели, третий — на флейте, четвертый на гобое, пятый — на волторне, а сам капельмейстер — на скрипке и кларнете. Таким образом шла почти ежедневно жизнь при князе. Здесь он ежедневно являлся во всем блеске дворянина, т. е. жил более не для себя, как для дворянства своего уезда, которое всегда видело в нем и государственного сановника, и радушного хозяина и представителя своего и благодетеля. Не мне говорить о тех неисчисленных благах, которые, несомненно, проистекали бы, если бы дворяне, каждый сообразно значению своему в обществе и средствам своим поступали бы только для одной общей пользы, нисколько не заботясь о своих и для себя прибытках. Но этого трудно дождаться.

Чтобы закончить о качествах, которые имел князь в отношении дворянина, помещика, должен я прибавить ежегодный бюджет его расхода, который здесь изображаю, как могу вспомнить и показать:

Главноуправляющий имением	7 000 р. ассигн.
Главный правитель конторы	1 200
Вотчинный бухгалтер	1 000 чиновн.
Контора:	
Полиция в усад. — полицеймейстер	600
Полиция в усад. — помощник его	200
При главной вотчинной конторе:	
Архивариус, помощники бухгалтера и по шести человек писцов на всех	1 000 крепл. люди
Доктор при князе от 8 до 12 тыс., в средн.	10 000
Вотч. штаб-лекарь	2 000
Госпиталь:	
Фельдшеры, ученики, лаборанты, рабочие на всех	500 крепл. люди
Садовник немец	200
При князе:	
Француз	3 000
Русский, секретари	2 000 чиновн.
Вроде чиновника особых поручений	5 000 чиновн.
Берейтор англичанин	1 000
Архитектор	1 500
Жалованье	38 600 р.
Содержание, считая и жалованье, в Орле дома, комиссионера, с прислугой и расходами	2 000
Садоводство с рабочими	5 000
Трех камердинеров и мальчиков	2 500
Метрдотели и до 8 чел. поваров и учеников	2 000
Вотчина госпит. и аптека	3 000
Фабрики: кружев., швейн. и коверн.	2 000
Строительн. часть (средн. чис.)	15 000
Мастерские и мастер	2 500
Музыка и певчие (без жалов.)	300
Содержание дворовых, кроме прислуги	4 000
Приказчики, писцы по имению, кроме главной конторы	5 000
	43 300
На стол князя, считая круглый год, с винами и десертами, застольной прислуги	70 000
На наем дома в С.-Петербурге с дровами	15 000
На экипаж, лошадей и корм их в С.-Петербурге, на ежегодный приезд из С.-Петербурга в Орловское имение	15 000
На гардероб людей, на освещение	10 000
	110 000
Всего	191 900

Здесь не включены те суммы, которые бы составились от того хлеба, масла, кож, сукна и пр. домашних приготовлений, кои все расходовались на содержание дворовых

Примечание. В эту массу не могло поступить по неопределительности, как-то:

а) Уплата долгов капиталами

в) Уплата одних процентов

с) Непредвиденные расходы, как-то:

1. Покупка хлеба для семян и прокормления крестьян

2. Покупка заводских лошадей, на строительную часть и

3) Воспомоществование бедным, на подарки дочери и другие непредвиденности, на все это смело можно положить от 300 до 400 р. в год 350 000

541 000 в год.

Этот эскизный счет может подтвердиться тем, что в один год князь, живши в Орловском имении, проживал в месяц, как мне то случилось знать, с уплатою процентов и долгов до 50 тыс. ассигн., следовательно до 600 тыс. в год. Но жить в С.-Петербурге и жить в деревне — разница. Следовательно, без ошибки можно сказать, что князь средним числом проживал в год на нынешние деньги до 200 тыс. руб. серебром и эта сумма не будет преувеличена. Но как бы то ни было, а он жил уже несколько десятков лет так скромно, что никаких не давал в Петер-

бурге балов, обедов, кроме обычной и приличной его сану жизни; и для той не мог иметь средств, ибо всегда занимал и платил старые долги, а потому получавшегося с имения дохода недоставало на покрытие расходов; к тому ж рыбная аренда была в большом расстройстве: она прежде или с самого начала приносила им с братом Александром Борисовичем до 500 тыс. р. ассигн., но как они оба много лет не платили в казну процентов, которые составили впоследствии огромную сумму, то с аренды сей весьма малый получался доход, как за уплатой процентов, так из-за понижения цен за содержание оной, смотря по лову рыбы, которая не всякий год одинакова. К тому же князь имел долги непредвидимые для него: зять его граф Николай Иванович Зотов (отец жены военного министра Чернышева, Елизаветы Николаевны) вздумал когда-то взять на откуп несколько городов для продажи в них нивы. Князь, разумеется, поручился за него, и когда кончилась операция, то князь должен был заплатить за графа более 500 тыс. руб. К тому же дочь его (покойная), бывшая за Салтыковым, имела приватных детей, им князь дал имя, звание, наградил их, это ему стоило более 300 тыс. руб. Сын его (покойник), не имевши своего состояния, наделал долгов посредством актрисы m-me Жорж и карт, тоже более 500 тыс. руб. Другая дочь его (т. е. гр. Зотова) сама и две дочери ее жили, ездили в чужие края, воспитывались все на счет князя, ибо хотя эта дочь имела вотчину, данную ей в приданое, но князь ежегодно помогал ей и ее мужу, что составляло в год до 60 тыс. руб. Теперь покупка в неурожайные голодные годы хлеба на семяна и для прокормления крестьян и для винокуренных заводов: в иные годы [вотчинное правление] делало операцию закупки хлеба в 200 тыс. руб. Таковые огромные траты невольным образом вводили князя делать и те займы, кои он должен был расходовать для одного только своего существования и поддержания имени своего знаменитого рода, приобретенного титула. Впоследствии он перезаложил все свое имение на 37 лет в банк. Если к этому прибавить, что по управлению именнем он был совершенно несчастлив, как от действий природы, так и от действий им неудачно выбираемых людей: например, его уверили в пользе завести суконную фабрику, и она принесла ему убытку 150 тыс. руб. Он старался улучшать конный завод, и оный ничего более не доставлял ему, как значительного денежного убытка; одним словом, нигде и ни в чем не имел и не видел приращения, кроме расходов, убытка и огорчения.

ОТ РЕДАКЦИИ: В подписи к публикации «Кронштадтское восстание 1906 г.», помещенной в № 4 «Красного архива», пропущена фамилия второго составителя публикации—т. Уньковского К. И.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

К деятельности Г. К. Орджоникидзе в годы гражданской войны . . 5
Некоторые даты подпольной партийной работы Г. К. Орджоникидзе 15
Даты жизни и деятельности А. М. Горького. С предисловием *Е. Чернявского* 32
Борьба за землю в 1917 г. С предисловием *М. Р.* 85
Аграрное движение в Черниговской губ. в 1905—1906 гг. С предисловием *И. Кузнецова* 98
К истории борьбы самодержавия с аграрным движением в 1905—1907 гг. С предисловием *М. Льв. Лурье* 128
Царская Россия и Гавайские острова. С предисловием *С. Окунь* . . 161
Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. с предисловием *В. Лебедева* 186
Записки Н. П. Балабина 226

Из записной книжки архивиста

Обращение В. И. Ленина к тульским рабочим. 248
А. М. Горький и издательское дело. С предисловием *Н. Накорякова* 250
К истории ссылки Н. Г. Чернышевского на поселение. С предисловием *В. Самойлова* 252
Усадьба начала XIX в. 254

Ответственный редактор **Я. Берзин.**
Редакционная коллегия: **В. Максаков.** (зам. ред.), **С. Пашуканис, Ф. Ротштейн**

Сдано в производство 2/X 1936 г. Подписано к печати 31/X 1936 г. Статформ. Б. 176×250. 16½ п. л. 60 480 зн. в п. л. С.-Э. (п.) № 43. Зак. 1312. Уполномоченный Главлита Б—31097. Выпускающий А. Налимов. Тираж 3 625.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10.